ФРИДРИХ ПЛАТТЕН

ДЖОН РИД

ГЕРБЕРТ УЭЛЛС

ЛЕНИН

ВОЖДЬ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

С 1917 года и до нашего времени во всем мире не ослабевает интерес к личности В.И. Ленина. Несмотря на порой полярную оценку его политики, никто не отрицает, что это был государственный деятель мирового масштаба. Революционер, основатель Советского государства, председатель Совета Народных Комиссаров (правительства) РСФСР, идеолог и создатель Третьего (Коммунистического) интернационала, – Ленин вызывал пристальное внимание уже у своих современников.

В книге, представленной ныне читателям, своими впечатлениями о встречах с В.И. Лениным делятся швейцарский социалист Ф. Платтен, приехавший вместе с Лениным в Россию в 1917 году, американский журналист Д. Рид, свидетель Октябрьской революции, и английский писатель Г. Уэллс, совершивший поездку в Россию в 1920 году. Они приводят много интересных подробностей о В.И. Ленине, оценивают его деятельность как вождя русской и мировой революции.

Перевод: Г. Потапова, А. Ромм, А. Големб

- Герберт Уэллс, Джон Рид, Фридрих Платтен
- Вместо предисловия
-
-
-
- Возвращение Ленина из эмиграции в Россию Фридрих Платтен
- История вопроса
-
- Подготовка к возвращению в Россию русских эмигрантов
- Действия Ленина по подготовке к возвращению в Россию
-
-
-
- Переезд Ленина в Россию
-
-
-
- Приложение Н. Крупская . Из эмиграции в Питер
-
-
- Десять дней, которые потрясли мир (Октябрьская

революция) Джон Рид
- Россия в 1917 году. Общий фон
- Рождение бури
- Накануне
- Конец Временного правительства
- Неудержимо вперед!

- Комитет спасения
- Революционный фронт
- Контрреволюция
- Победа
- Москва
- Завоевание власти

- Крестьянский съезд
- Приложение А. Вильямс . Встречи с Лениным (из книги «Путешествие в революцию»)

- Россия во мгле Герберт Уэллс
- Гибнущий Петроград
- Потоп и спасательные станции
- Квинтэссенция большевизма
- Созидательная работа в России
- Петроградский совет
- Кремлевский мечтатель
- Заключение
- Приложение М. Прилежаева . Встреча Уэллса с Лениным
- Вместо послесловия

Герберт Уэллс, Джон Рид, Фридрих Платтен
Ленин. Вождь мировой революции

Нужно быть сумасшедшим, чтобы не признать величия Ленина. Собрать в единое целостное государственное образование Россию, погрязшую в анархии, подстерегаемую со всех сторон контрреволюционерами, до смерти вымотанную – это достижение, равное которому вряд ли можно найти в истории.

К. Каутский, немецкий экономист, историк и публицист

Вместо предисловия

Ленин был типически русский человек. В его характерном, выразительном лице было что-то русско-монгольское. В характере Ленина были типически русские черты и не специально интеллигенции, а русского народа: простота, цельность, грубоватость, нелюбовь к прикрасам и к риторике, практичность мысли, склонность к нигилистическому цинизму на моральной основе. По некоторым чертам своим он напоминает тот же русский тип, который нашел себе гениальное выражение в Л. Толстом, хотя он не обладал сложностью внутренней жизни Толстого. Ленин сделан из одного куска, он монолитен. Роль Ленина есть замечательная демонстрация роли личности в исторических событиях. Ленин потому мог стать вождем революции и реализовать свой давно выработанный план, что он не был типическим русским интеллигентом. В нем черты русского интеллигента-сектанта сочетались с чертами русских людей, собиравших и строивших русское государство. Он соединял в себе черты Чернышевского, Нечаева, Ткачева, Желябова с чертами великих князей московских, Петра Великого и русских государственных деятелей деспотического типа. В этом оригинальность его физиономии. Ленин был революционер-максималист и государственный человек. Он соединял в себе предельный максимализм революционной идеи, тоталитарного революционного миросозерцания с гибкостью и оппортунизмом в средствах борьбы, в практической политике. Только такие люди успевают и побеждают. Он соединял в себе простоту, прямоту и нигилистический аскетизм с хитростью, почти с коварством. В Ленине не было ничего от революционной богемы, которой он терпеть не мог. В этом он противоположен таким людям, как Троцкий или Мартов, лидер левого крыла меньшевиков.

В своей личной жизни Ленин любил порядок и дисциплину, был хороший семьянин, любил сидеть дома и работать, не любил бесконечных споров в кафе, к которым имела такую склонность русская радикальная интеллигенция. В нем не было ничего анархического, и он терпеть не мог анархизма, реакционный характер которого он всегда изобличал.

Он терпеть не мог революционной романтики и революционного фразерства. Будучи Председателем Совета Народных Комиссаров, вождем советской России, он постоянно изобличал эти черты в коммунистической среде.

Он громил коммунистическое чванство и коммунистическое вранье.

Он восставал против «детской болезни левизны» в коммунистической партии. В 1918 году, когда России грозил хаос и анархия, в речах своих Ленин делает нечеловеческие усилия дисциплинировать русский народ и самих коммунистов.

Он призывает к элементарным вещам, к труду, к дисциплине, к ответственности, к знанию и к учению, к положительному строительству, а не к одному разрушению, он громит революционное фразерство, обличает анархические наклонности, он совершает настоящие заклинания над бездной.

И он остановил хаотический распад России, остановил деспотическим, тираническим путем. В этом есть черта сходства с Петром.

Ленин проповедовал жестокую политику, но лично он не был жестоким человеком.

Он не любил, когда ему жаловались на жестокости Чека, говорил, что это не его дело, что это в революции неизбежно. Но сам он, вероятно, не мог бы управлять Чека. В личной жизни у него было много благодушия. Он любил животных, любил шутить и смеяться, трогательно заботился о матери своей жены, которой часто делал подарки.

* * *

Ленин настаивал на оригинальном, национально-своеобразном характере русской революции. Он всегда говорил, что русская революция будет не такой, какой представляли ее себе доктринеры марксизма. Этим он всегда вносил корректив к марксизму. И он построил теорию и тактику русской революции и осуществил ее. Он обвинял меньшевиков в педантическом следовании марксизму и отвлеченном перенесении его принципов на русскую почву. Ленин не теоретик марксизма, как Плеханов, а теоретик революции. Все, что он писал, было лишь разработкой теории и практики революции. Он никогда не разрабатывал программы, он интересовался лишь одной темой, которая менее всего интересовала русских революционеров, темой о захвате власти, о стяжании для этого силы. Поэтому он и победил.

Ленин верил, что мир вступил в эпоху пролетарских революций. Но он был русский и делал революцию в России, стране совсем особой. Он обладал исключительной чуткостью к исторической ситуации. Он почувствовал, что его час настал, настал благодаря войне, перешедшей в разложение старого строя. Нужно было сделать первую в мире пролетарскую революцию в

крестьянской стране. И он почувствовал себя свободным от всякого марксистского доктринерства, с которым ему надоедали марксисты-меньшевики. Он провозгласил рабоче-крестьянскую революцию и рабоче-крестьянскую республику. Он решил воспользоваться крестьянством для пролетарской революции, и он успел в этом деле, столь смущавшем марксистов-доктринеров. Ленин совершил прежде всего аграрную революцию, воспользовавшись многим, что раньше утверждали социалисты-народники.

В 1917 году, т. е. через пятнадцать лет после книги «Что делать?», Ленин пишет книгу «Государство и революция» – быть может, самое интересное из всего им написанного. В этой книге Ленин начертал план организации революции и организации революционной власти, план, рассчитанный на долгое время. Замечательно не то, что он этот план начертил, замечательно то, что он его осуществил, он ясно предвидел, каким путем все пойдет. В этой книге Ленин строит теорию роли государства в переходный период от капитализма к коммунизму, который может быть более или менее длителен. Этого у самого Маркса не было, который не предвидел конкретно, как будет осуществляться коммунизм, какие формы примет диктатура пролетариата.

Из Маркса можно было сделать анархические выводы, отрицающие государство совсем. Ленин решительно восстает против этих анархических выводов, явно неблагоприятных для организации революционной власти, для диктатуры пролетариата. В будущем государство действительно должно отмереть за ненадобностью, но в переходной период роль государства должна еще более возрасти. Диктатура пролетариата, т. е. диктатура коммунистической партии, означает государственную власть более сильную и деспотическую, чем в буржуазных государствах. Согласно марксистской теории государство всегда было организацией классового господства, диктатурой господствующих классов над классами угнетенными и эксплуатируемыми. Государство отомрет и окончательно заменится организованным обществом после исчезновения классов. Государство существует, пока существуют классы. Но полное исчезновение классов происходит не сразу после победы революционного пролетариата.

Ленин совсем не думал, что после октябрьской революции в России окончательно осуществится коммунистическое общество. Предстоит еще подготовительный процесс и жестокая борьба. Во время этого подготовительного периода, когда общество не стало еще совершенно бесклассовым, государство с сильной централизованной властью нужно для диктатуры пролетариата

над буржуазными классами, для их подавления.

Ленин говорит, что «буржуазное» государство нужно уничтожать путем революционного насилия, вновь же образовавшееся «пролетарское» государство постепенно отомрет, по мере осуществления бесклассового коммунистического общества. В прошлом было подавление пролетариата буржуазией, в переходный период пролетарского государства, управляемого диктатурой, должно происходить подавление буржуазии пролетариатом. В этом периоде чиновники будут исполнять приказы рабочих.

Ленин опирается в своей книге, главным образом, на Энгельса и постоянно его цитирует. «Пока пролетариат еще нуждается в государстве, он нуждается в нем не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников», пишет Энгельс Бебелю в 1875 году. Тут Энгельс является явным предшественником Ленина. По Ленину, демократия совсем не нужна для пролетариата и для осуществления коммунизма. Она не есть путь к пролетарской революции. Буржуазная демократия не может эволюционировать к коммунизму, буржуазное демократическое государство должно быть уничтожено для осуществления коммунизма.

* * *

Русская коммунистическая революция в значительной степени была определена войной. Весь стиль русского и мирового коммунизма вышел из войны. Если бы не было войны, то в России революция все-таки в конце концов была бы, но, вероятно, позже, и была бы иной. Неудачная война создала наиболее благоприятные условия для победы большевиков. Русские по характеру своему склонны к максимализму, и максималистический характер русской революции был очень правдоподобен. Противоположения и расколы достигли в России максимального напряжения. Но только атмосфера войны создала у нас тип победоносного большевизма, выдвинула новый тип большевика-победителя и завоевателя.

Именно война с ее навыками и методами переродила тип русской интеллигенции. Методы войны перенесены были внутрь страны. Появился новый тип милитаризованного молодого человека. В отличие от старого типа интеллигента, он гладко выбритый, подтянутый, с твердой и стремительной походкой, он имеет вид завоевателя, он не стесняется в средствах и всегда готов к насилию, он одержим волей к власти и могуществу, он

пробивается в первые ряды жизни, он хочет быть не только разрушителем, но и строителем и организатором. Только с таким молодым человеком из крестьян, рабочих и полуинтеллигенции можно было сделать коммунистическую революцию. Ее нельзя было сделать с мечтателем, сострадательным и всегда готовым пострадать, типом старой интеллигенции.

Нет ничего ужаснее разлагающейся войны, разлагающейся армии и притом колоссальной, многомиллионной армии. Разложение войны и армии создает хаос и анархию. Россия поставлена была перед таким хаосом и анархией. Старая власть потеряла всякий нравственный авторитет. В нее не верили, и во время войны авторитет ее еще более пал. В патриотизм правительства не верили и подозревали его в тайном сочувствии немцам и желании сепаратного мира.

Новое либерально-демократическое правительство, которое пришло на смену после февральского переворота, провозгласило отвлеченные гуманные принципы, отвлеченные начала права, в которых не было никакой организующей силы, не было энергии заражающей массы. Временное правительство возложило свои надежды на учредительное собрание, идее которого было доктринерски предано, оно в атмосфере разложения, хаоса и анархии хотело из благородного чувства продолжать войну до победного конца, в то время как солдаты готовы были бежать с фронта и превратить войну национальную в войну социальную.

Положение временного правительства было настолько тяжелым и безысходным, что вряд ли можно его строго судить и обвинять. Принципы демократии годны для мирной жизни, да и то не всегда, а не для революционной эпохи. В революционную эпоху побеждают люди крайних принципов, люди склонные и способные к диктатуре. Только диктатура могла остановить процесс окончательного разложения и торжества хаоса и анархии. Нужно было взбунтовавшимся массам дать лозунги, во имя которых эти массы согласились бы организоваться и дисциплинироваться, нужны были заражающие символы. В этот момент большевизм, давно подготовленный Лениным, оказался единственной силой, которая, с одной стороны, могла докончить разложение старого и, с другой стороны, организовать новое. Только большевизм оказался способным овладеть положением, только он соответствовал массовым инстинктам и реальным соотношениям.

Большевизм воспользовался всем для своего торжества. Он воспользовался бессилием либерально-демократической власти, негодностью ее символики для скрепления взбунтовавшейся массы. Он воспользовался свойствами русской души, во всем

противоположной секуляризированному буржуазному обществу, ее религиозностью, ее догматизмом и максимализмом, ее исканием социальной правды и царства Божьего на земле, ее способностью к жертвам и к терпеливому несению страданий, но также к проявлениям грубости и жестокости, воспользовался русским мессианизмом, всегда остающимся, хотя бы в бессознательной форме, русской верой в особые пути России.

Он соответствовал отсутствию в русском народе римских понятий о собственности и буржуазных добродетелях, соответствовал русскому коллективизму, имевшему религиозные корни. Он воспользовался крушением патриархального быта в народе и разложением старых религиозных верований. Он также начал насильственно насаждать сверху новую цивилизацию, как это в свое время делал Петр. Он отрицал свободы человека, которые и раньше неизвестны были народу, которые были привилегией лишь верхних культурных слоев общества и за которые народ совсем и не собирался бороться. Он провозгласил обязательность целостного, тоталитарного миросозерцания, господствующего вероучения, что соответствовало навыкам и потребностям русского народа в вере и символах, управляющих жизнью. Русская душа не склонна к скептицизму и ей менее всего соответствует скептический либерализм. Народная душа легче всего могла перейти от целостной веры к другой целостной вере, к другой ортодоксии, охватывающей всю жизнь.

* * *

Россия перешла от старого средневековья, минуя пути новой истории, с их секуляризацией, дифференциацией разных областей культуры, с их либерализмом и индивидуализмом, с торжеством буржуазии и капиталистического хозяйства. Пало старое священное русское царство и образовалось новое, тоже священное царство, обратная теократия. Произошло удивительное превращение. Марксизм, столь не русского происхождения и не русского характера, приобретает русский стиль, стиль восточный, почти приближающийся к славянофильству. Даже старая славянофильская мечта о перенесении столицы из Петербурга в Москву, в Кремль, осуществлена красным коммунизмом. И русский коммунизм вновь провозглашает старую идею славянофилов и Достоевского – «ex Oriente lux». Из Москвы, из Кремля исходит свет, который должен просветить буржуазную тьму Запада.

В своих грандиозных, всегда планетарных планах коммунизм

воспользовался русской склонностью к прожектерству и фантазерству, которые раньше не могли себя реализовать, теперь же получили возможность практического применения. Ленин хотел победить русскую лень, выработанную барством и крепостным правом, победить Обломова и Рудина, лишних людей. И это положительное дело по-видимому ему удалось…

Вместо Третьего Рима в России удалось осуществить Третий Интернационал, и на Третий Интернационал перешли многие черты Третьего Рима. Третий Интернационал есть тоже священное царство и оно тоже основано на ортодоксальной вере. На Западе очень плохо понимают, что Третий Интернационал есть не Интернационал, а русская национальная идея. Это есть трансформация русского мессианизма.

Западные коммунисты, примыкающие к Третьему Интернационалу, играют унизительную роль. Они не понимают, что присоединяясь к Третьему Интернационалу, они присоединяются к русскому народу и осуществляют его мессианское призвание. Я слыхал, как на французском коммунистическом собрании один французский коммунист говорил: «Маркс сказал, что у рабочих нет отечества, это было верно, но сейчас уже не верно, они имеют отечество – это Россия, это Москва, и рабочие должны защищать свое отечество». Это совершенно верно и должно было бы быть всеми сознано.

Произошло то, чего Маркс и западные марксисты не могли предвидеть, произошло как бы отождествление двух мессианизмов, мессианизма русского народа и мессианизма пролетариата. Русский рабоче-крестьянский народ есть пролетариат, и весь мировой пролетариат, от французов до китайцев, делается русским народом, единственным в мире народом.

Это мессианское сознание, рабочее и пролетарское, сопровождается почти славянофильским отношением к Западу. Запад почти отождествляется с буржуазией и капитализмом. Национализация русского коммунизма, о которой все свидетельствуют, имеет своим источником тот факт, что коммунизм осуществляется лишь в одной стране, в России, и коммунистическое царство окружено буржуазными, капиталистическими государствами. Коммунистическая революция в одной стране неизбежно ведет к национализму и националистической международной политике. Мы, например, видим, что советское правительство гораздо более сейчас интересуется связями с французским правительством, чем связями с французскими коммунистами.

Только Троцкий остается интернационалистом, продолжает

утверждать, что коммунизм в одной стране не осуществим, и требует мировой революции. Поэтому он и был извергнут, оказался ненужным, не соответствующим конструктивному национальному периоду коммунистической революции.

В советской России сейчас говорят о социалистическом отечестве и его хотят защищать, во имя его готовы жертвовать жизнью. Но социалистическое отечество есть все та же Россия и в России, может быть впервые, возникает народный патриотизм. Поражение советской России было бы и поражением коммунизма, поражением мировой идеи, которую возвещает русский народ.

Н.А. Бердяев (из работы «истоки и смысл русского коммунизма»)

Возвращение Ленина из эмиграции в Россию Фридрих Платтен

– Не является ли Ленин немецким провокатором?

– Нет, Ленин человек неподкупный. Это фанатик, но необыкновенно честный, внушающий к себе всеобщее уважение.

– В таком случае он еще более опасен.

Из книги «Россия накануне революции»

Мориса Палеолога – французского

посла в России в 1914—1917 гг.

История вопроса

Всем исследователям современности, всем будущим историкам российской революции, всем биографам Ленина придется остановиться специально на вопросе о том, при каких условиях совершился переезд Ленина в Россию, и также вообще на вопросе, какое значение для судеб русской революции имело возвращение русских эмигрантов. Вокруг приезда Ленина уже сложились целые легенды. Деятельность Ленина и вернувшихся с ним товарищей была столь колоссальна по своим последствиям, она имела столь огромное историческое значение, что не покажется излишней попытка дать по возможности полное и основанное на документальных данных описание того, каким образом Ленину удалось в апреле 1917 года переехать через Германию в Россию.

О возвращении Ленина в Россию в 1917 году через враждебную ей Германию в свое время были опубликованы краткие сообщения товарищами Крупской, Радеком, Гильбо и мною. Я поэтому задавал себе вопрос, имеет ли смысл и представляется ли вообще необходимым опубликовать более обширную работу по истории переезда в Россию русских эмигрантов, живших в Швейцарии, в частности о переезде товарища Ленина. Я решился на это из следующих соображений.

Ни одна из вышеупомянутых статей не давала полной картины событий. Это были лишь моментальные снимки, вырванные из общей связи. За исключением книги Гильбо, ни одна из них не была основана на документах того времени. Однако решающим для меня было данное мною в 1919 году Ленину обещание опубликовать в ближайшем будущем в печати по возможности полное и документальное описание переезда. Он, Ленин, мотивировал это указанием на то, что я, в качестве уполномоченного группы эмигрантов, переезжавших с первой партией, больше других посвящен во все детали дела и что свидетельство западноевропейского товарища, особенно в таком деликатном деле, будет иметь цену.

В попытках Ленина как можно скорее и возможно кратчайшим путем пробраться в Россию, чтобы там исполнить свой долг революционера и вождя партии, можно отметить три момента, которые, надеюсь, мне удастся осветить, несмотря на то, что я лично принимал активное участие только в третьей фазе. О первой попытке Ленина проложить себе дорогу в Россию вместе с небольшой группой единомышленников сообщил мне он сам в 1919—1920 годах. Этот эпизод был в 1917 году окутан какой-то

тайной. В русских эмигрантских кругах Цюриха ходили различные слухи, однако точных сведений по этому поводу никто не мог дать.

Мы вряд ли ошибемся, если будем считать, что Парвус играл в этом деле вполне определенную роль и оказывал в качестве эксперта по русским делам известное влияние на немецкое правительство и высшее военное командование в смысле благоприятного разрешения вопроса о пропуске русских революционеров в Россию через Германию.

В меньшевистских эмигрантских кругах в Швейцарии делались лихорадочные усилия разузнать, какие средства пускал в ход агент Парвус для того, чтобы добиться скорейшего возвращения в Россию Ленина и Зиновьева. Только немногие посвященные знали о нем. Как только разразилась революция и в среде русских эмигрантов, проживавших в Швейцарии, встал вопрос о возвращении на родину, какой-то субъект с темной репутацией, в качестве компаньона Парвуса, обратился под фальшивым именем к одной цюрихской даме, которая, по его сведениям, была близка к одному большевику, и предложил ей добиться разрешения для нескольких видных революционеров вернуться в Россию через Германию. Товарищ В., знакомый этой госпожи Д., вступил в переговоры, о которых он давал знать Ленину.

Ленин, страстно стремясь как можно скорее попасть в Россию, даже посоветовал назначить вторичное свидание. Во время этого свидания доверенное лицо этого Парвуса осмелилось предложить нужные средства для поездки. Обстоятельство это убедило Ленина, что посредник по этому делу – агент немецкого правительства, и он тотчас резко оборвал все дальнейшие переговоры.

Мое участие в поездке Ленина началось после того, как были прекращены упомянутые переговоры. Я не имел никакого представления о них и выше приведенное сообщение делаю на основании разъяснения Ленина, данного мне в связи со статьей Гардена, появившейся в журнале «Будущее». Разъяснение это было сделано в 1920 году.

Дело произошло следующим образом. Поздней осенью 1919 года, освободившись из румынской тюрьмы, я прибыл в Москву. По дороге в Москву из Каменец-Подольска, тогдашней петлюровской столицы, у меня началось кровохарканье, продолжавшееся несколько дней, и я был вынужден прибегнуть к врачебной помощи. Во время моей болезни товарищ Ленин, которому я, да будет мне позволено здесь указать, глубоко обязан за его всегда теплое участие при всех постигавших меня в

Финляндии, Румынии и Литве ударах судьбы, проявил и на этот раз свое внимание, прислав мне злободневную немецкую литературу.

Среди присланных журналов я случайно нашел в «Будущем» сенсационную статью Гардена «Людендорф и путешествие Ленина». Приведенные в статье обстоятельства чрезвычайно меня заинтересовали. На меня все эти «разоблачения» производили впечатление какой-то мистификации, и я воспользовался первым своим выходом после выздоровления, чтобы посетить Ленина в его кабинете. В разговоре я, между прочим, коснулся и статьи Гардена, прося Ленина сказать, что он о ней думает.

Ленин тотчас же и очень охотно сделал это. Он снял со статьи все ее сенсационные прикрасы и представил события так, как они происходили на самом деле. При этом он определенно подчеркнул, что я могу воспользоваться его сообщениями, если опубликую когда-нибудь свои воспоминания о совместной с ним поездке через Германию, что он со своей стороны, по его словам, очень приветствовал бы.

* * *

В свое время поездка Ленина вызвала большие толки. Ленин сделался мишенью клеветнических нападок не только со стороны буржуазной прессы – его преследовали своими яростными и подлыми подозрениями все небольшевистские рабочие партии. Невероятно гнусные обвинения распространялись на его счет. Ленин и Зиновьев изображались как немецкие агенты. Наиболее глупые из этих клеветников уверяли, что оба они оплачиваются немецкими деньгами. Клевета тоже является своего рода оружием, правда грязным. Ленин должен был в Петрограде вести настоящую газетную кампанию против подобных нападок. В настоящее время ни один человек уже не верит больше подобной бессмыслице. Но вопрос о том, почему Германия так предупредительно согласилась разрешить Ленину проезд через свою территорию, гарантировав ему даже экстерриториальность, – до сих пор мелькает у многих в уме. Эти люди до сих пор не хотят понять, что все это могло произойти без того, чтобы между Людендорфом и Лениным состоялось какое-нибудь определенное соглашение. Рассмотрим, каково было положение дел в 1917 году.

Когда в России разразилась Февральская революция, все правительства и генеральные штабы всех воюющих держав стали гадать, кому суждено вписать в актив своего баланса это

колоссальное историческое событие. Всем известна роль, которую в этот период играл английский посланник Бьюкенен. Однако надежды этого господина не оправдались. Вместо ожидавшегося подъема боевого и усиления военной мощи русской армии наступило прогрессирующее ослабление боеспособности русской армии.

Антанта прилагала все старания к тому, чтоб направить революцию в желаемое русло и влить новые силы в сражающуюся русскую армию. Руководители Антанты отправили в Россию Плеханова с соратниками, пытаясь в то же время всеми мерами воспрепятствовать приезду интернационалистов. Все средства были пущены в ход для того чтобы сохранить Россию в качестве военного фактора. Милюковы и Гучковы имели еще меньше охоты, чем господа в Париже и Лондоне, подпустить к себе на близкое расстояние своих классовых врагов ленинского масштаба, ведь прибытие последних не могло предвещать ничего хорошего собственным политическим вожделениям первых. Поэтому нужно признать несомненным, что возвращение Ленина и близких ему людей через страны Антанты было делом невыполнимым. Ленин, по-видимому, никогда не разделял фантастических надежд Семковского, секретаря тогдашнего эмигрантского комитета, будто можно все-таки добиться согласия Милюкова на поездку через враждебную Германию.

Французская печать намеренно распространяла легенду о том, что поездка Ленина через Германию могла состояться только вследствие определенного тайного соглашения. Однако она не могла привести ни одного доказательства в пользу этого гнусного уверения.

Мотивы, победившие немецкое правительство и верховное командование разрешить русским эмигрантам в Швейцарии проезд через Германию, в настоящий момент совершенно очевидны. Когда одна враждебная сторона имеет основание помешать чему-либо, то противоборствующая сторона, совершенно естественно, имеет все основания желать как раз того, чему противник стремиться воспрепятствовать.

Проявленная немцами готовность разрешить эту проблему не должна, однако, рассматриваться только как ловкий шахматный ход против врага. Она была обоснована также политическими и военными соображениями.

5 апреля 1917 года Америка объявила воину Германии. Опубликованные мемуары Людендорфа, Чернина и Гинденбурга дают нам ясную картину тогдашнего положения Германии. Правительства Центральной Европы, и прежде всего Людендорф, рассчитывали найти в лице русских циммервальдиетов людей,

которые готовы им помогать в осуществлении их целей. В «Мемуарах» Людендорфа нет ни слова о путешествии Ленина. Тем не менее книга эта, равно как и книга, принадлежащая перу бывшего австрийского премьер-министра Чернина, дает исчерпывающие сведения относительно мотивов, побудивших Германию предоставить этим, революционерам право проезда через Германию с гарантией экстерриториальности.

Была надежда посредством деятельности интернационалистов в России добиться разгрузки Восточного фронта. Надеялись даже добиться сепаратного мира.

Гинденбургу всякое средство представлялось хорошим, лишь бы оно дало возможность перебросить армию с Восточного фронта. Еще весною 1917 года Людендорф основывал свою уверенность в победе только на одном козыре: переброска 70 дивизий с Восточного фронта на Западный должна была дать ему возможность нанести последний, решающий удар, повести «генеральный штурм на Париж» прежде, чем Америке удастся навсегда сделать невозможным прорыв Западного фронта.

Как бы правилен ни был этот расчет с военной точки зрения, он как политический шаг оказался совершенно ошибочным. Людендорф сам признает, что с течением времени военные успехи были аннулированы разрушительным влиянием большевистской пропаганды.

Подготовка к возвращению в Россию русских эмигрантов

Вернемся, однако, к официальной стороне истории поездки Ленина. Часто приходится слышать ошибочное мнение, будто ходатайствовал о разрешении на проезд через Германию и получил его сам Ленин или его доверенное лицо – Платтен.

Между тем, поездка Ленина была результатом стараний всех проживавших в Швейцарии русских эмигрантов, за исключением социал-патриотов. Я привожу здесь полностью документ того времени для того, чтобы подтвердить высказанные соображения и доказать, что Ленин совершенно не вел никаких переговоров с германскими властями по основному вопросу, – дает ли германское правительство или нет согласие на проезд. Документ категорически говорит, что разрешение было исходатайствовано Робертом Гриммом от имени образовавшегося комитета эмигрантов по возвращению в Россию. В тот момент, когда автор этой статьи выступил в качестве доверенного лица Ленина по делу поездки, вопрос шел уже только об урегулировании чисто технических деталей. Своевременный разрыв Ленина с Робертом Гриммом снимает с большевиков всякую ответственность за все позднейшие действия Гримма.

«Извлечение из протокола заседания правления Швейцарской социал-демократической партии 30 апреля 1917 г.

На заседании правления – в составе: Клети (председатель), Платтена (секретарь), Фендриха (секретарь), Пфлюгера, Робман и Фогеля – было доложено о ходатайстве комитета русских эмигрантов по возвращению в Россию. На заседании присутствовали – в качестве представителей Центрального комитета по возвращению на родину проживающих в Швейцарии русских политических эмигрантов – товарищи Семковский и Мартынов.

От имени этого ЦК председатель комитета Семковский доложил следующее:

1. В ЦК входят представители:

а) организаций русских эмигрантов в Женеве, Лозанне, Берне, Цюрихе, Базеле, Кларане, Шо-де-Фоне, Давосе и в других местах;

б) правлений всех организаций помощи русским политическим заключенным и ссыльным;

в) заграничных центральных органов различных русских политических партий: Организационного комитета Российской социал-демократической рабочей партии (меньшевистская

фракция); Центрального Комитета Российской социал-демократической рабочей партии (фракция большевиков); представители партии социалистов-революционеров; группы интернационалистов, представленной в Циммервальде Бобровым (Натансоном); Бунда, фракции «Наше слово» (направление Троцкого – Рязанова); фракции «Вперед» (направление Луначарского); Польской социалистической партии (Левины, представленной в Циммервальде Лапинским); польской социал-демократии (оба течения); латышских социал-демократов; еврейских социалистов-территориалистов; поалейционистов; анархистов-коммунистов.

Не входят в упомянутый ЦК только социал-патриоты, которые образовали отдельную организацию.

ЦК объединяет 560 эмигрантов, социал-патриотическая отдельная организация насчитывает 160 эмигрантов. (Эти цифры даны официально обеими организациями.) ЦК представляет, таким образом, значительное большинство русских эмигрантов в Швейцарии и охватывает все партийные направления, стоящие на почве Циммервальда. Возвращение русских эмигрантов из Швейцарии в Россию представляется делом крайне неотложным. Оно имеет огромное историческое значение, так как среди 500 эмигрантов находятся самые выдающиеся идейные вожди всех революционных российских партий, ведущих борьбу за мир и за восстановление пролетарского Интернационала. Прошло почти два месяца с момента объявления амнистии, а до сих пор путь для возвращения в Россию остается закрытым для эмигрантов. До сих пор через Францию и Англию могли, за малым исключением, пробраться в Россию только шовинистические антантовские социалисты, как Плеханов и 40 его единомышленников. Чтобы обеспечить безопасность переезда, им были предоставлены правительствами Антанты в качестве транспортных средств крейсера и миноноски. Однако для огромного большинства эмигрантов подобное путешествие было бы невозможным, даже если бы им были предложены для переезда такие же транспортные средства. Главнейшим препятствием для интернационалистов-циммервальдистов служит то, что все они без исключения фигурируют в специальных, так называемых черных, списках, ведущихся антантовскими правительствами. Случай с социал-патриотом, депутатом 2-й Думы Зурабовым ярко свидетельствует о том, с какими трудностями пришлось бы встретиться интернационалистам. Даже если бы они совсем не вступили на французскую или английскую территорию (Зурабов ехал из Копенгагена прямо на Петроград, но русская граница находилась под английским военным контролем), все-таки

возможность въезда в Россию не была бы обеспечена.

После случая с Троцким со стороны интернационалистов было бы попросту бессмыслицей пытаться ехать через Францию и Англию или вообще возлагать на это какие-либо надежды. Следует еще упомянуть, что наши товарищи Карпович и Браун вынуждены были при поездке из Англии – в отличие от Плеханова – воспользоваться частным, не нейтральным коммерческим судном и без сопровождения военного корабля. Пароход был пущен ко дну. Вообще интернационалисты, занесенные в черные списки, не могли до сих пор покинуть Англию. Официальное обещание пересмотреть списки отнюдь не служит гарантией того, что это действительно будет сделано в ближайшем будущем.

Ввиду такого положения ЦК 5 апреля 1917 года отправил следующую телеграмму Совету рабочих депутатов в Петрограде, министру юстиции Керенскому и комитету Веры Фигнер (эта телеграмма была подписана также представителем социал-патриотов):

«ЦК по возвращению на родину русских политических эмигрантов, проживающих в Швейцарии, представляющий всю политическую эмиграцию без различия партий и направлений, обращает ваше внимание на тот факт, что огромному большинству эмигрантской массы, находящейся в Англии и Франции, и ни одному из проживающих в Швейцарии эмигрантов до сих пор не удалось поехать в Россию. Все это указывает на то, что возвращение политических эмигрантов через Англию и Францию встречает непреодолимые препятствия. Проходят месяцы – и политическая амнистия превращается для нас в фикцию. При таких условиях единственный, по нашему убеждению, реальный путь – это заключение соглашения между Россией и Германией по образцу практиковавшегося уже во время войны обмена интернированными гражданами. Согласно этому русским эмигрантам, при условии освобождения известного количества интернированных в России немцев, должна быть предоставлена возможность переезда в Скандинавию через Германию. Мы настоятельно просим вас немедленно предпринять шаги в этом направлении. Не давайте делу затянуться из-за формальных обещаний. Если вам удастся провести это предложение, то политическая эмиграция и в дальнейшем будет фактически лишена возможности действовать в России в самый важный период революции. Все еще отрезанные от товарищей в России, ждем скорейшего ответа.

Исполнительный комитет: Кэте Адлер, Андроников, Багоцкий, Балабанова Болотин, Иоффе, Феликс Кон, Мандельберг

– депутат 2-й Думы, проф. Рейхесберг, Семковский, Ульянов (Ленин), Устинов, Фраткин».

Одновременно это предложение было передано по телеграфу представителям партий за подписью Аксельрода, Абрамовича, Астрова, Луначарского, Мартова, Мартынова, Натансона, Рязанова, Семковского и Устинова.

После того как из Петрограда долгое время не было ответа (очевидно, русское правительство задерживало телеграммы в адрес Совета рабочих депутатов), ЦК решился обратиться к товарищу Гримму с просьбой поехать, по поручению ЦК, в Петроград и сделать устный доклад Совету рабочих депутатов, министру юстиции Керенскому и комитету Веры Фигнер по вопросу об обмене эмигрантов на интернированных пленных. Однако товарищу Гримму до сих пор не удалось попасть в Петроград. Одновременно с этим Центральный комитет и отдельные партийные группы предпринимали ряд дальнейших попыток в том же направлении. 19 апреля заграничный секретариат Организационного комитета Российской социал-демократической рабочей партии (меньшевиков) получил известие, что можно непосредственно сноситься с Советом рабочих депутатов. Тотчас же Организационный комитет РСДРП послал следующую телеграмму:

«Положение наше стало невыносимым. В то время как Плеханову, Кашину и другим лицам, служащим делу империализма и поддерживающим либералов против социалистов, предоставляется возможность поездки в Россию, – нам в ней отказывают. Протестуем против этого. Мы твердо решили не терпеть дальше такого неравенства и добиться применения амнистии ко всем. Две недели тому назад мы сделали вашему товарищу председателя – Керенскому определенное предложение. Если он не хочет провести в жизнь наш проект обмена эмигрантов на немецких интернированных граждан, – что представляется единственно возможным разрешением нашего вопроса, – то мы считаем себя вправе искать других путей для того, чтобы пробраться в Россию, занять место в ваших рядах и принять участие в борьбе за дело международного социализма. Мы говорим от имени сотен эмигрантов, старых борцов, и требуем от вас опубликования в печати этой телеграммы. Прошу телеграфного ответа.

За заграничный секретариат Организационного комитета РСДРП – Мартов».

21 апреля ЦК по возвращению русских политических эмигрантов, проживающих в Швейцарии, получил следующую телеграмму из Петрограда:

«В ответ на вашу телеграмму, адресованную Чхеидзе, Керенскому и Вере Фигнер, касательно возвращения эмигрантов через Германию, считаем проезд через Германию в обмен на немецких интернированных граждан невозможным. Мы телеграфно обратились в Лондон и Париж с просьбой пропустить всех эмигрантов без различия политических взглядов и оказать всяческое содействие, дабы дать им возможность поскорее вернуться. Милюков № 7952».

Однако одновременно с этим ЦК получил от русского эмигрантского комитета в Стокгольме следующую телеграмму:

«Прибывший 20 апреля в Стокгольм из Америки пароходом «Христиан-Фиорд» политический эмигрант сообщает, что в Галифаксе задержаны: Троцкий, Чудновский, Мельпичанский, Днепровский, Мухин и Романенко. От имени нашего комитета телеграфировали Фигнер и Совету рабочих депутатов. – Романенко».

На это ЦК послал Совету рабочих и солдатских депутатов в Петроград следующую телеграмму: «В ответ на телеграмму, посланную нами 5 апреля Чхеидзе, Керенскому и Фигнер, получили телеграмму от Милюкова, в которой он официально отклоняет наше предложение обменять русских политических эмигрантов на немецких интернированных граждан. Отклонение нашего предложения ничем не обосновано. Мотивировать отказ невозможно, так как подобного рода обмен с Германией за время настоящей войны не раз имел место. Для большого числа эмигрантов проезд через Англию и Францию в течение еще долгого времени будет вещью совершенно невозможной. Милюков сам, по официальному сообщению Петроградского телеграфного агентства, признал, что путешествие через Норвегию крайне затруднительно, что заставляет эмигрантов дожидаться в Англии какого-нибудь более или менее благоприятного случая для того, чтобы продолжать путь. При такой ограниченной возможности пользоваться морским путем и при наличии большого числа русских эмигрантов и военнообязанных, ждущих в Англии случая, чтобы пуститься в путь, – ясно, что проживающие в Швейцарии эмигранты сумеют добраться в Россию этим путем лишь по истечении многих месяцев. Кроме того, Милюков официально признал наличие черных списков, куда щедро вносятся те русские политические эмигранты, которые не идут навстречу желаниям империалистических правительств Франции и Англии.

Обещанию Милюкова добиться от этих правительств пересмотра черных списков эмигранты не могут придавать никакого значения, так как на основании своего горького опыта

они не могут питать никакого доверия к отношению союзных правительств к русским политическим эмигрантам. Эмигранты поэтому имеют полное основание опасаться, что французские и английские власти, для вида разрешив проезд нескольким эмигрантам-интернационалистам, задержат под предлогом чисто технических затруднений громадное большинство эмигрантской массы, принадлежащее, как известно, к противникам ныне происходящей человеческой бойни…

Перед лицом революционного народа мы с негодованием протестуем против очевидного затягивания проведения в жизнь амнистии – этого завоевания революции, и заявляем о нашем твердом решении добиться возможности снова занять свое старое место в революционных рядах, дабы исполнить свой долг перед народом и революцией…»

Ссылаясь на эти документы, я, Семковский, заявляю:

«Мы, эмигранты, поставлены перед альтернативой: либо помириться с фактом, что амнистия для швейцарской эмиграции – фикция, или же, вопреки заговору либеральной контрреволюции в России, отстаивать наше священнейшее право – в решающий момент революции быть в революционных рядах и действовать в России в духе Циммервальда. Когда товарищ Ленин решил поехать через Германию, все остальные представители партийных группировок интернационалистического направления были против этой поездки, которую они считали политической ошибкой постольку, поскольку Ленин предварительно воочию не показал широкому общественному мнению, что нет абсолютно никакой возможности выбрать другой путь. Однако после того, как мы тщетно испробовали все возможные пути, мы можем теперь ехать в Россию тем же путем, уже не в качестве обвиняемых, а в качестве обвинителей. Тем более что Совет рабочих депутатов и даже часть буржуазной печати выразили свои протесты против махинаций Англии по отношению к русским эмигрантам (особенно по поводу ареста Троцкого).

Пропуск через Германию не связан принципиально ни с какими политическими условиями. Нас абсолютно не касается, какие мотивы будут руководить при этом немецким империализмом, так как мы ведем и будем вести борьбу за мир, само собою разумеется, не в интересах немецкого империализма, а в духе интернационального социализма. Мы фактически находимся в положении пленных. Как нет ничего политического в том, что пленные пытаются через посредство какой-нибудь нейтральной организации, например через Красный Крест, добиться пропуска через какую-нибудь воюющую страну, точно так же лишено политического характера наше стремление

получить при посредстве нейтральных швейцарских товарищей пропуск через Германию.

Условия проезда Ленина, опубликованные Платтеном в «Народном праве», содержат в себе все нужные гарантии. Без таких гарантий подобная поездка была бы недопустима с точки зрения интернациональных социалистов. Конечно, нам придется считаться с шовинистической демагогией. Но выше этих соображений должен стоять наш долг – принять участие в борьбе за революцию в качестве социалистов-интернационалистов. Надеемся, что наши швейцарские товарищи поймут наше положение-ЦК по возвращению русских политических эмигрантов, проживающих в Швейцарии.

По поручению ЦК, председатель Семковский.

Секретарь Багоцкий».

Действия Ленина по подготовке к возвращению в Россию

Еще 9 апреля (по новому стилю) 1917 г. Ленин уехал из Цюриха и 17 апреля прибыл в Петроград. Хоть к этому времени уже выяснилось, что оставшимся эмигрантам тоже не остается никакого другого пути и что, хорошо ли, плохо ли, им придется последовать примеру Ленина, – поездка последнего рассматривалась как «политическая ошибка», и это только потому, что не была доказана абсолютная невозможность добиться от милюковского империалистического правительства согласия на поездку. Не напоминает ли эта политическая позиция меньшевиков пресловутой, ставшей крылатой, фразы о «верноподданнейшей оппозиции его величества»?

Для того чтобы иметь право выступить перед русской буржуазией не «в роли обвиняемых, а в роли обвинителей», эти «влиятельнейшие старейшие вожди Российской социал-демократической рабочей партии» сами готовы были лишить себя в продолжение больше чем месяца «своего священного права занять место в рядах революционных борцов и тем самым выполнить свой высший долг перед народом и революцией».

По сравнению с этим героизмом высшей марки кажется смешным харакири какого-нибудь приговоренного судом к смертной казни китайца.

Они решительно ничего не имели возразить против условий, на которых Ленин совершил свою поездку. Но они оценивали как смертный политический грех то, что он не мог сдержать себя и ждать, пока ему будет дана возможность выступить «в качестве обвинителя». Имеющееся в протоколе заявление меньшевиков о том, что они осуждают поездку Ленина, не есть просто неудачный оборот речи, а представляет собой серьезный протест. Я прихожу к такому заключению на основании сделанных мною в то время заметок, имеющихся у меня еще сейчас под руками.

Когда я получил разрешение перевезти в Россию первую партию эмигрантов в 60 человек, то созданный для этой цели ленинский комитет по организации поездки известил об этом Мартова и просил сообщить число едущих с ним товарищей. Мартов поведал нам, что они (меньшевики) считают себя связанными принятым решением. Они не поедут, так как предполагают, что русское правительство предпримет меры, чтобы добиться обмена пленными.

С формальной стороны Мартов возражал, указывая на

отсутствие подписи немецкого посланника на представленном Платтеном документе, содержавшем условия переезда.

* * *

Между тем, по инициативе Радека швейцарский корреспондент «Франкфуртер цайтунг» пытался выяснить в немецком посольстве в Берне, как отнесутся немецкие власти к возвращению русских эмигрантов через Германию. Получился ответ, что власти готовы по этому поводу вступить в переговоры. Так как дело касалось всех стоявших на почве Циммервальда эмигрантов, то по этому делу выступил Центральный комитет по возвращению на родину русских политических эмигрантов, проживающих в Швейцарии.

Так как непосредственные сношения эмигрантов с немецкими властями были признаны нежелательными, то решено было поручить ведение переговоров тов. Гримму – председателю Циммервальдского комитета.

Уже в первых числах апреля было достигнуто принципиальное соглашение. В силу занимаемой им фракционной позиции, Гримм принял во внимание желание меньшевиков отсрочить окончательное решение до получения согласия Милюкова. Ленин возмутился таким саботажем. Медлительный темп переговоров создал в Ленине убеждение, что тут кроются какие-то влияния и что можно, пожалуй, заподозрить наличие тенденций, отнюдь не отвечающих его целям. Он решился расследовать дело через свое доверенное лицо.

Однажды, в 11 часов утра, мне позвонили по телефону в секретариат партии и попросили быть в половине второго для беседы с тов. Лениным в помещении рабочего клуба Эйнтрахт. Я застал там небольшую компанию товарищей за обедом. Ленин, Радек, Мюнценберг и я отправились для конфиденциальной беседы в комнату правления, и там тов. Ленин обратился ко мне с вопросом, согласился бы я быть их доверенным лицом в деле организации поездки и сопровождать их при проезде через Германию. После короткого размышления я ответил утвердительно. Как перед Лениным, так и передо мною возникал вопрос о политическом значении этого шага. У меня возникло сомнение, смогу ли я оказать Ленину эту партийную услугу, не отказавшись от своей должности секретаря швейцарской социал-демократической партии. Я должен был задать себе вопрос, не будет ли благодаря этой поездке моя дальнейшая партийная деятельность значительно затруднена. Я глубоко сознавал, что

мой долг – оказать всяческое содействие возвращению в Россию моих политических друзей. Отбросив всякие колебания, я решился взять на себя эту роль доверенного лица. Еще в тот же день после обеда мы с трехчасовым поездом поехали в Берн, предварительно сговорившись по телефону с Гриммом, которого я просил прийти для переговоров в бернский Народный дом.

Объяснение с Гриммом было короткое и решительное. Разговаривали стоя в Народном доме в Берне. Гримм заявил, что он считает вмешательство Платтена нежелательным. Хотя Фриц и искренний революционер, однако плохой дипломат. А это, в связи с могущими возникнуть вопросами, чревато осложнениями. Это заявление еще более усилило в Ленине прежнее недоверие, и мы оба заявили, что завтра я буду просить аудиенцию у Ромберга и что, в случае отказа в аудиенции, мы должны будем заключить, что имеется основание сомневаться в миссии Гримма. Роберт Гримм ничего не предпринял против задуманного нами шага, и министр Ромберг принял меня для переговоров по делу о переезде русских эмигрантов, проживающих в Швейцарии.

В комнате Ленина, в номерах при Народном доме в Берне, вопрос о поездке подвергся основательному и детальному обсуждению.

Так как не имелось в виду – да и не было основания для этого, – чтобы я выступал в роли уполномоченного по ведению переговоров наряду с Гриммом или даже вместе с ним (Гримм был выбран всем комитетом), то надлежало выяснить, в качестве чьего представителя я буду вести переговоры. Хотя в принципе немецкие власти не должны были знать имен уезжающих эмигрантов. Ленин уполномочил меня заявить, что первая партия поедет во главе с Лениным и Зиновьевым и что мне поручено вести переговоры по этому делу и сопровождать уезжающих Мы не были осведомлены насчет того, в какой плоскости велись переговоры Гриммом. Необходимо было поэтому формулировать те условия, на которых должен был совершиться в случае разрешения наш проезд.

* * *

В результате нашего совещания я, по поручению Ленина и Зиновьева, на другой день представил министру Ромбергу следующие условия, на которых эмигранты согласны совершить переезд:

«1. Я, Фриц Платтен, руковожу за своей полной личной ответственностью переездом через Германию вагона с

политическими эмигрантами и легальными лицами, желающими поехать в Россию.

2. Вагон, в котором следуют эмигранты, пользуется правом экстерриториальности.

3. Ни при въезде в Германию, ни при выезде из нее не должна происходить проверка паспортов или личностей.

4. К поездке допускаются лица совершенно независимо от их политического направления и взглядов на войну и мир.

5. Платтен приобретает для уезжающих нужные железнодорожные билеты по нормальному тарифу.

6. Поездка должна происходить по возможности безостановочно в беспересадочных поездах. Не должны иметь места ни распоряжение о выходе из вагона, ни выход из него по собственной инициативе. Не должно быть перерывов при проезде без технической необходимости.

7. Разрешение на проезд дается на основе обмена уезжающих на немецких и австрийских пленных и интернированных в России. Посредник и едущие обязуются агитировать в России, особенно среди рабочих, с целью проведения этого обмена в жизнь.

8. Возможно кратчайший срок переезда от швейцарской границы до шведской, равно как технические детали должны быть немедленно согласованы.

Подпись: *Фриц Платен.*

Берн – Цюрих, 4 апреля 1917 года».

Особенные трудности вызывала редакция первого пункта. На вопрос о том, с кем я еду, нужно было ответить в описательной форме. Самое простое было бы сказать: «с русскими политическими эмигрантами». Ленин, однако, очень серьезно настаивал на поездке с нами Радека, а Радек – поляк и имел польский паспорт. Я решительно ничего не имел против его поездки, но настаивал, однако, на том, чтобы считать подписанные мною условия для себя совершенно обязательными и ни при каких обстоятельствах не допускать нарушения соглашения. Случай с Радеком был особенно щекотливым. Немцы к Радеку относились плохо, – ведь он не раз поплевывал в суп немецким, а равно и антантовским империалистам. Мы согласились на редакции: «политические эмигранты и легальные лица». В случае, если она будет принята, мы сможем взять с собою Радека, иначе – нет. Я стремился к тому, чтобы с нашей стороны строго соблюдались принятые нами условия, дабы иметь право решительно восставать против возможных покушений с другой стороны. Министр Ромберг не обратил внимания, что выражение «русские политические эмигранты» отсутствует, но

выразил недоумение по поводу слова «легальные» и просил объяснения. Я ему указал, что не у всех отсутствуют паспорта, мы же хотим иметь право взять с собой и тех, кто, строго говоря, не является эмигрантом.

Ультимативный характер имел второй пункт условий соглашения. Наша коллегия прекрасно знала, что проезд, при каких бы условиях он ни совершился, произведет повсюду огромное впечатление. Можно было заранее предугадать, что сторонники Антанты инсценируют бешеную клеветническую кампанию. Поэтому тем большее внимание надо было обратить на то, чтобы избежать какого-либо контакта между немцами и проезжающими эмигрантами. Благодаря признанию за проезжающими эмигрантами права экстерриториальности, создавалась чрезвычайно прочная защита против нежелательных инцидентов и был фактически устранен нежелательный контакт с немецкими гражданами.

Пункт 6 должен рассматриваться как предупредительная мера против немцев. При выходе путешественников в Заснице они были так же внимательно пересчитаны, как в Готтмадингене число их оставалось равным 32. Только в Стокгольме партия уменьшилась, так как Радек остался здесь для того, чтобы вместе с нашим тов. Воровским и тов. Ганецким взять на себя обязанности заграничного представительства русской большевистской партии.

Кроме вопроса о том, что мы подразумеваем под выражением «легальные лица», все выставленные условия не вызвали возражений, и на них было дано молчаливое согласие.

Господин Ромберг указал только на то, что в дипломатическом мире не принято, чтобы частные лица диктовали правительству какого-нибудь государства условия переезда через его страну. Он заметил, что подобная позиция уезжающих может затормозить разрешение на поездку.

Я возразил, что уезжающие находятся в совершенно исключительном положении и что я имею поручение сообщить господину Ромбергу, что эмигранты лишены будут возможности предпринять путешествие, если будет внесено какое-либо изменение или будет аннулирован какой-либо из пунктов. Господин Ромберг обещал телеграфировать в Берлин в благоприятном тоне. Через два дня последовало безоговорочное согласие. Хотя теперь первый пункт соглашения и узаконивал участие Радека в поездке, но впоследствии было найдено более целесообразным посоветовать Радеку сесть в наш вагон только в Шафгаузене.

Сообщая о решении Берлина, господин Ромберг известил

меня о том, что в Штутгарте к нам в поезд сядет господин Янсон, представитель Генеральной комиссии немецких профессиональных союзов. Согласно данным мне полномочиям я заявил, что присутствие его в нашем вагоне несовместимо со 2-м пунктом соглашения. Господин Ромберг предложил мне не делать принципиального вопроса из этого, так как это повлечет за собой новый запрос в Берлин и придется отменить уже отданные железнодорожному управлению распоряжения. Я смолчал. Для сведения моего мне было сообщено, что максимально могут ехать 60 человек и что в Готтмадингене стоят готовыми два пассажирских вагона II класса. Я просил изменить распоряжение, ссылаясь на то, что имеющиеся для поездки денежные средства диктуют необходимость пользоваться вагонами III класса.

К концу аудиенции господин Ромберг спросил меня, как я представляю себе начало мирных переговоров. На меня этот вопрос произвел тягостное впечатление, и я ответил, что мой мандат уполномочивает меня исключительно на регулирование чисто технических вопросов и что я на его запрос не могу дать никакого ответа. Господин Ромберг заметил, что в этом отношении господин Гримм держится совершенно определенных взглядов. Я промолчал и раскланялся. О каждом своем разговоре я всегда давал подробный отчет.

* * *

День отъезда был назначен немецкими властями на 9 апреля (нового стиля).

Началась лихорадочная работа. 7 апреля были посланы телеграммы Абрамовичу в Шо-де-Фон, различным эмигрантским секциям в Цюрихе, Лозанне, Женеве и т. д. с предложением всем отъезжающим прибыть в Цюрих ночными и утренними поездами 9 апреля.

Со своей стороны я должен был сделать последнее распоряжение Цюрихскому потребительскому кооперативу относительно заказа съестных припасов. В виде чрезвычайной льготы нам было разрешено взять с собой продуктов на десять дней. Денег – в которых мы, как о том клеветали враги, утопали – мы совершенно не имели. В последнюю минуту мы не сумели бы выкупить съестные припасы, если бы правление швейцарской партии не открыло нам кредита на 3000 франков под поручительство Ланга и Платтена.

К 11 часам утра 9 апреля все необходимые приготовления были закончены, и цюрихское вокзальное управление было

предупреждено о нашем отъезде.

Все уезжающие собрались в ресторане «Церингергоф» за общим скромным обедом. Из-за беспрестанной беготни взад и вперед и беспрерывной информации, делаемой Лениным и Зиновьевым, собрание производило впечатление растревоженного муравейника.

Согласно условиям ни образ мыслей, ни партийная принадлежность не могли служить поводом для исключения кандидатов из списка желающих ехать. Страстные споры вызвали, однако, просьбы одного врача – Оскара Блюма (автора книги «Выдающиеся личности русской революции») участвовать в поездке. Его подозревали в том, что он состоял на службе в царской охранке.

Ленин и Зиновьев дали ему понять, что будет лучше, если он откажется от поездки. Хотя в тот момент и не было неопровержимых доказательств и нельзя было, следовательно, с полной уверенностью утверждать, что он шпион, однако налицо был факт, что все партийные комитеты в отношении его принимали меры предосторожности. Его желание – опросить всех едущих – было удовлетворено. 14 голосами против 11 включение его в список уезжающих было отклонено. Однако, согласно информации Шараша (член партии Поалей-Цион и репортер капиталистической «Новой цюрихской газеты»), он тем не менее занял место в приготовленных для нас вагонах. «Вдруг мы увидели, – пишет Шараш, – как Ленин сам схватил этого человека, успевшего пробраться в вагон немного раньше назначенного времени, за воротник и вывел его с ни с чем не сравнимой самоуверенностью обратно на перрон». Я лично не был свидетелем этого происшествия, так как находился в то время на перроне, где со мною сцепился какой-то исступленно жестикулировавший социал-патриот, и я был близок к мысли спустить под вагон этого субъекта. Железнодорожные служащие увели и эту опору Милюкова. На перроне находилась масса народа, главным образом русских; все страстно дискутировали доводы за и против поездки; Ленин же и Зиновьев – как до, так и во время отхода поезда – совершенно бесстрастно глядели на эти бушующие волны.

Переезд Ленина в Россию

Теперь можно считать доказанным, что поездка Ленина в Россию через Германию произвела столь огромное впечатление не потому, что он – первый из эмигрантской массы вместе с ближайшими своими соратниками рискнул совершить эту поездку, а потому, что у всех было убеждение, что этот человек с огромной силой воли вмешается в события русской революции. Произведенная поездкой Ленина сенсация, вызванное ею возбуждение находились в резком противоречии с позицией, занятой той же европейской печатью по отношению ко второй партии эмигрантов, хотя при этом через Германию ехало приблизительно 500 русских эмигрантов.

Наша партия состояла из 32 человек. Большинство поехавших с нами эмигрантов завоевали себе в истории революции выдающееся место своим мужеством, энергией, дальновидностью и самоотверженностью, проявленными ими в интересах пролетариата и коммунизма. Из числа ехавших в нашей партии нашел преждевременную смерть зять Феликса Кона тов. Усиевич, погибший на чехословацком фронте. К нашему величайшему горю, смерть слишком рано вырвала из наших рядов также незабвенного тов. Ленина.

Нет никакого сомнения, что лица, участвовавшие в этой поездке, сыграли решающую роль не только в русской, но, можно без преувеличения сказать, и в мировой истории. Кто в Западной Европе в 1917 году осмелился бы предсказать, что эти «голяки» в ободранных костюмах, все пожитки которых можно было увязать в головной платок, сделаются вождями и руководителями страны со 130-миллионным населением? В 1917 году все издевались над этой кучкой фанатиков, стремящихся «осчастливить мир и лишенных всякого чувства действительности».

* * *

Путешествие Ленина произошло следующим образом.

Согласно выраженному Лениным и Зиновьевым желанию Фриц Платтен взял на себя руководство поездкою.

9 апреля 1917 года в половине третьего группа эмигрантов направилась из ресторана «Церингергоф» к цюрихскому вокзалу, нагруженная – по русскому обычаю – подушками, одеялами и прочими пожитками. Согласно расписанию поезд отошел в 3 часа 10 минут. В Тайнгене происходил швейцарский таможенный

досмотр, причем паспорта не проверялись. Ввиду того что взятые с нами съестные припасы – главным образом шоколад, сахар и пр. – превышали дозволенную властями норму, излишки были отобраны, а пострадавшим было предоставлено право переслать конфискованные съестные припасы родственникам и знакомым в Швейцарии.

На вокзале в Готтмадингене нас временно изолировали в зале III класса. Потом мы сели в пломбированный пассажирский вагон II—III класса. Дети и женщины заняли мягкие места, мужчины разместились в III классе.

Поездка протекала нормально, к полному удовлетворению едущих. Лишь время от времени причиняли мне хлопоты несколько товарищей – любителей пения. Часть из них не могла удержаться и пела на французском языке «Марсельезу», карманьолу и другие французские песни, не обращая внимания на сопровождавших нас двух офицеров.

Во Франкфурте разыгрался инцидент с Радеком, вызванный его «братанием с солдатами». Я, сознаюсь, виноват в том, что допустил немецких солдат войти в вагон. Три наших вагонных двери были запломбированы; четвертая, задняя, вагонная дверь открывалась свободно, так как мне и офицерам было предоставлено право выходить из вагона. Ближайшее к этой свободной двери купе было предоставлено двум сопровождавшим нас офицерам. Проведенная мелом черта на полу коридора отделяла – без нейтральной зоны – территорию, занятую немцами, с одной стороны, от русской территории – с другой. Господин фон Планид строжайше соблюдал инструкции, преподанные ему господином Шюллером, атташе немецкого посольства, передавшим в Готтмадингене нашу партию для дальнейшего следования обоим офицерам; эти инструкции требовали, чтобы экстерриториальность не была нарушена.

Предполагая, что во Франкфурте я не выйду из вагона, оба офицера покинули его. Я последовал их примеру, так как условился встретиться на франкфуртском вокзале с одной своей знакомой. Я купил в буфете пива, газет и попросил нескольких солдат за вознаграждение отнести пиво в вагон, предложив служащему, стоявшему у контроля, пропустить солдат.

Привожу здесь эти подробности только для объяснения инцидента.

Сильнейшим образом взволновала многих ехавших следующая картина. Франкфуртские рабочие и работницы спешили сесть в вагоны дачного поезда. Мимо нашего вагона проходил длинный ряд измученных, усталых людей с потухшим взором, на их лицах не видно было ни малейшей улыбки. Это

траурное шествие как молния осветило нам положение Германии и пробудило в сердцах ехавших эмигрантов надежду на то, что уже недалек тот час, когда народные массы в Германии восстанут против господствующих классов.

И действительно, в ноябре 1918 года разразилась революция в Германии, – она пришла поздно, но все-таки пришла.

* * *

Я должен напомнить еще об одном обстоятельстве, имевшем важное политическое значение. Оно показывает самым очевидным образом, какого рода отношения существовали между Генеральной комиссией немецких профессиональных союзов и немецким правительством.

Вопрос о «поездке Ленина» был решен немецким правительством и высшим военным командованием не без ведома и, нет сомнения, при поддержке Генеральной комиссии немецких профессиональных союзов.

В Штутгарте господин Янсон сел в наш поезд и просил через ротмистра фон Планица (наш проводник-офицер) разрешения переговорить со мною. Мы еще раньше лично знали друг друга. Господин Янсон заявил мне, что он по поручению Генеральной комиссии немецких профессиональных союзов приветствует едущих эмигрантов и желал бы лично переговорить с товарищами. Я был вынужден заявить ему, что едущие эмигранты желают соблюсти экстерриториальность и отказываются принять кого бы то ни было на немецкой территории. Я готов довести до сведения едущих о нашей беседе и передать ему ответ завтра утром. После этого господин Янсон удалился в свой вагон.

Мое сообщение вызвало среди едущих взрыв веселья. После краткого совещания было решено не принимать господина Янсона и не отвечать на его приветствие. Мне было предложено уклониться от назойливых попыток, и в случае их повторения было решено ограждать себя силой.

На другой день утром я поблагодарил лично от своего имени господина Янсона за приветствие, так как едущие отказались из политических соображений отвечать на таковое. Я просил его удовольствоваться состоявшейся между нами беседой. Господин Янсон удовлетворил мое желание и удалился.

Само собой понятно, что я со своей стороны соблюдал необходимую сдержанность. Крайне комичными являются слухи о том, будто Ленин вел переговоры с Бетман-Гольвегом и Шейдеманом. Все эти лживые сведения распространялись с целью

бросить тень на едущих.

В отличие от Франкфурта изоляция перрона и охрана вагона в Берлине носили очень строгий характер. Мне тоже не было разрешено без конвоя уходить с перрона. Немцы опасались, что мы вступим в сношения с немецкими единомышленниками.

Я хочу еще упомянуть об одной беседе с Лениным на немецкой территории, так как психологически интересно узнать, как в то время Ленин оценивал шансы большевистской партии в русской революции и каков был мой ответ – типичный ответ западноевропейского коммуниста – на поставленный Лениным вопрос. Нужно иметь в виду, что Керенский угрожал возбудить против едущих эмигрантов обвинение в государственной измене, и, по всем сведениям, надо было ожидать, что Ленин и его товарищи встретят в Петрограде наряду с большим числом стойких друзей также множество яростных и подлых врагов. Еще будучи в Швейцарии, Ленин знал, что его ожидает; еще до своего отъезда в Россию он созвал на совещание Лорио из Парижа, Гильбо из Женевы, Поля Леви, Бронского и меня для того, чтобы дать нам подписать протокол об условиях поездки и иметь в нашем лице свидетелей.

В коридоре вагона шел горячий спор. Вдруг Ленин обратился ко мне с вопросом: «Какого вы мнения, Фриц, о нашей роли в русской революции?» – «Должен сознаться, – ответил я, – что вполне разделяю ваши взгляды на методы и цели революции, но как борцы вы представляетесь мне чем-то вроде гладиаторов Древнего Рима, бесстрашно, с гордо поднятой головой выходивших на арену навстречу смерти. Я преклоняюсь перед силой вашей веры в победу». Легкая улыбка скользнула по лицу Ленина, и в ней можно было прочесть глубокую уверенность в близкой победе.

* * *

В Заснице мы оставили немецкую территорию; перед этим было проверено число едущих, сняты пломбы с багажного вагона, и состоялась передача багажа. Пассажирский пароход «Треллеборг» доставил нас в Швецию. Море было неспокойно. Из 32 путешественников не страдали от качки только пять человек, в том числе Ленин, Зиновьев и Радек; стоя возле главной мачты, они вели горячий спор. На берегу нас встретил Ганецкий и шведская депутация.

В Швеции нам был оказан в высшей степени сердечный прием. На конференции эмигрантов с представителями шведской

и норвежской социалистической молодежи нами был сделан подробный доклад о совершенном переезде и были изложены те политические соображения, которые заставили нас ехать через Германию. Шведские товарищи одобрили поездку. Впоследствии мне стала еще более очевидной невозможность вернуться в Россию через Англию и необходимость поездки через Германию, особенно когда я по возвращении в Стокгольм узнал об аресте Троцкого и его товарищей, произведенном английскими властями. Можно смело быть уверенным, что с Лениным и его единомышленниками поступили бы еще хуже.

После десятичасового пребывания в Стокгольме мы продолжали путешествие. В Торнео, на пограничной русской станции, встреча, оказанная эмигрантам местными солдатами, отличалась исключительной теплотой. Солдаты с воодушевлением рассказывали о революционных событиях и восторженно приветствовали вернувшихся эмигрантов. Вскоре меня разлучили с моими спутниками. При прощании мне было заявлено, что в 4 часа они под военным конвоем будут отправлены в Петроград.

Я имел намерение – и того же хотели мои спутники – сопровождать товарищей до Петрограда, но этому воспрепятствовал английский контроль. «Франкфуртская газета» впоследствии сообщила, что я на пограничной станции «решил вернуться обратно», так как пограничные власти не хотели мне гарантировать безопасность в России. По этому поводу мне хотелось бы заметить, что я никогда таких требований не предъявлял ни к какому правительству; а в Торнео со мной произошло следующее: после того как я заполнил обычный опросный лист, я подвергался самому тщательному телесному осмотру, что является процедурой чрезвычайно тягостной. После того как осмотр не дал никаких результатов, между мною и английским пограничным офицером произошел следующий разговор:

«Какие у вас имеются мотивы для поездки в Петроград и Москву?»

«Я еду для того, чтобы поддержать в министерстве свое ходатайство о выплате мне залога, внесенного мною в 1908 году в депозит суда в Риге, и для того, чтобы по личным делам навестить в Москве родителей своей жены».

Других мотивов политического характера я не указал, так как было ясно, что это могло бы только затруднить положение эмигрантов. Мое настойчивое требование дать мне возможность ехать в Петроград вызвало у офицера замечание: «Не советую вам ехать, так как вы ведь опять будете арестованы, как в 1907 и 1908

годах». Я ответил ему, что это обстоятельство не может помешать моему решению ехать; я получил продолжительный отпуск, и его сообщение никоим образом не может меня испугать. После того как английский офицер убедился, что по собственной инициативе я не откажусь от своего намерения и не соглашусь ехать обратно, он категорически заявил, что мне не будет дано разрешения переехать через границу без специального распоряжения из Петрограда и что он вынужден отвезти меня обратно под конвоем на шведскую границу. Перед отъездом я получил возможность проститься со своими товарищами и обменяться с ними несколькими словами. Ленин предложил из солидарности и по мотивам политической целесообразности настаивать на моей поездке в Петроград и отложить дальнейшее путешествие, пока не получится разрешение на мою поездку. Ленин при этом имел в виду, что я сделаю доклад Петроградскому Совету рабочих и солдатских депутатов о переезде. Ведь можно было ожидать, что все приехавшие эмигранты будут арестованы. Однако, не желая служить препятствием для их дальнейшей поездки, я настойчиво просил оставить меня в Швеции. Я дал обещание ожидать в течение трех дней в Хапаранде и по телеграфному требованию немедленно поехать в Петроград.

Как известно, при приезде в Петроград Ленин и товарищи его не были арестованы. Наоборот, приезд Ленина был отпразднован самым торжественным образом.

После прощания меня усадили в сани, и в сопровождении конвоя я был обратно доставлен на шведскую границу.

Я пустился в обратный путь, прождавши три дня в Хапаранде; здесь я напрасно дожидался разрешения на переезд через русскую границу. Я оставался также два дня в Стокгольме, чтобы в случае телеграфного разрешения из Петрограда отправиться в Россию.

Суханов описал, как Ленина встретили в Петрограде. Встреча была достойна Ленина.

Приложение Н. Крупская . Из эмиграции в Питер

Последнюю зиму (1916—1917 гг.) мы жили в Цюрихе. Жилось невесело. Рвалась связь с Россией: не было писем, не приезжали оттуда люди. От эмигрантской колонии – очень немногочисленной, впрочем, в то время в Цюрихе – мы держались, по заведенному обычаю, немного в стороне. Только каждый день, идя из эмигрантской столовой, забегал на минутку Гриша Усиевич, милый, погибший потом на фронте, молодой товарищ. По утрам довольно регулярно приходил к нам «племянник Землячки», сошедший с ума на почве голода большевик. Он ходил до такой степени оборванный и забрызганный грязью, что его перестали пускать в швейцарские библиотеки. Он старался поймать Ильича, чтобы что-то обсудить с ним, какие-то принципиальные вопросы, и приходил до 9 часов, пока еще Ильич не ушел в библиотеку. Так как эти интервью с сумасшедшим человеком приводили обычно к тому, что потом болело «все на свете», как выражалась одна знакомая девчурка, то мы стали уходить до библиотеки погулять вдоль озера. Мы нанимали комнату в швейцарской рабочей среде. Комната была не очень целесообразная. Старый мрачный дом, постройки чуть ли не XVI столетия, окна можно было отворять только ночью, так как в доме была колбасная и со двора нестерпимо несло гнилой колбасой. Можно было, конечно, за те же деньги получить гораздо лучшую комнату, но мы дорожили хозяевами. Это были заправские рабочие, ненавидевшие капитализм, инстинктивно осуждавшие империалистическую войну. Квартира у нас была поистине «интернациональная»: в двух комнатах жили хозяева – по профессии столяр и сапожники, в одной – жена немецкого солдата-булочника с детьми, в другой – какой-то итальянец, в третьей – австрийские актеры, с изумительной рыжей кошкой, в четвертой – мы, россияне. Никаким шовинизмом не пахло, а однажды во время того, как мы с хозяйкой поджаривали в кухне на газовой плите каждая свой кусок мяса, хозяйка возмущенно воскликнула: «Солдатам надо обратить оружие против своих правительств!» После этого Ильич и слышать не хотел о том, чтобы менять комнату, и особо ласково раскланивался с хозяйкой.

К сожалению, швейцарские социалисты были настроены менее революционно, чем жена рабочего. В. И. попробовал одно время повести работу в интернациональном масштабе. Стали

собираться в небольшом кафе на ближайшей улочке. Несколько русских и польских большевиков, швейцарские социалисты, кое-кто из немецкой и итальянской молодежи. На первое собрание пришло что-то около 40 человек. Ильич изложил свою точку зрения на войну, на необходимость осудить вождей, изменивших делу пролетариата, излагал программу действий. Иностранная публика, хотя собрались интернационалисты, была смущена решительностью Ильича. Помню речь одного представителя швейцарской молодежи, говорившего на тему, что стену нельзя пробить лбом. Факт тот, что наши собрания стали таять, и на четвертое собрание явились только русские и поляки. Пошутили и разошлись по домам. Впрочем, к этому времени относится возникновение более тесной связи с Фрицем Платтеном и Вилли Мюнценбергом.

Помнится мне одна сцена из несколько более позднего времени. Забрели мы однажды в другую, более фешенебельную часть Цюриха и неожиданно наткнулись на Нобса, редактора цюрихской социалистической газеты, ходившего тогда в левых. Нобс, завидя Ильича, сделал вид, что хочет сесть в трамвай. Ильич все же захватил его и, крепко держа за пуговицу, стал излагать свою точку зрения на неизбежность мировой революции. Комична была фигура, не знавшего как улизнуть от неистового русского, левого оппортуниста Нобса, но фигура Ильича, судорожно сжимавшего пуговицу Нобса и стремившегося его распропагандировать, показалась мне трагической. Нет выхода колоссальной энергии, гибнет безвестно бесконечная преданность трудящимся массам, ни к чему ясное осознание совершающегося…

Почему-то вспомнился мне белый северный волк, которого мы видели с Ильичем в лондонском зоологическом саду и долго стояли перед его клеткой. «Все звери с течением времени привыкают к клетке: медведи, тигры, львы, – объяснил нам сторож. – Только белый волк с русского севера никогда не привыкает к клетке – и день и ночь бьется о железные прутья решетки».

Разве пропагандировать Нобса не значило биться о прутья решетки…

* * *

Мы собирались уходить в библиотеку, когда пришел тов. Вронский и рассказал нам о Февральской революции. Ильич как-то растерялся. Когда Вронский ушел и мы несколько опомнились,

мы пошли к озеру, где под навесом каждый день расклеивались все швейцарские газеты. Да, телеграммы говорили о революции в России.

Ильич метался. Он попросил Вронского разузнать, нельзя ли как-нибудь через контрабандиста пробраться через Германию в Россию. Скоро выяснилось, что контрабандист может довести только до Берлина. Кроме того, контрабандист был как-то связан с Парвусом, а с Парвусом, нажившимся на войне и превратившимся в социал-шовиниста, В. И. никакого дела иметь не хотел.

Надо искать другого пути. Какого? Можно перелететь на аэроплане, не беда, что могут подстрелить. Но где этот волшебный аэроплан, на котором можно донестись до делающей революцию России?

Ильич не спал ночи напролет. Раз ночью говорит: «Знаешь, я могу поехать с паспортом немого шведа». Я посмеялась. «Не выйдет, можно во сне проговориться. Приснятся ночью кадеты, будешь сквозь сон говорить: сволочь, сволочь. Вот и узнают, что не швед».

Во всяком случае, план ехать с паспортом немого шведа был более осуществим, чем лететь на каком-то аэроплане. Ильич написал о своем плане в Швецию Ганецкому. Но из этого, конечно, ничего не вышло.

Когда выяснилось, что при помощи швейцарских товарищей можно будет получить пропуск через Германию, Ильич сразу взял себя в руки и старался обставить дело так, чтобы ничто не носило характера самомалейшей сделки не только с германским правительством, но и с немецкими социал-шовинистами, старался все юридически оформить. Шаг был смелый не только потому, что грозила клевета, обвинение в измене отечеству, но и потому, что не было никакой уверенности, что Германия действительно пропустит, не интернирует большевиков. Потом, следом за большевиками, двинулись тем же путем и меньшевики и другие группы эмигрантов, но сделать первый шаг никто не решался.

Когда пришло из Берна письмо, что дело улажено и можно двинуться оттуда в Германию, Ильич сказал: «Поедем с первым поездом». До поезда оставалось два часа. Я усомнилась. Надо было ликвидировать «весь дом», возвратить книги в библиотеку, расплатиться с хозяйкой и т. п. «Поезжай один, я приеду завтра». – «Нет, поедем». «Дом» был ликвидирован, уложены книги, уничтожены письма, отобрано кое-какое бельишко и самые необходимые вещи. Мы уехали с первым поездом. Мы могли и не спешить, так как была Пасха и из-за этого вышла какая-то

задержка с нашей отправкой.

В Бернский народный дом стали съезжаться едущие большевики: ехали мы, Зиновьевы, Усиевичи, Инесса Арманд, Харитонов, Сокольников, Миха Цхакая и другие. Ехала бундовка с прелестным кудрявым четырехлетним сынишкой, Робертом, не умеющим говорить по-русски, а только по-французски. Под видом россиянина ехал с нами Радек. Сопровождал нас Платтен.

Во всю дорогу мы ни с кем из немцев не разговаривали; около Берлина в особое купе сели немецкие с.-д., но с ними никто из наших говорить не стал… Мы смотрели в окно вагона, и нас поражало полное отсутствие мужчин: одни женщины, подростки и дети, и в городе, и в деревне. Нам давали обед в вагон – котлеты с горошком. Очевидно, желали показать, что в Германии всего в изобилии. Проехали благополучно.

* * *

В Стокгольме нас встретили речами, в зале вывесили красное знамя и устроили собрание. Как-то плохо помню Стокгольм, все мысли уже были в России. На финских вейках переехали границу. Было уже все милое, свое – плохенькие вагоны третьего класса, русские солдаты. Ужасно хорошо было. Немного погодя Роберт уже очутился на руках какого-то пожилого солдата, обнял его ручонкой за шею и что-то лопотал по-французски, и ел творожную пасху, которой кормил его солдат. Наши прильнули к окнам. На перронах станций, мимо которых проезжали, стояли гурьбой солдаты. Усиевич высунулся в окно. «Да здравствует мировая революция!» – крикнул он. Недоуменно посмотрели на едущих солдаты. Мимо нас прошел несколько раз бледный поручик, и, когда мы с Ильичем перешли в соседний пустой вагон, подсел к нему и заговорил с ним. Поручик был оборонцем, Ильич защищал свою точку зрения – был тоже ужасно бледен. А в вагон мало-помалу набирались солдаты. Скоро набился полный вагон. Солдаты становились на лавки, чтобы лучше слышать и видеть того, кто так понятно говорит против грабительской войны. И с каждой минутой росло их внимание, напряженнее делались их лица.

В Белоострове нас встретили Мария Ильинична, Шляпников, Сталь и другие. Были работницы. Сталь все убеждала меня сказать им несколько приветственных слов, но у меня пропали все слова, я ничего не могла сказать. Товарищи сели с нами и стали рассказывать. Скоро мы приехали в Питер.

Питерские массы, рабочие, солдаты, матросы встречали

своего вождя. Как узнали они о нем? Не знаю. Кругом народное море, стихия.

Тот, кто не пережил революции, не представляет себе ее величественной, торжественной красоты.

Красные знамена, почетный караул из кронштадтских моряков, рефлекторы Петропавловской крепости, освещающие путь от Финляндского вокзала к дому Кшесинской, – броневики, цепь из рабочих и работниц, охраняющая путь. Ильича ставят на броневик. Он что-то говорит. А кругом те, кто ближе ему всех на свете, народные массы…

Десять дней, которые потрясли мир (Октябрьская революция) Джон Рид

Россия в 1917 году. Общий фон

В конце сентября 1917 г. в Петрограде ко мне зашел иностранный профессор социологии, находившийся в России. В деловых и интеллигентских кругах он наслышался о том, что революция пошла на убыль. Профессор написал об этом статью и отправился путешествовать по стране, посетил фабричные города и деревни, где, к его изумлению, революция явно шла на подъем. От рабочих и крестьян постоянно приходилось слышать разговоры об одном и том же: «земля крестьянам, заводы – рабочим». Если бы профессор побывал на фронте, он услышал бы, что вся армия толкует о мире.

Профессор был озадачен, хотя для этого не было оснований: оба наблюдения были совершенно правильны. Имущие классы становились все консервативнее, а массы – все радикальнее. С точки зрения деловых кругов и российской интеллигенции революция уже зашла достаточно далеко и чересчур затянулась; пора было навести порядок. Это настроение разделялось и главными «умеренно»-социалистическими группами – меньшевиками-оборонцами и социалистами-революционерами, которые поддерживали Временное правительство Керенского.

27 (14) октября официальный орган «умеренных» социалистов – «Известия ЦИК», – писал:

«…Революция состоит из двух актов: разрушения старого и создания нового строя жизни. Первый акт тянулся достаточно долго. Теперь пора приступить ко второму, и его надо провести как можно скорее, ибо один великий революционер говорил: «поспешим, друзья мои, закончить революцию: кто делает революцию слишком долго, тот не пользуется ее плодами…»

Рабочие, солдатские и крестьянские массы были, однако, твердо убеждены, что первый акт еще далеко не закончен. На фронте армейские комитеты постоянно имели столкновения с офицерами, которые никак не могли привыкнуть обращаться с солдатами, как с человеческими существами; в тылу избранные крестьянами земельные комитеты подвергались арестам за попытки провести в жизнь постановления правительства о земле; на фабриках рабочим приходилось бороться с черными списками и локаутами. Более того, – возвращающихся политических эмигрантов не пускали в страну, как «нежелательных», граждан; бывали даже случаи, когда людей, вернувшихся из-за границы в свои деревни, арестовывали и заключали в тюрьмы за революционные действия, совершенные в 1905 г.

На все многочисленные и многообразные выражения

недовольства народа у «умеренных» социалистов был один ответ: «Ждите Учредительного собрания, которое будет созвано в декабре». Но массы не удовлетворялись этим. Учредительное собрание – вещь, конечно, хорошая. Но ведь было же нечто определенное, во имя чего была совершена русская революция, во имя чего легли в братские могилы на Марсовом поле революционные мученики и что должно быть осуществлено во что бы то ни стало, независимо от того, будет ли созвано Учредительное собрание или нет: мир, земля крестьянам, рабочий контроль над производством. Учредительное собрание все откладывалось и откладывалось, возможно, что его отложат еще не раз до тех пор, пока народ не успокоится в такой мере, что, быть может, умерит свои требования! Как бы то ни было, революция тянется уже восемь месяцев, а результатов что-то не видно…

Тем временем солдаты сами начинали разрешать вопрос о мире дезертирством, крестьяне жгли господские усадьбы и захватывали крупные поместья, рабочие выходили из повиновения и бросали работу… Вполне естественно, что предприниматели, помещики и офицерство прилагали все усилия, чтобы предотвратить какие-либо уступки массам на демократической основе.

Политика Временного правительства колебалась между мелкими реформами и суровыми репрессивными мерами. Указом социалистического министра труда рабочим комитетам было предписано впредь собираться в нерабочее время. На фронте «агитаторы» оппозиционных политических партий арестовывались, радикальные газеты закрывались и к проповедникам революции стала применяться смертная казнь. Делались попытки разоружить Красную Гвардию. В провинцию для поддержания порядка были отправлены казаки.

Эти меры поддерживались «умеренными» социалистами и их вождями-министрами, которые считали необходимым сотрудничество с имущими классами. Народные массы отворачивались от них и переходили на сторону большевиков, которые твердо боролись за мир, передачу земли крестьянам, введение рабочего контроля над производством и за создание рабочего правительства.

В сентябре 1917 г. разразился кризис. Керенский и «умеренные» социалисты против воли подавляющего большинства населения создали коалиционное правительство, в которое вошли представители имущих классов. В результате меньшевики и социалисты-революционеры навсегда потеряли доверие народа.

* * *

Отношение народных масс к «умеренным» социалистам резко выражено в статье, появившейся около середины октября (конца сентября) в газете «Рабочий Путь» и озаглавленной «Министры-социалисты»:

«…Возьмите их послужной список:

Церетели – разоружил рабочих, вместе с генералом Половцевым «усмирил» революционных солдат и одобрил смертную казнь для солдат.

Скобелев – начал с того, что пообещал отнять у капиталистов 100% прибыли, а кончил… попыткой разогнать фабрично-заводские комитеты рабочих.

Авксентьев – посадил в тюрьму несколько сот крестьян, членов земельных комитетов, закрыл несколько десятков рабочих и солдатских газет.

Чернов – подписал царистский манифест о разгоне финляндского сейма.

Савинков – вступил в прямой союз с генералом Корниловым и не сдал Петрограда этому «спасителю» отечества только по не зависящим от Савинкова обстоятельствам.

Зарудный – вместе с Алексинским и Керенским засадил в тюрьму тысячи революционных рабочих, матросов и солдат, помог сочинить клеветническое «дело» против большевиков, которое ляжет таким же позором на русский суд, как дело Бейлиса.

Никитин – выступил в роли заурядного жандарма против железнодорожников.

Керенский – но о сем уже умолчим. Его послужной список слишком длинен…»

Съезд делегатов Балтийского флота в Гельсингфорсе принял резолюцию, которая начиналась так:

«…Требовать от Всероссийских комитетов Совета Р., С. и I Кр. Д. и Центрофлота немедленного удаления из рядов Временного правительства социалиста в кавычках и без кавычек, политического авантюриста Керенского, как лица позорящего и губящего своим бесстыдным политическим шантажом в пользу буржуазии великую революцию, а также вместе с нею весь революционный народ…»

Прямым результатом всего этого была растущая популярность большевиков…

С тех пор как в марте 1917 г. шумные потоки рабочих и солдат, затопив Таврический дворец, принудили колеблющуюся Государственную Думу взять в свои руки верховную власть в

России, именно массы народные – рабочие, солдаты и крестьяне определили каждый поворот в ходе революции. Они низвергли министерство Милюкова; их Совет провозгласил перед всем миром русские мирные условия – «никаких аннексий, никаких контрибуций, право самоопределения народов»; и опять-таки в июле именно они, еще неорганизованные массы стихийно поднявшегося пролетариата, снова штурмовали Таврический дворец, чтобы потребовать перехода власти над Россией к Советам.

Большевики, тогда еще небольшая политическая секта, возглавили движение. В результате катастрофической неудачи восстания общественное мнение повернулось против них, и шедшие за ними толпы, лишенные вождей, отхлынули назад, на Выборгскую сторону – Сент-Антуанское предместье Петрограда. Тогда последовала дикая травля большевиков: сотни их, в том числе Троцкий, госпожа Коллонтай и Каменев, были заключены в тюрьмы; Ленин и Зиновьев принуждены были скрываться от ареста; большевистские газеты преследовались и закрывались. Провокаторы и реакционеры подняли неистовый вой о том, что большевики – немецкие агенты, и во всем мире нашлись люди, поверившие этому.

Однако Временное правительство оказалось не в состоянии подтвердить обоснованность этих обвинений; документы, якобы доказывавшие существование германского заговора, оказались подложными; и большевики один за другим освобождались из тюрем без суда, под фиктивный залог или вовсе без залога, так что в конце концов в заключении осталось всего 6 человек. Бессилие и нерешительность Временного правительства, состав которого непрерывно менялся, были слишком очевидны для всех. Большевики вновь провозгласили столь дорогой массам лозунг: «Вся власть Советам!», и они вовсе не исходили при этом из своих узкопартийных интересов, поскольку в то время большинство в Советах принадлежало «умеренным» социалистам – их злейшему врагу.

Еще более действенным было то, что они взяли простые, неоформленные мечты масс рабочих, солдат и крестьян и на них построили программу своих ближайших действий. И вот, в то время как меньшевики-оборонцы и социалисты-революционеры опутывали себя соглашениями с буржуазией, большевики быстро овладели массами. В июле их травили и презирали; к сентябрю рабочие столицы, моряки Балтийского флота и солдаты почти поголовно встали на их сторону. Сентябрьские муниципальные выборы в больших городах были показательны: среди избранных оказалось всего только 18% меньшевиков и социалистов-

революционеров против 70% в июне…

* * *

Иностранного наблюдателя мог в то время озадачить необъяснимый для него факт: Центральный Исполнительный Комитет Советов, центральные комитеты армии и флота, центральные комитеты некоторых профессиональных союзов – особенно почтово-телеграфных работников и железнодорожников – относились крайне враждебно к большевикам. Все эти центральные комитеты были избраны еще в середине лета и даже раньше, когда меньшевики и эсеры имели огромное число сторонников, теперь же они всеми силами оттягивали и срывали какие-либо перевыборы. Так, согласно уставу Советов рабочих и солдатских депутатов, Всероссийский съезд должен был состояться в сентябре, но ЦИК не хотел созывать его на том основании, что до открытия Учредительного собрания оставалось всего два месяца, а к тому времени, как он намекал, Советы вообще должны будут сложить свои полномочия. Между тем по всей стране большевики завоевывали на свою сторону один за другим местные Советы, отделения профессиональных союзов и укрепляли свое влияние в рядах солдат и матросов. Крестьянские Советы все еще оставались консервативными, так как в темной деревне политическое сознание развивается медленно, а партия социалистов-революционеров вела агитацию среди крестьян на протяжении целого поколения… Но даже и в крестьянской среде начало формироваться революционное ядро. Это стало очевидным в октябре, когда левое крыло социалистов-революционеров откололось и образовало новую политическую группировку – партию левых эсеров.

В то же время всюду стали заметны признаки оживления реакционных сил. Так, например, в Троицком театре в Петрограде представление комедии «Преступление царя» было сорвано группой монархистов, грозивших расправиться с актерами за «оскорбление императора». Определенные газеты начали вздыхать по «русскому Наполеону». В среде буржуазной интеллигенции стало обычаем называть Совет рабочих депутатов «советом собачьих депутатов».

15 октября у меня был разговор с крупным русским капиталистом Степаном Георгиевичем Лианозовым – «русским Рокфеллером», кадетом по политическим убеждениям.

«Революция, – сказал он, – это болезнь. Раньше или позже иностранным державам придется вмешаться в наши дела, точно

так же, как вмешиваются врачи, чтобы излечить больного ребенка и поставить его на ноги. Конечно, это было бы более или менее неуместно, однако все нации должны понять, насколько для их собственных стран опасны большевизм и такие заразительные идеи, как «пролетарская диктатура» и «мировая социальная революция»… Впрочем, возможно, такое вмешательство не будет необходимым. Транспорт развалился, фабрики закрываются, и немцы наступают. Может быть, голод и поражение пробудят в русском народе здравый смысл…»

Господин Лианозов весьма энергично утверждал: что бы ни случилось, торговцы и промышленники не могут допустить существования фабрично-заводских комитетов или примириться с каким бы то ни было участием рабочих в управлении производством.

«Что до большевиков, то с ними придется разделываться одним из двух методов. Правительство может эвакуировать Петроград, объявив тогда осадное положение, и командующий войсками округа расправится с этими господами без юридических формальностей… Или, если, например, Учредительное собрание проявит какие-либо утопические тенденции, его можно будет разогнать силой оружия…»

* * *

Наступала зима – страшная русская зима. В торгово-промышленных кругах я слышал такие разговоры: «Зима всегда была лучшим другом России; быть может, теперь она избавит нас от революции». На замерзающем фронте голодали и умирали несчастные армии, потерявшие всякое воодушевление. Железные дороги замирали, продовольствия становилось все меньше, фабрики закрывались. Отчаявшиеся массы громко кричали, что буржуазия покушается на жизнь народа, вызывает поражение на фронте. Рига была сдана непосредственно после того, как генерал Корнилов публично заявил: «Не должны ли мы пожертвовать Ригой, чтобы возвратить страну к сознанию ее долга?»

Американцам показалось бы невероятным, что классовая борьба могла дойти до такой остроты. Но я лично встречал на Северном фронте офицеров, которые открыто предпочитали военное поражение сотрудничеству с солдатскими комитетами. Секретарь петроградского отдела кадетской партии говорил мне, что экономическая разруха является частью кампании, проводимой для дискредитирования революции. Один союзный дипломат, имя которого я дал слово не упоминать, подтверждал

это на основании собственных сведений. Мне известны некоторые угольные копи близ Харькова, которые были подожжены или затоплены владельцами, московские текстильные фабрики, где инженеры, бросая работу, приводили машины в негодность, железнодорожные служащие, пойманные рабочими в момент, когда они выводили локомотивы из строя…

Значительная часть имущих классов предпочитала немцев революции – даже Временному правительству – и не колебалась говорить об этом. В русской семье, где я жил, почти постоянной темой разговоров за столом был грядущий приход немцев, несущих «законность и порядок…». Однажды мне пришлось провести вечер в доме одного московского купца; во время чаепития мы спросили у одиннадцати человек, сидевших за столом, кого они предпочитают – «Вильгельма или большевиков». Десять против одного высказались за Вильгельма…

Спекулянты пользовались всеобщей разрухой, наживали колоссальные состояния и растрачивали их на неслыханное мотовство или на подкуп должностных лиц. Они прятали продовольствие и топливо или тайно переправляли их в Швецию.

В первые четыре месяца революции, например, из петроградских городских складов почти открыто расхищались продовольственные запасы, так что имевшийся двухгодовой запас зернового хлеба сократился до такой степени, что его оказалось недостаточно для пропитания города в течение одного месяца… Согласно официальному сообщению последнего министра продовольствия Временного правительства, кофе закупался во Владивостоке оптом по 2 рубля фунт, а потребитель в Петрограде платил по 13 рублей. Во всех магазинах крупных городов находились целые тонны продовольствия и одежды, но приобретать это могли только богатые.

В одном провинциальном городе я знал купеческую семью, состоявшую из спекулянтов-мародеров, как называют их русские. Три сына откупились от воинской повинности. Один из них спекулировал продовольствием. Другой сбывал краденое золото из Ленских приисков таинственным покупателям в Финляндии. Третий закупил большую часть акций одной шоколадной фабрики и продавал шоколад местным кооперативам, с тем чтобы они за это снабжали его всем необходимым. Таким образом, в то время как массы народа получали четверть фунта черного хлеба в день по своей хлебной карточке, он имел в изобилии белый хлеб, сахар, чай, конфеты, печенье и масло… И все же, когда солдаты на фронте не могли больше сражаться от холода, голода и истощения, члены этой семьи с негодованием вопили: «Трусы!», они «стыдились быть русскими»… Для них большевики, которые в

конце концов нашли и реквизировали крупные запасы припрятанного ими продовольствия, были сущими «грабителями».

* * *

В этой атмосфере всеобщей продажности и чудовищных полуистин изо дня в день было слышно звучание одной ясной ноты все крепнущего хора большевиков: «Вся власть Советам! Вся власть истинным представителям миллионов рабочих, солдат и крестьян. Хлеба, земли, конец бессмысленной войне, конец тайной дипломатии, спекуляции, измене… Революция в опасности, и с ней – общее дело народа во всем мире!»

Борьба между пролетариатом и буржуазией, между Советами и правительством, начавшаяся еще в первые мартовские дни, приближалась к своему апогею. Россия, одним прыжком перескочив из средневековья в XX век, явила изумленному миру две революции – политическую и социальную – в смертельной схватке.

Какую изумительную жизнеспособность проявляла русская революция после стольких месяцев голодовки и разочарований! Буржуазии следовало бы лучше знать свою Россию. Теперь лишь немногие дни отделяли Россию от полного разгара революционной «болезни»…

При взгляде назад Россия до Ноябрьского восстания кажется страной иного века, почти невероятно консервативной. Так быстро пришлось привыкать к новому, ускоренному темпу жизни. Русские политические отношения сразу и целиком сдвинулись влево до такой степени, что кадеты были объявлены вне закона, как «враги народа», Керенский стал «контрреволюционером», «умеренные» социалистические вожди – Церетели, Дан, Либер, Гоц, Авксентьев оказались слишком реакционными для своих собственных последователей, и даже такие люди, как Виктор Чернов и Максим Горький, очутились на правом крыле…

Около середины декабря 1917 г. группа эсеровских вождей частным образом посетила английского посла сэра Джорджа Бьюкенена, причем умоляла его никому не говорить об этом посещении, потому что они считались «слишком правыми».

«И подумать только, – сказал сэр Джордж, – год тому назад мое правительство инструктировало меня не принимать Милюкова, потому что он слыл опасно левым!..»

Сентябрь и октябрь – наихудшие месяцы русского года, особенно петроградского года. С тусклого, серого неба в течение

все более короткого дня непрестанно льет пронизывающий дождь. Повсюду под ногами густая, скользкая и вязкая грязь, размазанная тяжелыми сапогами и еще более жуткая чем когда-либо ввиду полного развала городской администрации. С Финского залива дует резкий, сырой ветер, и улицы затянуты мокрым туманом. По ночам – частью из экономии, частью из страха перед цеппелинами – горят лишь редкие, скудные уличные фонари; в частные квартиры электричество подается только вечером, с 6 до 12 часов, причем свечи стоят по сорок центов (Цент по тогдашнему курсу равнялся 3 – 5 копейкам. – *джон рид*) штука, а керосина почти нельзя достать. Темно с 3 часов дня до 10 утра. Масса разбоев и грабежей. В домах мужчины по очереди несут ночную охрану, вооружившись заряженными ружьями. Так было при Временном правительстве. С каждой неделей продовольствия становится все меньше. Хлебный паек уменьшился с 2 фунтов до 1 фунта, потом до 3/4 фунта, 1/2 фунта и 1/4 фунта. Наконец, прошла целая недели, когда совсем не выдавали хлеба. Сахару полагалось по 2 фунта в месяц, но эти 2 фунта надо было достать, а это редко кому удавалось. Плитка шоколада или фунт безвкусных леденцов стоили от 7 до 10 рублей, т. е. по крайней мере доллар. Половина петроградских детей не имела молока; во многих гостиницах и частных домах его не видали по целым месяцам. Хотя был фруктовый сезон, яблоки и груши продавались на улицах чуть ли не по рублю за штуку…

За молоком, хлебом, сахаром и табаком приходилось часами стоять в очередях под пронизывающим дождем. Возвращаясь домой с митинга, затянувшегося на всю ночь, я видел, как перед дверями магазина еще до рассвета начал образовываться «хвост», главным образом из женщин; многие из них держали на руках грудных детей… Карлейль говорит в своей «Французской революции», что французы отличаются от всех прочих народов мира способностью стоять в «хвостах». Россия начала приобретать эту способность в царствование Николая «благословенного», еще с 1915 года, – и с тех пор «хвосты» появлялись время от времени, пока к лету 1917 г. окончательно не вошли в порядок вещей. Подумайте, каково было этим кое-как одетым людям выстаивать целые дни напролет на скованных и выбеленных морозом петроградских улицах в ужасную русскую зиму!

Я прислушивался к разговорам в хлебных очередях. Сквозь удивительное добродушие русской толпы время от времени прорывались горькие, желчные ноты недовольства…

* * *

Разумеется, театры были открыты ежедневно, не исключая и воскресений. В Мариинском шел новый балет с Карсавиной, и вся балетоманская Россия являлась смотреть на нее. Пел Шаляпин. В Александрийском была возобновлена мейерхольдовская постановка драмы Алексея Толстого «Смерть Ивана Грозного». На этом спектакле мне особенно запомнился воспитанник императорского пажеского корпуса в парадной форме, который во всех антрактах стоял навытяжку лицом к пустой императорской ложе, с которой уже были сорваны все орлы… Театр «Кривое зеркало» давал роскошную постановку шницлеровского «Хоровода».

Эрмитаж и все прочие картинные галереи были эвакуированы в Москву; однако в Петрограде каждую неделю открывались художественные выставки. Толпы женщин из среды интеллигенции усердно посещали лекции по искусству, литературе и популярной философии. У теософов был необычайно оживленный сезон. Армия спасения, впервые в истории допущенная в Россию, заклеивала все стены объявлениями о евангелических собраниях, одновременно изумлявших и забавлявших русскую аудиторию…

Как и всегда бывает в таких случаях, повседневная мелочная жизнь города шла своим чередом, стараясь по возможности не замечать революции. Поэты писали стихи, – но только не о революции. Художники-реалисты писали картины на темы старинного русского быта – о чем угодно, но не о революции. Провинциальные барышни приезжали в Петроград учиться французскому языку и пению. По коридорам и вестибюлям отелей расхаживали молодые, изящные и веселые офицеры, щеголяя малиновыми башлыками с золотым позументом и чеканными кавказскими шашками. В полдень дамы из второразрядного чиновничьего круга ездили друг к другу на чашку чая, привозя с собой в муфте маленькую серебряную или золотую сахарницу ювелирной работы, полбулки, и при этом они вслух мечтали о том, как бы было хорошо, если бы вернулся царь или если бы пришли немцы, или если бы случилось что-нибудь другое, что могло бы разрешить наболевший вопрос о прислуге… Дочь одного из моих приятелей однажды в полдень вернулась домой в истерике: кондукторша в трамвае назвала ее «товарищем»!

А вокруг них корчилась в муках, вынашивая новый мир, огромная Россия. Прислуга, с которой прежде обращались, как с животными, и которой почти ничего не платили, обретала чувство собственного достоинства. Пара ботинок стоила свыше ста рублей, и так как жалованье в среднем не превышало

тридцати пяти рублей в месяц, то прислуга отказывалась стоять в очередях и изнашивать свою обувь. Но мало этого. В новой России каждый человек – все равно мужчина или женщина – получил право голоса; появились рабочие газеты, говорившие о новых и изумительных вещах; появились Советы; появились профессиональные союзы. Даже у извозчиков был свой профсоюз и свой представитель в Петроградском Совете. Лакеи и официанты сорганизовались и отказались от чаевых. Во всех ресторанах по стенам висели плакаты, гласившие: «Здесь на чай не берут» или: «Если человеку приходится служить за столом, чтобы заработать себе на хлеб, то это еще не значит, что его можно оскорблять подачками на чай».

На фронте солдаты боролись с офицерами и учились в своих комитетах самоуправлению. На фабриках приобретали опыт и силу и понимание своей исторической миссии в борьбе со старым порядком эти не имеющие себе подобных русские организации – фабрично-заводские комитеты.

Вся Россия училась читать и действительно читала книги по политике, экономике, истории – читала потому, что люди хотели знать… Мы приехали на фронт в XII армию, стоявшую за Ригой, где босые и истощенные люди погибали в окопной грязи от голода и болезней. Завидев нас, они поднялись навстречу. Лица их были изможднены; сквозь дыры в одежде синело голое тело. И первый вопрос был: «Привезли ли что-нибудь почитать?»

В каждом городе, в большинстве прифронтовых городов каждая политическая партия выпускала свою газету, а иногда и несколько газет. Тысячи организаций печатали сотни тысяч политических брошюр, затопляя ими окопы и деревни, заводы и городские улицы.

Жажда просвещения, которую так долго сдерживали, вместе с революцией вырвалась наружу со стихийной силой. За первые шесть месяцев революции из одного Смольного института ежедневно отправлялись во все уголки страны тонны, грузовики, поезда литературы.

Россия поглощала печатный материал с такой же ненасытностью, с какой сухой песок впитывает воду. И все это были не сказки, не фальсифицированная история, не разбавленная водой религия, не дешевая, разлагающая макулатура, а общественные и экономические теории, философии, произведения Толстого, Гоголя и Горького…

* * *

Затем – слово. Россию затоплял такой поток живого слова, что по сравнению с ним «потоп французской речи», о котором пишет Карлейль, кажется мелким ручейком. Лекции, дискуссии, речи – в театрах, цирках, школах, клубах, залах Советов, помещениях профсоюзов, казармах… Митинги в окопах на фронте, на деревенских лужайках, на фабричных дворах… Какое изумительное зрелище являет собой Путиловский завод, когда из его стен густым потоком выходят сорок тысяч рабочих, выходят, чтобы слушать социал-демократов, эсеров, анархистов – кого угодно, о чем угодно и сколько бы они ни говорили. В течение целых месяцев каждый перекресток Петрограда и других русских городов постоянно был публичной трибуной. Стихийные споры и митинги возникали и в поездах, и в трамваях, повсюду…

А всероссийские съезды и конференции, на которые съезжались люди двух материков – съезды Советов, кооперативов, земств, национальностей, духовенства, крестьян, политических партий; Демократическое совещание, Московское Государственное совещание, Совет Российской республики… В Петрограде постоянно заседали три-четыре съезда сразу. Попытки ограничить время ораторов проваливались решительно на всех митингах, и каждый имел полную возможность выразить все чувства и мысли, какие только у него были…

Внешних, видимых признаков совершившейся перемены было много, но, хотя в руках статуи Екатерины Великой против Александрийского театра торчал красный флажок, хотя над всеми общественными зданиями тоже развевались красные флаги, иногда, впрочем, выцветшие, а императорские вензеля и орлы были повсюду сорваны или прикрыты; хотя вместо свирепых городовых улицы охраняла добродушная и невооруженная гражданская милиция, – тем не менее еще сохранилось очень много странных пережитков прошлого.

Так, например, оставалась в полной силе табель о рангах Петра Великого, которой он железной рукой сковал всю Россию. Почти все, начиная от школьников, еще продолжали носить установленную прежнюю форменную одежду с императорскими орлами на пуговицах и петлицах. Около пяти часов вечера улицы заполнялись пожилыми людьми в форме, с портфелями. Возвращаясь домой с работы в огромных казармоподобных министерствах и других правительственных учреждениях, они, быть может, высчитывали, насколько быстро смертность среди начальства подвигает их к долгожданному чину коллежского асессора или тайного советника, к перспективе почетной отставки с полной пенсией, а может быть, и с Анной на шее…

Любопытный случай произошел с сенатором Соколовым,

который в самом разгаре революции как-то раз явился на заседание сената в штатском костюме. Ему не позволили принять участие в заседании, потому что на нем не было предписанной ливреи слуги царя!

На этом-то фоне брожения и разложения целой нации развернулась панорама восстания русских народных масс…

Рождение бури

В сентябре (по нов. ст.) на Петроград двинулся генерал Корнилов, чтобы провозгласить себя военным диктатором России. За его спиной неожиданно обнаружился бронированный кулак буржуазии, дерзко попытавшейся сокрушить революцию. В заговоре Корнилова были замешаны некоторые министры-социалисты. Сам Керенский был под подозрением. Савинков, от которого Центральный комитет его партии, социалистов-революционеров, потребовал объяснений, ответил отказом и был исключен из партии. Корнилова арестовали солдатские комитеты. Многие генералы были уволены в отставку, некоторые министры лишились портфелей, и кабинет пал.

Керенский попытался сформировать новое правительство при участии представителей партии буржуазии – кадетов. Партия социалистов-революционеров, к которой он принадлежал, приказала ему кадетов исключить. Керенский не послушался и пригрозил, что, если социалисты будут настаивать на своем, он подаст в отставку. Однако настроение народа было настолько резко и определенно, что в это время он не посмел бороться с ним. Была образована временная директория из пяти министров с Керенским во главе, которая и взяла на себя власть впредь до окончательного разрешения вопроса о составе правительства.

Корниловский мятеж сплотил все социалистические группы – как «умеренные», так и революционные – в страстном порыве к самозащите. Корниловых больше не должно быть. Необходимо создать новое правительство, ответственное перед элементами, поддерживающими революцию. Поэтому ЦИК предложил всем демократическим организациям прислать делегатов на Демократическое совещание, которое должно открыться в Петрограде в сентябре.

В ЦИК сразу образовалось три направления. Большевики требовали немедленного созыва Всероссийского съезда Советов и перехода к нему всей полноты власти. Центристы-эсеры, руководимые Черновым, вместе с левыми эсерами, возглавлявшимися Камковым и Спиридоновой, меньшевики-интернационалисты во главе с Мартовым и меньшевики-центристы, представленные Богдановым и Скобелевым, требовали создания однородного социалистического правительства. Правые меньшевики во главе с Церетели, Даном и Либером, а также правые эсеры, которыми руководили Авксентьев и Гоц, настаивали на участии в новом правительстве представителей имущих классов. Почти вслед за этим большевики завоевали

большинство в Петроградском Совете, а потом и в Советах Москвы, Киева, Одессы и других городов.

Меньшевики и эсеры, господствовавшие в ЦИК, встревожились и решили, что в конце концов Ленин для них страшнее Корнилова. Они изменили порядок представительства в Демократическом совещании, выделив гораздо больше мест кооперативам и другим консервативным организациям. Но даже и это специально подобранное совещание – сначала высказывалось за коалиционное правительство без кадетов. Только открытая угроза Керенского отставкой и отчаянные вопли «умеренных» социалистов, что «республика в опасности», заставили Совещание незначительным большинством принять принцип коалиции с буржуазией и санкционировать создание нечто в роде совещательного парламента без всякой законодательной власти под названием «Временного Совета Российской республики». В новом министерстве представители имущих классов фактически заправляли всем, а в Совете Российской республики они получили непропорционально большое количество мест.

ЦИК фактически уже не представлял рядовую массу в Советах и без всякого законного основания отказался созвать Второй всероссийский съезд, который должен был открыться в сентябре. ЦИК не имел никакого намерения созвать съезд или допустить его созыв. Его официальный орган «Известия» начал намекать, что миссия Советов уже почти закончена и что, быть может, они скоро будут распущены… А в то же время новое правительство также заявило, что в его программу входит ликвидация «безответственных организаций», т. е. Советов.

В ответ на это большевики призвали Советы собраться на съезд 2 ноября (20 октября) в Петрограде и взять в свои руки власть в России. В то же время они вышли из Совета Российской республики, заявив, что не хотят принимать участия в «правительстве народной измены».

Однако уход большевиков не принес спокойствия злополучному Совету республики. Имущие классы, стоявшие теперь у власти, явно наглели. Кадеты заявили, что правительство не имеет законного права объявлять Россию республикой. Они требовали применения суровых мер в армии и флоте с целью разгона солдатских и матросских комитетов и повели атаку на Советы. А на противоположном крыле Совета республики меньшевики-интернационалисты и левые эсеры выступали за немедленное заключение мира, передачу земли крестьянам, введение рабочего контроля над производством – фактически за большевистскую программу.

Мне пришлось слышать выступление Мартова против кадетов. Сгорбившись над трибуной, точно смертельно больной, каким он и был, показывая пальцем на правых, он говорил хриплым, еле внятным голосом:

«Вы называете нас пораженцами. Но настоящие пораженцы – это те люди, которые ждут благоприятного момента для заключения мира, которые откладывают и оттягивают мир до бесконечности, до тех пор, пока от русской армии не останется ничего, пока сама Россия не станет предметом торга между империалистическими группами… Вы пытаетесь навязать русскому народу политику, диктуемую интересами буржуазии. Вопрос о мире должен быть разрешен немедленно… И тогда вы увидите, что не напрасно работали те люди, которых вы называете германскими агентами, те циммервальдисты (Члены революционно-интернационалистского крыла европейского социализма. Они названы так по их международной конференции 1915 г. в Циммервальде (Швейцария. – *дж. р* .), которые подготовили пробуждение сознания демократических масс во всем мире…»

Между этими группировками метались меньшевики и эсеры, ощущая слева давление нарастающего недовольства масс. Глубокая вражда разделила Совет республики на непримиримые группы.

* * *

Таково было положение, когда долгожданная весть о Парижской общесоюзнической конференции поставила во весь рост жгучие вопросы иностранной политики…

В теории все русские социалистические партии стояли за скорейшее заключение мира на демократических условиях. Еще в мае (апреле) 1917 г. Петроградский Совет, которым тогда руководили меньшевики и эсеры, обнародовал известные русские условия мира. В них содержалось требование, чтобы союзники созвали конференцию для обсуждения целей войны. Конференция была обещана на август, потом отложена на сентябрь, потом на октябрь, теперь она была назначена на 10 ноября (28 октября).

Временное правительство намеревалось послать на эту конференцию двух представителей: генерала Алексеева, настроенного очень реакционно, и министра иностранных дел Терещенко. Советы со своей стороны избрали Скобелева своим представителем и составили манифест, знаменитый наказ, который должен был служить ему инструкцией. Временное

правительство не признавало ни Скобелева, ни его наказа; союзная дипломатия тоже протестовала. Кончилось тем, что Бонар Лоу, министр финансов в коалиционном правительстве Ллойд Джорджа, холодно заявил, отвечая на вопрос в британской палате общин: «Насколько мне известно, Парижская конференция будет обсуждать не цели войны, а способы ее ведения…».

Русская консервативная пресса была в восторге, а большевики кричали: «Вот куда завела меньшевиков и эсеров соглашательская тактика!».

А по всему фронту длиною в тысячи миль бурлила, как морской прилив, многомиллионная русская армия, высылая в столицу, новые и новые сотни делегаций, требовавших: «Мира! Мира!»

Я отправился за реку, в цирк Модерн, на один из огромных народных митингов, которые происходили по всему городу, с каждым вечером собирая все больше и больше публики. Обшарпанный, мрачный амфитеатр, освещенный пятью слабо мерцавшими лампочками, свисавшими на тонкой проволоке, был забит снизу доверху, до потолка: солдаты, матросы, рабочие, женщины, и все слушали с таким напряжением, как если бы от этого зависела их жизнь. Говорил солдат от какой-то 548-й дивизии.

«Товарищи! – кричал он, и в его истощенном лице и жестах отчаяния чувствовалась самая настоящая мука, – люди, стоящие наверху, все время призывают нас к новым и новым жертвам, а между тем тех, у кого есть все, не трогают.

Мы воюем с Германией. Пригласим ли мы германских генералов работать в нашем штабе? Ну, а ведь мы воюем и с капиталистами, и все же мы зовем их в наше правительство…

Солдат говорит: «Укажите мне, за что я сражаюсь. За Константинополь или за свободную Россию? За демократию или за капиталистические захваты? Если мне докажут, что я защищаю революцию, то я пойду и буду драться, и меня не придется подгонять расстрелами».

Когда земля будет принадлежать крестьянам, заводы – рабочим, а власть Советам, тогда мы будем знать, что у нас есть за что драться, и тогда мы будем драться!»

В казармах, на заводах, на углах улиц – всюду ораторствовали бесчисленные солдаты, требуя немедленного мира, заявляя, что, если правительство не сделает энергичных шагов, чтобы добиться мира, армия оставит окопы и разойдется по домам.

Представитель VIII армии говорил:

«Мы слабы, у нас осталось всего по нескольку человек на

роту. Если нам не дадут продовольствия, сапог и подкреплений, то скоро на фронте останутся одни пустые окопы. Мир или снабжение… Пусть правительство либо кончает войну, либо снабжает армию…»

От 46-й Сибирской артиллерийской бригады: «Офицеры не хотят работать с нашими комитетами, они предают нас неприятелю, они расстреливают наших агитаторов, а контрреволюционное правительство поддерживает их. Мы думали, что революция даст нам мир. А вместо этого правительство запрещает нам даже говорить о таких вещах, а само не дает нам достаточно еды, чтобы жить, и достаточно боеприпасов, чтобы сражаться…»

А из Европы шли слухи о мире за счет России… Недовольство еще увеличивалось известиями о положении русских войск во Франции. Первая бригада попыталась заменить своих офицеров солдатскими комитетами, как это было сделано их товарищами в России, и отказалась отправиться в Салоники, требуя возвращения на родину. Ее окружили, поморили голодом и, наконец, обстреляли артиллерийским огнем, причем многие были убиты…

* * *

26 (13) октября я отправился в беломраморно-красный зал Мариинского дворца, где заседал Совет республики. Мне хотелось послушать Терещенко: он должен был огласить правительственную декларацию о внешней политике, которой так долго и с таким страстным нетерпением ждала страна, истощенная войной и жаждавшая мира.

Высокий безукоризненно одетый и выбритый молодой человек с выдающимися скулами тихим голосом читал свою тщательно составленную и ни к чему не обязывающую речь. Ничего… Все те же общие места о сокрушении германского милитаризма в тесном единении с доблестными союзниками, о «государственных интересах России», о «затруднениях», созданных Скобелевским наказом. Терещенко закончил следующими словами, составлявшими суть его речи:

«Россия – великая держава. Россия останется великой державой, что бы ни случилось. Мы все должны защищать ее, мы должны показать себя защитниками великого идеала и сынами великой державы».

Никто не был удовлетворен этой речью. Реакционеры требовали «твердой» империалистической политики, а

демократические партии хотели получить гарантию, что правительство будет добиваться мира. Привожу передовую статью газеты «Рабочий и Солдат» – органа большевистского Петроградского Совета:

«Ответ правительства окопам.

Министр иностранных дел г. Терещенко выступил в предпарламенте с большой речью по поводу войны и мира. Что же поведал армии и народу самый молчаливый из наших министров?

Во-первых, мы тесно связаны с нашими союзниками (не народами, а их правительствами).

Во-вторых, не следует демократии рассуждать о возможности или невозможности ведения зимней кампании: решать должны союзные правительства.

В-третьих, наступление 18 июня было благодетельным и счастливым делом (о последствиях наступления Терещенко умолчал).

В-четвертых, неверно-де, будто союзные правительства о нас не заботятся. «У нас имеются определенные заявления наших союзников»… Заявления? А дела? А поведение английского флота? А переговоры английского короля с высланным контрреволюционером Гурко? Об этом министр умолчал.

В-пятых, наказ Скобелеву плох, этим наказом недовольны союзники и русские дипломаты, а «на союзной конференции мы должны говорить единым языком».

И это все? Все. Где же пути выхода? Вера в союзников и в Терещенко. Когда же наступит мир? Тогда, когда позволят союзники.

Таков ответ Временного правительства окопам на вопрос о мире».

И в это же время на заднем плане российской политики начали вырисовываться неясные очертания зловещей силы – казаки. Газета Горького «Новая Жизнь» обратила внимание читателей на их деятельность:

«…Во время февральских дней казаки не стреляли в народ, во время Корнилова они не присоединились к изменнику…

За последнее время их роль несколько меняется: от пассивной лояльности они переходят к активному политическому наступлению…»

Атаман донского казачьего войска Каледин был уволен Временным правительством в отставку за участие в корниловскои заговоре. Он наотрез отказался покинуть свой пост и засел в Новочеркасске, окруженный тремя огромными казачьими армиями, составлял заговоры и грозил выступлением. Сила его

была так велика, что правительству пришлось смотреть на его неподчинение сквозь пальцы. Мало того, оно было вынуждено формально признать Совет союза казачьих войск и объявить вновь образованную казачью секцию Советов незаконной.

В начале октября к Керенскому явилась делегация казаков, имевшая наглость требовать прекращения нападок на Каледина и упрекать главу правительства в том, что он потакает Советам.

Керенский согласился оставить Каледина в покое и, как сообщалось, при этом сказал: «Руководители Совета считают меня деспотом и тираном… Что до Временного правительства, то оно не только не опирается на Советы, но весьма сожалеет, что они вообще существуют».

В то же время другая казачья делегация явилась к английскому послу и в разговоре с ним прямо называла себя представителем «свободного казачьего народа».

На Дону образовалось нечто вроде казачьей республики. Кубань объявила себя независимым казачьим государством. В Ростове-на-Дону и в Екатеринославе вооруженные казаки разогнали Советы, а в Харькове разгромили помещение профессионального союза горняков. Казачье движение повсюду проявляло себя как антисоциалистическое и милитаристское. Его вождями были дворяне и крупные землевладельцы, такие, как Каледин, Корнилов, генералы Дутов, Караулов и Бардижи, его поддерживали крупные московские коммерсанты и банкиры.

* * *

Старая Россия быстро разваливалась. На Украине и в Финляндии, в Польше и в Белоруссии усиливалось все более открытое националистическое движение. Местные органы власти, руководимые имущими классами, стремились к автономии и отказывались подчиняться распоряжениям из Петрограда. В Гельсингфорсе финляндский сейм отказался брать у Временного правительства деньги, объявил Финляндию автономной и потребовал вывода русских войск. Буржуазная рада в Киеве до такой степени раздвинула границы Украины, что они включили в себя богатейшие земледельческие области Южной России, вплоть до самого Урала, и приступила к формированию национальной армии. Глава рады Винниченко поговаривал о сепаратном мире с Германией, и Временное правительство ничего не могло поделать с ним. Сибирь и Кавказ требовали для себя отдельных учредительных собраний. Во всех этих областях уже начиналась ожесточенная борьба между местными властями и Советами

рабочих и солдатских депутатов.

Хаос увеличивался со дня на день. Сотни и тысячи солдат дезертировали с фронта и стали двигаться по стране огромными, беспорядочными волнами. В Тамбовской и Тверской губерниях крестьяне, уставшие ждать земли, доведенные до отчаяния репрессивными мерами правительства, жгли усадьбы и убивали помещиков. Громадные стачки и локауты сотрясали Москву, Одессу и Донецкий угольный бассейн. Транспорт был парализован, армия голодала, крупные городские центры остались без хлеба.

Правительство, раздираемое борьбой между демократическими и реакционными партиями, ничего не могло сделать. Когда оно все-таки оказывалось вынужденным что-то предпринять, его действия неизменно отвечали интересам имущих классов. Высылались казаки для водворения порядка в деревнях, для подавления стачек. В Ташкенте правительственные власти разогнали Совет. В Петрограде Экономическое совещание, созданное для восстановления подорванной экономики страны, зашло в тупик: оно не могло разрешить непримиримого противоречия между трудом и капиталом и в конце концов было распущено Керенским.

Старорежимные офицеры и генералы, поддерживаемые кадетами, требовали жестоких мер для восстановления дисциплины в армии и флоте. Всеми почитаемый морской министр адмирал Вердеревский и военный министр генерал Верховский напрасно твердили, что спасти армию и флот может только новая, добровольная, демократическая дисциплина, основанная на сотрудничестве командного состава с солдатскими и матросскими комитетами. Их никто не слушал.

Реакционеры, казалось, решили нарочно вызвать ярость в народе. Приближался день суда над Корниловым. Буржуазная пресса все более и более откровенно защищала его, говоря о нем, как о «великом русском патриоте». Бурцевская газета «Общее Дело» требовала установления диктатуры Корнилова, Каледина и Керенского.

С Бурцевым я однажды говорил в ложе прессы Совета Российской республики. Маленький сгорбленный человечек с морщинистым лицом, с близорукими глазами за толстыми стеклами очков, с неопрятной копной волос на голове и седеющей бородой.

«Запомните мои слова, молодой человек! России нужна сильная личность. Пора бросить все думы о революции и сплотиться против немцев. Дураки, дураки допустили, что разбили Корнилова; а за дураками стоят германские агенты.

Корнилов должен был бы победить…»

Крайняя правая была представлена органами плохо прикрытого монархизма: «Народный Трибун» Пуришкевича, «Новая Русь» и «Живое Слово», открыто призывавшие к искоренению революционной демократии.

23(10) октября в Рижском заливе произошло морское сражение с германской эскадрой. Правительство под тем предлогом, что Петроград находится в опасности, составляло планы эвакуации столицы. Сначала должны были быть вывезены и размещены по всей России крупные заводы, работавшие на оборону, а затем само правительство собиралось двинуться в Москву. Большевики немедленно объявили, что правительство покидает красную столицу только для того, чтобы ослабить революцию. Ригу уже продали немцам, теперь предают Петроград!

Буржуазная пресса ликовала. «В Москве, – говорила кадетская газета «Речь», – правительство сможет работать в спокойной атмосфере, без помех со стороны анархистов». Лидер правого крыла кадетской партии Родзянко заявил в «Утре России», что взятие Петрограда немцами было бы великим счастьем, потому что уничтожило бы Советы и избавило Россию от революционного Балтийского флота:

«Петроград находится в опасности… – писал он. – Я думаю, бог с ним, с Петроградом! Опасаются, что в Питере погибнут центральные учреждения (т. е. Советы и т. д.). На это я возражаю, что очень рад, если все эти учреждения погибнут, потому что, кроме зла, России они ничего не принесли…

Со взятием Петрограда будет уничтожен и Балтийский флот… Но жалеть об этом не приходится: большинство боевых судов совершенно развращено».

Буря народного негодования была так велика, что планы эвакуации пришлось отложить.

* * *

А тем временем над Россией, словно грозовая туча, пронизываемая молниями, навис съезд Советов. Его созыву сопротивлялось не только правительство, но и все «умеренные» социалисты. Центральные комитеты армии и флота, центральные комитеты некоторых профессиональных союзов, Советы крестьянских депутатов и особенно ЦИК изо всех сил старались предотвратить созыв съезда. Основанные Петроградским Советом, но оказавшиеся в руках ЦИК газеты «Известия» и «Голос Солдата»

ожесточенно выступали против съезда. Их поддерживала вся тяжелая артиллерия эсеровской печати – «Дело Народа» и «Воля Народа».

По всей стране были разосланы делегаты, по всем телеграфным проводам летели инструкции, требовавшие от местных Советов и армейских комитетов, чтобы они отменяли или откладывали выборы на съезд. Напыщенные резолюции против съезда, заявления о том, что демократия не допустит его открытия перед самым Учредительным собранием, протесты представителей от фронтов, от земского союза, от крестьянского союза, от союза казачьих войск, от союза офицеров, от союза георгиевских кавалеров, от «батальонов смерти»… Совет Российской республики тоже единогласно выражал неодобрение. Весь огромный аппарат, созданный Мартовской революцией в России, изо всех сил работал, чтобы не допустить съезда Советов.

А на другой стороне были неоформленные желания пролетариата – рабочих, рядовых солдат и крестьян-бедняков. Многие местные Советы уже стали большевистскими; кроме того, имелись организации промышленного пролетариата, фабрично-заводские комитеты и готовые к восстанию революционные организации армии и флота. Во многих местах народ, которому не давали правильно выбирать своих представителей, собирался на самочинные митинги, где выбирал делегатов в Петроград. В других местах народ смещал стоявшие на его пути старые комитеты и выбирал новые. Подземный огонь восстания прорывал кору, которая медленно затвердевала на поверхности революционной лавы, бездействовавшей в течение всех этих месяцев. Всероссийский съезд Советов мог состояться только в результате стихийного движения масс…

День за днем большевистские ораторы обходили казармы и фабрики, яростно нападая на «правительство гражданской войны». Однажды, в воскресенье, мы отправились в битком набитом паровике, тащившемся по морям грязи мимо угрюмых фабрик и огромных церквей, на казенный Обуховский военный завод, около Шлиссельбургского проспекта.

Митинг состоялся в громадном недостроенном корпусе с голыми кирпичными стенами. Вокруг трибуны, задрапированной красным, сгрудилась десятитысячная толпа. Все в черном. Люди теснились на штабелях дров и кучах кирпича, взбирались высоко вверх на мрачно чернеющие брусья. То была напряженно внимательная и громкоголосая аудитория. Сквозь тяжелые, темные тучи время от времени пробивалось солнце, заливая красноватым светом пустые оконные переплеты и море обращенных к нам простых человеческих лиц.

Луначарский – худощавый, похожий на студента, с чутким лицом художника объяснял, почему Советы должны взять власть. Только они могут защищать революцию от ее врагов, сознательно разрушающих страну, разваливающих армию, создающих почву для нового Корнилова.

Выступил солдат с Румынского фронта, худой человек с трагическим и пламенным выражением лица. «Товарищи, – кричал он, – мы голодаем и мерзнем на фронте. Мы умираем ни за что. Пусть американские товарищи передадут Америке, что мы, русские, будем биться на смерть за свою революцию. Мы будем держаться всеми силами, пока на помощь нам не поднимутся все народы мира! Скажите американским рабочим, чтобы они поднялись и боролись за социальную революцию!»

Потом встал Петровский, тонкий, медлительный и беспощадный:

«Довольно слов, пора переходить к делу! Экономическое положение очень плохо, но нам придется приспособиться к нему. Нас пытаются взять голодом и холодом, нас хотят спровоцировать. Но пусть враги знают, что они могут зайти слишком далеко; если они осмелятся прикоснуться к нашим пролетарским организациям, мы сметем их с лица земли, как сор!»

Большевистская пресса разрасталась с внезапной быстротой. Кроме двух партийных газет «Рабочий Путь» и «Солдат», стала выходить «Деревенская Беднота» – новая ежедневная газета для крестьян с полумиллионным тиражом, а с 30 (17) октября появился «Рабочий и Солдат»…

Любопытно привести здесь отрывок из этой газеты, из органа тех самых большевиков, которых весь мир так хорошо знает в качестве германских агентов:

«Германский кайзер, покрытый кровью миллионов, хочет двинуть свои войска на Петроград. Призовем на помощь против кайзера немецких рабочих, солдат, матросов, крестьян, которые жаждут мира не меньше, чем мы…

«Долой проклятую войну!». Кто должен сделать такое предложение? Революционная власть, подлинное революционное правительство, опирающееся на армию, флот, пролетариат и крестьянство…

Такое правительство обратилось бы через головы дипломатов, союзных и вражеских, непосредственно к немецким войскам. Оно заполнило бы немецкие окопы миллионами воззваний на немецком языке… Наши летчики распространили бы эти воззвания на немецкой земле…».

* * *

А в Совете республики пропасть между обеими сторонами с каждым днем становилась все глубже.

«Имущие классы, – восклицал левый эсер Карелин, – хотят использовать революционный аппарат государства, чтобы приковать Россию к военной колеснице союзников! Революционные партии решительно против такой политики…»

Престарелый Николай Чайковский, представитель народных социалистов, высказался против передачи земли крестьянам и стал на сторону кадетов:

«Необходимо немедленно же ввести в армии строгую дисциплину… С самого начала войны я не переставил утверждать, что заниматься социальными и экономическими реформами в военное время – преступление. Мы совершаем это преступление, хотя я не враг этих реформ, ибо я социалист…».

Выкрики слева: «Мы не верим вам!» Громовые аплодисменты справа…

Аджемов заявляет от имени кадетов, что нет никакой необходимости объяснять армии, за что она сражается, так как каждый солдат должен понимать, что ближайшая цель – это очищение русской территории от неприятеля.

Сам Керенский дважды выступал со страстными речами о национальном единстве, причем в конце одной из этих речей расплакался. Собрание слушало его холодно и часто прерывало ироническими замечаниями…

Смольный институт, штаб-квартира ЦИК и Петроградского Совета, помещается на берегу широкой Невы, на самой окраине города. Я приехал туда в переполненном трамвае, который с жалобным дребезжанием тащился со скоростью улитки по затоптанным грязным улицам. У конечной остановки возвышались прекрасные дымчато-голубые купола Смольного монастыря, окаймленные темным золотом, и рядом – огромный казарменный фасад Смольного института в двести ярдов длиной и в три этажа вышиной с императорским гербом, высеченным в камне, над главным входом. Кажется, он глумится над всем происходящим…

При старом режиме здесь помещался знаменитый монастырь-институт для дочерей русской знати, опекаемый самой царицей. Революция захватила его и отдала рабочим и солдатским организациям. В нем было больше ста огромных пустых белых комнат, уцелевшие эмалированные дощечки на дверях гласили: «Классная дама», «IV класс», «Учительская». Но над этими дощечками уже были видны знаки новой жизни – грубо

намалеванные плакаты с надписями: «Исполнительный комитет Петроградского Совета», или «ЦИК», или «Бюро иностранных дел», «Союз солдат-социалистов», «Центральный совет всероссийских профессиональных союзов», «Фабрично-заводские комитеты», «Центральный армейский комитет»… Здесь же находились центральные комитеты политических партий и комнаты для их фракционных совещаний.

В длинных сводчатых коридорах, освещенных редкими электрическими лампочками, толпились и двигались бесчисленные солдаты и рабочие, многие из них сгибались под тяжестью тюков с газетами, прокламациями, всевозможной печатной пропагандой. По деревянным полам непрерывно и гулко, точно гром, стучали тяжелые сапоги… Повсюду висели плакаты: «Товарищи, для вашего же здоровья соблюдайте чистоту». На всех площадках и поворотах лестниц стояли длинные столы, загроможденные предназначенной для продажи печатной литературой всевозможных политических партий.

В обширной и низкой трапезной в нижнем этаже по-прежнему помещалась столовая. За 2 рубля я купил себе талон на обед, вместе с тысячью других стал в очередь, ведущую к длинным столам, за которыми двадцать мужчин и женщин раздавали обедающим щи из огромных котлов, куски мяса, груды каши и ломти черного хлеба. За 5 копеек можно было получить жестяную кружку чая. Жирные деревянные ложки лежали в корзинке. На длинных скамьях, стоявших у столов, теснились голодные пролетарии. Они с жадностью утоляли голод, переговариваясь через всю комнату и перекидываясь незамысловатыми шутками.

В верхнем этаже имелась еще одна столовая, в которой обедали только члены ЦИК. Впрочем, туда мог входить кто хотел. Здесь можно было получить хлеб, густо смазанный маслом, и любое количество стаканов чая.

В южном крыле второго этажа находился огромный зал пленарных заседаний. Во времена института здесь устраивались балы. Высокий белый зал, освещенный глазированными белыми канделябрами с сотнями электрических лампочек и разделенный двумя рядами массивных колонн. В конце зала – возвышение, по обеим его сторонам – высокие разветвленные канделябры. За возвышением – пустая золоченая рама, из которой вынут портрет императора. В дни торжеств на этом возвышении собирались вокруг великих княгинь офицеры в блестящих мундирах и духовенство в роскошных рясах.

Напротив зала находилась мандатная комиссия съезда Советов. Я стоял в этой комнате и глядел на прибывавших делегатов – дюжих бородатых солдат, рабочих в черных блузах,

длиннобородых крестьян. Работавшая в комиссии девушка, член плехановской группы «Единство», презрительно усмехалась. «Совсем не та публика, что на первом съезде, – заметила она. – Какой грубый и отсталый народ! Темные люди…» В этих словах была правда. Революция всколыхнула Россию до самых глубин, и теперь на поверхность всплыли низы. Мандатная комиссия, назначенная старым ЦИК, отводила одного делегата за другим под предлогом, что они избраны незаконно. Но представитель большевистского Центрального Комитета Карахан только посмеивался. «Ничего, – говорил он, – когда начнется съезд, вы все сядете на свои места…»

* * *

«Рабочий и Солдат» писал:

«Обращаем внимание делегатов нового Всероссийского съезда на попытку некоторых членов организационного Бюро сорвать съезд распространением слухов, что съезд не состоится, что делегатам лучше уехать из Петрограда… Не обращайте внимания на эту ложь… Наступают великие дни…».

Было совершенно ясно, что ко 2 ноября (20 октября) кворум еще не соберется. Поэтому открытие съезда отложили до 7 ноября (25 октября), но вся страна уже всколыхнулась, и меньшевики и эсеры, видя, что они побиты, резко переменили тактику. Они принялись слать отчаянные телеграммы своим провинциальным организациям, чтобы те посылали на съезд как можно больше делегатов из «умеренных» социалистов.

В то же время исполнительный комитет крестьянских Советов выпустил экстренное обращение о созыве крестьянского съезда на 13 декабря (30 ноября), чтобы парализовать какие бы то ни было действия, предпринимаемые рабочими и солдатами.

Что собирались делать большевики? По городу распространились слухи, что солдаты и рабочие готовят вооруженное выступление. Буржуазная и реакционная пресса предсказывала восстание и требовала от правительства, чтобы оно арестовало Петроградский Совет или по крайней мере не допустило бы открытия съезда. Листки вроде «Новой Руси» открыто призывали перебить всех большевиков.

Газета Горького «Новая Жизнь» вполне соглашалась с большевиками, что реакционеры намереваются раздавить революцию и что в случае необходимости им следует оказать вооруженное сопротивление. Но она полагала, что все партии революционной демократии должны образовать единый фронт:

«…Пока демократия не сплотила своих главных сил и пока сопротивление ее влиянию еще достаточно велико, ей невыгодно самой переходить в нападение. Но, если в нападение перейдут враждебные ей силы, революционной демократии придется вступить в борьбу, чтобы взять власть в свои руки. Тогда такой переход встретит поддержку самых широких слоев народа».

Горький утверждал, что как реакционные, так и правительственные газеты подстрекают большевиков к насилию. Но восстание только расчистило бы путь новому Корнилову. Горький требовал от большевиков, чтобы они опровергли слухи. Потресов напечатал в меньшевистском «Дне» сенсационную статью с приложением карты, которая якобы разоблачала секретный большевистский план операций.

Все стены Петрограда, как по волшебству, покрылись предостерегающими объявлениями, прокламациями и призывами от центральных комитетов «умеренных» и консервативных партий и ЦИК, клеймившими какие бы то ни было демонстрации, умолявшими рабочих и солдат не слушать агитаторов. Вот, например, воззвание военной секции партии социалистов-революционеров:

«…Снова идут по городу слухи о готовящихся выступлениях. Где источник этих слухов? Кем, какой организацией уполномочены говорящие о выступлении агитаторы?.. Большевики на запрос, обращенный к ним в ЦИК, ответили отрицательно…

Но эти слухи несут с собой большую опасность. Легко может случиться, что, не считаясь с настроением большинства рабочей, крестьянской и солдатской массы, отдельные горячие головы вызовут часть рабочих и солдат на улицу с призывом к восстанию.

В ужасное, тяжелое время, которое переживает революционная Россия, это выступление легко может стать началом гражданской войны и разрушения всех, созданных такими трудами организаций пролетариата, трудового крестьянства и армии… Они (контрреволюционеры. – *джон рид*) не замедлят воспользоваться выступлением, чтобы начать контрреволюционные погромы и в кровавой междоусобице сорвать выборы в Учредительное собрание. А тем временем европейский контрреволюционер Вильгельм II готовит новые удары…

Никаких выступлений! Все на свои посты!..».

28 (15) октября я разговаривал в одном из коридоров Смольного с Каменевым, невысоким человеком с рыжеватой острой бородкой и оживленной жестикуляцией. Он был не вполне уверен, что на съезд соберется достаточно делегатов. «Если съезд

состоится, – говорил он, – то он будет представлять основные настроения народа. Если большинство, как я полагаю, достанется большевикам, то мы потребуем, чтобы Временное правительство ушло в отставку и передало всю власть Советам…»

Володарский, высокий бледный болезненный юноша в очках, высказывался гораздо определеннее: «Либерданы и прочие соглашатели саботируют съезд. Но если им и удастся сорвать его, то ведь мы достаточно реальные политики, чтобы не останавливаться из-за таких вещей…».

* * *

Под 29 (16) октября в моей записной книжке находятся следующие выдержки из сообщений газет:

«Могилев. (Ставка верховного главнокомандующего.) Сюда стягиваются надежные гвардейские полки, «дикая дивизия», казачьи части и «батальоны смерти».

Правительство приказало юнкерам Павловского, Царскосельского и Петергофского училищ быть готовыми к выступлению в Петроград. Ораниенбаумские юнкера прибывают в город.

В Зимнем дворце расквартирована часть Петроградского броневого дивизиона.

Сестрорецкий казенный оружейный завод по приказу, подписанному Троцким, выдал делегатам петроградских рабочих несколько тысяч винтовок.

На митинге городской милиции Нижнелитейного района вынесена резолюция, требующая передачи всей власти Советам…».

И это лишь образчик беспорядочных событий тех лихорадочных дней. Все знали: что-то должно случиться, но никто не знал, что именно.

Ночью 30 (17) октября на заседании Петроградского Совета в Смольном Троцкий заклеймил утверждения буржуазных газет, будто Совет готовит вооруженное восстание, как контрреволюционную попытку дискредитировать и сорвать съезд Советов. «Петроградский Совет, – говорил он, – не назначал никакого выступления. Но если выступление будет необходимо, то мы не остановимся перед ним, и мы будем поддержаны всем петроградским гарнизоном… Они (правительство) готовят контрреволюцию, и мы должны ответить на это решительным и беспощадным наступлением…»

Петроградский Совет действительно не назначал никакой

демонстрации, но в Центральном Комитете большевистской партии вопрос о восстании уже обсуждался. Комитет заседал всю ночь 23 (10) октября. Здесь был представлен весь интеллектуальный цвет партии, все ее вожди, а также делегаты от петроградских рабочих и гарнизона. Из интеллигентов за восстание стояли только Ленин и Троцкий. Даже военные были против. Состоялось голосование. Восстание было отвергнуто!

Тогда встал со своего места простой рабочий. Лицо его было перекошено яростью. «Я говорю от имени петроградского пролетариата, – резко заявил он. – Мы за восстание. Делайте как знаете, но заявляю вам, что если вы допустите разгон Советов, то нам с вами больше не по пути!» К нему присоединилось несколько солдат. После этого снова голосовали, и восстание было решено…

Тем не менее правое крыло большевиков, руководимое Рязановым, Каменевым и Зиновьевым, продолжало вести кампанию против вооруженного восстания. Утром 31(18) октября в «Рабочем Пути» появился первый отрывок ленинского «Письма к товарищам» – одного из самых дерзновенно смелых политических выступлений, какие когда-либо видел мир. В нем Ленин основательно доказывает необходимость восстания, подробно разбирая все возражения Каменева и Рязанова: «…Либо переход к либерданам и открытый отказ от лозунга «Вся власть Советам», либо восстание. Середины нет». В тот же день вождь кадетов Павел Милюков произнес громовую речь в Совете республики, клеймил Скобелевский наказ, как германофильский, заявлял, что «революционная демократия» губит Россию, высмеял Терещенко и прямо объявил, что предпочитает немецкую дипломатию русской… Левые скамьи гремели негодованием…

Со своей стороны правительство не могло не учитывать значения успехов большевистской пропаганды. 29 (16) октября соединенная комиссия правительства и Совета республики спешно провела два законопроекта, один из которых временно отдавал землю крестьянам, а другой требовал энергичной мирной внешней политики. На следующий день Керенский отменил смертную казнь на фронте. В тот же вечер с большой помпой открылось первое заседание новой «Комиссии по укреплению республиканского строя и борьбе с анархией и контрреволюцией», о которой в истории, впрочем, не сохранилось ни малейшего следа. На следующее утро я вместе с двумя другими корреспондентами интервьюировал Керенского последний раз, когда он принимал журналистов.

«Русский народ, – с горечью говорил он, – страдает от экономической разрухи и от разочарования в союзниках. Весь мир

думает, что русская революция кончилась. Остерегайтесь ошибки. Русская революция только еще начинается…»

Слова более пророческие, чем, быть может, он думал сам.

* * *

Необычайно бурным было затянувшееся на всю ночь заседание Петроградского Совета от 30 (17) октября, на котором я присутствовал. Явились все «умеренные» социалисты-интеллигенты, офицеры, члены армейских комитетов и члены ЦИК. Против них страстно и просто выступали рабочие, крестьяне и рядовые солдаты.

Один крестьянин рассказал о беспорядках в Твери, которые, по его словам, были вызваны арестом земельных комитетов. «Этот Керенский только покрывает помещиков, – кричал он. – Они знают, что Учредительное собрание все равно отнимет у них землю, и потому хотят сорвать его!»

Механик с Путиловского завода рассказал, как управляющие закрывали один цех за другим под предлогом отсутствия топлива и сырья. Фабрично-заводской комитет, по его словам, разыскал огромные припрятанные запасы.

«Это провокация, – заявил он. – Они хотят уморить нас голодом или вынудить к насилию!»

Один из солдат начал так: «Товарищи! Я привез вам привет с того места, где люди роют себе могилы и называют их окопами!»

Затем поднялся высокий худощавый молодой солдат с горящими глазами. Его встретили восторженными аплодисментами. То был Чудновский, который считался убитым в июльском наступлении, а теперь точно воскрес из мертвых.

«Солдатская масса больше не доверяет своим офицерам. Нас предают даже армейские комитеты: они отказываются созывать заседания нашего Совета… Солдатская масса требует, чтобы Учредительное собрание было открыто точно в срок, на который оно назначено, и тот, кто попробует отложить его, будет проклят – и проклят не только платонически, потому что у армии еще есть пушки…»

Он говорил о том, с каким ожесточением проходили в V армии выборы в Учредительное собрание. «Офицеры, особенно меньшевики и эсеры, нарочно стараются подводить большевиков под пули. Наших газет не пропускают в окопы, наших ораторов арестовывают!..»

«Почему вы не говорите об отсутствии хлеба?» – крикнул какой-то солдат.

«Не хлебом единым жив человек!» – сурово ответил Чудновский.

Вслед за ним выступил офицер, меньшевик-оборонец, делегат Витебского Совета.

«Дело не в том, у кого власть. Беда наша не в правительстве, а в войне… но войну необходимо выиграть до всяких перемен…» Крики, иронические аплодисменты. «Эти большевистские агитаторы – демагоги!» Зал разражается хохотом. «Забудем на время классовую борьбу…» Дальше ему не дали говорить. Выкрик с места: «Да, этого вы очень хотите!»…

В эти дни Петроград представлял собой замечательное зрелище. На заводах помещения комитетов были завалены винтовками. Приходили и уходили связные, обучалась Красная Гвардия… Во всех казармах днем и ночью шли митинги, бесконечные и горячие споры. По улицам в густевшей вечерней тьме плыли густые толпы народа. Словно волны прилива, двигались они вверх и вниз по Невскому. Газеты брались с боя… Грабежи дошли до того, что в боковых улочках было опасно показываться… Однажды днем на Садовой я видел, как толпа в несколько сот человек избила до смерти солдата, пойманного на воровстве…

Какие-то таинственные личности шныряли вокруг хлебных и молочных хвостов и нашептывали несчастным женщинам, дрожавшим под холодным дождем, что евреи припрятывают продовольствие и что, в то время как народ голодает, члены Совета живут в роскоши.

В Смольном у главного входа и у внешних ворот стояли суровые часовые, требовавшие от всех приходящих пропуск. Комитетские комнаты круглые сутки гудели, как улей, сотни солдат и рабочих спали тут же на полу, занимая все свободные места. А наверху тысячи людей сгрудились в огромном зале на бурных заседаниях Петроградского Совета.

Игорные клубы лихорадочно работали от зари до зари; шампанское текло рекой, ставки доходили до двухсот тысяч рублей. По ночам в центре города бродили по улицам и заполняли кофейни публичные женщины в бриллиантах и драгоценных мехах…

Монархические заговоры, германские шпионы, головокружительные планы спекулянтов и контрабандистов…

Под холодным, пронизывающим дождем, под серым тяжелым небом огромный взволнованный город несся все быстрее и быстрее навстречу… чему?..

Накануне

В отношениях между слабым правительством и восставшим народом рано или поздно наступает момент, когда каждый шаг власти приводит массы в ярость, а каждый ее отказ от действий возбуждает в них презрение.

Проект эвакуации Петрограда вызвал бурю негодования. Публичное заявление. Керенского, что правительство вовсе не имело подобного намерения, было встречено градом насмешек.

«Припертое к стене натиском революции, – гремел «Рабочий Путь», – правительство буржуазных временщиков пробует извернуться, швыряя лживыми уверениями о том, что оно не собиралось бежать из Петрограда и не хотело сдавать столицу…».

В Харькове тридцать тысяч горнорабочих сорганизовались и приняли тот вводный пункт устава «Индустриальных рабочих мира», который гласит: «Класс рабочих и класс предпринимателей не имеют между собой ничего общего». Организация была разгромлена казаками, многих горняков прогнали с работы, оставшиеся объявили всеобщую забастовку. Министр торговли и промышленности Коновалов послал своего заместителя Орлова прекратить беспорядки и снабдил его широкими полномочиями. Горняки ненавидели Орлова. А ЦИК не только поддержал это назначение, но и отказался потребовать вывода казаков из Донецкого бассейна…

За этим последовал разгром Калужского Совета. Большевики, завоевав большинство в этом Совете, добились освобождения нескольких политических заключенных. Городская Дума с согласия правительственного комиссара вызвала из Минска войска, которые подвергли Совет артиллерийскому обстрелу. Большевики уступили, но в тот момент, когда они выходили из здания Совета, казаки набросились на них с криком: «Вот что будет со всеми прочими большевистскими Советами, и с Московским и Петроградским!» Этот инцидент взволновал всю Россию…

В Петрограде заканчивался съезд Советов Северной области, на котором представительствовал большевик Крыленко. Подавляющим большинством голосов съезд вынес решение о передаче всей власти Всероссийскому съезду Советов. Перед тем как разойтись, съезд послал приветствие арестованным большевикам, возвещая, что час их освобождения близок. В то же время Первая всероссийская конференция фабрично-заводских комитетов категорически высказалась за Советы, приняв такую резолюцию:

«…Низвергнув самодержавие в политической области, рабочий класс стремится доставить торжество демократическому строю и в области своей производительной деятельности. Выражением этого стремления является идея рабочего контроля, естественно возникшая в обстановке хозяйственного развала, созданного преступной политикой господствующих классов…».

Союз железнодорожников потребовал отставки министра путей сообщения Ливеровского.

Скобелев от имени ЦИК настаивал, чтобы наказ был представлен Общесоюзнической конференции, и формально протестовал против посылки Терещенко в Париж. Терещенко предложил свою отставку…

Генерал Верховский, не будучи в состоянии провести в жизнь задуманную им реорганизацию армии, только изредка появлялся на заседаниях совета министров…

3 ноября (21 октября) бурцевское «Общее Дело» вышло со следующим воззванием, напечатанным крупным шрифтом:

«Граждане! Спасайте Россию!

Я только что узнал, что вчера в заседании комиссии по обороне в Совете республики военный министр генерал Верховский, один из главных виновников гибели ген. Корнилова, предложил заключить мир с немцами тайно от союзников…

Это измена России!

Терещенко заявил, что предложение генерала Верховского даже и не обсуждалось во Временном правительстве.

Это, сказал М. И. Терещенко, какой-то сумасшедший дом.

Члены комиссии от слов генерала Верховского пришли в ужас…

Ген. Алексеев плакал.

Нет! Это не сумасшедший дом! Это хуже всякого сумасшедшего дома! Это прямая измена России!

За слова Верховского должны немедленно дать нам ответ Керенский, Терещенко и Некрасов.

Граждане, все на ноги.

Россию предают.

Спасайте ее!»

Но на самом деле Верховский говорил только то, что необходимо побудить союзников поторопиться с мирными предложениями, потому что русская армия больше воевать не может.

Сенсация в России и за границей была колоссальная. Верховский получил «отпуск по болезни на неопределенный срок» и вышел из правительства. «Общее Дело» было закрыто…

* * *

На воскресенье 4 ноября (22 октября) был назначен «День Петроградского Совета» с грандиозными митингами по всему городу. Эти митинги были назначены под предлогом денежных сборов на советские организации и советскую печать; на самом деле они должны были стать демонстрацией силы. Вдруг появилось сообщение, что казаки назначили на тот же день крестный ход в честь чудотворной иконы, спасшей Москву от Наполеона в 1812 г. Атмосфера была насыщена электричеством; малейшая искра могла зажечь пожар гражданской войны. Петроградский Совет выпустил следующее воззвание под заголовком «Братья казаки!»:

«…Вас, казаки, хотят восстановить против нас, рабочих и солдат. Эту каинову работу совершают наши общие враги: насильники-дворяне, банкиры, помещики, старые чиновники, бывшие слуги царские… Нас ненавидят все ростовщики, богачи, князья, дворяне, генералы и в их числе ваши, казачьи, генералы. Они готовы в любой час уничтожить Петроградский Совет, задушить революцию…

22 октября устраивается кем-то казачий крестный ход. Дело свободной совести каждого казака участвовать или не участвовать в крестном ходе. Мы в это дело не вмешиваемся и никаких препятствий никому не чиним…»

Крестный ход был спешно отменен…

В казармах и рабочих кварталах большевики проповедовали свой лозунг «Вся власть Советам!», а агенты темных сил подстрекали народ резать евреев, лавочников и социалистических вождей…

С одной стороны, погромные статьи монархической печати, с другой стороны, громовой голос Ленина: «Восстание!.. Больше ждать нельзя!»

Даже буржуазная печать заволновалась. «Биржевые Ведомости» называли большевистскую пропаганду покушением на «основные устои общества, на неприкосновенность личности и уважение к частной собственности».

Но больше всех источали ненависть «умеренно»-социалистические газеты. «Большевики – это самые опасные враги революции», – заявляло «Дело Народа». Меньшевистский «День» говорил: «Правительство обязано защищаться и защищать нас». Плехановская газета «Единство» 4 обращала внимание правительства на то обстоятельство, что петроградские рабочие уже вооружились, и требовала решительных мер против большевиков.

А правительство с каждым днем становилось все беспомощней. Даже городское самоуправление разваливалось. Газетные столбцы пестрели сообщениями о самых дерзких грабежах и убийствах, а преступники оставались безнаказанными…

Но, с другой стороны, вооруженные рабочие патрули по ночам уже охраняли улицы, разгоняя мародеров и реквизируя оружие, какое только попадало им в руки.

1 ноября (19 октября) главнокомандующий Петроградским военным округом полковник Полковников издал следующий приказ:

«Несмотря на тяжкие дни, переживаемые страной, в Петрограде продолжаются безответственные призывы к вооруженным выступлениям и погромам и вместе с тем с каждым днем усиливаются грабежи и бесчинства.

Такое положение дезорганизует жизнь граждан и мешает планомерной работе правительственных и общественных органов.

В сознании ответственности и долга перед родиной приказываю:

1) каждой воинской части согласно особым распоряжениям в пределах района своего расположения оказывать всемерное содействие органам городового самоуправления, комиссарам и милиции в охране государственных и общественных учреждений;

2) совместно с районным комендантом и представителем городской милиции организовать патрули и принять меры к задержанию преступных элементов и дезертиров;

3) всех лиц, являющихся в казармы и призывающих к вооруженному выступлению и погромам, арестовывать и отправлять в распоряжение 2-го коменданта города;

4) уличных манифестаций, митингов и процессий не допускать;

5) вооруженные выступления и погромы немедленно пресекать всеми имеющимися в распоряжении вооруженными силами;

6) оказывать содействие комиссарам в недопущении самочинных обысков, арестов;

7) обо всем происходящем в районе расположения частей немедленно доносить в штаб округа.

Комитеты частей и все, войсковые организации призываю оказывать содействие командирам при выполнении ими возложенных на них задач».

В Совете республики Керенский заявил, что Временное правительство вполне осведомлено о большевистской пропаганде и что оно достаточно сильно, чтобы справиться с любой

демонстрацией. Он обвинял «Новую Русь» и «Рабочий Путь» в одних и тех же преступных деяниях. «Но абсолютная свобода печати, – продолжал он, – не дает правительству возможности принять меры против печатной лжи…» Заявляя, что большевизм и монархизм – только различные проявления одной и той же пропаганды в интересах контрреволюции, столь желанной для темных сил, он продолжал:

«Я человек обреченный, мне все равно, что со мной будет, и я имею смелость заявить, что все загадочное в событиях объясняется невероятной провокацией, созданной в городе большевиками».

* * *

…Все ждали, что в один прекрасный день на улицах неожиданно появятся большевики и примутся расстреливать всех людей в белых воротничках. Но на самом деле восстание произошло крайне просто и вполне открыто.

Временное правительство собиралось отправить петроградский гарнизон на фронт.

Петроградский гарнизон насчитывал около шестидесяти тысяч человек и сыграл в революции выдающуюся роль. Именно он решил дело в великие Февральские дни, он создал Советы солдатских депутатов, он отбросил Корнилова от подступов к Петрограду.

Теперь в нем было очень много большевиков. Когда Временное правительство заговорило об эвакуации города, то именно петроградский гарнизон ответил ему: «Одно из двух… правительство, неспособное оборонить столицу, должно либо заключить немедленный мир, либо, если оно неспособно заключить мир, оно должно убраться прочь и очистить место подлинно народному правительству…».

Было очевидно, что любая попытка восстания всецело зависит от поведения петроградского гарнизона. План правительства заключался в замене полков гарнизона «надежными» частями – казаками, «батальонами смерти». Комитеты отдельных армий, «умеренные» социалисты и ЦИК поддерживали правительство. На фронте и в Петрограде велась широкая агитация: говорили, что вот уже восемь месяцев, как петроградский гарнизон бездельничает и прохлаждается в столичных казармах, а в это время на фронте армия голодает и вымирает без смены и подкреплений.

Разумеется, в словах людей, обвинявших петроградский

гарнизон в нежелании менять относительное довольство на ужасы зимней кампании, была известная доля правды. Но для отказа идти на фронт существовали и другие основания. Петроградский Совет опасался замыслов правительства, а между тем с фронта являлись сотни делегатов от рядовых солдат, которые в один голос заявляли: «Правда, нам нужны подкрепления, но еще нужнее нам знать, что здесь, в Петрограде, революция находится под надежной защитой… Держите тыл, товарищи, а мы будем держать фронт…».

25 (12) октября исполнительный комитет Петроградского Совета обсуждал при закрытых дверях вопрос об организации особого военного комитета. На следующий день солдатская секция Петроградского Совета выбрала комитет, который немедленно объявил все буржуазные газеты под бойкотом и вынес ЦИК порицание за его борьбу против съезда Советов. 29 (16) октября Троцкий на открытом заседании Петроградского Совета предложил формально утвердить Военно-революционный комитет.

«Мы должны, – сказал он, – создать специальную организацию, чтобы идти за ней в бой и умереть, если это понадобится…» Было решено послать на фронт две делегации для переговоров с солдатскими комитетами и ставкой – одну от Совета, а другую от гарнизона.

В Пскове делегация Совета была принята командующим Северным фронтом генералом Черемисовым, который коротко заявил, что он уже приказал петроградскому гарнизону занять место в окопах и что больше говорить не о чем. Делегации от гарнизона не было разрешено выехать из Петрограда…

Делегация солдатской секции Петроградского Совета просила, чтобы ее представитель был допущен в штаб Петроградского округа. Отказ. Петроградский Совет потребовал, чтобы без одобрения солдатской секции не издавалось ни одного приказа. Отказ. Делегатам грубо заявили: «Мы признаем только ЦИК. Вас мы не признаем, и, если вы нарушите какой-нибудь закон, мы вас арестуем».

30 (17) октября собрание представителей всех петроградских полков приняло следующую резолюцию: «Петроградский гарнизон больше не признает Временного правительства. Наше правительство – Петроградский Совет. Мы будем подчиняться только приказам Петроградского Совета, изданным его Военно-революционным комитетом». Местным военным частям было приказано ждать указаний от солдатской секции Петроградского Совета.

На следующий день ЦИК созвал свое собственное собрание,

состоявшее в огромном большинстве из офицеров, создал особый комитет для совместной работы со штабом и разослал во все районы Петрограда своих комиссаров.

3 ноября (21 октября) огромный солдатский митинг в Смольном постановил:

«Приветствуя образование Военно-революционного комитета при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов, гарнизон Петрограда и его окрестностей обещает Военно-революционному комитету полную поддержку во всех его шагах, направленных к тому, чтобы теснее связать фронт с тылом в интересах революции.

Вместе с тем петроградский гарнизон заявляет: на страже революционного порядка в Петрограде стоит весь гарнизон вместе с организованным пролетариатом. Всякие провокационные попытки со стороны корниловцев и буржуазии внести смуту и расстройство в революционные ряды встретят беспощадный отпор».

Чувствуя свою силу, Военно-революционный комитет решительно потребовал, чтобы штаб Петроградского округа подчинялся его распоряжениям. Он разослал по всем типографиям приказ не печатать без его утверждения никаких призывов или прокламаций. В Кронверкский арсенал явились вооруженные комиссары и захватили огромное количество оружия и снаряжения, приостановив отправку десяти тысяч штыков, уже наряженных в Новочеркасск, штаб-квартиру Каледина…

Внезапно очутившись перед лицом опасности, правительство обещало комитету безнаказанность в случае, если он добровольно разойдется. Слишком поздно. В полночь 5 ноября (23 октября) Керенский сам послал в Петроградский Совет Малевского с предложением направить представителя в штаб. Военно-революционный комитет ответил согласием, но через час исполняющий обязанности военного министра генерал Маниковский взял предложение обратно…

* * *

3 ноября (21 октября) вожди большевиков собрались на свое историческое совещание. Оно шло при закрытых дверях. Я был предупрежден Залкиндом и ждал результатов совещания за дверью, в коридоре. Володарский, выйдя из комнаты, рассказал мне, что там происходит.

Ленин говорил: «24 октября будет слишком рано действовать:

для восстания нужна всероссийская основа, а 24-го не все еще делегаты на Съезд прибудут. С другой стороны, 26 октября будет слишком поздно действовать: к этому времени Съезд организуется, а крупному организованному собранию трудно принимать быстрые и решительные мероприятия. Мы должны действовать 25 октября – в день открытия Съезда, так, чтобы мы могли сказать ему: Вот власть! Что вы с ней сделаете?».

В одной из комнат верхнего этажа сидел тонколицый, длинноволосый человек, математик и шахматист, когда-то офицер царской армии, а потом революционер и ссыльный, некто Овсеенко, по кличке Антонов. Математик и шахматист, он был поглощен разработкой планов захвата столицы.

Со своей стороны готовилось к бою и правительство. К Петрограду незаметно стягивались самые надежные полки, выбранные из разбросанных по всему фронту дивизий. В Зимнем дворце расположилась юнкерская артиллерия. На улицах впервые с дней июльского восстания появились казачьи патрули. Полковников издавал приказ за приказом, угрожая подавить малейшее неповиновение «самыми энергичными репрессиями». Наиболее ненавистный член правительства – министр народного просвещения Кишкин был утвержден чрезвычайным комиссаром по охране порядка в Петрограде. Он назначил своими помощниками столь же мало популярных Рутенберга и Нальчикского. Петроград, Кронштадт и Финляндия были объявлены на военном положении. Буржуазное «Новое Время» иронически заявляло по этому поводу:

«Почему осадное положение? Правительство уже перестало быть властью, оно не обладает ни моральным авторитетом, ни необходимым аппаратом, который дал бы ему возможность применить силу… В самом лучшем случае оно может только вести переговоры с теми, кто согласится разговаривать с ним. Другой власти у него нет…».

В понедельник 5 ноября (23 октября), утром, я заглянул в Мариинский дворец, чтобы узнать, что делается в Совете Российской республики. Ожесточенные споры о внешней политике Терещенко. Отклики на инцидент Бурцев – Верховский. Присутствуют все дипломаты, кроме итальянского посла, о котором говорили, что он совершенно разбит катастрофой при Карсо…

В момент, когда я входил, левый эсер Карелин читал вслух передовицу лондонского «Times»), в которой говорилось: «Большевизм надо лечить пулями».

Повернувшись к кадетам, Карелин кричал: «Это также ваши мысли!».

Голоса справа: «Да! Да!».

«Да, я знаю, что вы так думаете, – горячо ответил Карелин. – Но посмейте только попробовать на деле!» Затем Скобелев, похожий на светского ухажера, с выхоленной белокурой бородой и желтыми волнистыми волосами, извиняющимся тоном защищал советский наказ. Вслед за ним выступил Терещенко, встреченный слева криками: «В отставку! В отставку!». Он настаивал на том, что на Парижской конференции делегаты правительства и ЦИК должны защищать общую точку зрения и именно точку зрения его, Терещенко. Несколько слов о восстановлении дисциплины в армии, о войне до победы… Совет Российской республики среди шума и бурных протестов слева переходит к порядку дня.

Большевистские скамьи были пусты, пусты с самого дня открытия Совета, когда большевики покинули его, унося с собой всю жизненность. Спускаясь вниз, я думал о том, что, несмотря на все эти ожесточенные споры, ни один живой голос из реального внешнего мира не может проникнуть в этот высокий холодный зал и что Временное правительство уже разбилось о ту самую скалу войны и мира, которая в свое время погубила министерство Милюкова… Подавая мне пальто, швейцар ворчал: «Ох, что-то будет с несчастной Россией!.. Меньшевики, большевики, трудовики… Украина, Финляндия, германские империалисты, английские империалисты… Сорок пять лет живу на свете, а никогда столько слов не слыхал».

В коридоре мне встретился профессор Шацкий, очень влиятельный в кадетских кругах господин с крысиным лицом, в изящном сюртуке. Я спросил его, что он думает о большевистском выступлении, о котором столько говорят. Он пожал плечами и усмехнулся.

«Это скоты, сволочь, – ответил он. – Они не посмеют, а если и посмеют, то мы им покажем!.. С нашей точки зрения, это даже не плохо, потому что они провалятся со своим выступлением и не будут иметь никакой силы в Учредительном собрании…

Но, дорогой сэр, позвольте мне вкратце обрисовать вам мой план организации нового правительства, который будет предложен Учредительному собранию. Видите ли, я председатель комиссии, образованной Советом республики совместно с Временным правительством для выработки конституционного проекта… У нас будет двухпалатное законодательное собрание, такое же, как у вас, в Соединенных Штатах. Нижняя палата будет состоять из представителей мест, а верхняя – из представителей свободных профессий, земств, кооперативов и профессиональных союзов…»

* * *

На улице дул с запада сырой холодный ветер. Холодная грязь просачивалась сквозь подметки. Две роты юнкеров, мерно печатая шаг, прошли вверх по Морской. Их ряды стройно колыхались на ходу; они пели старую солдатскую песню царских времен… На первом же перекрестке я заметил, что милиционеры были посажены на коней и вооружены револьверами в блестящих новеньких кобурах. Небольшая группа людей молчаливо глядела на них. На углу Невского я купил ленинскую брошюру «Удержат ли большевики государственную власть?» и заплатил за нее бумажной маркой; такие марки ходили тогда вместо разменного серебра. Как всегда, ползли трамваи, облепленные снаружи штатскими и военными в таких позах, которые заставили бы позеленеть от зависти акробата Теодора Шонта… Вдоль стен стояли рядами дезертиры, одетые в военную форму и торговавшие папиросами и подсолнухами.

По всему Невскому в густом тумане толпы народа с бою разбирали последние выпуски газет или собирались у афиш, пытались разобраться в призывах и прокламациях, которыми были заклеены все стены. Здесь были прокламации ЦИК, крестьянских Советов, «умеренно»-социалистических партий, армейских комитетов, все угрожали, умоляли, заклинали рабочих и солдат сидеть дома, поддерживать правительство…

Какой-то броневик все время медленно двигался взад и вперед, завывая сиреной. На каждом углу, на каждом перекрестке собирались густые толпы. Горячо спорили солдаты и студенты. Медленно спускалась ночь, мигали редкие фонари, текли бесконечные волны народа… Так всегда бывало в Петрограде перед беспорядками.

Город был настроен нервно и настораживался при каждом резком шуме. Но большевики не подавали никаких внешних признаков жизни; солдаты оставались в казармах, рабочие – на фабриках… Мы зашли в кинематограф у Казанского собора. Шла итальянская картина, полная крови, страстей и интриг. В переднем ряду сидело несколько матросов и солдат. Они с детским изумлением смотрели на экран, решительно не понимая, для чего понадобилось столько беготни и столько убийств.

Из кинематографа я поспешил в Смольный. В 10-й комнате, на верхнем этаже, шло беспрерывное заседание Военно-революционного комитета. Председательствовал светловолосый юноша лет восемнадцати, по фамилии Лазимир. Проходя мимо меня, он остановился и несколько робко пожал мне руку.

«Петропавловская крепость уже перешла на нашу сторону! – с

радостной улыбкой сказал он. – Мы только что получили вести от полка, посланного правительством в Петроград на усмирение. Солдаты стали подозревать, что тут не все чисто, остановили поезд в Гатчине и послали к нам делегатов. «В чем дело? – спросили они нас. – Что вы нам скажете? Мы уже вынесли резолюцию «Вся власть Советам»«. Военно-революционный комитет ответил им: «Братья, приветствуем вас от имени революции! Стойте на месте и ждите приказа»».

«Все наши телефонные провода, – сообщил он, – перерезаны. Однако военные телефонисты наладили полевой телефон для сообщения с заводами и казармами…»

В комнату беспрерывно входили и выходили связные и комиссары. За дверями дежурило двенадцать добровольцев, готовых в любую минуту помчаться в самую отдаленную часть города. Один из них – человек с цыганским лицом и в форме, поручика сказал мне по-французски: «Все готовы выступить по первому знаку».

Проходили: Подвойский, худой, бородатый штатский человек, в мозгу которого созревали оперативные планы восстания; Антонов, небритый, в грязном воротничке, шатающийся от бессонницы; Крыленко, коренастый, широколицый солдат с постоянной улыбкой; Дыбенко, огромный бородатый матрос со спокойным лицом. Таковы были люди этой битвы за власть Советов и грядущих битв…

В зале я встретил несколько менее видных большевистских деятелей. Один из них показал мне револьвер. «Началось! – сказал он. Лицо его было бледно. – Выступим ли мы или нет, но враг уже знает, что ему пора покончить с нами или погибнуть самому».

Петроградский Совет заседал круглые сутки без перерыва. Когда я вошел в большой зал, Троцкий как раз кончал свою речь. «Нас спрашивают, – говорил он, – собираемся ли мы устроить выступление. Я могу дать ясный ответ на этот вопрос. Петроградский Совет сознает, что наступил, наконец, момент, когда вся власть должна перейти в руки Советов. Эта перемена власти будет осуществлена Всероссийским съездом. Понадобится ли вооруженное выступление – это будет зависеть от тех, кто хочет сорвать Всероссийский съезд.

Нам ясно, что наше правительство, представленное личным составом временного кабинета, есть правительство жалкое и бессильное, что оно только ждет взмаха метлы истории, чтобы уступить свое место истинно народной власти. Но мы еще теперь, еще сегодня пытаемся избежать столкновения. Мы надеемся, что Всероссийский съезд Советов возьмет в руки власть,

опирающуюся на организованную свободу всего народа. Но если правительство захочет использовать то краткое время – 24, 48 или 72 часа, которое еще отделяет его от смерти, для того чтобы напасть на нас, то мы ответим контратакой. На удар ударом, на железо – сталью!»

Под гром аплодисментов Троцкий сообщает, что левые эсеры согласились послать своих представителей в Военно-революционный комитет.

Уходя из Смольного в 3 часа утра, я заметил, что по обеим сторонам входа стояли пулеметы и что ворота и ближайшие перекрестки охранялись сильными солдатскими патрулями. Вверх по лестнице взбегал Билль Шатов. «Ну, – крикнул он, – мы начали! Керенский послал юнкеров закрыть наши газеты «Солдат» и «Рабочий Путь». Но тут пришел наш отряд и сорвал казенные печати, а теперь мы посылаем людей для захвата буржуазных редакций!» Он радостно похлопал меня по плечу и побежал дальше…

* * *

Утром 6 ноября (24 октября) у меня было дело к цензору, канцелярия которого помещалась в министерстве иностранных дел. На улицах все стены были заклеены прокламациями, истерически призывавшими народ к «спокойствию». Полковников выпускал приказ за приказом:

«Приказываю всем частям и командам оставаться в занимаемых казармах впредь до получения приказа из штаба округа.

Всякие самостоятельные выступления запрещаю.

Все офицеры, выступившие помимо приказа своих начальников, будут преданы суду за вооруженный мятеж.

Категорически запрещаю исполнение войсками каких-либо приказов, исходящих из различных организаций…».

Утренние газеты сообщили, что правительство запретило газеты «Новая Русь», «Живое Слово», «Рабочий Путь» и «Солдат» и постановило арестовать руководителей Петроградского Совета и членов Военно-революционного комитета.

Когда я пересекал Дворцовую площадь, под аркой генерального штаба с грохотом проскакали несколько батарей юнкерской артиллерии и выстроились перед дворцом. Огромное красное здание генерального штаба казалось необычайно оживленным. Перед дверями стояло несколько автомобилей; беспрерывно подъезжали и уезжали все новые автомобили с

офицерами. Цензор был взволнован, как маленький мальчик, которого привели в цирк. «Керенский, – сказал он мне, – только что ушел в Совет республики подавать в отставку!» Я поспешил в Мариинский дворец и успел застать конец страстной и почти бессвязной речи Керенского, целиком состоявшей из самооправданий и желчных нападок на политических противников.

«Для того чтобы не быть голословным, – говорил Керенский, – я процитирую вам здесь наиболее определенные места из ряда прокламаций, которые помещались разыскиваемым, но скрывающимся государственным преступником Ульяновым-Лениным в газете «Рабочий Путь». В ряде прокламаций под заглавием «Письмо к товарищам» данный государственный преступник призывал петербургский пролетариат и войска повторить опыт 3 – 5 июля и доказывал необходимость приступить к немедленному вооруженному восстанию…

Одновременно с этими воззваниями происходит ряд выступлений других руководителей партии большевиков на собраниях и митингах, на которых они также призывают к немедленному вооруженному восстанию. В особенности в этом отношении нужно отметить выступление председателя Совета рабочих и солдатских депутатов в Петербурге Бронштейна-Троцкого…

В целом ряде выступлений статьи «Рабочего Пути» и «Солдата» по слогу и стилю совпадают со статьями «Новой Руси».

Мы имеем дело не столько с движением той или иной политической партии, сколько с использованием политического невежества и преступных инстинктов части населения; мы имеем дело с особой организацией, ставящей себе целью во что бы то ни стало вызвать в России стихийную волну разрушения и погромов.

При теперешнем настроении масс открытое движение в Петербурге неизбежно будет сопровождаться тягчайшими явлениями погромов, которые опозорят навсегда имя свободной России.

Весьма типично, что, по признанию самого организатора восстания Ульянова-Ленина, «положение русских крайних левых социал-демократических флангов особенно благоприятно»…»

Здесь Керенский огласил следующую цитату из статьи Ленина:

«Подумайте только: немцы при дьявольски трудных условиях, имея одного Либкнехта (да и то в каторге), без газет, без свободы собраний, без Советов, при невероятной враждебности всех классов населения вплоть до последнего зажиточного

крестьянина, идее интернационализма, при великолепной организованности империалистской крупной, средней и мелкой буржуазии, немцы, т. е. немецкие революционеры-интернационалисты, рабочие, одетые в матросские куртки, устроили восстание во флоте – с шансами разве один на сотню.

А мы, имея десятки газет, свободу собраний, имея большинства в Советах, мы, наилучше поставленные во всем мире пролетарские интернационалисты, мы откажемся от поддержки немецких революционеров нашим восстанием».

* * *

Керенский продолжал:

«Сами организаторы, таким образом, признают, что условия политические для свободы деятельности всех политических партий наиболее совершенны в настоящее время в России, при управлении настоящего Временного правительства, во главе которой стоит, по мнению партии большевиков, узурпатор и человек, продавшийся буржуазии, министр-председатель Керенский…

Организаторы восстания не содействуют пролетариату Германии, а содействуют правящим классам Германии, открывают фронт русского государства перед бронированным кулаком Вильгельма и его друзей… Для Временного правительства безразличны мотивы, безразлично, сознательно или бессознательно это, но во всяком случае в сознании своей ответственности я с этой кафедры квалифицирую такие действия русской политической партии как предательство и измену Российскому государству… Я становлюсь на юридическую точку зрения: мною и предложено немедленно начать соответствующее судебное следствие, предложено также произвести соответствующие аресты (шум слева не дает Керенскому говорить). Да, слушайте! – громовым голосом воскликнул Керенский, – в настоящее время, когда государство от сознательного или бессознательного предательства погибает и находится на краю гибели, Временное правительство, и я в том числе, предпочитаем быть убитыми и уничтоженными, но жизнь, честь и независимость государства мы не предадим…».

В этот момент Керенскому передали какой-то листок. «Мне сейчас представлена копия того документа, который рассылается сейчас по полкам». И он прочел вслух:

«Петроградскому Совету грозит опасность… Предписываю привести полк в полную боевую готовность и ждать дальнейших

распоряжений. Всякое промедление и неисполнение приказа будет считаться изменой революции. За председателя Подвойский. Секретарь Антонов».

«…В действительности, – продолжал Керенский, – это есть попытка поднять чернь против существующего порядка, сорвать Учредительное собрание и раскрыть русский фронт перед сплоченными полками железного кулака Вильгельма. Я говорю с совершенным сознанием «чернь», потому что вся сознательная демократия и ее ЦИК, все армейские организации, все, чем гордится и должна гордиться свободная Россия, – разум, совесть и честь великой русской демократии протестуют против этого…

Я пришел сюда не с просьбой, а с уверенностью, что Временное правительство, которое в настоящее время защищает эту новую свободу… встретит единодушную поддержку всех, за исключением людей, не решающихся никогда высказать смело правду в глаза…

Временное правительство никогда не нарушало свободы граждан государства и их политических прав.

Но в настоящее время Временное правительство заявляет, что те элементы русского общества, те группы и партии, которые осмеливаются поднять руку на свободную волю русского народа, угрожая одновременно с этим раскрыть фронт Германии, подлежат немедленной, решительной и окончательной ликвидации… Пусть население Петрограда знает, что оно встретит власть решительную, и, может быть, в последний час или минуты разум, совесть и честь победят в сердцах тех, у кого они еще сохранились…».

* * *

На протяжении всей этой речи зал гремел и бушевал. Когда бледный и задыхающийся министр-председатель смолк и вместе со своей офицерской свитой покинул зал, на трибуне стали один за другим появляться ораторы слева. Они резко и возмущенно нападали на правых. Даже социалисты-революционеры заявили устами Гоца:

«Политика большевиков, играющих на народном недовольстве, демагогична и преступна. Но несомненно, что целый ряд народных требований до сих пор остается без удовлетворения…Вопросы о мире, о земле и о демократизации армии должны быть поставлены в такой форме, чтобы ни один солдат, рабочий или крестьянин не мог питать никакого сомнения в том, что правительство твердо и неуклонно стремится

к действительному разрешению этих вопросов…

Мы и меньшевики не желаем создавать министерский кризис, мы готовы всеми силами, до последней капли крови, защищать Временное правительство, но это только в том случае, если Временное правительство выскажется по всем этим жгучим вопросам теми точными и ясными словами, которых народ ожидает с таким нетерпением…».

Затем выступил Мартов, полный гнева: «Слова министра-председателя, позволившего себе говорить о движении черни, когда речь идет о движении значительной части пролетариата и армии, хотя бы и направленном к ошибочным целям, являются словами вызова гражданской войны». (Аплодисменты слева.)

Формула перехода, предложенная левыми, была принята. Она фактически равнялась выражению недоверия правительству:

«1) Подготовляющееся за последние дни вооруженное выступление, имеющее целью захват власти, грозит вызвать гражданскую войну, создает благоприятные условия для погромного движения и мобилизации черносотенных контрреволюционных сил и неминуемо влечет за собой срыв Учредительного собрания, новые военные катастрофы и гибель революции в обстановке паралича хозяйственной жизни и полного развала страны.

2) Почва для успеха указанной агитации создана помимо объективных условий войны и разрухи промедлением в проведении неотложных мер, и потому необходимы прежде всего немедленный декрет о передаче земель в ведение земельных комитетов и решительное выступление по внешней политике с предложением к союзникам провозгласить условия мира и начать мирные переговоры.

3) Для борьбы с активным проявлением анархии и погромного движения необходимо немедленное принятие мер к их ликвидации и создание для этой цели в Петрограде Комитета общественного спасения из представителей городского самоуправления и органов революционной демократии, действующего в контакте с Врем. правительством…».

Любопытно отметить, что за эту резолюцию голосовали также меньшевики и эсеры… Однако, когда Керенский узнал об этом, он пригласил Авксентьева для объяснений в Зимний дворец. «Если эта резолюция является выражением недоверия Временному правительству, – заявил он Авксентьеву, – то я предлагаю вам составить новый кабинет». Тогда соглашательские вожди Дан, Год и Авксентьев совершили свое последнее «соглашение»… Они разъяснили Керенскому, что эта резолюция не означает критики действий правительства…

* * *

На углу Морской и Невского отряды солдат, вооруженных винтовками с примкнутыми штыками, останавливали все частные автомобили, высаживали из них седоков и направляли машины к Зимнему дворцу. На них глядела большая толпа. Никто не знал, за кого эти солдаты – за Временное правительство или за Военно-революционный комитет. У Казанского собора происходило то же самое. Машины отправлялись оттуда вверх по Невскому. Вдруг появилось пять-шесть матросов, вооруженных винтовками. Взволнованно смеясь, они вступили в разговор с двумя солдатами. На их матросских бескозырках были надписи «Аврора» и «Заря свободы» – названия самых известных большевистских крейсеров Балтийского флота. «Кронштадт идет!» – сказал один из матросов… Эти слова значили то же самое, что значили в Париже 1792 г. слова «Марсельцы идут!». Ибо в Кронштадте было двадцать пять тысяч матросов, и все они были убежденные большевики, готовые идти на смерть.

«Рабочий и Солдат» уже вышел. Вся его первая страница была занята воззванием, напечатанным крупным шрифтом:

«Солдаты! Рабочие! Граждане!

Враги народа перешли ночью в наступление. Штабные корниловцы пытаются стянуть из окрестностей юнкеров и ударные батальоны. Ораниенбаумские юнкера и ударники в Царском Селе отказались выступать. Замышляется предательский удар против Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов… Поход контрреволюционных заговорщиков направлен против Всероссийского съезда Советов накануне его открытия, против Учредительного собрания, против народа. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов стоит на защите революции. Военно-революционный комитет руководит отпором натиску заговорщиков. Весь гарнизон и весь пролетариат Петрограда готовы нанести врагам народа сокрушительный удар.

Военно-революционный комитет постановляет:

1. Все полковые, ротные и командные комитеты, вместе с комиссарами Совета, все революционные организации должны заседать непрерывно, сосредоточивая в своих руках все сведения о планах и действиях заговорщиков.

2. Ни один солдат не должен отлучаться без разрешения комитета из своей части.

3. Немедленно прислать в Смольный институт по два представителя от каждой части и по пяти от каждого районного Совета.

4. Обо всех действиях заговорщиков сообщать немедленно в

Смольный институт.

5. Все члены Петроградского Совета и все делегаты на Всероссийский съезд Советов приглашаются немедленно в Смольный институт на экстренное заседание.

Контрреволюция подняла свою преступную голову.

Всем завоеваниям и надеждам солдат, рабочих и крестьян грозит великая опасность. Но силы революции неизмеримо превышают силы ее врагов.

Дело народа в твердых руках. Заговорщики будут сокрушены.

Никаких колебаний и сомнений. Твердость, стойкость, выдержка, решительность.

Да здравствует революция!

Военно-революционный комитет».

Петроградский Совет беспрерывно заседал в Смольном, где был центр бури. Делегаты сваливались и засыпали тут же на полу, а потом просыпались, чтобы немедленно принять участие в прениях. Троцкий, Каменев, Володарский говорили по 6, по 8, по 12 часов в день. Я спустился на первый этаж, в комнату 18-ю, где шло совещание делегатов-большевиков. Резкий голос невидного за толпой оратора уверенно твердил: «Соглашатели говорят, что мы изолированы. Не обращайте на них внимания! В конце концов им придется идти за нами или остаться без последователей…».

Оратор поднял вверх клочок бумаги: «Мы уже увлекаем их за собой! От меньшевиков и эсеров только что явилась делегация; они говорят, что осуждают наши действия, но, если правительство нападет на нас, они не станут бороться против пролетарского дела!». Гром восторженных восклицаний…

* * *

С наступлением ночи огромный зал наполнился солдатами и рабочими, густой темно-коричневой толпой, глухо гудевшей в синем табачном дыму. Старый ЦИК, наконец, решился приветствовать делегатов того нового съезда, который нес ему гибель, а может быть, и гибель всему созданному им революционному порядку. Впрочем, на этом собрании имели право голоса только члены ЦИК.

Было уже за полночь, когда Гоц занял председательское место, а на ораторскую трибуну в напряженной, казавшейся мне почти угрожающей тишине поднялся Дан.

«Переживаемый момент окрашен в самые трагические тона, – заговорил он. – Враг стоит на путях к Петрограду, силы демократии пытаются организовать сопротивление, а в это время

мы ждем кровопролития на улицах столицы и голод угрожает погубить не только наше правительство, но и самую революцию…

Массы измучены и болезненно настроены; они потеряли интерес к революции. Если большевики начнут что бы то ни было, то это будет гибелью революции… (Возгласы: «Ложь!») Контрреволюционеры только ждут большевиков, чтобы приступить к погромам и убийствам… Если произойдет хоть какое-нибудь выступление, то Учредительного собрания не будет… *(Крики: «ложь! позор!»)*

Совершенно недопустимо, чтобы петроградский гарнизон в районе военных действий отказывался исполнять приказания штаба… Вы должны повиноваться штабу и избранному вами ЦИК. Вся власть Советам – это смерть. Разбойники и громилы только ждут момента, чтобы начать грабежи и поджоги. Когда выставляются такие лозунги, как «вламывайтесь в дома, срывайте с буржуев сапоги и одежду!».. *(Шум, крики: «таких лозунгов не было! ложь! ложь!»)* …Все равно, начинать можно по-разному, но кончится этим!

ЦИК имеет власть и право действовать, и все обязаны повиноваться ему. Мы не боимся штыков! ЦИК прикроет революцию своим собственным телом… *(Крики: «он уже давно мертвое тело!»)*

Страшный, непрекращающийся шум, в котором еле можно разобрать голос Дана, когда он, напрягая все силы, выкрикивал, ударяя кулаком по краю трибуны: «Кто подстрекает к этому, тот совершает преступление!»

Голос: «Вы уже давно совершили преступление! Вы взяли власть и отдали ее буржуазии!»

Гоц размахивает председательским колокольчиком: «Тише, или я удалю вас!»

Голос: «Попробуйте!» Рукоплескания и свист. «Теперь, – продолжает Дан, – о нашей мирной политике. *(смех.)* К сожалению, Россия более не может воевать. Будет мир, но мир не постоянный, не демократический… Сегодня в Совете республики мы, чтобы избежать кровопролития, приняли формулу перехода, требующую передачи земли земельным комитетам и немедленного открытия мирных переговоров…» *(смех, крики: «поздно!»)*

От большевиков взошел на трибуну Троцкий, встреченный громом аплодисментов. Все собрание встало и устроило ему овацию. Худое, заостренное лицо Троцкого выражало мефистофельскую злобную иронию.

«Тактика Дана доказывает, что масса – широкая, тупая, безразличная масса всецело идет за ним!» Гомерический хохот…

Оратор трагическим жестом поворачивается к председателю. «Когда мы говорили о передаче земли крестьянам, вы были против этого. Мы говорили крестьянам: если вам не дают земли, берите ее сами! Теперь крестьяне последовали нашему совету, а вы призываете к тому, о чем мы говорили шесть месяцев назад!

Я думаю, что если Керенский отменил смертную казнь на фронте, то этот поступок внушен ему не идейными соображениями. Я полагаю, что Керенского убедил петроградский гарнизон, который отказался повиноваться ему…

Сегодня Дана обвиняют, что он произнес в Совете республики речь, обличающую в нем скрытого большевика… Настанет такой день, когда сам Дан скажет, что в восстании 3 – 5 июля участвовал цвет революции… В дановской резолюции, принятой сегодня Советом республики, нет ни одного упоминания об усилении дисциплины в армии, хотя в меньшевистской пропаганде этот пункт занимает очень важное место…

Нет! История последних семи месяцев показывает, что меньшевики покинуты массами! Меньшевики и эсеры побили кадетов, а когда им досталась власть, они отдали ее тем же кадетам…

Дан говорит вам, что вы не имеете права восставать. Восстание есть неотъемлемое право каждого революционера! Когда угнетенные массы восстают, они всегда правы…»

Затем взял слово длиннолицый, злоязычный Либер, встреченный ироническим оханьем и смехом.

«Маркс и Энгельс говорили, что пролетариат не имеет права брать власть, пока он не созрел для этого. В буржуазной революции, подобно нашей… захват власти массами означает трагический конец революции… В качестве социал-демократического теоретика Троцкий сам выступает против того, к чему он теперь призывает вас…» *(Крики: «довольно! долой!»)*

Затем говорил Мартов, которого ежеминутно прерывали выкриками с мест. «Интернационалисты не возражают против передачи власти демократии, но они осуждают большевистские методы. Сейчас не время брать власть…»

Снова на трибуне Дан, яростно протестуя против действий Военно-революционного комитета, который послал комиссара для захвата редакции «Известий» и для цензурирования этой газеты. Последовал страшный шум. Мартов пытался говорить, но его не было слышно. Делегаты от армии и Балтийского флота встали со своих мест, крича, что Совет – это их правительство.

Среди дикого беспорядка Эрлих (один из лидеров меньшевиков. – *дж. р.*) предложил резолюцию, призывающую рабочих и солдат сохранять спокойствие и не слушать

провокаторов, призывающих к демонстрации, вместе с тем признавалась необходимость немедленного создания Комитета общественной безопасности, а также срочного издания Временным правительством закона о передаче земли крестьянам и об открытии мирных переговоров…

Тогда вскочил Володарский, резко крича, что накануне съезда Советов ЦИК не имеет права брать на себя функции этого съезда. ЦИК фактически мертв, заявил Володарский, и эта резолюция всего только маневр с целью поддержать его гаснущую власть…

«Мы, большевики, не станем голосовать за эту резолюцию!» После этого все большевики покинули зал заседания, и резолюция прошла…

Около 4 часов утра я встретил в вестибюле Зорина. За плечами у него была винтовка.

– Мы выступили! – спокойно, но удовлетворенно сказал он мне. – Мы уже арестовали товарища министра юстиции и министра по делам вероисповеданий. Они уже в подвале. Один полк отправился брать телефонную станцию, другой идет на телеграф, третий – на Государственный банк. Красная Гвардия вышла на улицу…

На ступенях Смольного в холодной темноте мы впервые увидели Красную Гвардию – сбившуюся группку парней в рабочей одежде. Они держали в руках винтовки с примкнутыми штыками и беспокойно переговаривались.

Издали, с запада, поверх молчаливых крыш доносились звуки беглой ружейной перестрелки. Это юнкера пытались развести мосты через Неву, чтобы не дать рабочим и солдатам Выборгской стороны присоединиться к вооруженным силам Совета, находившимся по другую сторону реки, но кронштадтские матросы снова навели мосты…

За нашими спинами сверкало огнями и жужжало, как улей, огромное здание Смольного…

Конец Временного правительства

В среду 7 ноября (25 октября) я встал очень поздно. Когда я вышел на Невский, в Петропавловской крепости грянула полуденная пушка. День был сырой и холодный. Напротив запертых дверей Государственного банка стояло несколько солдат с винтовками с примкнутыми штыками.

«Вы чьи? – спросил я. – Вы за правительство?»

«Нет больше правительства! – с улыбкой ответил солдат. – Слава богу!» Это было все, что мне удалось от него добиться.

По Невскому, как всегда, двигались трамваи. На всех выступающих частях их повисли мужчины, женщины и дети. Магазины были открыты, и вообще улица имела как будто даже более спокойный вид, чем накануне. За ночь стены покрылись новыми прокламациями и призывами, предостерегавшими против воестания. Они обращались к крестьянам, к фронтовым солдатам, к петроградским рабочим. Одна из прокламаций гласила:

«От Петроградской городской Думы.

Городская Дума доводит до сведения граждан, что ею в чрезвычайном заседании 24 октября образован Комитет общественной безопасности в составе гласных центральной и районных Дум и представителей революционных демократических организаций: Центрального исполнительного комитета Советов рабочих и солдатских депутатов, Всероссийского исполнительного комитета крестьянских депутатов, армейских организаций, Центрофлота, Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, Совета профессионального союза, и др.

Дежурства членов Комитета общественной безопасности – в здании городской Думы. Телефоны для справок: 15—40, 223-77, 138-36».

В тот момент я еще не понимал, что эта думская прокламация была формальным объявлением войны большевикам.

Я купил номер «Рабочего Пути», единственной, казалось, газеты, которая была в продаже, немного позже удалось купить у солдата за полтинник уже прочитанный номер «Дня». Большевистская газета, отпечатанная на огромных листах в захваченной типографии «Русской Воли», начиналась крупно напечатанным заголовком «Вся власть Советам рабочих, солдат и крестьян! – Мира! Хлеба! Земли!».

Передовая статья была подписана Зиновьевым, который был вынужден скрываться, как и Ленин. Вот ее начало:

«Всякий солдат, всякий рабочий, всякий истинный социалист,

всякий честный демократ не могут не видеть, что созревшее революционное столкновение уперлось в немедленное разрешение.

Или – или.

Или власть переходит в руки буржуазно-помещичьей шайки, и тогда это означает… кровавую всероссийскую карательную экспедицию, которая… кровью солдат и матросов, крестьян и рабочих зальет всю страну. Тогда это продолжение опостылевшей войны, тогда это – неизбежные смерть и голод.

Или власть перейдет в руки революционных рабочих, солдат и крестьян, и тогда это означает полное уничтожение помещичьей кабалы, немедленное обуздание капиталистов, немедленное предложение справедливого мира. Тогда земля обеспечена крестьянам, тогда контроль обеспечен над фабриками, тогда хлеб обеспечен голодающим, тогда конец бессмысленной бойне…».

«День» давал отрывочные сведения о событиях бурной ночи. Большевики захватили телефонную станцию, Балтийский вокзал и телеграф; петергофские юнкера не могут пробраться в Петроград; казаки колеблются; арестовано несколько министров; убит начальник городской милиции Мейер; аресты, контрарести, стычки между солдатскими патрулями, юнкерами и красногвардейцами…

На углу Морской я встретил меньшевика-оборонца капитана Гомберга, секретаря военной секции своей партии. Когда я спросил его, действительно ли произошло восстание, он только устало пожал плечами: «Черт его знает!.. Что ж, может быть, большевики и могут захватить власть, но больше трех дней им не удержать ее. У них нет таких людей, которые могли бы управлять страной. Может быть, лучше всего дать им попробовать: на этом они сорвутся…».

* * *

Военная гостиница на углу Исаакиевской площади оцеплена вооруженными матросами. В вестибюле собралось довольно много щеголеватых молодых офицеров. Они бродили взад и вперед и перешептывались между собой. Матросы не выпускали их на улицу.

Вдруг на улице раздался громкий выстрел, и началась частая перестрелка. Я выбежал наружу. Вокруг Мариинского дворца, где заседал Совет российский республики, творилось что-то необычайное. Широкую площадь пересекала по диагонали цепь солдат. Они держали ружья на изготовку и смотрели на крышу

гостиницы.

«Провокация, в нас стреляют!» – крикнул один из них. Другой побежал к подъезду.

У западного угла дворца стоял большой броневик с красным флагом и свежей надписью красным «С.Р.С.Д.» (Совет рабочих и солдатских депутатов). Все его пулеметы были направлены на Исаакиевский собор. Выход на Новую улицу был перегорожен баррикадой – бочки, ящики, старый матрац, поваленный вагон. Конец набережной Мойки был забаррикадирован штабелями дров. Короткие поленья с соседнего склада были сложены вдоль здания и образовывали бруствер.

«Что же, тут будет бой?» – спросил я.

«Скоро, скоро! – беспокойно отвечал солдат. – Проходи, товарищ, как бы тебе не влетело! Вон с той стороны придут…» – и он показал в сторону Адмиралтейства.

«Да кто придет-то?»

«Этого, братишка, не могу сказать», – ответил он, сплевывая.

У подъезда дворца стояла толпа солдат и матросов. Матрос рассказывал о конце Совета Российской республики. «Мы вошли, – говорил он, – и заняли все двери своими товарищами. Я подошел к контрреволюционеру-корниловцу, который сидел на председательском месте. Нет больше вашего Совета, сказал я ему. Ступай домой!»

Все смеялись. Размахивая всеми своими бумагами и документами, я добрался до двери в галерею прессы. Здесь меня остановил огромный улыбающийся матрос. Я показал ему пропуск, но он ответил: «Хоть бы вы были сам святой Михаил, прохода нет, товарищ». Сквозь дверное стекло я разглядел расстроенное лицо и жестикулирующие руки запертого внутри французского корреспондента.

Вблизи стоял невысокий, седоусый человек в генеральской форме, окруженный кучкой солдат. Лицо его было очень красно.

«Я генерал Алексеев! – кричал он. – Как ваш начальник и как член Совета Республики, приказываю вам пропустить меня!»

Часовой чесал в затылке и беспокойно косил во все стороны, наконец, мигнул подходившему офицеру, который очень взволновался, узнав, кто с ним говорит, и начал с того, что взял под козырек.

«Ваше высокопревосходительство, – забормотал он, как будто бы дело было при старом режиме, – вход во дворец строжайше воспрещен… Я не имею права…»

Подъехал автомобиль, в котором я разглядел смеющегося Гоца. Казалось, все происходящее очень забавляло его. Через несколько минут подкатила другая машина. На ее передней

скамейке сидели вооруженные солдаты, а за ними были видны арестованные члены Временного правительства. Член Военно-революционного комитета латыш Петерс торопливо пересекал площадь.

«Я думал, что вы переловили всех этих господ сегодня ночью», – сказал я ему, указывая на арестованных.

«Эх! – и в его голосе звучало разочарование. – Эти глупцы выпустили большую половину, прежде чем мы решили как с ними быть…»

Вниз по Вознесенскому проспекту стягивалась огромная толпа матросов, а за ними, покуда хватал глаз, были видны движущиеся колонны солдат.

Мы пошли по Адмиралтейскому проспекту к Зимнему дворцу. Все выходы на Дворцовую площадь охранялись часовыми, а западный край площади был загражден вооруженным кордоном, на который напирала огромная толпа. Все соблюдали спокойствие, кроме нескольких солдат, выносивших из ворот дворца дрова и складывавших их против главного входа.

Мы никак не могли добиться, чьи тут были часовые – правительственные или советские. Наши удостоверения из Смольного не произвели на них никакого впечатления. Тогда мы зашли с другой стороны и, показав свои американские паспорта, важно заявили: «По официальному делу!», и проскользнули внутрь.

* * *

В подъезде дворца от нас вежливо приняли пальто и шляпы все те же старые швейцары в синих ливреях с медными пуговицами и красными воротниками с золотым позументом. Мы поднялись по лестнице. В темном, мрачном коридоре, где уже не было гобеленов, бесцельно слонялись несколько старых служителей. У двери кабинета Керенского похаживал, кусая усы, молодой офицер. Мы спросили его, можно ли нам будет проинтервьюировать министра-председателя. Он поклонился и щелкнул шпорами.

«К сожалению, нельзя, – ответил он по-французски. – Александр Федорович крайне занят… – Он взглянул на нас. – Собственно, его здесь нет…»

«Где же он?»

«Поехал на фронт. И, знаете, ему не хватило газолину для автомобиля. Пришлось занять в английском госпитале».

«А министры здесь?»

«Да, они заседают в какой-то комнате, не знаю точно».

«Что же, придут большевики?»

«Конечно! Несомненно, придут! Я каждую минуту жду телефонного звонка с сообщением, что они идут. Но мы готовы! Дворец охраняется юнкерами. Они вон за той дверью».

«А можно нам пройти туда?»

«Нет, разумеется, нет! Запрещено…» Вдруг он пожал нам руки и ушел. Мы повернулись к заветной двери, устроенной во временной перегородке, разделявшей комнату. Она была заперта с нашей стороны. За стенкой были слышны голоса и чей-то смех, странно звучавший в важной тишине огромного и старинного дворца. К нам подошел старик-швейцар:

«Нельзя, барин, туда нельзя!»

«Почему дверь заперта?»

«Чтоб солдаты не ушли», – ответил он.

Через несколько минут он сказал, что хочет выпить стакан чаю, и ушел. Мы открыли дверь. У порога оказалось двое часовых, но они ничего не сказали нам. Коридор упирался в большую, богато убранную комнату с золотыми карнизами и огромными хрустальными люстрами. Дальше была целая анфилада комнат поменьше, отделанных темным деревом. По обеим сторонам на паркетном полу были разостланы грубые и грязные тюфяки и одеяла, на которых кое-где валялись солдаты. Повсюду груды окурков, куски хлеба, разбросанная одежда и пустые бутылки из-под дорогих французских вин. Вокруг нас собиралось все больше и больше солдат в красных с золотом юнкерских погонах. Душная атмосфера табачного дыма и грязного человеческого тела спирала дыхание. Один из юнкеров держал в руках бутылку белого бургундского вина, очевидно стащенную из дворцовых погребов. Все с изумлением глядели на нас, а мы проходили комнату за комнатой, пока не добрались до анфилады парадных покоев, высокие, но грязные окна которых выходили на площадь. На стенах висели огромные полотна в тяжелых золотых рамах – все исторические и батальные сюжеты: «12 октября 1812 г.», «6 ноября 1842 г.», «16/28 августа 1813 г.» У одной из таких картин был прорван весь правый верхний угол.

Все помещение было превращено в огромную казарму, и, судя по состоянию стен и полов, превращение это совершилось уже несколько недель тому назад. На подоконниках были установлены пулеметы, между тюфяками стояли ружья в козлах.

Мы разглядывали картины, когда на меня вдруг пахнуло слева запахом спирта и чей-то голос заговорил на плохом, но беглом французском языке: «По тому, как вы разглядываете картины, я вижу, что вы иностранцы…». Перед нами был

невысокий, одутловатый человек. Когда он приподнял фуражку, мы увидели лысину.

«Американцы? Очень рад!.. Штабс-капитан Владимир Арцыбашев. Весь к вашим услугам…» Казалось, он не видел решительно ничего странного в том, что четверо иностранцев, в том числе одна женщина, расхаживают по месту расположения отряда, ожидающего атаки. Он начал жаловаться на положение дел в России.

«Дело не только в большевиках, – говорил он. – Беда в том, что пропали благородные традиции русской армии. Взгляните кругом: вот это все юнкера, будущие офицеры… Но разве это джентльмены? Керенский открыл военные училища для всех желающих, для каждого солдата, который может выдержать экзамен. Понятно, здесь много, очень много таких, которые заражены революционным духом…»

И вдруг без всякой последовательности заговорил о другом. «Мне бы очень хотелось уехать из России. Я решил поступить в американскую армию… Не будете ли вы добры помочь мне в этом деле у вашего консула? Я дам вам свой адрес».

Несмотря на наши протесты, он написал несколько слов на клочке бумаги и, кажется, сразу почувствовал себя гораздо веселее. Его записка сохранилась у меня: «2-я Ораниенбаумская школа прапорщиков. Старый Петергоф».

«Сегодня утром у нас был смотр, – продолжал он, водя нас по комнатам и давая разъяснения. – Женский батальон постановил остаться верным правительству».

«Значит, во дворце есть солдаты-женщины?»

«Да, они в задних комнатах. Если что-нибудь случится, они там будут в безопасности». Он вздохнул. «Какая тяжелая ответственность!»

Мы немного постояли у окна, глядя на Дворцовую площадь, где выстроились три роты юнкеров в длинных серых шинелях. Ими командовал высокий, по виду очень энергичный офицер, в котором я узнал главного военного комиссара Временного правительства Станкевича. Через несколько минут две из этих трех рот с резким стуком взяли на плечо, и их колыхающиеся ряды, печатая шаг, пересекли площадь, прошли под красной аркой и скрылись, уходя по направлению к молчаливому городу.

«Пошли брать телефонную станцию!» – сказал чей-то голос. Около нас стояло трое юнкеров. Мы разговорились с ними. Они сказали нам, что они из солдат, и назвали свои имена: Роберт Олев, Алексей Василенко и эстонец Эрни Сакс. Теперь они уже не хотели быть офицерами, потому что офицерство было крайне непопулярно. По-видимому, они попросту не знали, что им

делать. Было ясно, что им очень не по себе.

Но скоро они принялись хвастать: «Пусть большевики только сунутся, мы им покажем, как драться! Они не посмеют напасть на нас, они все трусы… Но если они и задавят нас, ну что ж, каждый оставит последнюю пулю для себя…».

В этот момент где-то неподалеку началась перестрелка. Все люди, какие были на площади, бросились врассыпную. Многие ложились на землю ничком. Извозчики, стоявшие на углах, поскакали во все стороны. Поднялась страшная суматоха. Солдаты бегали взад и вперед, хватались за ружья и кричали: «Идут! Идут!» Но через несколько минут все снова успокоилось. Извозчики вернулись на свои места, люди, лежавшие на земле, встали на ноги. Под красной аркой появились юнкера.

Они шли не совсем в ногу, и одного из них поддерживали под руки двое товарищей.

* * *

Было уже довольно поздно, когда мы покинули дворец. С площади исчезли все часовые. Огромный полукруг правительственных зданий казался пустынным. Мы зашли пообедать в Hotel de France. Только мы принялись за суп, к нам подбежал страшно бледный официант и попросил нас перейти в общий зал, выходивший окнами во двор: в кафе, выходившем на улицу, было необходимо погасить свет. «Будет большая стрельба!» – сказал он.

Мы снова вышли на Морскую. Было уже совсем темно, только на углу Невского мигал уличный фонарь. Под ним стоял большой броневик. Его мотор был заведен и выбрасывал струю бензинового дыма. Рядом стоял какой-то мальчишка и заглядывал в дуло пулемета. Кругом толпились солдаты и матросы; они, видимо, чего-то ждали. Мы пошли к арке генерального штаба. Кучка солдат смотрела на ярко освещенный Зимний дворец и громко переговаривалась.

«Нет, товарищи, – говорил один из них. – Как мы можем стрелять в них? Ведь там женский батальон! Скажут, что мы расстреливаем русских женщин…»

Когда мы вышли на Невский, из-за угла выкатил еще один бронированный автомобиль. Из его башенки высунулась голова какого-то человека.

«Вперед! – прокричал он. – Пробьемся – и в атаку!»

Подошел шофер другого броневика и закричал, покрывая треск машины:

«Комитет велел ждать! У них за штабелями дров спрятана артиллерия!..»

Здесь трамваи не ходили, прохожие были редки, а света не было вовсе. Но, пройдя всего несколько домов, можно было снова видеть трамвай, толпы людей, ярко освещенные витрины и электрические вывески кинематографов. Жизнь шла своим чередом. У нас были билеты в Мариинский театр, на балет (все театры были открыты). Но на улице было слишком интересно.

Мы наткнулись в темноте на штабели дров, заграждавшие Полицейский мост, а у Строгановского дворца мы видели, как несколько солдат устанавливали трехдюймовки. Другие солдаты, одетые в формы различных частей, бесцельно слонялись туда и сюда, ведя между собой бесконечные разговоры…

На Невский, казалось, высыпал весь город. На каждом углу стояли огромные толпы, окружавшие яростных спорщиков. Пикеты по двенадцати солдат с винтовками и примкнутыми штыками дежурили на перекрестках, а краснолицые старики в богатых меховых шубах показывали им кулаки, изящно одетые женщины осыпали их бранью. Солдаты отвечали очень неохотно и смущенно улыбались. По улице разъезжали броневики, на которых еще были видны старые названия: «Олег», «Рюрик», «Святослав», – все имена древнерусских князей. Но поверх старых надписей уже краснели огромные буквы «РСДРП» («Российская социал-демократическая рабочая партия»). На Михайловском проспекте появился газетчик. Толпа бешено набросилась на него, предлагая по рублю, по 5, по 10 рублей за номер, вырывая друг у друга газеты. То был «Рабочий и Солдат», возвещавший победу пролетарской революции и освобождение арестованных большевиков, призывавший фронтовые и тыловые армейские части к поддержке восстания… В этом лихорадочном номере было всего четыре страницы, напечатанные огромным шрифтом. Новостей не было никаких.

На углу Садовой собралось около двух тысяч граждан. Толпа глядела на крышу высокого дома, где то гасла, то разгоралась маленькая красная искорка.

«Гляди, – говорил высокий крестьянин, указывая на нее, – там провокатор, сейчас он будет стрелять в народ…» По-видимому, никто не хотел пойти узнать, в чем там дело.

Когда мы подошли к Смольному, его массивный фасад сверкал огнями. Со всех улиц к нему подходили новые и новые люди, торопившиеся сквозь мрак и тьму. Подъезжали и отъезжали автомобили и мотоциклы. Огромный серый броневик, над башенкой которого развевались два красных флага, завывая сиреной, выполз из ворот. Было холодно, и красногвардейцы,

охранявшие вход, грелись у костра. У внутренних ворот тоже горел костер, при свете которого часовые медленно прочли паши пропуска и оглядели нас с ног до головы. По обеим сторонам входа стояли пулеметы, со снятыми чехлами, и с их казенных частей, извиваясь, как змеи, свисали патронные ленты. Во дворе, под деревьями сада, стояло много броневиков; их моторы были заведены и работали. Огромные и пустые, плохо освещенные залы гудели от топота тяжелых сапог, криков и говора… Настроение было решительное. Все лестницы были залиты толпой: тут были рабочие в черных блузах и черных меховых шапках, многие с винтовками через плечо, солдаты в грубых шинелях грязного цвета и в серых меховых папахах. Среди всего этого народа торопились, протискиваясь куда-то, известные многим Луначарский, Каменев… Все они говорили одновременно, лица их были озабочены, у каждого под мышкой переполненный бумагами портфель.

* * *

Я остановил Каменева, невысокого человека с быстрыми движениями, живым широким лицом и низко посаженной головой. Он без всяких предисловий перевел мне на французский язык только что принятую резолюцию…

«Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов приветствует победную революцию пролетариата и гарнизона Петрограда. Совет в особенности подчеркивает ту сплоченность, организацию, дисциплину, то полное единодушие, которое проявили массы в этом на редкость бескровном и на редкость успешном восстании.

Совет, выражая непоколебимую уверенность, что рабочее и крестьянское правительство, которое, как Советское правительство, будет создано революцией и которое обеспечит поддержку городскому пролетариату со стороны всей массы беднейшего крестьянства, что это правительство твердо пойдет к социализму единственному средству спасения страны от неслыханных бедствий и ужасов войны.

Новое рабочее и крестьянское правительство немедленно предложит справедливый, демократический мир всем воюющим народам.

Оно немедленно отменит помещичью собственность на землю и передаст землю крестьянству. Оно создаст рабочий контроль над производством и распределением продуктов и установит общенародный контроль над банками вместе с превращением их

в одно государственное предприятие.

Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов призывает всех рабочих и все крестьянство со всей энергией беззаветно поддержать рабочую и крестьянскую революцию. Совет выражает уверенность, что городские рабочие в союзе с беднейшим крестьянством проявят непреклонную товарищескую дисциплину, создадут строжайший революционный порядок, необходимый для победы социализма.

Совет убежден, что пролетариат западноевропейских стран поможет нам довести дело социализма до полной и прочной победы».

«Значит, вы думаете, дело выиграно?..»

Он пожал плечами: «Надо еще очень много сделать. Страшно много!.. Дело только еще начинается…»

На площадке лестницы я увидел товарища председателя совета профессиональных союзов Рязанова. Он мрачно глядел перед собой, покусывая свою седеющую бороду. «Это безумие, безумие! – восклицал он. – Европейский пролетариат не поднимется! Вся Россия…» Он рассеянно махнул рукой и побежал дальше.

Рязанов и Каменев возражали против восстания и испытали на себе всю страшную силу ленинской полемики.

То было очень важное заседание. Троцкий от имени Военно-революционного комитета заявил, что Временное правительство больше не существует.

«Свойство буржуазных и мелкобуржуазных правительств, – сказал он, – состоит в том, чтобы обманывать массы.

Нам в настоящее время, – нам, Советам солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, предстоит небывалый в истории опыт создания власти, которая не знала бы иных целей, кроме потребностей солдат, рабочих и крестьян».

На трибуне появился Ленин. Его встретили громовой овацией. Он предвозвестил мировую социалистическую революцию… После него выступил Зиновьев, восклицавший: «Сегодня мы заплатили долг международному пролетариату и нанесли страшный удар войне, удар в грудь всем империалистам и, в частности, палачу Вильгельму»…

После этого Троцкий заявил, что на фронт уже отправлены телеграммы, извещающие о победе восстания, но ответ еще не пришел. По слухам, на Петроград движутся войска. Необходимо отправить к ним делегацию, чтобы рассказать им всю правду.

Голоса с мест: «Вы предрешаете волю Всероссийского съезда Советов!»

Троцкий (холодно): «Воля Всероссийского съезда Советов

предрешена фактом восстания петроградских рабочих и солдат».

* * *

Мы вошли в огромный зал заседания, проталкиваясь сквозь бурлящую толпу, стеснившуюся у дверей. Освещенные огромными белыми люстрами, на скамьях и стульях, в проходах, на подоконниках, даже на краю возвышения для президиума, сидели представители рабочих и солдат всей России. То в тревожной тишине, то в диком шуме ждали они председательского звонка. Помещение не отапливалось, но в нем было жарко от испарений немытых человеческих тел. Неприятный синий табачный дым поднимался вверх и висел в спертом воздухе. Время от времени кто-нибудь из руководящих лиц поднимался на трибуну и просил товарищей перестать курить. Тогда все присутствующие, в том числе и сами курящие, поднимали крик: «Товарищи, не курите!», и курение продолжалось.

Делегат от Обуховского завода анархист Петровский усадил меня рядом с собой. Грязный и небритый, он едва держался на ногах от бессонницы: он работал в Военно-революционном комитете трое суток без перерыва. На возвышении сидели лидеры старого ЦИК, в последний раз доводилось им вести заседание непокорных Советов, которыми они правили с первых дней революции. Теперь Советы восстали против них. Кончился первый период русской революции, который эти люди старались вести на тормозах. Трех крупнейших из них не было в президиуме: не было Керенского, бежавшего на фронт через города и села, уже охваченные волнением; не было старого орла Чхеидзе, с презрением удалившегося в родные грузинские горы и там свалившегося в чахотке; не было и прекраснодушного Церетели, тоже тяжело больного, но впоследствии вернувшегося и истощившего все свое лощеное красноречие на защиту погибшего дела. На трибуне сидели Гоц, Дан, Либер, Богданов, Бройдо, Филипповский – все бледные и негодующие, с ввалившимися глазами. Под ними кипел и бурлил II Всероссийский съезд Советов, а над их головами лихорадочно работал Военно-революционный комитет, державший в руках все нити восстания и наносивший меткие и сильные удары… Было 10 часов 40 минут вечера.

Дан, бесцветный человек с дряблым лицом, в мешковатом мундире военного врача, позвонил в колокольчик. Сразу наступила напряженная тишина, нарушаемая лишь спорами и

бранью людей, теснившихся у входа…

«Власть в наших руках», – печально начал Дан. Он остановился на мгновение и тихо продолжал: «Товарищи, съезд Советов собирается в такой исключительный момент и при таких исключительных обстоятельствах, что вы, я думаю, поймете, почему ЦИК считает излишним открывать настоящее заседание политической речью. Для вас станет это особенно понятным, если вы вспомните, что я являюсь членом президиума ЦИК, а в это время наши партийные товарищи находятся в Зимнем дворце под обстрелом, самоотверженно выполняя свой долг министров, возложенный на них ЦИК (смутный шум). Объявляю первое заседание II съезда Советов рабочих и солдатских депутатов открытым».

Президиум избирался среди общего шума и движения. Аванесов заявил, что по соглашению между большевиками, левыми эсерами и меньшевиками-интернационалистами постановлено составить президиум на основе пропорционального представительства. Несколько меньшевиков, громко протестуя, повскакали с мест. «Вспомните, – крикнул им какой-то бородатый солдат, – вспомните, что вы делали с нами, большевиками, когда мы были в меньшинстве!» Результаты выборов: четырнадцать большевиков, семь эсеров, три меньшевика и один интернационалист (из группы Горького). Гендельман заявляет от имени правых эсеров и эсеров центра, что они отказываются от участия в президиуме. Хинчук делает такое же заявление от имени меньшевиков. Меньшевики-интернационалисты тоже не могут войти в президиум до выяснения некоторых обстоятельств. Жидкие аплодисменты и крики. Голос с места: «Ренегаты! И вы называете себя социалистами!» Представитель делегатов Украины просит и получает место в президиуме. После этого старый ЦИК покидает трибуны и его место занимают Троцкий, Каменев, Луначарский, Коллонтай, Ногин… Весь зал встает, гремя рукоплесканиями. Как высоко взлетели они, эти большевики, – от непризнанной и гонимой секты всего четыре месяца назад и до величайшего положения рулевых великой России, охваченной бурей восстания.

В порядке дня, сообщает Каменев, значится: во-первых, вопрос об организации власти, во-вторых, вопрос о войне и мире и, в-третьих, вопрос об Учредительном собрании. Лозовский встает и объявляет, что по соглашению между бюро всех фракций предлагается сначала заслушать и обсудить отчет Петроградского Совета, затем дать слово членам ЦИК и представителям партий и, наконец, перейти к порядку дня.

* * *

Но неожиданно послышался новый шум, более тяжелый, чем шум толпы, настойчивый, тревожный шум – глухой гром пушек. Все нервно повернулись к темным окнам, и по собранию пронеслась какая-то дрожь. Мартов попросил слова и прохрипел: «Гражданская война началась, товарищи! Первым нашим вопросом должно быть мирное разрешение кризиса. И принципиально и тактически мы обязаны спешно обсудить пути предупреждения гражданской войны. Там на улице стреляют в наших братьев! В тот момент, когда перед самым открытием съезда Советов вопрос о власти решается путем военного заговора, организованного одной из революционных партий…». Крик и шум на мгновение покрыли его слова. «Все революционные партии обязаны смотреть фактам прямо в лицо! Задача съезда заключается прежде всего в том, чтобы решить вопрос о власти, и этот вопрос уже поставлен на улицах, он уже разрешается оружием! Мы должны создать власть, которая будет пользоваться признанием всей демократии. Съезд, если хочет быть голосом революционной демократии, не должен сидеть сложа руки перед лицом развертывающейся гражданской войны, результатом которой, может быть, будет вспышка контрреволюции. Возможностей мирного выхода надо искать в создании единой демократической власти… Необходимо избрать делегацию для переговоров с другими социалистическими партиями и организациями…»

Непрерывный отдаленный гром артиллерийской стрельбы, непрерывные споры делегатов… Так, под пушечный гром в атмосфере мрака и ненависти, дикого страха и беззаветной смелости рождалась новая Россия.

Левые эсеры и объединенные социал-демократы поддержали предложение Мартова. Оно было принято. Какой-то солдат объявил, что Всероссийский исполнительный комитет крестьянских Советов отказался прислать на съезд своих делегатов; он предложил отправить туда комиссию с формальным приглашением. «Здесь присутствует несколько крестьянских депутатов, – сказал он. – Предлагаю предоставить им право голоса». Предложение принимается.

Слова попросил капитан Харраш. «Политические лицемеры, возглавляющие этот съезд, – страстно кричал он с места, – говорят нам, что мы должны поставить вопрос о власти, а между тем этот вопрос уже поставлен за нашей спиной еще до открытия съезда! Расстреливается Зимний дворец, но удары, падающие на него, заколачивают гвозди в крышку гроба той политической

партии, которая решилась на подобную авантюру!» Общее возмущение. Слово берет Гарра: «Пока здесь вносится предложение о мирном улажении конфликта, на улицах идет бой… Эсеры и меньшевики считают необходимым отмежеваться от всего того, что здесь происходит, и призывают все общественные силы оказать сопротивление попыткам захватить власть…». Трудовик Кучин, делегат XII армии: «Я послан сюда только для информации. Я немедленно возвращаюсь на фронт, где все армейские комитеты твердо уверены, что захват власти Советами за три недели до открытия Учредительного собрания есть нож в спину армии и преступление перед народом!» Яростные крики: «Ложь! Лжете!» Снова слышен голос оратора: «Необходимо покончить с этой петроградской авантюрой! Во имя спасения родины и революции призываю всех делегатов покинуть этот зал!» Он сошел с трибуны. Рев возмущения. Многие с угрожающим видом встают к нему навстречу… Выступает Хинчук – офицер с рыжеватой острой бородкой, с мягкой и убедительной речью: «Я говорю от имени фронтовых делегатов, Армия недостаточно представлена на этом съезде, и, кроме того, она не считает съезд Советов необходимым в настоящий момент, т. е. всего за три недели до открытия Учредительного собрания…». Бурные, все нарастающие крики и топот. «Армия считает, что съезд Советов не имеет необходимой власти…» Солдаты, бывшие в зале, вскочили с мест.

«От чьего вы имени говорите? Кого вы представляете?» – кричали они.

«Центральный исполнительный комитет V армии, второй Ф-ский, первый Н-ский, 3-й С-ский стрелковые полки…»

«Когда вас избрали? Вы представляете не солдат, а офицеров! А солдаты что говорят?» Протестующие крики.

«Мы, фронтовая группа, слагаем с себя всякую ответственность за то, что происходит сейчас и еще произойдет в будущем, и считаем необходимым мобилизовать все сознательные революционные силы для спасения революции! Фронтовая группа покидает съезд… Место для боя – на улицах».

Громкий выкрик: «От штаба вы говорите, а не от армии!»

«Призываю всех благоразумных солдат покинуть съезд!»

«Корниловец! Контрреволюционер! Провокатор!» – неслось из зала.

Затем Хинчук от имени меньшевиков заявляет: единственная возможность мирного выхода состоит в том, чтобы съезд начал переговоры с Временным правительством об образовании нового кабинета, который опирался бы на все слои общества. В течение нескольких минут страшный шум не давал ему говорить.

Возвысив голос до крика, он огласил декларацию меньшевиков:

«Поскольку большевики организовали военный заговор, опираясь на Петроградский Совет и не посоветовавшись с другими фракциями и партиями, мы не считаем возможным оставаться на съезде и поэтому покидаем его, приглашая все прочие группы и партии следовать за нами и собраться для обсуждения создавшегося положения».

«Дезертиры!»

Гендельман, ежеминутно прерываемый общим шумом и криком, еле слышным голосом протестует от имени социалистов-революционеров против бомбардировки Зимнего дворца. «Мы не признаем подобной анархии…»

* * *

Не успел он замолчать, как на трибуну взбежал молодой солдат с худощавым лицом и горящими глазами. Он драматическим жестом поднял руку:

«Товарищи! – воскликнул он, и наступила тишина. – Моя фамилия Петерсон. Я говорю от имени второго латышского стрелкового полка. Вы выслушали заявление двух представителей армейских комитетов, и эти заявления имели бы какую-нибудь ценность, если бы их авторы являлись действительными представителями армии…» (Бурные аплодисменты.) «Они не представляют солдат…» Оратор потрясает кулаком. «XII армия давно настаивает на переизбрании Совета и Искосола (Искосол – исполнительный комитет солдат латышских частей XII армии. – *джон рид*), но наш комитет точно так же, как и ваш ЦИК, отказался созывать представителей масс до конца (середины) сентября, так что эти реакционеры смогли послать на настоящий съезд своих лжеделегатов. А я вам говорю, что латышские стрелки уже неоднократно заявляли: «Больше ни одной резолюции! Довольно слов! Нужны дела. Мы должны взять власть в свои руки!» Пусть эти самозванные делегаты уходят! Армия не с ними!».

Зал разразился бурей рукоплесканий. В первые минуты заседания делегаты, ошеломленные стремительностью событий, оглушенные пушечной пальбой, заколебались. В течение целого часа с этой трибуны на них раз за разом падали удары молота, сбивая их в единую массу, но в то же время подавляя. Не останутся ли они в одиночестве? Не поднимется ли против них Россия? Верно ли, что на Петроград уже идут войска? Но заговорил этот светлоглазый молодой солдат, и все сразу поняли,

что в его словах, сверкнувших, как молния, была правда… Его голос был голосом солдат – миллионов одетых в шинели рабочих и крестьян, охваченных тем же порывом, теми же мыслями и чувствами, как и сами они, делегаты…

На трибуне снова солдаты… Гжелыцак заявляет от имени фронтовых делегатов, что вопрос об уходе со съезда был решен лишь весьма незначительным большинством голосов, причем делегаты-большевики даже не принимали участия в голосовании, считая, что решение надо принимать по фракциям, а не по группам. «Сотни делегатов с фронта, – сказал он, – избраны без участия солдат, потому что армейские комитеты уже давно перестали быть истинными представителями массы рядовых…» Лукьянов кричит, что офицеры вроде Харраша или Хинчука представляют на съезде не солдат, а высшее командование, «Жители окопов ждут с нетерпением передачи власти в руки Советов». Настроение стало меняться…

Затем от имени Бунда (Еврейской социал-демократической партии) выступил Абрамович. Он дрожал от гнева, глаза его сверкали из-под толстых стекол очков:

«События, происходящие в настоящий момент в Петрограде, являются величайшим несчастьем! Группа Бунд присоединяется к декларации меньшевиков и социалистов-революционеров и покидает съезд! – он возвысил голос и поднял руку. – Наш долг перед русским пролетариатом не позволяет нам остаться здесь и принять на себя ответственность за это преступление. Так как обстрел Зимнего дворца не прекращается, то городская Дума вместе с меньшевиками, эсерами и исполнительным комитетом крестьянских Советов постановила погибнуть вместе с Временным правительством. Мы присоединяемся к ним! Безоружные, мы открываем свою грудь пулеметам террористов… Мы призываем всех делегатов съезда…» Остаток речи потонул в буре криков, угроз и проклятий, достигших адского грохота, когда пятьдесят делегатов поднялись со своих мест и стали пробираться к выходу.

Каменев размахивал председательским звонком, крича: «Оставайтесь на местах! Приступим к порядку дня!» Троцкий встал со своего места. Лицо его было бледно и жестоко. В сильном голосе звучало холодное презрение. «Все так называемые социал-соглашатели, все эти перепуганные меньшевики, эсеры и бундовцы пусть уходят! Все они просто сор, который будет сметен в сорную корзину истории!..»

Рязанов сообщил от имени большевиков, что Военно-революционный комитет по просьбе городской Думы отправил делегацию для переговоров с Зимним дворцом. «Таким образом,

мы сделали все возможное, чтобы предупредить кровопролитие…»

* * *

Нам было пора уходить отсюда. На минутку мы задержались в комнате, где, принимая и отправляя запыхавшихся связных, рассылая по всем уголкам города комиссаров, облеченных правом жизни и смерти, лихорадочно работал Военно-революционный комитет. Беспрерывно жужжали полевые телефоны. Когда дверь открылась, навстречу нам пахнул спертый, прокуренный воздух и мы разглядели взъерошенных людей, склоненных над картой, залитой ярким светом электрической лампы с абажуром… Товарищ Иозефов-Духвинский, улыбающийся юноша с целой копной бледно-желтых волос, выдал нам пропуска.

Мы вышли в холодную ночь. Перед Смольным огромное скопление подъезжающих и уезжающих автомобилей. Сквозь их шум были слышны глухие раскаты отдаленной канонады. Огромный грузовик весь трясся от работы мотора. Какие-то люди подавали на него связки печатных листов, а другие принимали и укладывали их, держа под рукой винтовки.

«Куда вы поедете?» – спросил я.

«По всему городу!» – ответил мне, улыбаясь, маленький рабочий. Он широко и восторженно взмахнул рукой.

Мы показали свои удостоверения. «Едемте с нами!» – пригласили нас. – «Но, возможно, в нас будут стрелять…» Мы вскарабкались на грузовик. С резким скрежетом сдвинулся рычаг сцепления, огромная машина рванулась вперед, и мы все попадали назад, придавливая людей, еще взбиравшихся на наш грузовик. Промчавшись мимо костров у внутренних и внешних ворот, освещавших красным светом сгрудившихся у огня рабочих с винтовками, машина, подпрыгивая и мотаясь из стороны в сторону, вылетела на Суворовский проспект. Один из наших спутников сорвал обертку с одной связки и принялся пачками разбрасывать в воздух какие-то листки. Мы стали помогать ему. Тан неслись мы по темным улицам, оставляя целый хвост разлетавшихся белых бумажек. Запоздалые прохожие останавливались и подбирали их. На перекрестках патрули оставляли свои костры и, подняв руки, ловили листки. Иногда навстречу нам выскакивали вооруженные люди. Они вскидывали винтовки и кричали: «Стой!» Но наш шофер кидал несколько непонятных слов, и мы мчались дальше. Я взял одно из воззваний и, пользуясь редкими уличными фонарями, кое-как разобрал:

«К гражданам России!

Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона.

Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского правительства, это дело обеспечено.

Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!

Военно-революционный комитет при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов».

Мой сосед, косоглазый, монгольского типа человек в кавказской папахе из козьего меха, проговорил: «Смотрите! Провокаторы всегда стреляют из окон!..» Мы завернули на темную и почти пустую Знаменскую площадь, обогнули нелепый памятник работы Трубецкого и вылетели на широкий Невский, причем трое из нас стояли с ружьями наготове, приглядываясь к окнам. Улица была очень оживлена. Толпы народа, пригибаясь, бежали в разные стороны. Пушек мы больше не слышали, и, чем ближе мы подвигались к Зимнему дворцу, тем тише и пустыннее становились улицы. Городская Дума сверкала всеми окнами. Дальше виднелась густая масса народа и цепь моряков, которые яростно кричали, требуя, чтобы мы остановились. Машина замедлила ход, и мы соскочили на мостовую…

Здесь была абсолютная тьма. Никакого движения, встречались только солдатские и красногвардейские патрули, находившиеся в состоянии крайнего напряжения. Напротив Казанского собора стояла среди улицы полевая трехдюймовка, несколько сбитая набок отдачей от последнего выстрела, направленного поверх крыши домов. У всех дверей стояли солдаты. Они потихоньку переговаривались, поглядывая в сторону Полицейского моста. Я разобрал слова: «Может быть, мы допустили ошибку…» На всех углах проходящих останавливали патрули. Характерный был состав этих патрулей: солдатами повсюду командовали красногвардейцы…Стрельба прекратилась.

В тот момент, как мы выходили на Морскую, кто-то крикнул: «Юнкера послали сказать, что они ждут, чтобы мы пошли и выгнали их!» Послышались слова команды, и в глубоком мраке мы рассмотрели темную массу, двигавшуюся вперед в молчании, нарушаемом только топотом ног и стуком оружия. Мы присоединились к первым рядам.

Подобно черной реке, заливающей всю улицу, без песен и криков прокатились мы под красной аркой. Человек, шедший

передо мной, тихо сказал: «Ох, смотрите, товарищи, не верьте им! Они наверняка начнут стрелять…». Выйдя на площадь, мы побежали, низко нагибаясь и прижимаясь друг к другу. Так бежали мы, пока внезапно не наткнулись на пьедестал Александровской колонны.

«А много ваших убито?» – спросил я.

«Не знаю, верно, человек десять…»

* * *

Простояв здесь несколько минут, отряд, насчитывавший несколько сот человек, ободрился и вдруг без всякого приказания снова кинулся вперед. В это время при ярком свете, падавшем из всех окон Зимнего дворца, я заметил, что передовые двести-триста человек были все красногвардейцы. Солдат среди них попадалось очень мало. Мы вскарабкались на баррикады, сложенные из дров, и, спрыгнув вниз, разразились восторженными криками: под нашими ногами оказались груды винтовок, брошенных юнкерами. Двери подъездов по обе стороны главных ворот были распахнуты настежь. Оттуда лился свет, но из огромного здания не доносилось ни звука.

Увлеченные бурной человеческой волной, мы вбежали во дворец через правый подъезд, выходивший в огромную и пустую сводчатую комнату – подвал восточного крыла, откуда расходился лабиринт коридоров и лестниц. Здесь стояло множество ящиков. Красногвардейцы и солдаты набросились на них с яростью, разбивая их прикладами и вытаскивая наружу ковры, гардины, белье, фарфоровую и стеклянную посуду. Кто-то взвалил на плечо бронзовые часы. Кто-то другой нашел страусовое перо и воткнул его в свою шапку. Но, как только начался грабеж, кто-то закричал: «Товарищи! Ничего не трогайте! Не берите ничего! Это народное достояние!» Его сразу поддержало не меньше двадцати голосов: «Стой! Клади все назад! Ничего не брать! Народное достояние!» Десятки рук протянулись к расхитителям. У них отняли парчу и гобелены. Двое людей отобрали бронзовые часы. Вещи поспешно, кое-как сваливались обратно в ящики, у которых самочинно встали часовые. Все это делалось совершенно стихийно. По коридорам и лестницам все глуше и глуше были слышны замирающие в отдалении крики: «Революционная дисциплина! Народное достояние!»

Мы пошли к левому входу, т. е. к западному крылу дворца. Здесь тоже уже был восстановлен порядок. «Очистить дворец! – кричали красногвардейцы, высовываясь из внутренних дверей. –

Идемте, товарищи, пусть все знают, что мы не воры и не бандиты! Все вон из дворца, кроме комиссаров! Поставить часовых!..»

Двое красногвардейцев – солдат и офицер – стояли с револьверами в руках. Позади них за столом сидел другой солдат, вооруженный пером и бумагой. Отовсюду раздавались крики: «Всех вон! Всех вон!», и вся армия начала выходить из дверей, толкаясь, жалуясь и споря. Самочинный комитет останавливал каждого выходящего, выворачивал карманы и ощупывал одежду. Все, что явно не могло быть собственностью обыскиваемого, отбиралось, причем солдат, сидевший за столом, записывал отобранные вещи, а другие сносили их в соседнюю комнату. Здесь были конфискованы самые разнообразные предметы: статуэтки, бутылки чернил, простыни с императорскими монограммами, подсвечники, миниатюры, писанные масляными красками, пресс-папье, шпаги с золотыми рукоятками, куски мыла, всевозможное платье, одеяла. Один красногвардеец притащил три винтовки и заявил, что две из них он отобрал у юнкеров. Другой принес четыре портфеля, набитых документами. Виновные либо мрачно молчали, либо оправдывались, как дети. Члены комитета в один голос объясняли, что воровство недостойно народных бойцов. Многие из обличенных сами помогали обыскивать остальных товарищей.

Стали появляться юнкера кучками по три, по четыре человека. Комитет набросился на них с особым усердием, сопровождая обыск восклицаниями: «Провокаторы! Корниловцы! Контрреволюционеры! Палачи народа!» Хотя никаких насилий произведено не было, юнкера казались очень испуганными. Их карманы тоже были полны награбленных вещей. Комитет тщательно записал все эти вещи и отправил их в соседнюю комнату… Юнкеров обезоружили. «Ну что, будете еще подымать оружие против народа?» – спрашивали громкие голоса.

«Нет!» – отвечали юнкера один за другим. После этого их отпустили на свободу.

Мы спросили, можно ли нам пройти во внутренние комнаты. Комитет колебался, но какой-то внушительного роста красногвардеец заявил, что это воспрещено. «И вообще кто вы такие? – сказал он. – Почем я знаю, что вы все не от Керенского?» (Нас было пятеро, в том числе две женщины.)

«Пожалуйста, товарищи! Дорогу, товарищи!» В дверях появились солдат и красногвардеец, раздвигая толпу и расчищая дорогу, и позади них еще несколько рабочих, вооруженных винтовками с примкнутыми штыками. За ними гуськом шло с полдюжины штатских, то были члены Временного правительства. Впереди шел Кишкин, бледный, с вытянутым лицом; дальше

Рутенберг, мрачно глядевший себе под ноги; Терещенко, сердито посматривавший по сторонам. Его холодный взгляд задержался на нашей группе… Они проходили молча. Победители сдвигались поглядеть на них, но негодующих выкриков было очень мало. Позже мы узнали, что на улице народ хотел расправиться с арестованными самосудом и что даже были выстрелы, но солдаты благополучно доставили их в Петропавловскую крепость…

* * *

Между тем мы беспрепятственно прошли внутрь дворца… Множество людей приходило и уходило, обыскивая все новые комнаты огромного здания, ища спрятанных юнкеров, которых на самом деле вовсе не было. Мы поднялись вверх по лестнице и стали обходить комнату за комнатой. Эта часть дворца была занята другим отрядом, наступавшим со стороны Невы. Картины, статуи, занавеси и ковры огромных парадных апартаментов были не тронуты. В деловых помещениях, наоборот, все письменные столы и бюро были перерыты, по полу валялись разбросанные бумаги. Жилые комнаты тоже были обысканы, с кроватей были сорваны покрывала, гардеробы открыты настежь. Самой ценной добычей считалось платье, в котором так нуждался рабочий народ. В одной комнате, где помещалось много мебели, мы застали двух солдат, срывавших с кресел тисненую испанскую кожу. Они сказали нам, что хотят сшить из нее сапоги…

Старые дворцовые служители в своих синих ливреях с красной и золотой отделкой стояли тут же, нервно повторяя по старой привычке: «Сюда, барин, нельзя… воспрещается…» Наконец, мы попали в малахитовую комнату с золотой отделкой и красными парчовыми портьерами, где весь последний день и ночь шло беспрерывное заседание совета министров и куда дорогу красногвардейцам показали швейцары. Длинный стол, покрытый зеленым сукном, оставался в том же положении, что и перед самым арестом правительства. Перед каждым пустым стулом на этом столе находились чернильница, бумага и перо. Листы бумаги были исписаны отрывками планов действия, черновыми набросками воззваний и манифестов. Почти все это было зачеркнуто, как будто сами авторы постепенно убеждались во всей безнадежности своих планов… На свободном месте видны были бессмысленные геометрические чертежи. Казалось, заседавшие машинально чертили их, безнадежно слушая, как выступавшие предлагали все новые и новые химерические проекты. Я взял на память один из этих листков. Он исписан

рукой Коновалова. «Временное правительство, – прочел я, – обращается ко всем классам населения с предложением поддержать Временное правительство…»

Надо заметить, что хотя Зимний дворец и был окружен, однако Временное правительство ни на минуту не теряло сообщения с фронтом и провинциальными центрами. Большевики захватили военное министерство еще утром, но они не знали, что на чердачном этаже находится телеграф, не знали и того, что здание министерства связано секретным проводом с Зимним дворцом. А между тем на чердаке весь день сидел молодой офицер и рассылал по всей стране целый поток призывов и прокламаций. Узнав же, что Зимний дворец пал, он надел фуражку и спокойно покинул здание…

Мы так увлеклись окружающим, что совершенно не обращали внимания на солдат и красногвардейцев, а между тем их поведение как-то странно изменилось. Небольшая группа уже давно ходила за нами из комнаты в комнату. Наконец, когда мы пришли в огромную картинную галерею, в которой мы еще днем разговаривали с юнкерами, вокруг нас столпилось около сотни человек. Перед нами стоял огромный солдат. Лицо его было мрачно и выражало подозрительность.

«Кто вы такие? – крикнул он. – Что бы здесь делаете?» Вокруг нас собиралось все больше людей. Нас пристально разглядывали. Начался ропот. До меня донеслось: «Провокаторы!», «Громилы!». Я показал наши удостоверения, выданные Военно-революционным комитетом. Солдат схватил их, перевернул вверх ногами и уставился на них непонимающим взглядом. Он явно не умел читать. Подержавши документы, он вернул их мне и сплюнул на пол. «Бумаги!» – презрительно проговорил он. Толпа стала все теснее сжиматься вокруг нас, как дикие лошади смыкаются вокруг пешего ковбоя. Я заметил вдали офицера, глядевшего очень беспомощно, и окликнул его. Он стал проталкиваться к нам.

«Я комиссар, – сказал он мне. – Кто вы такие, в чем дело?» Толпа отодвинулась и заняла выжидательное положение. Я снова показал бумаги.

«Вы иностранцы? – быстро спросил офицер по-французски. – Плохо дело…» Он повернулся к толпе и замахал в воздухе нашими документами. «Товарищи, – закричал он, – эти люди наши иностранные товарищи, американцы! Они явились сюда, чтобы после рассказать своим землякам о храбрости и революционной дисциплине пролетарской армии!..»

«А вы почем знаете? – ответил высокий солдат. – Говорю вам, это провокаторы. Говорят, что пришли сюда смотреть на

революционную дисциплину пролетарской армии, а сами расхаживают по всему дворцу. Почем мы знаем, что они тут не награбили полные карманы?»

«Правильно!» – закричала толпа, надвигаясь на нас. На лбу офицера выступил пот. «Товарищи, товарищи! – воскликнул он. – Я комиссар Военно-революционного комитета. Ведь мне вы верите? Так вот я вам говорю, что эти мандаты подписаны теми же именами, что и мой собственный!»

Он провел нас по дворцу и открыл перед нами дверь, выходившую на набережную Невы. Перед этой дверью находился все тот же комитет, обыскивавший карманы.

«Ну, счастливо вы отделались», – прошептал он, утирая лицо.

«А что с женским батальоном?» – спросили мы.

«Ах, эти женщины!.. – он улыбнулся. – Они все забились в задние комнаты. Нелегко нам пришлось, пока мы решили, что с ними делать: сплошная истерика и т. д… В конце концов мы отправили их на Финляндский вокзал и посадили в поезд на Левашево: там у них лагерь…»

И мы снова вышли в холодную беспокойную ночь, полную приглушенного гула неведомых движущихся армий, наэлектризованную патрулями. Из-за реки, где смутно чернела огромная масса Петропавловской крепости, доносились хриплые возгласы… Тротуар под нашими ногами был засыпан штукатуркой, обвалившейся с дворцового карниза, куда ударило два снаряда с «Авроры». Других повреждений бомбардировка не причинила.

* * *

Был четвертый час утра. На Невском снова горели все фонари, пушку уже убрали, и единственным признаком военных действий были красногвардейцы и солдаты, толпившиеся вокруг костров. Город был спокоен, быть может, спокойнее, чем когда бы то ни было. За эту ночь не случилось ни одного грабежа, ни одного налета.

Здание городской Думы было освещено сверху донизу. Мы вошли в Александровский зал, окруженный галереями и увешанный затянутыми красной материей царскими портретами в тяжелых золотых рамах. Вокруг трибуны столпилось около ста человек. Говорил Скобелев. Он настаивал на том, чтобы Комитет общественной безопасности был расширен с целью объединить все антибольшевистские элементы в одну организацию – Комитет спасения родины и революции. Пока мы находились в зале,

комитет был сформирован. Это был тот самый комитет, который впоследствии стал самым могущественным врагом большевиков, выступая на протяжении последующей недели то под собственным именем, то в качестве строго непартийного Комитета общественной безопасности.

Здесь были Дан, Гоц, Авксентьев, несколько отколовшихся делегатов съезда, члены исполкома крестьянских Советов, старик Прокопович и даже члены Совета республики, в том числе Винавер и другие кадеты. Либер кричал, что съезд Советов незаконен, что старый ЦИК еще сохраняет свои полномочия… Тут же набрасывалось воззвание к стране.

Мы вышли и подозвали извозчика. «Куда ехать?» Когда мы сказали «в Смольный», извозчик отрицательно затряс головой. «Нет! – заявил он. – Там эти черти…» Только после долгого и утомительного блуждания удалось нам найти извозчика, который согласился довезти нас. Но он потребовал тридцать рублей и остановился за два квартала до Смольного.

Окна института все еще сверкали огнями. Подъезжали и отъезжали автомобили. Вокруг костров, продолжавших гореть ярким пламенем, толпилась стража, жадно выспрашивавшая у всех последние новости. Коридоры были переполнены куда-то спешащими людьми, с глубоко запавшими глазами. В некоторых комитетских комнатах люди спали на полу. Около каждого лежала его винтовка. Несмотря на уход отколовшихся делегатов, зал заседания был набит народом и шумел, как море. Когда мы вошли, Каменев оглашал список арестованных министров. Имя Терещенко было покрыто громовыми аплодисментами, радостными криками и смехом. Рутенберг произвел меньшее впечатление, но при имени Пальчинского разразилась буря криков и рукоплесканий… Было объявлено, что комиссаром Зимнего дворца назначен Чудновский.

Тут случился истинно драматический эпизод. На трибуну взбежал высокий крестьянин. Его бородатое лицо было искажено гневом. Он ударил кулаком по столу президиума.

«Мы, социалисты-революционеры, настаиваем на немедленном освобождении министров-социалистов, арестованных в Зимнем дворце! Товарищи! Известно ли вам, что четверо наших товарищей, жертвовавших жизнью и свободой в борьбе с царской тиранией, брошены в Петропавловскую крепость, историческую могилу русской свободы?!»

Поднялся общий шум. Крестьянин продолжал кричать и стучать кулаками. На трибуну взобрался другой делегат, встал рядом с ним и, указывая рукой в сторону президиума, закричал: «Могут ли представители революционных масс спокойно заседать

здесь в тот момент, когда большевистская охранка пытает их вождей?»

Троцкий жестом потребовал тишины. «Мы поймали этих «товарищей» в тот момент, когда они вместе с авантюристом Керенским составляли заговор с целью разгрома Советов. С какой стати нам стесняться с ними? Разве они церемонились с нами после 3 – 5 июля?» В его голосе появились торжествующие ноты. «Теперь, когда оборонцы и малодушные ушли и задача защиты и спасения революции целиком возложена на наши плечи, особенно необходимо работать, работать и работать! Мы решили скорее умереть, чем сдаться!..»

На трибуну взошел задыхающийся, покрытый дорожной грязью комиссар из Царского Села. «Царскосельский гарнизон стоит на подступах к Петрограду, в полной готовности защищать съезд Советов и Военно-революционный комитет!» Грохот рукоплесканий. «Корпус самокатчиков, присланный с фронта, прибыл в Царское и перешел на нашу сторону. Он признает власть Советов, признает необходимость немедленной передачи земли крестьянам и контроля над производством – рабочим. Пятый батальон самокатчиков, расположенный в Царском, наш…»

Выступил делегат от третьего батальона самокатчиков. Под необузданные взрывы восторга он рассказал, как корпус самокатчиков всего три дня назад получил приказ двинуться с Юго-западного фронта на «защиту Петрограда». Однако солдаты заподозрили, что смысл приказа несколько иной. На станции Передольск они были встречены представителями пятого батальона из Царского. Собрался соединенный митинг, и оказалось, что «среди самокатчиков нет никого, кто согласился бы проливать братскую кровь или поддерживать правительство помещиков и капиталистов».

* * *

Капелинский предложил от имени меньшевиков-интернационалистов создать особую комиссию для изыскания мирного выхода и предупреждения гражданской войны. «Нет никакого мирного выхода! – гремел весь зал. – Единственный выход победа!» Предложение было отвергнуто подавляющим большинством, и меньшевики-интернационалисты под градом насмешек и оскорблений покинули съезд. Среди делегатов не было и тени страха. Каменев кричал с трибуны вслед уходящим: «Меньшевики-интернационалисты внесли свое предложение о мирном выходе в порядке внеочередного заявления. Но ведь они

всегда голосовали за нарушение порядка дня ради деклараций тех фракций, которые хотели уйти со съезда! Совершенно ясно, что уход всех этих ренегатов был предрешен заранее!..»

Собрание, решило не считаться с уходом ряда фракций и заслушало воззвание к рабочим, солдатам и крестьянам всей России:

«Рабочим, солдатам и крестьянам!

Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов открылся. На нем представлено громадное большинство Советов. На съезде присутствует и ряд делегатов от крестьянских Советов… Опираясь на волю громадного большинства рабочих, солдат и крестьян, опираясь на совершившееся в Петрограде победоносное восстание рабочих и гарнизона, съезд берет власть в свои руки.

Временное правительство низложено. Большинство членов Временного правительства уже арестовано.

Советская власть предложит немедленный демократический мир всем народам и немедленное перемирие на всех фронтах. Она обеспечит безвозмездную передачу помещичьих, удельных и монастырских земель в распоряжение крестьянских комитетов, отстоит права солдата, проведя полную демократизацию армии, установит рабочий контроль над производством, обеспечит своевременный созыв Учредительного собрания, озаботится доставкой хлеба в города и предметов первой необходимости в деревню, обеспечит всем нациям, населяющим Россию, подлинное право на самоопределение.

Съезд постановляет: вся власть на местах переходит к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые и должны обеспечить подлинный революционный порядок, Съезд призывает солдат в окопах к бдительности и стойкости. Съезд Советов уверен, что революционная армия сумеет защитить революцию от всяких посягательств империализма, пока новое правительство не добьется заключения демократического мира, который оно непосредственно предложит всем народам. Новое правительство примет все меры к тому, чтобы обеспечить революционную армию всем необходимым, путем решительной политики реквизиций и обложения имущих классов, а также улучшит положение солдатских семей.

Корниловцы – Керенский, Каледин и др. – делают попытки вести войска на Петроград. Несколько отрядов, обманным путем двинутых Керенским, перешли на сторону восставшего народа.

Солдаты, окажите активное противодействие корниловцу Керенскому! Будьте настороже!

Железнодорожники, останавливайте все эшелоны,

посылаемые Керенским на Петроград!

Солдаты, рабочие, служащие, в ваших руках судьба революции и судьба демократического мира!

Да здравствует революция!

Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов

Делегаты от крестьянских Советов».

Было ровно 5 часов 17 минут утра, когда Крыленко, шатаясь от усталости, поднялся на трибуну и показал собранию какую-то телеграмму.

«Товарищи, с Северного фронта! XII армия приветствует съезд Советов и сообщает о создании Военно-революционного комитета, который взял на себя командование Северным фронтом!..» Началось нечто совершенно неописуемое. Люди плакали и обнимали друг друга. «Генерал Черемисов признал комитет. Комиссар Временного правительства Войтинский подал в отставку!»

Свершилось…

Ленин и петроградские рабочие решили – быть восстанию, Петроградский Совет низверг Временное правительство и поставил съезд Советов перед фактом государственного переворота. Теперь нужно было завоевать на свою сторону всю огромную Россию, а потом и весь мир. Откликнется ли Россия, восстанет ли она? А мир, что скажет мир? Откликнутся ли народы на призыв России, подымется ли мировой красный прилив?

Было шесть часов. Стояла тяжелая холодная ночь. Только слабый и бледный свет робко крался по молчаливым улицам, заставляя тускнеть сторожевые огни. Тень грозного рассвета вставала над Россией.

Неудержимо вперед!

Четверг, 8 ноября (26 октября). Утро застало город в неистовом возбуждении. Целый народ поднимался среди рокота бури. На поверхности все было спокойно. Сотни тысяч людей легли спать в обычное время, рано встали и отправились на работу. В Петрограде ходили трамваи, магазины и рестораны были открыты, театры работали, выставки картин собирали публику… Сложная рутина повседневной жизни, не нарушенная и в условиях войны, шла своим чередом. Ничто не может быть более удивительным, чем жизнеспособность общественного организма, который продолжает все свои дела, кормится, одевается, забавляется даже во время величайших бедствий…

Город был полон слухов о Керенском. Говорили, что он добрался до фронта и ведет на столицу огромную армию. «Воля Народа» опубликовала приказ, выпущенный им в Пскове:

«Наступившая смута, вызванная безумием большевиков, ставит государство наше на край гибели и требует напряжения всей воли, мужества и исполнения долга каждым для выхода из переживаемого Родиной нашей смертельного испытания.

В настоящее время впредь до объявления нового состава Временного правительства, если таковое последует, каждый должен оставаться на своем посту и исполнить свой долг перед истерзанной Родиной. Нужно помнить, что малейшее нарушение существующей организации армии может повлечь за собой непоправимые бедствия, открыв фронт для нового удара противника. Поэтому необходимо сохранить во что бы то ни стало боеспособность армии, поддерживая полный порядок, охраняя армию от новых потрясений, и не поколебать взаимное полное доверие между начальниками и подчиненными. Приказываю всем начальникам и комиссарам во имя спасения Родины сохранить свои посты, как и я сохраняю свой пост Верховного Главнокомандующего, впредь до изъявления воли Временного правительства республики…».

В ответ на это на всех стенах появилось воззвание:

«От Всероссийского съезда Советов.

Бывшие министры Коновалов, Кишкин, Терещенко, Малянтович, Никитин и др. арестованы Революционным комитетом. Керенский бежал. Предписывается всем армейским организациям принять меры для немедленного ареста Керенского и доставления его в Петроград. Всякое пособничество Керенскому будет караться, как тяжкое государственное преступление».

Обретя полную свободу действия, Военно-революционный

комитет, словно искры, рассыпал во все стороны приказы, воззвания и декреты… Было приказано доставить Корнилова в Петроград. Члены крестьянских земельных комитетов, арестованные Временным правительством, были выпущены на свободу. Отменили смертную казнь на фронте. Государственным служащим приказали продолжать работу, угрожая за неповиновение строгими наказаниями. Погромы, беспорядки и спекуляции были запрещены под страхом смертной казни. Во все министерства назначили временных комиссаров: в министерство иностранных дел – Урицкого и Троцкого, в министерства внутренних дел и юстиции – Рыкова, в министерство труда – Шляпникова, в министерство финансов – Менжинского, в министерство социального обеспечения – Коллонтай, в министерства торговли и путей сообщения – Рязанова, в морское ведомство – матроса Корбира, в министерство почт и телеграфов – Спиро, в управление театров – Муравьева, в управление государственных типографий – Дербышева, комиссаром Петрограда назначили лейтенанта Нестерова, комиссаром Северного фронта – Позерна.

Армию призывали выбирать военно-революционные комитеты. Железнодорожников призывали поддерживать порядок и, главное, не задерживать подвоза продовольствия к городам и фронтам. За это им обещали допустить в министерство путей сообщения их представителей.

«Братья казаки! – говорилось в одной из прокламаций. – Вас ведут на Петроград. Вас хотят столкнуть с революционными солдатами и рабочими столицы…

Не верьте ни одному слову наших общих врагов – помещиков и капиталистов.

На нашем съезде представлены все организованные рабочие, солдаты и сознательные крестьяне России. Съезд хочет видеть в своей семье и трудовых казаков. Черносотенные генералы, слуги помещиков, слуги Николая Кровавого наши враги…

Вам говорят, что Советы хотят отнять у казаков землю. Это ложь. Только у казаков-помещиков революция отнимет земли и передаст их народу.

Организуйте Советы казацких депутатов! Присоединяйтесь к рабочим, солдатским и крестьянским Советам!

Покажите черной сотне, что вы не станете изменниками народа, что вы не пожелаете накликать на себя проклятие всей революционной России!..

Братья казаки! Не исполняйте ни одного приказания врагов народа!..

Присылайте в Петроград ваших делегатов для сговора с

нами…

Казаки петроградского гарнизона, к их чести, не оправдали надежд врагов народа…

Братья казаки! Всероссийский съезд Советов протягивает вам братскую руку.

Да здравствует союз казаков с солдатами, рабочими и крестьянами всей России!»

* * *

С другой стороны, какой бурный поток воззваний, афиш, расклеенных и разбрасываемых повсюду, газет, протестующих, проклинающих и пророчащих гибель! Настало время борьбы печатных станков, ибо все остальное оружие находилось в руках Советов.

Первым появилось воззвание Комитета спасения родины и революции, широко распространенное по всей России и Европе:

«Гражданам Российской республики.

25 октября большевиками Петрограда вопреки воле революционного народа преступно арестована часть Вр. правительства, разогнан Временный Совет Российской республики и объявлена незаконная власть.

Насилие над правительством революционной России, совершенное в дни величайшей опасности от внешнего врага, является неслыханным преступлением против родины.

Мятеж большевиков наносит смертельный удар делу обороны и отодвигает всем желанный мир.

Гражданская война, начатая большевиками, грозит ввергнуть страну в неописуемые ужасы анархии и контрреволюции и сорвать Учредительное собрание, которое должно упрочить республиканский строй и навсегда закрепить за народом землю.

Сохраняя преемственность единой государственной власти, Всероссийский комитет спасения родины и революции возьмет на себя инициативу воссоздания Временного правительства, которое, опираясь на силы демократии, доведет страну до Учредительного собрания и спасет ее от контрреволюции и анархии.

Всероссийский комитет спасения родины и революции призывает вас, граждане:

Не признавайте власти насильников!

Не исполняйте их распоряжений!

Встаньте на защиту родины и революции!

Поддерживайте Всероссийский Комитет Спасения Родины и

революции!

Всероссийский Комитет Спасения Родины и Революции в составе представителей: Петроград, гор. Думы, Временного Совета Российской Республики, Централ. Исп. Ком. Веер. Сов. Крест. Деп., Центр. Исп. Ком. Сов. Раб. и Сол. Д., фронтовых групп, представителей II съезда Сов. Раб. и Сол. Д., фракций с.-р., с.-д. (меньш.), народ, социал., группы «Единство» и др.»

Воззвания эсеровской партии, меньшевиков-оборонцев, исполкома крестьянских Советов, армейских комитетов, от Центрофлота…

«…Голод задавит Петроград, – кричали они все. – Германские армии растопчут нашу свободу. Черносотенные погромы захлестнут Россию, если все мы, сознательные рабочие, солдаты, граждане, не сплотимся…

Не верьте обещаниям большевиков! Обещание немедленного мира – ложь! Обещание хлеба – обман! Обещание земли – сказка!..»

И все в этом же роде.

«Товарищи!.. Вас подло и преступно обманули! Захват власти был произведен одними большевиками… Большевики скрывали свой план от других социалистических партий, входящих в Советы…

Вам обещали землю и волю, но контрреволюция использует посеянную большевиками анархию и лишит вас земли и воли…»

Столь же резки были и газеты:

«Наш долг, – восклицало «Дело Народа», – разоблачить этих предателей рабочего класса. Наш долг – мобилизовать все силы и встать на защиту дела революции».

«Известия», в последний раз говорившие от имени старого ЦИК, грозили страшным возмездием…

«…А что касается съезда Советов, то мы утверждаем, что не было съезда Советов, мы утверждаем, что имело место лишь частное совещание большевистской фракции. В этом случае они не имели права лишать полномочий ЦИК».

Дешевая «Жизнь», высказываясь за новое правительство, которое объединило бы все социалистические партии, резко критиковала действия эсеров и меньшевиков, ушедших со съезда, и утверждала, что восстание большевиков с непреложной ясностью установило одно основное обстоятельство – полную беспочвенность всех иллюзий относительно сотрудничества с буржуазией.

«Рабочий Путь» опять превратился в «Правду» – ленинскую газету, закрытую в июле месяце. Она резко заявляла:

«Рабочие, солдаты, крестьяне! Вы сломили в феврале

самодержавие дворянской клики. Вы сломили вчера самодержавие буржуазной шайки.

И первая задача теперь – охранить все подступы к Петрограду.

Вторая задача – разоружить и окончательно обезвредить контрреволюционные элементы в Петрограде.

Третья задача – окончательная организация революционной власти и обеспечение осуществления народной программы…».

Те немногие кадетские и вообще буржуазные газеты, какие еще продолжали выходить, относились ко всему происходившему со спокойной иронией, как бы презрительно говоря всем прочим партиям: «А что мы вам говорили?»

Влиятельные члены кадетской партии все время вертелись вокруг городской Думы и Комитета спасения родины и революции. В целом буржуазия помалкивала, выжидая своего часа, который, казалось ей, был недалек. Быть может, никто, кроме Ленина, Троцкого и петроградских рабочих и простых солдат, не допускал мысли о том, что большевики удержат власть дольше трех дней…

* * *

В этот день я видел в огромном амфитеатре Николаевского зала бурное заседание городской Думы, объявленное беспрерывным. Здесь были представлены все силы антибольшевистской оппозиции. Величественный, седобородый и седовласый городской голова Шрейдер рассказывал собравшимся, как прошлой ночью он отправился в Смольный, чтобы заявить протест от имени городского самоуправления. «Дума, являющаяся в настоящий момент единственной в городе законной властью, созданной на основе всеобщего, прямого и тайного голосования, не признает новой власти!» – заявил он Троцкому. В ответ Троцкий сказал: «Что ж, на это есть конституционные средства. Думу можно распустить и переизбрать…». Рассказ Шрейдера вызвал бурю негодования.

«Если вообще признавать правительство, созданное штыками, – продолжал старик, обращаясь к Думе, – то такое правительство у нас есть. Но я считаю законным только такое правительство, которое признается народом, большинством, а не такое, которое создано кучкой узурпаторов». Неистовые рукоплескания на всех скамьях, кроме большевистских. Городской голова среди шума и криков сообщает, что большевики уже нарушили права городского самоуправления, назначив в ряд

отделов своих комиссаров.

Большевистский оратор, стараясь покрыть шум, кричит, что поддержка, оказанная большевикам съездом Советов, есть поддержка всей России. «Вы не истинные представители населения Петрограда!» – восклицает он. Голоса с мест: «Оскорбление! Оскорбление!». Городской голова с достоинством напоминает, что Дума была избрана на основе самого свободного избирательного права, какое только может быть. «Верно, – отвечает оратор-большевик. – Но Дума избрана давно, так же давно, как ЦИК и армейские комитеты…» «Нового съезда Советов еще но было!» – кричат ему в ответ.

«Фракция большевиков отказывается оставаться в этом гнезде контрреволюции…» Шум. «Мы требуем переизбрания Думы!» Большевики уходят из зала заседания. «Германские агенты! – кричат им вслед. – Долой изменников!»

Кадет Шингарев потребовал, чтобы все служащие городского самоуправления, согласившиеся быть комиссарами Военно-революционного комитета, были смещены и преданы суду. Шрейдер встал и внес предложение протестовать против угрозы большевиков распустить Думу. Дума в качестве законной представительницы населения должна отказаться оставить свой пост.

Александровский зал был тоже набит битком. Шло заседание Комитета спасения. Выступал Скобелев: «Никогда, – сказал он, – положение революции не было так остро, никогда вопрос о самом существовании Российского государства не возбуждал столько тревоги. Никогда еще история так резко и так категорически не ставила перед Россией вопрос – быть или не быть. Настал великий час спасения революции, и, сознавая это, мы охраняем тесное единение всех живых сил революционной демократии, организованная воля которой уже создала центр для спасения родины и революции. Мы умрем, но не покинем нашего славного поста…» И так далее в том же роде.

Под гром аплодисментов было сообщено, что союз железнодорожников присоединяется к Комитету спасения. Через несколько минут явились почтово-телеграфные чиновники. Затем вошло несколько меньшевиков-интернационалистов; их встретили рукоплесканиями. Железнодорожники заявили, что они не признают большевиков, что они взяли весь железнодорожный аппарат в свои руки и отказываются передавать его узурпаторской власти.

Делегаты от телеграфных служащих объявили, что их товарищи наотрез отказались работать, пока в министерстве находится большевистский комиссар. Работники почты

отказались принимать и отправлять почту Смольного… Все телефонные провода Смольного выключены. Собрание с огромным наслаждением выслушало рассказ о том, как Урицкий явился в министерство иностранных дел требовать тайных договоров и как Нератов попросил его удалиться. Государственные служащие повсюду бросали работу…

То была война – сознательно обдуманная война чисто русского типа, война путем стачек и саботажа. Председатель огласил при нас список поручений. Такой-то должен обойти все министерства, такой-то – отправиться в банки; десять-двенадцать человек были назначены в казармы убеждать солдат сохранять нейтралитет: «Русские солдаты, не лейте братской крови!». Была выделена особая комиссия для совещания с Керенским. Несколько человек было разослано по провинциальным городам для организации местных отделов Комитета спасения и для объединения всех антибольшевистских элементов.

Настроение было приподнятое: «Эти большевики хотят попробовать диктовать свою волю интеллигенции?.. Ну, мы им покажем!..». Поразителен был контраст между этим собранием и съездом Советов. Там – огромные массы обносившихся солдат, измазанных рабочих и крестьян – все бедняки, согнутые и измученные жестокой борьбой за существование; здесь – мелыневистские и эсеровские вожди, Авксентьевы, Даны, Либеры, бывшие министры-социалисты Скобелевы и Черновы, а рядом с ними кадеты вроде елейного Шацкого и гладенького Винавера. Тут же журналисты, студенты, интеллигенты всех сортов и мастей. Эта думская толпа была упитана и хорошо одета; я заметил здесь не больше трех пролетариев…

* * *

Получены новые вести. Верные Корнилову текинцы перебили в Быхове стражу, и Корнилов бежал. Каледин двигался на Север. Московский Совет организовал Военно-революционный комитет и вступил в переговоры с комендантом города, требуя от него сдачи арсенала. Совет хотел вооружить рабочих.

Эти факты перемежались массой всевозможных слухов, сплетен и явной лжи. Так, например, один молодой интеллигент-кадет, бывший личный секретарь Милюкова, а потом Терещенко, отвел нас в сторону и рассказал нам все подробности о взятии Зимнего дворца.

«Большевиков вели германские и австрийские офицеры!» – утверждал он.

«Так ли это? – вежливо спрашивали мы. – Откуда вы знаете?»

«Там был один из моих друзей. Он рассказал мне».

«Но как же он разобрал, что это были германские офицеры?»

«Да они были в немецкой форме!..»

Такие нелепые слухи распространялись сотнями. Мало того, что их печатала вся антибольшевистская пресса, им верили даже такие люди, как меньшевики и эсеры, которые всегда вообще отличались несколько более осторожным отношением к фактам.

Но гораздо серьезнее были рассказы о большевистских насилиях и жестокостях. Так, например, повсюду говорилось и печаталось, будто бы красногвардейцы не только разграбили дочиста весь Зимний дворец, но перебили обезоруженных юнкеров и хладнокровно зарезали нескольких министров. Что до женщин-солдат, то большинство из них было изнасиловано и даже покончило самоубийством, не стерпя мучений… Думская толпа с готовностью проглатывала подобные россказни… Но что еще хуже, отцы и матери юнкеров и женщин читали все эти ужасные рассказы в газетах, где часто даже приводились имена пострадавших, и в результате Думу с самого вечера осаждала толпа обезумевших от горя и ужаса граждан…

Очень характерен случай с князем Тумановым, чей труп, как утверждали многие газеты, был выловлен в Мойке. Через несколько часов это сообщение было опровергнуто семейством самого князя, которое заявило, что он арестован. Тогда было напечатано, что утопленник не князь Туманов, а генерал Денисов.

Но генерал тоже оказался жив и здоров. Мы произвели расследование, но никаких следов якобы выловленного из Мойки трупа не обнаружили…

Когда мы выходили из Думы, двое бойскаутов раздавали прокламации огромной толпе, запруживавшей Невский перед дверями. Толпа эта состояла почти исключительно из дельцов, лавочников, чиновников, конторских служащих. Вот что говорила прокламация:

«От городской Думы.

Городская Дума в своем заседании от 26 октября ввиду переживаемых событий постановила объявить неприкосновенность частных жилищ и через домовые комитеты призывает население гор. Петрограда давать решительный отпор всяким попыткам врываться в частные квартиры, не останавливаясь перед применением оружия в интересах самообороны граждан».

На углу Литейного пятеро красногвардейцев и двое матросов окружили газетчика и требовали, чтобы он отдал им пачку экземпляров меньшевистской «Рабочей Газеты». Газетчик яростно

кричал на них и грозился кулаком, когда один из матросов все-таки отнял у него газеты. Кругом собралась большая толпа, осыпавшая патруль бранью. Какой-то маленький рабочий упрямо старался переубедить газетчика и толпу, беспрерывно повторяя: «Здесь напечатана прокламация Керенского, он говорит, что мы стреляем в русский народ. Будет кровопролитие…».

* * *

В Смольном атмосфера была еще напряженнее, чем прежде, если это только было возможно. Все те же люди, бегающие по темным коридорам, все те же вооруженные винтовками рабочие отряды, все те же спорящие и разъясняющие, раздающие отрывочные приказания вожди с набитыми портфелями. Эти люди все время куда-то торопились, а за ними бегали друзья и помощники. Они были положительно вне себя, казались живым олицетворением бессонного и неутомимого труда. Небритые, растрепанные, с горящими глазами, они полным ходом неслись к намеченной цели, сгорая воодушевлением. У них было так много, так бесконечно много дела! Надо было создать правительство, навести порядок в городе, удержать на своей стороне гарнизон, победить Думу и Комитет спасения, удержаться против немцев, подготовиться к бою с Керенским, информировать провинцию, вести пропаганду по всей России от Архангельска до Владивостока. Правительственные и городские служащие отказывались повиноваться комиссарам, работники почты и телеграфа лишили Смольный сообщения с внешним миром, железнодорожники упрямо отвечали отказом на все его просьбы о поездах, а тут надвигался Керенский, на гарнизон не вполне можно было положиться, казаки готовились к выступлению… За врагами стояла не только организованная буржуазия, но и все социалистические партии, за исключением левых эсеров и нескольких меньшевиков-интернационалистов и новожизненцев, да и те колебались, не зная, на что решиться. Правда, за большевиками шли широкие массы рабочих и солдат; правда, отношение крестьянства еще недостаточно определилось, но ведь в конце концов партия большевиков была далеко не богата образованными и подготовленными людьми…

Рязанов, поднимаясь по лестнице, с комическим ужасом говорил, что он, комиссар торговли и промышленности, решительно ничего не понимает в торговых делах. Наверху, в столовой, сидел, забившись в угол, человек в меховой папахе и в том самом костюме, в котором он… я хотел сказать, проспал

ночь, но он провел ее без сна. Лицо его заросло трехдневной щетиной. Он нервно писал что-то на грязном конверте и в раздумье покусывал карандаш. То был комиссар финансов Менжинский, вся подготовка которого заключалась в том, что он когда-то служил конторщиком во Французском банке… А вот те четверо товарищей, которые бегут по коридору из помещения Военно-революционного комитета, на лету что-то записывая на лоскутках бумаги, – это комиссары, рассылаемые по всей России, чтобы они рассказали обо всем происшедшем, чтобы они убеждали и боролись теми аргументами и тем оружием, какие удастся найти…

Заседание съезда должно было открыться в час дня, и обширный зал был уже давно переполнен делегатами, было уже около семи часов, а президиум все еще не появлялся… Большевики и левые эсеры вели по своим комнатам фракционные заседания. Весь этот бесконечный день ушел у Ленина и Троцкого на борьбу со сторонниками компромисса. Значительная часть большевиков склонялась в пользу создания общесоциалистического правительства. «Нам не удержаться! – кричали они. – Против нас слишком много сил! У нас нет людей. Мы будем изолированы, и все погибнет…» Так говорили Каменев, Рязанов и др.

Но Ленин, которого поддерживал Троцкий, стоял незыблемо, как скала: «Пусть соглашатели принимают нашу программу и входят в правительство! Мы не уступим ни пяди. Если здесь есть товарищи, которым не хватает смелости и воли дерзать на то, на что дерзаем мы, то пусть они идут ко всем прочим трусам и соглашателям! Рабочие и солдаты с нами, и мы обязаны продолжать дело».

В пять минут восьмого левые эсеры послали сказать, что они остаются в Военно-революционном комитете.

«Так и есть, – говорил Ленин. – Они тянутся за нами!»

Несколько позднее, когда я сидел в большом зале за столом прессы, один анархист, сотрудничавший в буржуазных газетах, предложил мне пойти вместе с ним посмотреть, что с президиумом. Ни в комнате ЦИК, ни в бюро Петроградского Совета не оказалось никого. Мы обошли весь Смольный. Казалось, никто не имел понятия о том, где находятся руководители съезда. По дороге мой спутник рассказывал мне о своей прежней революционной деятельности, о том, как ему пришлось бежать из России и с каким удовольствием он довольно долго прожил во Франции… Большевиков этот человек считал грубыми, пошлыми и невежественными людьми, без всякого эстетического чутья. Он был очень типичным экземпляром русского интеллигента…

Наконец, мы дошли до комнаты № 17, где помещался Военно-революционный комитет, и остановились перед его дверью. Мимо нас беспрерывно сновали люди… Дверь открылась, и из комнаты вышел коренастый, широколицый человек в военной форме без погон. Казалось, он улыбался, но, присмотревшись, можно было догадаться, что его улыбка – это просто гримаса бесконечной усталости. То был Крыленко.

Мой спутник, изящный молодой человек очень культурного вида, радостно вскрикнул и шагнул вперед.

«Николай Васильевич! – воскликнул он, протягивая руку. – Разве вы забыли меня? Мы с вами вместе сидели в тюрьме».

Крыленко сделал над собою усилие, сосредоточился и вгляделся. «Ах, да, – ответил он, наконец, глядя на собеседника с самым дружеским выражением. – Вы С… Здравствуйте!» Они поцеловались. «Ну, что вы здесь делаете?» – и Крыленко сделал рукой широкий жест.

«О, я только наблюдаю… Вы, кажется, пользуетесь большим успехом?»

«Да, – ответил Крыленко несколько упрямым тоном. – Пролетарская революция это большой успех!» Он улыбнулся.

«Впрочем… впрочем, может быть, мы снова встретимся с вами в тюрьме!..»

Мы пошли по коридору, и мой приятель принялся разъяснять мне положение: «Видите ли, я последователь Кропоткина. С нашей точки зрения, революция закончилась огромной неудачей: она не подняла патриотизма масс. Конечно, это доказывает только то, что наш народ еще не созрел для революции…»

* * *

Было ровно 8 часов 40 минут, когда громовая волна приветственных криков и рукоплесканий возвестила появление членов президиума и Ленина – великого Ленина среди них.

Невысокая коренастая фигура с большой лысой и выпуклой, крепко посаженной головой. Маленькие глаза, крупный нос, широкий благородный рот, массивный подбородок, бритый, но с уже проступавшей бородкой, столь известной в прошлом и будущем. Потертый костюм, несколько не по росту длинные брюки. Ничего, что напоминало бы кумира толпы, простой, любимый и уважаемый так, как, быть может, любили и уважали лишь немногих вождей в истории. Необыкновенный народный вождь, вождь исключительно благодаря своему интеллекту, чуждый какой бы то ни было рисовки, не поддающийся

настроениям, твердый, непреклонный, без эффектных пристрастий, но обладающий могучим умением раскрыть сложнейшие идеи в самых простых словах и дать глубокий анализ конкретной обстановки при сочетании проницательной гибкости и дерзновенной смелости ума…

Он стоял, держась за края трибуны, обводя прищуренными глазами массу делегатов, и ждал, по-видимому не замечая нараставшую овацию, длившуюся несколько минут. Когда она стихла, он коротко и просто сказал:

«Теперь пора приступать к строительству социалистического порядка!»

Новый потрясающий грохот человеческой бури.

«Первым нашим делом должны быть практические шаги к осуществлению мира… Мы должны предложить народам всех воюющих стран мир на основе советских условий; без аннексий, без контрибуций, на основе свободного самоопределения народностей. Одновременно с этим мы, согласно нашему обещанию, обязаны опубликовать тайные договоры и отказаться от их соблюдения… Вопрос о войне и мире настолько ясен, что, кажется, я могу без всяких предисловий огласить проект воззвания к народам всех воюющих стран…»

Ленин говорил, широко открывая рот и как будто улыбаясь; голос его был с хрипотцой, не неприятной, а словно бы приобретенной многолетней привычкой к выступлениям – и звучал так ровно, что, казалось, он мог бы звучать без конца… Желая подчеркнуть свою мысль, Ленин слегка наклонялся вперед. Никакой жестикуляции. Тысячи простых лиц напряженно смотрели на него, исполненные обожания.

«Обращение к народам и правительствам всех воюющих стран.

Рабочее и крестьянское правительство, созданное революцией 24—25 октября и опирающееся на Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, предлагает всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире.

Справедливым или демократическим миром, которого жаждет подавляющее большинство истощенных, измученных и истерзанных войной рабочих и трудящихся классов всех воюющих стран, – миром, которого самым определенным и настойчивым образом требовали русские рабочие и крестьяне после свержения царской монархии, – таким миром правительство считает немедленный мир без аннексий (т. е. без захвата чужих земель, без насильственного присоединения чужих народностей) и без контрибуций.

Такой мир предлагает правительство России заключить всем воюющим народам немедленно, выражая готовность сделать без малейшей оттяжки тотчас же все решительные шаги, впредь до окончательного утверждения всех условий такого мира полномочными собраниями народных представителей всех стран и всех наций.

Под аннексией или захватом чужих земель правительство понимает сообразно правовому сознанию демократии вообще и трудящихся классов в особенности всякое присоединение к большому или сильному государству малой или слабой народности без точно, ясно и добровольно выраженного согласия и желания этой народности, независимо от того, когда это насильственное присоединение совершено, независимо также от того, насколько развитой или отсталой является насильственно присоединяемая или насильственно удерживаемая в границах данного государства нация. Независимо, наконец, от того, в Европе или в далеких заокеанских странах эта нация живет.

Если какая бы то ни было нация удерживается в границах данного государства насилием, если ей, вопреки выраженному с ее стороны желанию – все равно, выражено ли это желание в печати, в народных собраниях, в решениях партий или возмущениях и восстаниях против национального гнета, – не предоставляется права свободным голосованием, при полном выводе войска присоединяющей или вообще более сильной нации, решить без малейшего принуждения вопрос о формах государственного существования этой нации, то присоединение ее является аннексией, т. е. захватом и насилием.

Продолжать эту войну из-за того, как разделить между сильными и богатыми нациями захваченные ими слабые народности, правительство считает величайшим преступлением против человечества и торжественно заявляет свою решимость немедленно подписать условия мира, прекращающего эту войну на указанных, равно справедливых для всех без изъятия народностей условиях.

Вместе с тем правительство заявляет, что оно отнюдь не считает вышеуказанных условий мира ультимативными, т. е. соглашается рассмотреть и всякие другие условия мира, настаивая лишь на возможно более быстром предложении их какой бы то ни было воюющей страной и на полнейшей ясности, на безусловном исключении всякой двусмысленности и всякой тайны при предложении условий мира.

Тайную дипломатию правительство отменяет, со своей стороны выражая твердое намерение вести все переговоры совершенно открыто перед всем народом, приступая немедленно

к полному опубликованию тайных договоров, подтвержденных или заключенных правительством помещиков и капиталистов с февраля по 25 октября 1917 года. Все содержание этих тайных договоров, поскольку оно направлено, как это в большинстве случаев бывало, к доставлению выгод и привилегий русским помещикам и капиталистам, к удержанию или увеличению аннексий великороссов, правительство объявляет безусловно и немедленно отмененным.

Обращаясь с предложением к правительствам и народам всех стран начать немедленно открытые переговоры о заключении мира, правительство выражает с своей стороны готовность вести эти переговоры как посредством письменных сношений, по телеграфу, так и путем переговоров между представителями разных стран или на конференции таковых представителей. Для облегчения таких переговоров правительство назначает своего полномочного представителя в нейтральные страны.

Правительство предлагает всем правительствам и народам всех воюющих стран немедленно заключить перемирие, причем со своей стороны считает желательным, чтобы это перемирие было заключено не меньше как на 3 месяца, т. е. на такой срок, в течение которого вполне возможно как завершение переговоров о мире с участием представителей всех без изъятия народностей или наций, втянутых в войну или вынужденных к участию в ней, так равно и созыв полномочных собраний народных представителей всех стран для окончательного утверждения условий мира.

Обращаясь с этим предложением мира к правительствам и народам всех воюющих стран, временное рабочее и крестьянское правительство России обращается также в особенности к сознательным рабочим трех самых передовых наций человечества и самых крупных участвующих в настоящей войне государств: Англии, Франции и Германии. Рабочие этих стран оказали наибольшие услуги делу прогресса и социализма, и великие образцы чартистского движения в Англии, ряд революций, имевших всемирно-историческое значение, совершенных французским пролетариатом, наконец, в геройской борьбе против исключительного закона в Германии и образцовой для рабочих всего мира длительной, упорной дисциплинированной работе создания массовых пролетарских организаций Германии. Все эти образцы пролетарского героизма и исторического творчества служат нам порукой за то, что рабочие названных стран поймут лежащие на них теперь задачи освобождения человечества от ужасов войны и ее последствий, что эти рабочие всесторонней, решительной и беззаветно энергичной деятельностью своей

помогут нам успешно довести до конца дело мира и вместе с тем дело освобождения трудящихся и эксплуатируемых масс населения от всякого рабства и всякой эксплуатации».

Когда затих гром аплодисментов, Ленин заговорил снова:

«Мы предлагаем съезду принять и утвердить это воззвание. Мы обращаемся не только к народам, но и к правительствам, потому что обращение к одним народам воюющих стран могло бы затянуть заключение мира. Условия мира будут выработаны за время перемирия и ратифицированы Учредительным собранием. Устанавливая срок перемирия в три месяца, мы хотим дать народам возможно долгий отдых от кровавой бойни и достаточно времени для выбора представителей. Некоторые империалистические правительства будут сопротивляться нашим мирным предложениям, мы вовсе не обманываем себя на этот счет. Но мы надеемся, что скоро во всех воюющих странах разразится революция, и именно поэтому с особой настойчивостью обращаемся к французским, английским и немецким рабочим…».

«Революция 24—25 октября, – закончил он, – открывает собою эру социалистической революции… Рабочее движение во имя мира и социализма добьется победы и исполнит свое назначение…»

От его слов веяло спокойствием и силой, глубоко проникавшими в людские души. Было совершенно ясно, почему народ всегда верил тому, что говорит Ленин.

* * *

Было внесено и открытым голосованием немедленно принято предложение предоставить слово только представителям фракций и ограничить время ораторов 15 минутами.

Первым выступил Карелин от имени левых эсеров: «Наша фракция не имела возможности предложить поправки к тексту обращения, поэтому оно исходит от одних большевиков. Но мы все-таки будем голосовать за него, потому что вполне сочувствуем его общему направлению…».

От социал-демократов интернационалистов говорил Крамаров, длинный, узкоплечий и близорукий человек, которому суждено было стяжать не вполне лестную известность шута оппозиции. Только правительство, составленное из представителей всех социалистических партий, заявил он, может обладать достаточным авторитетом, чтобы решаться на столь важное выступление. Если такая социалистическая коалиция

образуется, то наша фракция поддержит всю программу, если же нет, то она поддержит ее только частично. Что до обращения, то интернационалисты всецело присоединяются к его основным пунктам…

После этого в атмосфере растущего воодушевления выступали один за другим ораторы. За обращение высказались представители украинской социал-демократии, литовской социал-демократии, народных социалистов, Польской и Латышской социал-демократии. Польская социалистическая партия тоже высказалась за воззвание, но оговорила, что она предпочла бы социалистическую коалицию… Что-то пробудилось во всех этих людях. Один говорил о «грядущей мировой революции, авангардом которой мы являемся», другой – о «новом веке братства, который объединит все народы в единую великую семью…» Какой-то делегат заявил от своего собственного имени: «Здесь какое-то противоречие. Сначала вы предлагаете мир без аннексий и контрибуций, а потом говорите, что рассмотрите все мирные предложения. Рассмотреть – значит принять…».

Ленин сейчас же вскочил с места: «Мы хотим справедливого мира, но не боимся революционной войны… По всей вероятности, империалистические правительства не ответят на наш призыв, но мы не должны ставить им ультиматум, на который слишком легко ответить отказом… Если германский пролетариат увидит, что мы готовы рассмотреть любое мирное предложение, то это, быть может, явится той последней каплей, которая переполняет чашу, и в Германии разразится революция…

Мы согласны рассмотреть любые условия мира, но это вовсе не значит, что мы согласны принять их. За некоторые из наших условий мы будем бороться до конца, но очень возможно, что среди них найдутся и такие, ради которых мы не сочтем необходимым продолжать войну… Но главное – мы хотим покончить с войной…».

Было ровно 10 часов 35 минут, когда Каменев предложил всем, кто голосует за обращение, поднять свои мандаты. Один из делегатов попробовал было поднять руку против, но вокруг него разразился такой взрыв негодования, что он поспешно опустил руку… Принято единогласно.

Неожиданный и стихийный порыв поднял нас всех на ноги, и наше единодушие вылилось в стройном, волнующем звучании «Интернационала». Какой-то старый, седеющий солдат плакал, как ребенок. Александра Коллонтай потихоньку смахнула слезу. Могучий гимн заполнял зал, вырывался сквозь окна и двери и уносился в притихшее небо. «Конец войне! Конец войне!» – радостно улыбаясь, говорил мой сосед, молодой рабочий. А когда

кончили петь «Интернационал» и мы стояли в каком-то неловком молчании, чей-то голос крикнул из задних рядов: «Товарищи, вспомним тех, кто погиб за свободу!». И мы запели похоронный марш, медленную и грустную, но победную песнь, глубоко русскую и бесконечно трогательную. Ведь «Интернационал» – это все-таки напев, созданный в другой стране. Похоронный марш обнажает всю душу тех забитых масс, делегаты которых заседали в этом зале, строя из своих смутных прозрений новую Россию, а может быть, и нечто большее…

Вы жертвою пали в борьбе роковой,
В любви беззаветной к народу.
Вы отдали все, что могли, за него,
За жизнь его, честь и свободу.
Настанет пора, и проснется народ,
Великий, могучий, свободный.
Прощайте же, братья, вы честно прошли
Свой доблестный путь благородный!

Во имя этого легли в свою холодную братскую могилу на Марсовом поле мученики Мартовской революции, во имя этого тысячи, десятки тысяч погибли в тюрьмах, в ссылке, в сибирских рудниках. Пусть все свершилось не так, как они представляли себе, не так, как ожидала интеллигенция. Но все-таки свершилось буйно, властно, нетерпеливо, отбрасывая формулы, презирая всякую сентиментальность, истинно…

* * *

Ленин оглашал декрет о земле:

«1) Помещичья собственность на землю отменяется немедленно без всякого выкупа.

2) Помещичьи имения, равно как все земли удельные, монастырские, церковные, со всем их живым и мертвым инвентарем, усадебными постройками и всеми принадлежностями переходят в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов, впредь до Учредительного собрания.

3) Какая бы то ни была порча конфискуемого имущества,

принадлежащего отныне всему народу, объявляется тяжким преступлением, караемым революционным судом. Уездные Советы крестьянских депутатов принимают все необходимые меры для соблюдения строжайшего порядка при конфискации помещичьих имений, для определения того, до какого размера участки и какие именно подлежат конфискации, для составления точной описи всего конфискуемого имущества и для строжайшей революционной охраны всего переходящего к народу хозяйства на земле со всеми постройками, орудиями, скотом, запасами продуктов и проч.

4) Для руководства по осуществлению великих земельных преобразований, впредь до окончательного их решения Учредительным собранием, должен повсюду служить следующий крестьянский наказ, составленный на основании 242 местных крестьянских наказов редакцией «Известий Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов» и опубликованный в номере 88 этих «Известий» (Петроград, № 88, 19 августа 1917 г.).

5) Земли рядовых крестьян и рядовых казаков не конфискуются».

«Это, – добавил Ленин, – не проект бывшего министра Чернова, который говорил, что надо «строить леса», и пытался провести реформу сверху. Вопрос о переделе земли будет разрешен снизу, на местах. Крестьянский надел будет варьироваться в зависимости от местности…

При Временном Правительстве помещики наотрез отказывались слушаться приказаний земельных комитетов, – тех самых земельных комитетов, которые были задуманы Львовым, проведены в жизнь Шингаревым и управлялись Керенским!»

Дебаты еще не начались, когда какой-то человек силой проложил себе путь, расталкивая толпу, забивавшую проход, и взобрался на трибуну. То был Пьяных, член исполнительного комитета крестьянских Советов. Он был вне себя от ярости.

«Исполнительный комитет Всероссийских Советов крестьянских депутатов протестует против ареста наших товарищей, министров Салазкина и Маслова! – резко бросил он в лицо делегатам. – Мы требуем их немедленного освобождения! Они сидят в Петропавловской крепости. Нужно действовать немедленно. Нельзя терять ни минуты!»

За ним последовал солдат с растрепанной бородой и горящими глазами. «Вы сидите здесь и разговариваете о передаче земли крестьянам, а сами в это время расправляетесь с выборными представителями этих крестьян, как тираны и узурпаторы! Говорю вам, – он поднял кулак, – говорю вам, что, если хоть волос упадет с их головы, вы будете иметь дело с

восстанием!» Толпа смущенно загудела.

На трибуну поднялся спокойный и ядовитый, уверенный в своей силе Троцкий. Собрание встретило его приветственным гулом. «Вчера Военно-революционный комитет принял принципиальное решение освободить эсеровских и меньшевистских министров: Маслова, Салазкина, Гвоздева и Малянтовича. Если они все еще сидят в Петропавловской крепости, то это только потому, что мы слишком заняты… Разумеется, они останутся под домашним арестом, пока не будет окончательно выяснено их участие в предательских действиях Керенского во время корниловщины».

«Никогда, – кричал Пьяных, – никогда ни в одной революции не было того, что мы видим сейчас!»

«Ошибаетесь, – отвечал Троцкий. – Подобные вещи видела даже наша революция. В июльские дни были арестованы сотни наших товарищей… Когда товарищ Коллонтай по требованию врача была освобождена из тюрьмы, то Авксентьев приставил к ее дверям двух агентов бывшей царской охранки!» Крестьянские представители ушли, ругаясь. Собрание проводило их насмешками.

Представитель левых эсеров высказался о земельном декрете. Вполне соглашаясь с декретом принципиально, левые эсеры, однако, смогут голосовать за него только после обсуждения. Необходимо узнать мнение крестьянских Советов.

Меньшевики-интернационалисты тоже настаивали на обсуждении вопроса внутри своей партии.

Затем выступил вождь максималистов, т. е. анархистского крыла крестьянства: «Мы не можем не отдать должное той политической партии, которая в первый же день без всякой болтовни проводит в жизнь такое дело!..»

На трибуне появился типичный крестьянин – длинноволосый, в высоких сапогах и овчинном тулупе. Он кланялся на все стороны. «Здравствуйте, товарищи и граждане, – говорил он. – Тут все бродят кругом кадеты. Вот вы арестуете наших крестьян-социалистов, а что же вы кадетов этих не арестуете?»

Это был сигнал к возбужденным крестьянским спорам. Точно так же спорили солдаты прошлой ночью. Здесь были истинные пролетарии земли…

«Члены нашего исполнительного комитета Авксентьев и другие, которых мы считали защитниками крестьянства, – это те же кадеты! Арестовать их! Арестовать их!»

Чей-то другой голос: «Кто они, все эти Авксентьевы и Пьяных? Они вовсе не крестьяне! Они только языком болтают!»

Как потянулась к этим ораторам толпа делегатов, чувствуя в

них своих братьев!

Левые эсеры предложили получасовой перерыв. Когда делегаты стали выходить из зала, Ленин поднялся со своего места:

«Нам нельзя терять времени, товарищи! Завтра утром вся Россия должна узнать новости колоссального значения! Никаких задержек!»

* * *

…В 2 часа 30 минут ночи наступило напряженное молчание. Каменев читает декрет об образовании правительства:

«Образовать для управления страной впредь до созыва Учредительного собрания временное рабочее и крестьянское правительство, которое будет именоваться Советом Народных Комиссаров.

Заведование отдельными отраслями государственной жизни поручается комиссиям, состав которых должен обеспечить проведение в жизнь провозглашенной съездом программы, в тесном единении с массовыми организациями рабочих, работниц, матросов, солдат, крестьян и служащих. Правительственная власть принадлежит коллегии председателей этих комиссий, т. е. Совету Народных Комиссаров.

Контроль над деятельностью народных комиссаров и право смещения их принадлежит Всероссийскому съезду Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и его Центральному Исполнительному Комитету…».

В зале тишина; затем, при чтении списка народных комиссаров, взрывы аплодисментов после каждого имени, особенно Ленина и Троцкого.

«…Председатель Совета – Владимир Ульянов (Ленин);

Народный комиссар по внутренним делам – А. И. Рыков;

Земледелия – В. П. Милютин;

Труда – А. Г. Шляпников;

По делам военным и морским – комитет в составе: В. А. Овсеенко (Антонов), Н. В. Крыленко и П. Е. Дыбенко;

По делам торговли и промышленности – В. П. Ногин;

Народного просвещения – А. В. Луначарский;

Финансов – И. И. Скворцов (Степанов);

По делам иностранным – Л. Д. Бронштейн (Троцкий);

Юстиции – Г. И. Оппоков (Ломов);

По делам продовольствия – И. А. Теодорович;

Почт и телеграфа – Н. П. Авилов (Глебов);

Председатель по делам национальностей – И. В. Джугашвили (Сталин).

Пост народного комиссара по делам железнодорожным временно остается незамещенным»…

Совет Народных Комиссаров был избран подавляющим большинством голосов.

Избрание нового ЦИК, нового парламента Российской республики, заняло не больше четверти часа. Троцкий огласил результаты: сто членов, из них семьдесят большевиков… Что до крестьян и ушедших со съезда партий, то для них оставлены свободные места. «Мы с радостью примем в правительство все партии и группы, которые примут нашу программу», – так заключил Троцкий свое сообщение.

Тотчас же после этого II Всероссийский съезд Советов был закрыт, чтобы его делегаты могли поскорее разъехаться по всем уголкам России и рассказать о происшедших великих событиях…

Было почти семь часов утра, когда мы разбудили спящих кондукторов и вагоновожатых в стоящих перед Смольным трамваях. Эти трамваи были присланы союзом трамвайных рабочих для доставки делегатов по домам. Атмосфера в переполненных вагонах, мне показалось, была уже не так радостна и беззаботна, как в прошлую ночь. Очень многие имели сильно встревоженный вид. Может быть, в душе они говорили: «Ну, вот мы и стали хозяевами… Как-то нам удастся провести свою волю?..»

Около нашего дома мы были задержаны и тщательно обысканы патрулем вооруженных обывателей. Думская прокламация делала свое дело…

Хозяйка услыхала нас и выбежала навстречу в розовом шелковом капоте.

«Домовый комитет снова требует, чтобы вы дежурили наравне с прочими мужчинами!»

«А для чего нужны эти дежурства?»

«Надо же защищать женщин и детей».

«От кого?»

«От разбойников и громил».

«А если придет комиссар от Военно-революционного комитета и будет искать оружие?»

«Да, они все себя так называют… Да и потом не все ли это равно?»

Я официально заявил, что консул воспретил всем американским гражданам иметь при себе оружие в тех районах, где проживает русская интеллигенция…

Комитет спасения

Пятница, 9 ноября (27 октября)…

«Новочеркасск. 8 ноября (26 октября).

Ввиду выступления большевиков с попытками низвержения Временного Правительства и захвата власти в Петрограде и в других местах Войсковое Правительство, считая такой захват власти большевиками преступным и совершенно недопустимым, окажет в тесном союзе с правительствами других казачьих войск полную поддержку существующему коалиционному Временному правительству. Ввиду чрезвычайных обстоятельств и прекращения сообщения с центральной государственной властью Войсковое Правительство временно, впредь до восстановления власти Временного Правительства и порядка в России, с 25 сего октября приняло на себя полноту исполнительной государственной власти в Донской области.

Председатель Войскового Правительства Войсковой атаман Каледин».

Приказ министра-председателя Керенского, помеченный Гатчиной:

«Объявляю, что я, министр-председатель Временного Правительства а Верховный Главнокомандующий всеми вооруженными силами Российской Республики, прибыл сегодня во главе войск фронта, преданных родине.

Приказываю всем частям Петроградского военного округа, по неразумию и заблуждению примкнувшим к шайке изменников родины и революции, вернуться, не медля ни часу, к исполнению своего долга.

Приказ этот прочесть во всех ротах, командах и эскадронах.

Министр-председатель Временного Правительства и Верховный Главнокомандующий Л. Керенский».

Телеграмма Керенского командующему Северным фронтом:

«Город Гатчина взят войсками, верными правительству, и занят без кровопролития.

Роты кронштадтцев, семеновцев и измайловцев и моряки сдали беспрекословно оружие и присоединились к войскам Правительства.

Предписываю всем назначенным в путь эшелонам быстро продвигаться вперед.

От военно-революционного комитета войска получили приказание отступить…».

Гатчина, находящаяся километрах в тридцати к юго-западу от Петрограда, была взята ночью. Части двух упомянутых полков (не

моряки), блуждавшие по окрестностям без командиров, были действительно окружены казаками и сложили оружие. Но к правительственным войскам они не присоединились. В этот самый момент целые толпы этих солдат, растерянных и пристыженных, находились в Смольном и пытались объясниться. Они не знали, что казаки так близко… Они пытались войти с казаками в переговоры…

На революционном фронте явно господствовала полнейшая неразбериха. Гарнизоны всех маленьких городков, лежащих к югу от Петрограда, резко и безнадежно раскололись на две или, точнее, на три части: высшее командование за неимением ничего лучшего было на стороне Керенского, большинство солдат стояло за Советы, а все прочие мучились сомнениями и колебаниями.

Военно-революционный комитет спешно назначил командующим обороной Петрограда честолюбивого кадрового капитана Муравьева, того самого Муравьева, который летом создавал «батальоны смерти» и, говорят, однажды заявил правительству, что оно «слишком церемонится с большевиками: их надо просто стереть в порошок». Это был человек военной складки, преклонявшийся перед силой и смелостью. Возможно, что его преклонение было вполне искренним.

* * *

Выйдя утром на улицу, я увидел на стене по обе стороны нашего подъезда два новых приказа Военно-революционного комитета о том, что все лавки и магазины должны быть открыты, как всегда, а все пустующие помещения сданы в распоряжение комитета.

Уже тридцать шесть часов большевики были отрезаны от русской провинции и от всего внешнего мира. Железнодорожники и телеграфисты отказывались передавать их депеши, почтовые чиновники не принимали от них почты. Только царскосельская правительственная радиостанция каждые полчаса посылала на все четыре стороны света бюллетени и заявления. Комиссары Военно-революционного комитета мчались в поездах по всей стране наперегонки с комиссарами городской Думы. На фронт вылетели два аэроплана с агитационным материалом.

Но волна восстания охватывала Россию с быстротой, превышающей человеческие средства сообщения. Гельсингфорсский Совет вынес резолюцию о поддержке; в Киеве большевики захватили арсенал и телеграф, откуда их выбили делегаты казачьего съезда, заседавшего тут же в городе; в Казани

Военно-революционный комитет арестовал штаб местного гарнизона и комиссара Временного правительства; из Красноярска, в Сибири, пришла весть, что Советы захватили органы городского самоуправления; в Москве, где положение осложнялось забастовкой кожевников, с одной стороны, и угрозой общего локаута – с другой, Совет подавляющим большинством высказался за поддержку выступления петроградских большевиков… Здесь уже действовал Военно-революционный комитет.

Повсюду происходило одно и то же. Рядовые солдаты и промышленные рабочие почти поголовно поддерживали Советы; офицеры, юнкера и мелкая буржуазия, точно так же как представители буржуазии – кадеты и умеренные социалисты, стояли за Временное правительство. Во всех городах формировались и готовились к гражданской войне комитеты спасения родины и революции…

Огромная Россия распадалась. Этот процесс начался еще в 1905 г. Мартовская революция ускорила его и, породив вначале смутную надежду на новый порядок, кончила тем, что сохранила давно изжитые формы старого режима. Теперь же большевики в одну ночь разрушили все эти формы, и они исчезли, как дым. Старой России не стало. Бесформенное общество растаяло, потекло лавой в первозданный жар, и из бурного моря пламени выплыла могучая и безжалостная классовая борьба, а вместе с ней еще хрупкие, медленно застывающие ядра новых образований.

В Петрограде шестнадцать министерств бастовали под руководством двух министерств, созданных августовским однородным социалистическим правительством, – министерств труда и продовольствия.

В это серое, холодное утро «горсточка большевиков» была, казалось, так одинока, как только можно быть одиноким на свете. Море вражды бушевало вокруг них. Прижатый к стене, Военно-революционный комитет нанес ответный удар, отчаянно защищая свою жизнь. В пять часов утра в типографию городского самоуправления явились красногвардейцы, конфисковали тысячи экземпляров думского воззвания-протеста и закрыли официальный орган Думы «Вестник городского самоуправления». Все буржуазные газеты были сброшены с печатных машин, в том числе и газета старого ЦИК «Голос Солдата», которая, однако, переменив это название на «Солдатский Голос», появилась в ста тысячах экземпляров, сея вокруг себя ярость и негодование:

«Люди, нанесшие свой предательский удар ночью, люди, закрывшие газеты, недолго удержат страну во мраке. Страна узнает истину! Она оценит вас, господа большевики! Мы все

увидим это!»

В первом часу дня мы шли вниз по Невскому. Перед Думой вся улица была забита толпой. То там, то здесь попадался красногвардеец или матрос с винтовкой и примкнутым штыком. На каждого из них напирало не меньше сотни мужчин и женщин – конторщики, студенты, лавочники, чиновники. Все эти люди потрясали кулаками, изрыгая проклятия и угрозы. На ступеньках стояли бойскауты и офицеры и раздавали экземпляры «Солдатского Голоса». Рабочий с красной повязкой на рукаве и с револьвером в руке стоял, дрожа от гнева и возбуждения, среди враждебной толпы и требовал, чтобы ему отдали газеты… Думается мне, история никогда не видала ничего подобного. На одной стороне – горсточка вооруженных рабочих и солдат, олицетворяющих победоносное восстание и глубоко беспомощных; на другой стороне – разъяренная толпа, состоящая из таких же людей, какие в полдень заполняют тротуары Пятой авеню, толпа, которая издевалась, проклинала и кричала: «Предатели! Провокаторы! Опричники!»…

По Невскому мчалась двойная цепь самокатчиков с винтовками за плечами. Они остановились. Толпа окружила их и закидала вопросами:

«Кто вы такие? Откуда?»– спрашивал какой-то полный старик с сигарой в зубах.

«Из XII армии, с фронта. Мы приехали поддерживать Советы против проклятой буржуазии».

Раздались злобные крики:

«А-а! Большевистские жандармы! Большевистские казаки!»

По ступенькам сбегал маленький офицер в кожаной тужурке.

«Гарнизон колеблется! – зашептал он мне на ухо. – Для большевиков это начало конца. Хотите посмотреть, как меняется настроение? Пошли!» Он почти бегом двинулся по Михайловскому, мы – за ним.

«А какой это полк?»

«Броневики»… Это было действительно серьезное осложнение. Броневики держали в руках ключ к положению: за кого были, броневики, тот мог распоряжаться всем городом. «К ним отправились для переговоров комиссары от Комитета спасения и от Думы. У них идет митинг, который должен решить…»

«Что решить? На какой стороне драться?»

«О, нет! Так дела не делаются. Драться против большевиков они не станут никогда. Они просто решат оставаться нейтральными, а тогда юнкера и казаки…»

* * *

Дверь огромного Михайловского манежа зияла черной пастью. Двое часовых попытались остановить нас, но мы быстро прошли мимо, не обращая внимания на их негодующие крики. Манеж был тускло освещен единственным фонарем, висевшим под самым потолком огромного помещения. В темноте смутно маячили высокие пилястры и окна. Кругом были видны неясные чудовищные очертания броневых машин. Одна из них стояла в самом центре помещения под фонарем. Вокруг нее столпилось до двух тысяч одетых в серовато-коричневую форму солдат, почти терявшихся в огромном пространстве величественного здания. Наверху броневика находилось до дюжины человек: офицеры, председатель солдатского комитета, ораторы. Какой-то военный, взобравшись на центральную башню броневика, говорил речь. То был Ханжонов, председатель Всероссийского съезда броневых частей, состоявшегося летом. Гибкая, изящная фигура в кожаной тужурке с погонами поручика. Он красноречиво и убедительно выступал за нейтралитет.

«Страшно русскому, – говорил он, – убивать своих же братьев русских. Между солдатами, которые плечом к плечу выступали против царя, плечом к плечу били внешнего врага в боях, которые войдут в историю, не должно быть гражданской войны! Что нам, солдатам, до всей этой свалки политических партий? Не стану говорить вам, что Временное правительство было правительством демократическим; мы не хотим коалиции с буржуазией, нет, не хотим. Но нам необходимо правительство объединенной демократии, в противном случае Россия погибла! При таком правительстве не понадобится гражданской войны и братоубийства».

Это звучало очень убедительно. Огромный зал огласился аплодисментами и одобрительными возгласами.

На башенку взобрался бледный и взволнованный солдат. «Товарищи! – закричал он. – Я приехал с Румынского фронта, чтобы настойчиво сказать всем вам: необходимо заключить мир! Немедленный мир! Кто даст нам мир, за тем мы и пойдем, будут ли то большевики или новое правительство. Дайте нам мир! Мы на фронте больше не можем воевать, мы не можем воевать ни с немцами, ни с русскими…» С этими словами он спустился вниз. Огромная масса слушателей смутно загудела. Гул этот перешел во что-то напоминавшее гнев, когда следующий оратор, меньшевик-оборонец, попытался сказать, что война должна продолжаться до победы союзников.

«Вы говорите, как Керенский!» – крикнул чей-то резкий голос.

Затем выступил делегат Думы. Он советовал солдатам оставаться нейтральными. Его слушали, как-то неуверенно перешептываясь, не чувствуя в нем своего. Мне никогда не приходилось видеть людей, с таким упорством старающихся понять и решить. Совершенно неподвижно стояли они, слушая ораторов с каким-то ужасным, бесконечно напряженным вниманием, хмуря брови от умственного усилия. На их лбах выступал пот. То были гиганты с невинными детскими глазами, с лицами эпических воинов…

Теперь заговорил большевик, один из солдат этой части. Речь его была яростна и полна ненависти. Собрание слушало его не более сочувственно, чем других. Это не соответствовало настроению этих людей. Все они были на этот момент выбиты из повседневной колеи своих обычных дум. Им приходилось теперь думать о России, социализме, обо всем мире, как будто бы от их броневиков зависела жизнь и смерть революции.

В напряженной тишине выступал оратор за оратором. Крики одобрения сменялись криками негодования. Выступать или нет? Снова говорил убедительный и симпатичный Ханжонов. Но ведь сколько бы он ни говорил о мире, разве он не офицер и не оборонец? Выступил василеостровский рабочий. Его встретили выкриком: «Что же вы, рабочие, дадите нам мир?». Поблизости от нас собралось несколько человек, главным образом офицеров. Они устроили нечто вроде клаки и шумно приветствовали всех сторонников нейтралитета. «Ханжонов! Ханжонов!» – кричали они и освистывали всех выступавших большевиков.

* * *

Вдруг между комитетчиками и офицерами, стоявшими на броневике, начался горячий спор. Они оживленно жестикулировали и, очевидно, никак не могли прийти к соглашению. Собравшиеся заметили этот спор. Огромная толпа загудела и заволновалась, желая узнать, в чем дело. Солдат, которого удерживал офицер, вырвался и высоко поднял руку.

«Товарищи! – закричал он. – Здесь товарищ Крыленко, он хочет говорить!» Раздался взрыв криков, аплодисментов и свистков: «Просим! Просим!» «Долой!» Среди невообразимого гула и рева народный комиссар по военным делам, подталкиваемый и подсаживаемый со всех сторон, взобрался на броневик. Постояв минутку, он перешел на радиатор, уперся руками в бока и, улыбаясь, огляделся. Приземистая фигура на коротких ногах, в военной форме, без погон и с непокрытой

головой.

Клакеры, стоявшие близ меня, подняли отчаянный крик: «Ханжонов! Просим Ханжонова! Долой его! Заткнись! Долой предателя!». Вся толпа закипела и загудела, и вдруг началось какое-то движение. На нас, словно снеговая лавина, надвигалась группа дюжих чернобровых солдат. Они пробивали себе дорогу, расталкивая толпу.

«Кто здесь срывает собрание? – кричали они. – Кто здесь шумит?» Вся клака немедленно рассыпалась в стороны и больше уже не собиралась.

«Товарищи солдаты! – начал Крыленко хриплым от усталости голосом. – Я не могу как следует говорить, прошу извинить меня, но я не спал целых четыре ночи…

Мне незачем говорить вам, что я солдат. Мне незачем говорить вам, что я хочу мира. Но я должен сказать вам, что большевистская партия, которой вы и все остальные храбрые товарищи, навеки сбросившие власть кровожадной буржуазии, помогли совершить рабочую и солдатскую революцию, – что эта партия обещала предложить всем народам мир. Сегодня это обещание уже исполнено!» Гром аплодисментов…

«Вас уговаривают оставаться нейтральными, оставаться нейтральными в тот момент, когда юнкера и ударники, никогда не знающие нейтралитета, стреляют в нас на улицах и ведут на Петроград Керенского или еще кого-нибудь из той же шайки, С Дона наступает Каледин. С фронта надвигается Керенский. Корнилов поднял текинцев и хочет повторить свою августовскую авантюру. Меньшевики и эсеры просят вас не допускать гражданской войны. Но что же давало им самим возможность держаться у власти, если не гражданская война, та гражданская война, которая началась еще в июле и в которой они постоянно стояли на стороне буржуазии, как стоят и теперь?

Как я могу убеждать вас, если ваше решение уже принято? Вопрос совершенно ясен. На одной стороне – Керенский, Каледин, Корнилов, меньшевики, эсеры, кадеты, городские думы, офицерство… Они говорят вам, что их цели очень хороши. На другой стороне – рабочие, солдаты, матросы, беднейшие крестьяне. Правительство в ваших руках. Вы хозяева положения. Великая Россия принадлежит вам. Отдадите ли вы ее обратно?»

Крыленко еле держался на ногах от усталости. Но чем дальше он говорил, тем яснее проступала в его голосе глубокая искренность, скрывавшаяся за словами. Кончив свою речь, он пошатнулся и чуть не упал. Сотни рук поддержали его, и высокий, темный манеж задрожал от грохота аплодисментов и восторженных криков.

Ханжонов попытался еще раз взять слово, но собрание ничего не хотело слушать и кричало: «Голосовать! Голосовать!». Наконец, он уступил и прочел резолюцию: «Бронеотряд отзывает своих представителей из Военно-революционного комитета и объявляет себя нейтральным в разразившейся гражданской войне».

Всем, кто за эту резолюцию, предложили отойти направо, всем, кто против, налево. Сначала был момент сомнения и как бы выжидания, но затем толпа стала все быстрее и быстрее перекатываться влево. Сотни дюжих солдат с топотом двигались по грязному, еле освещенному полу, натыкаясь друг на друга… Около нас осталось не больше 50 человек. Они упрямо стояли за резолюцию, а когда под высокими сводами манежа загремел восторженный клич победы, они повернулись и быстро вышли из здания. Многие из них ушли и от революции…

Вообразите, что такая же борьба шла в каждой казарме по всем городам, по всем округам, по всему фронту, по всей России! Вообразите себе этих бессонных Крыленко, бодрствующих над каждым полком, торопящихся с места на место, уговаривающих, спорящих и грозящих! И затем представьте себе, что то же самое происходило в помещениях всех профессиональных союзов, на фабриках и заводах, в деревнях, на боевых кораблях далеко разбросанных русских флотов; подумайте о сотнях тысяч русских людей, пожирающих глазами ораторов по всей огромной России, о рабочих, крестьянах, солдатах, матросах, так мучительно старающихся понять и решить, так напряженно думающих и в конце концов решающих с таким беспримерным единодушием. Такова была русская революция!..

А там, в Смольном, новый Совет Народных Комиссаров не дремал. Первый декрет был уже на печатных машинах и должен был в тысячах экземпляров разлететься в ту же ночь по всем улицам города и быть доставлен поездами по всей стране – на юг и на восток:

«Именем правительства республики избранный Всероссийским Съездом Рабочих и Солдатских Депутатов с участием крестьянских депутатов Совет Народных Комиссаров постановляет:

1. Выборы в Учредительное Собрание должны быть произведены в назначенный срок, 12 ноября.

2. Все избирательные комиссии, учреждения местного самоуправления, Советы Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов и солдатские организации на фронте должны напрячь все усилия для обеспечения свободного и правильного производства выборов в Учредительное Собрание в назначенный срок.

Именем правительства Российской республики
Председатель Совета Народных Комиссаров
Владимир Ульянов-Ленин».

* * *

В здании городской Думы все кипело и гремело. Когда мы вошли в зал заседания, говорил один из членов Совета республики. Совет, заявлял он, считает себя не распущенным, а только временно, впредь до подыскания нового помещения, лишенным возможности продолжать свои занятия. Его комитет старейшин постановил в полном составе присоединиться к Комитету спасения… Замечу в скобках, что это – последнее в истории упоминание о Совете Российской республики.

Затем последовала обычная череда делегатов: от министерств, от Викжеля, от союза почтовых и телеграфных служащих. Все они уже в сотый раз заявляли о своей непоколебимой решимости не работать для большевистских узурпаторов. Один из юнкеров, защищавших Зимний дворец, рассказывал сильно приукрашенную легенду о героизме его самого и его товарищей, а также о бесчестном поведении красногвардейцев. Собрание, безусловно, верило каждому его слову. Кто-то прочел отчет эсеровской газеты «Народ», в котором подробно говорилось о разгроме и разграблении Зимнего дворца и о том, что причиненный ему ущерб исчисляется в 500 миллионов рублей…

Тут престарелый городской голова взошел на трибуну: «Товарищи и граждане! Я только что узнал, что все заключенные в Петропавловской крепости находятся в величайшей опасности. Большевистская стража раздела донага и подвергла пыткам четырнадцать юнкеров Павловского училища. Один из них сошел с ума. Стража угрожает расправиться с министрами самосудом». Раздался рев ужаса и возмущения, еще больше усилившийся, когда слово попросила невысокая коренастая женщина в сером. То была Вера Слуцкая, старая революционерка и член Думы от большевиков.

«Это ложь и провокация! – сказала она своим резким металлическим голосом, не обращая внимания на поток оскорблений. – Рабоче-крестьянское правительство, отменившее смертную казнь, не может допустить подобных действий. Мы требуем немедленного расследования этого сообщения; если в нем есть хоть малейшая доля истины, правительство примет самые энергичные меры!»

Тут же была назначена особая комиссия из представителей всех партий во главе с городским головой. Она отправилась в Петропавловскую крепость. Мы пошли вслед за комиссией, а в это время Дума избирала другую комиссию – для встречи Керенского. Она должна была попытаться предотвратить кровопролитие при его вступлении в столицу…

Была уже полночь, когда мы кое-как проскочили мимо стражи, охранявшей ворота Петропавловской крепости, и пошли по огромному двору, еле освещенному редкими электрическими фонарями. Мы шли вдоль собора, где под стройным золотым шпилем и под курантами, которые все еще каждый полдень играли «Боже, царя храни», находятся могилы русских императоров… Кругом было пустынно; в большинстве окон не было света. Время от времени мы натыкались на дюжую фигуру, медленно подвигавшуюся в темноте и отвечавшую на все наши вопросы обычным: «Я не знаю».

Слева маячил низкий темный силуэт Трубецкого бастиона, той самой могилы для живых людей, в которой при царском режиме умерло или сошло с ума так много самоотверженных борцов революции. В мартовские дни Временное правительство посадило сюда царских министров. А теперь большевики посадили сюда министров Временного правительства.

Какой-то моряк с готовностью проводил нас в комендантскую, находившуюся в маленьком домике около монетного двора. В теплой и прокуренной комнате вокруг весело кипящего самовара сидело человек двенадцать красногвардейцев, матросов и солдат. Они очень сердечно встретили нас, предложили чаю. Коменданта не было. Он сопровождал комиссию думских саботажников, утверждавших, что юнкера перебиты.

Казалось, это очень забавляло солдат и матросов. В углу комнаты сидел невысокий лысый человек в сюртуке и богатой шубе. Он кусал усы и поглядывал исподлобья, как загнанный зверь. Его только что арестовали. Кто-то, небрежно взглянув на него, сказал, что это какой-то министр или что-то в этом роде… Человечек, казалось, не слышал этих слов. Он был явно перепуган, хотя никто не проявлял никакой враждебности.

Я подошел к нему и заговорил по-французски. «Граф Толстой, – ответил он мне, чопорно кланяясь. – Не могу понять, за что меня арестовали. Я спокойно возвращался по Троицкому мосту домой, а двое из этих… э-э… личностей задержали меня. Я был комиссаром Временного правительства при генеральном штабе, но министром ни в какой мере не был…»

«Отпусти его, – сказал один из матросов. – Что его бояться?..»

«Нет, – ответил солдат, приведший арестованного. – Надо

спросить коменданта».

«Коменданта? – усмехнулся матрос. – Для чего же мы революцию делали? Уж не для того ли, чтобы снова слушаться офицеров?»…

Тут вошел комендант – веселый молодой унтер-офицер с рукой на перевязи. Под глазами у него были глубокие круги от бессонницы. Он поглядел на арестованного, который сразу начал объясняться.

«Да, да, – прервал он его речь. – Вы член того комитета, который в среду отказался сдать нам штаб. Впрочем, вы нам не нужны, гражданин. Примите извинения…» Он открыл дверь и движением руки показал графу Толстому, что он свободен. Некоторые из присутствующих, особенно красногвардейцы, слабо запротестовали, а матрос с торжеством заявил: «Вот!.. А я что говорил?»

К коменданту обратились двое солдат. Они протестовали от имени крепостного гарнизона. «Заключенные, – говорили они, – получают тот же паек, что и стража, а между тем досыта никому не хватает. С какой нам стати нежничать с контрреволюционерами?»

«Товарищи, мы революционеры, а не разбойники», – ответил им комендант. Он повернулся к нам. Мы сказали ему, что по городу ходят слухи, будто бы арестованные юнкера подвергаются пыткам, а министры находятся в смертельной опасности. Не будет ли нам разрешено навестить заключенных, чтобы потом иметь возможность заявить всему миру…

«Нет! – сердито ответил молодой солдат. – Больше я не могу беспокоить заключенных. Мне только что уже пришлось разбудить их, так они думали, что их сейчас всех перебьют…

Впрочем, ведь большинство юнкеров уже выпущено, а остальные будут освобождены завтра». И он резко отвернулся.

«В таком случае, нельзя ли нам поговорить с думской комиссией?»

Комендант, наливавший себе в этот момент стакан чаю, кивнул головой. «Они еще там, в зале», – сказал он небрежно.

И в самом деле, они стояли тут же, за дверями, в слабом свете керосиновой лампы и возбужденно говорили о чем-то, окружая городского голову.

«Господин городской голова, – сказал я. – Мы американские корреспонденты. Не будете ли вы любезны официально сообщить нам результаты вашего расследования?..»

Он повернул ко мне свое исполненное глубокого достоинства лицо.

«Во всех этих сообщениях нет ни малейшей доли истины, –

медленно сказал он. – За исключением тех инцидентов, которые имели место во время доставки министров сюда, с ними все время обращаются как нельзя лучше. Что до юнкеров, то ни одному из них не нанесено ни малейшего ранения…»

По Невскому сквозь ночную тишину и мрак шли бесконечные и молчаливые колонны солдат, шли на бой с Керенским. По темным боковым улицам шныряли во все стороны автомобили с погашенными фонарями; на Фонтанке, 6, в штаб-квартире Совета крестьянских депутатов, в некоторых квартирах огромного дома на Невском и в Инженерном замке шла активная тайная работа. Городская Дума была освещена снизу доверху…

А в Смольном институте работал Военно-революционный комитет, и искры летели от него, как от перегруженной током динамомашины…

Революционный фронт

Суббота, 10 ноября (28 октября).

«Граждане!

Военно-революционный комитет заявляет, что он не потерпит никаких нарушений революционного порядка…

Воровство, грабежи, налеты и попытки погромов будут строго караться…

Следуя примеру Парижской коммуны, комитет будет безжалостно уничтожать всех грабителей и зачинщиков беспорядков…»

В городе было спокойно: ни беспорядков, ни грабежей, ни даже пьяных драк. Ночью по молчаливым улицам ходили вооруженные патрули, а на всех перекрестках дежурили вокруг костров смеющиеся и поющие солдаты и красногвардейцы. Днем на тротуарах собирались большие толпы, прислушивавшиеся к беспрерывным и горячим спорам между студентами и солдатами, между торговцами и рабочими.

Граждане останавливали друг друга на улицах.

«Идут казаки?»

«Нет…».

«Какие новости?»

«Ничего не знаю… Где Керенский?»

«Говорят, всего в восьми верстах от Петрограда… А правда, что большевики убежали на «Аврору»?»

«Говорят…»

Все стены заклеены, но газет мало. Разоблачения, воззвания, декреты…

На огромном плакате истерический манифест исполнительного комитета Всероссийского Совета крестьянских депутатов:

«…Они (большевики) осмеливаются говорить, будто они опираются на советы крестьянских депутатов. Не имея на это никаких полномочий, они говорят от имени Советов кр. депутатов. Пусть же вся трудовая Россия узнает, что это ложь и что все трудовое крестьянство – Исполнительный Комитет Всероссийского совета крестьянских депутатов – с негодованием отвергает какое-либо участие организованного крестьянства в этом преступном насилии над волей всех трудящихся».

От военной секции партии социалистов-революционеров:

«…Безумная попытка большевиков накануне краха. Среди гарнизона раскол, подавленность. Министерства не работают. Хлеб на исходе. Все фракции, кроме кучки максималистов,

покинули съезд. Партия большевиков изолирована…

Предлагаем… объединиться вокруг Комитета спасения родины и революции… и быть наготове, дабы в нужный момент по призыву Центрального Комитета оказать активное противодействие…».

Совет республики высчитывал свои обиды в следующей прокламации:

«…Временный Совет Российской республики, уступая напору штыков, вынужден был 25 октября разойтись и прервать на время свою работу.

Захватчики власти со словами «свобода и социализм» на устах творят насилие и произвол. Они арестовали и заключили в царский каземат членов Временного правительства, в том числе и министров-социалистов. Они закрыли газеты, захватили типографии…

Такая власть должна быть признана врагом народа и революции, с ней необходимо бороться, ее необходимо свергнуть…

Временный Совет республики до возобновления своих работ призывает граждан Российской республики сплачиваться вокруг местных комитетов спасения родины и революции, организующих низложение власти большевиков и воссоздание правительства, способного довести измученную страну до Учредительного собрания».

«Дело Народа» говорило:

«…Революция есть восстание всего народа…

Кто признал «вторую революцию» гг. Ленина, Троцкого и им подобных? Обманутые ими небольшие группы рабочих, солдат и матросов и больше никто…».

А «Народное Слово» (орган народных социалистов):

«Рабоче-крестьянское правительство? – Фантазия! Этого «правительства» не признает никто ни в России, ни в союзных, ни даже во враждебных странах!..»

Буржуазная печать на время исчезла вовсе…

«Правда» давала отчет о первом заседании нового ЦИК, парламента Российской Советской республики. Народный комиссар земледелия Милютин заметил, что крестьянский исполнительный комитет созвал на 13 декабря Всероссийский крестьянский съезд, «Но мы не можем ждать, – говорил он. – Нам необходима поддержка крестьянства. Я предлагаю, чтобы мы собрали крестьянский съезд и немедленно…» Левые эсеры приняли это предложение… Был спешно набросан призыв к крестьянам и избрана комиссия из пяти лиц для проведения проекта в жизнь.

Подробности нового закона о распределении земли и вопрос о рабочем контроле над производством были отложены впредь до представления отчета комиссии экспертов.

Было заслушано и принято три декрета: во-первых, предложенное Лениным «Общее положение о печати», предписывающее закрытие всех газет, призывающих к сопротивлению или неповиновению новому правительству, подстрекающих к преступным деяниям или преднамеренно искажающих факты; во-вторых, декрет об отсрочке взноса квартирной платы и, в-третьих, декрет о создании рабочей милиции. Издан ряд приказов: один из них давал городской думе право реквизиции пустых домов и помещений, другой предписывал разгружать все товарные вагоны, находящиеся в конечных пунктах железных дорог, чтобы тем самым ускорить подвоз предметов первой необходимости и освободить столь необходимый подвижной состав.

* * *

Через два часа исполнительный комитет крестьянских депутатов разослал по всей России следующую телеграмму:

«Самочинная большевистская организация, называющая себя «Организационным Бюро по созыву Всероссийского крестьянского съезда», рассылает телеграммы всем крестьянским Советам о прибытии на съезд в Петроград.

Исполнительный комитет Всероссийского Совета крестьянских депутатов заявляет, что он по-прежнему считает отвлечение местных сил в данный момент вредным и опасным в связи с выборами в Учредительное собрание, в котором теперь единственное спасение крестьянства и страны. Подтверждаем созыв съезда 30 ноября».

В Думе господствовало небывалое оживление. Приходили и уходили какие-то офицеры, городской голова совещался с вождями Комитета спасения. Вбежал член управы с экземпляром прокламации Керенского. Такие прокламации целыми сотнями сыпались с аэроплана, низко летавшего над Невским. Они грозили всем непокорным ужасным возмездием и приказывали солдатам сложить оружие и немедленно же собраться на Марсовом поле.

Министр-председатель, рассказали нам, уже взял Царское Село и находится всего в пяти милях от Петрограда. Он вступит в город завтра – через несколько часов. Советские войска, вошедшие в соприкосновение с казаками, переходят на сторону

Временного правительства. Чернов вертится где-то посередине, пытаясь организовать «нейтральные» воинские части в силу, способную остановить гражданскую войну».

В городе, передавалось в Думе, гарнизонные полки отходят от большевиков. Смольный уже оставлен… Весь правительственный аппарат бастует. Служащие Государственного банка отказались работать под руководством комиссаров Смольного и выдавать им деньги. Все частные банки закрыты. Министерства бастуют. Думский комитет обходит все торговые помещения и собирает деньги в фонд поддержки забастовщиков.

Троцкий отправился в министерство иностранных дел и приказал чиновникам перевести декрет о мире на иностранные языки. Шестьсот чиновников швырнули ему в лицо прошения об отставке…

Комиссар труда Шляпников приказал всем служащим своего министерства возвратиться на свои места в 24-часовой срок, угрожая в противном случае потерей места и права на пенсию. Послушались только швейцары… Целый ряд отделов особого комитета снабжения оставил работу, чтобы не подчиняться большевикам… Несмотря на щедрые обещания высоких ставок и прекрасных условий труда, телефонистки отказались обслуживать советские учреждения…

Партия социалистов-революционеров постановила исключить всех своих членов, оставшихся на съезде Советов или принявших участие в восстании…

Новости из провинции. Могилев объявил себя против большевиков. В Киеве казаки разогнали Советы и арестовали верх мятежных вождей. Совет и тридцатитысячный гарнизон Луги приняли резолюцию о верности Временному правительству, призывая всю Россию присоединиться к ним. Каледин разогнал все Советы и профессиональные союзы Донецкого бассейна: его войска подвигаются на север…

Представитель железнодорожников заявлял: «Вчера мы разослали по всей России телеграмму с требованием немедленного прекращения войны между политическими партиями и создания коалиционного социалистического правительства. В противном случае мы завтра же ночью объявим забастовку… Утром состоится совещание всех фракций для обсуждения этого вопроса. Большевики, по-видимому, ищут соглашения…». «Если только доживут до него!» – усмехнулся крепкий, краснощекий городской инженер…

Явившись в Смольный, мы застали, его не только не покинутым, но и еще более оживленным и деловитым, чем когда бы то ни было. Толпы рабочих и солдат входили и выходили,

повсюду стояла двойная стража. Здесь мы встретили репортеров буржуазных и «умеренно»-социалистических газет.

«Нас выгнали! – кричал репортер «Воли Народа». – Бонч-Бруевич явился в пресс-бюро и велел нам уходить! Он сказал, что мы шпионы!» Тут все закричали в один голос: «Оскорбление! Насилие! Свобода печати!»

В вестибюле стояли длинные столы, загроможденные связками призывов, воззваний и приказов Военно-революционного комитета. Солдаты и рабочие таскали эти связки и укладывали на ожидающие автомобили. Вот как начиналось одно из воззваний:

«К позорному столбу!

В трагический момент, переживаемый русским трудовым народом, меньшевики-соглашатели и правые эсеры изменили рабочему классу. Они оказались на стороне корниловцев, Керенского и Савинкова…

Они печатают приказы изменника Керенского и сеют панику в городе, распространяя самые вздорные слухи о мнимых победах этого ренегата…

Граждане! Не верьте этим нелепым слухам! Нет той силы, которая способна победить восставший народ. Керенского и его соратников ждет скорое и заслуженное ими наказание…

Мы пригвождаем их к позорному столбу. Мы предаем их презрению всех рабочих, солдат, матросов и крестьян, на которых они собираются надеть старые цепи. И никогда не смыть им со своего чела клейма народного презрения и негодования…

Стыд и позор предателям народа!»

* * *

…Казаки Керенского были уже близко; у них была артиллерия. Секретарь фабрично-заводских комитетов Скрыпник уверял меня, что с Керенским идет целый корпус, и тут же решительно добавлял: «Живыми они нас не возьмут!..» Лицо его пожелтело и вытянулось от бессонных ночей. Петровский устало усмехнулся: «Может быть, завтра мы уснем… и уснем надолго…».

Худой рыжебородый Лозовский сказал: «Какие у нас шансы?.. Мы одиноки… Толпа – против обученных солдат!»

К югу и юго-западу от Петрограда Советы бежали от Керенского, а гатчинский, павловский и царскосельский гарнизоны раскололись: половина хотела оставаться нейтральной, а остальные без офицеров в хаотическом беспорядке отходили к столице.

В залах был развешен следующий бюллетень:

«Из Красного Села. 28 октября, в 6 час. утра.

Передать всем адресам Наштаверх, Главкосев, Начвосев, всюду и всем, всем, всем.

Бывшим министром Керенским по адресу всюду и всем дана заведомо ложная телеграмма о том, что войска революционного Петрограда добровольно сдали оружие и присоединились к войскам бывшего правительства, правительства измены, и что солдаты получили приказание от Военно-революционного комитета отступать. Не отступают и не сдаются войска свободного народа. Из Гатчины наши войска вышли ради избежания кровопролития между собою и своими заблуждающимися братьями казаками и для того, чтобы занять вне города более удобное положение, которое теперь настолько прочно, что если бы Керенский и его ближайшие соратники удесятерили свои силы, то все равно тревожиться не приходится. В наших войсках настроение прекрасное. В Петрограде все спокойно.

Начальник обороны города Петрограда и Петроградского района подполковник Муравьев».

Когда мы выходили из Военно-революционного комитета, в комнату вошел мертвенно бледный Антонов. В руках его была какая-то бумага.

«Разошлите это!» – сказал он.

«Всем районным Советам рабочих депутатов и фабрично-заводским комитетам.

Приказ

Корниловские банды Керенского угрожают подступам к столице. Отданы все необходимые распоряжения для того, чтобы беспощадно раздавить контрреволюционное покушение против народа и его завоеваний.

Армия и Красная гвардия революции нуждаются в немедленной поддержке рабочих.

Приказываем районным Советам и фабрично-заводским комитетам:

1) Выдвинуть наибольшее количество рабочих для рытья окопов, воздвигания баррикад и укрепления проволочных заграждений.

2) Где для этого потребуется прекращение работ на фабриках и заводах, немедленно исполнить.

3) Собрать всю имеющуюся в запасе колючую и простую проволоку, а равно все орудия, необходимые для рытья окопов и возведения баррикад.

4) Все имеющееся оружие иметь при себе.

5) Соблюдать строжайшую дисциплину и быть готовыми поддержать армию революции всеми средствами.

Председатель Петроградского Совета раб. и солд. депутатов народный комиссар *Лев Троцкий* . Председатель Военно-революционного комитета главнокомандующий округом *Николай Подвойский* »

Когда мы вышли из Смольного и очутились на темной и мрачной улице, со всех сторон неслись фабричные гудки, резкие, нервные, полные тревоги. Рабочий народ – мужчины и женщины – выходил на улицу десятками тысяч. Гудящие предместья выбрасывали наружу свои обтрепанные толпы. Красный Петроград в опасности! Казаки!.. Мужчины, женщины и подростки с ружьями, ломами, заступами, мотками проволоки, патронташами поверх своей рабочей одежды тянулись по грязным улицам к югу и юго-западу, к Московской заставе… Город никогда не видал такого огромного и стихийного людского потока. Люди катились, как река, вперемежку с солдатскими ротами, пушками, грузовиками, повозками. Революционный пролетариат шел грудью на защиту столицы рабочей и крестьянской республики!

Перед дверью Смольного стоял автомобиль. К его крылу прислонился худой человек в толстых очках, под которыми его покрасневшие глаза казались еще больше. Засунув руки в карманы потертого пальто, он через силу произносил какие-то слова. Тут же беспокойно похаживал взад и вперед рослый бородатый матрос с ясными молодыми глазами. На ходу он рассеянно поигрывал неразлучным огромным револьвером синей стали. Это были Антонов и Дыбенко.

Несколько солдат пытались привязать к подножке автомобиля два велосипеда военного образца. Шофер резко протестовал. Он говорил, что велосипеды поцарапают эмаль. Конечно, он сам большевик, а автомобиль реквизирован у какого-то буржуя; конечно, на этих велосипедах поедут ординарцы, но все-таки его шоферская профессиональная гордость была возмущена… И велосипеды остались на месте…

Народные комиссары по военным и морским делам отправлялись инспектировать революционный фронт, где бы он ни находился. «Нельзя ли нам будет поехать вместе с ними?» – «Разумеется, нет! В автомобиле всего пять мест – для двоих комиссаров, двоих ординарцев и шофера». Тем не менее один мой русский знакомый, которого я назову Трусишкой, преспокойно уселся в автомобиль и, несмотря ни на какие просьбы, не соглашался очистить место…

* * *

У меня нет никаких оснований не верить рассказу Трусишки об этом путешествии. Уже на Суворовском проспекте кто-то из ехавших вспомнил о еде. Объезд фронта мог затянуться на три-четыре дня, а местность была не слишком богата продовольствием. Остановили машину. У кого есть деньги? Военный комиссар вывернул все свои карманы – в них не оказалось ни копейки. Комиссар по морским делам тоже оказался банкротом. Не было денег и у шофера. Трусишка купил провизии.

Когда они заворачивали на Невский, у автомобиля лопнула шина.

«Что делать?» – спросил Антонов.

«Реквизировать другой автомобиль!» – предложил Дыбенко, размахивая револьвером.

Антонов встал среди улицы и замахал проезжающей машине, у руля которой сидел какой-то солдат.

«Мне нужна эта машина», – заявил Антонов.

«Не дам!» – ответил солдат.

«Да вы знаете, кто я такой?» – и Антонов показал бумагу, в которой значилось, что он назначен главнокомандующим всеми армиями Российской республики и что все и каждый обязаны повиноваться ему без всяких разговоров.

«Хоть бы вы были сам дьявол, мне все равно! – с жаром ответил солдат. – Эта машина принадлежит первому пулеметному полку, и мы везем в ней боеприпасы. Не видать вам этой машины…»

Затруднение было разрешено появлением старого и разбитого такси под итальянским флагом. (Во время беспорядков владельцы частных автомобилей во избежание реквизиции регистрировали их в иностранных консульствах.) Из этого такси высадили толстого гражданина в роскошной шубе, и высшее командование поехало дальше.

Покрыв около десяти миль и добравшись до Нарвской заставы, Антонов спросил, где командующий красногвардейскими силами. Его проводили до самой окраины, где несколько сот рабочих отрыли окопы и ждали казаков.

«Как у вас дела, товарищи?» – спросил Антонов.

«Все в полном порядке, товарищ, – ответил командир. – Войска в превосходном настроении… Одно только – боеприпасов нет…»

«В Смольном лежит два миллиарда обойм, – сказал ему Антонов. – Сейчас я дам вам ордер… – Он стал рыться в карманах. – Нет ли тут у кого-нибудь клочка бумаги?»

У Дыбенко не было. У ординарцев тоже. Трусишка предложил свой блокнот.

«А черт! У меня нет карандаша! – вскрикнул Антонов. – Кто даст карандаш?..» Нечего и говорить, что единственным, у кого был карандаш, оказался Трусишка…

* * *

Не попав в автомобиль верховного командования, мы отправились на Царскосельский вокзал. На Невском мы видели проходящих красногвардейцев с винтовками. Штыки были не у всех. Наступали ранние зимние сумерки. Высоко подняв головы, шли они сквозь холодное ненастье неровными рядами, без музыки, без барабанов. Над их головами развевался красный флаг, на котором корявыми золотыми буквами было написано: «Мира! Земли!». Все они были очень молоды. На лицах – выражение людей, сознательно идущих на смерть… Тротуарная толпа полубоязливо, полупрезрительно провожала их взглядами в ненавидящем молчании…

На вокзале никто не знал, где Керенский и где фронт. Впрочем, поезда ходили только до Царского…

Наш вагон был набит деревенскими жителями, возвращавшимися домой. Они везли с собой всякие покупки и вечерние газеты. Разговор шел о восстании большевиков. Но если бы не эти разговоры, то по виду нашего вагона никто не догадался бы, что вся Россия расколота гражданской войной на два непримиримых лагеря, что поезд идет к театру военных действий. Выглядывая в окна, мы видели в быстро сгущающихся сумерках толпы солдат, тянувшихся по грязным дорогам к городу. Они спорили между собой, размахивая винтовками. На боковой ветке стоял товарный поезд, набитый солдатами и освещенный кострами. Вот и все. Далеко позади, на плоском горизонте, ночь освещалась отблесками городских огней. Мы видели трамвай, ползший по далекому предместью.

В Царском Селе на станции все было спокойно, но там и сям виднелись кучки солдат, тихо перешептывавшихся между собой и беспокойно поглядывавших вдоль пустынной дороги в сторону Гатчины. Я спрашивал их, за кого они. «Что ж, – сказал мне один солдат, – ведь мы дела не знаем… Конечно, Керенский провокатор, но, думается нам, нехорошо русским людям стрелять в русских людей».

В помещении начальника станции дежурил высокий приветливый и бородатый солдат с красной повязкой полкового

комитета на рукаве. Наши удостоверения из Смольного внушили ему большое уважение. Он был, безусловно, за Советы, но находился в некотором смущении.

«Красногвардейцы были здесь два часа назад, но потом ушли. Утром явился комиссар, но, когда пришли казаки, он вернулся в Петроград».

«А сейчас здесь казаки?»

Он мрачно кивнул головой. «Здесь был бой. Казаки пришли рано утром. Они взяли в плен двести-триста человек наших и человек двадцать пять убили».

«А где же они теперь?»

«Да вряд ли далеко ушли. Точно не знаю. Где-нибудь там…» – и он неопределенно махнул рукой на запад.

Мы пообедали в станционном буфете, пообедали прекрасно, гораздо дешевле и лучше, чем в Петрограде. По соседству с нами сидел французский офицер, только что вернувшийся пешком из Гатчины. Он говорил, что там все спокойно. Город в руках Керенского. «Ах, эти русские! – восклицал он. – Что за оригиналы!.. Хороша гражданская война! Все, что угодно, только не дерутся…»

Мы пошли в город. У выхода из вокзала стояло двое солдат с винтовками и примкнутыми штыками. Их окружало до сотни торговцев, чиновников и студентов.

Вся эта толпа набрасывалась на них с криками и бранью. Солдаты чувствовали себя неловко, как несправедливо наказанные дети.

Атаку вел высокий молодой человек в студенческой форме, с очень высокомерным выражением лица.

«Я думаю, вам ясно, – вызывающе говорил он, – что, поднимая оружие против своих братьев, вы становитесь орудием в руках разбойников и предателей».

«Нет, братишка, – серьезно отвечал солдат, – не понимаете вы. Ведь на свете есть два класса: пролетариат и буржуазия. Так что ли? Мы…»

«Знаю я эту глупую болтовню! – грубо оборвал его студент. – Темные мужики вроде вот тебя наслушались лозунгов, а кто это говорит и что это значит – это вам невдомек. Повторяешь, как попугай!..» В толпе засмеялись… «Я сам марксист! Говорю тебе, что то, за что вы сражаетесь, – это не социализм. Это просто анархия, и выгодно это только немцам».

«Ну да, я понимаю, – отвечал солдат. На лбу его выступил пот. – Вы, видно, человек ученый, а я ведь простой человек. Но только думается мне…»

«Ты, верно, думаешь, – презрительно перебил студент, – что

Ленин – истинный друг пролетариата?»

«Да, думаю», – отвечал солдат. Ему было очень тяжело.

«Хорошо, дружок! А знаешь ли ты, что Ленина прислали из Германии в запломбированном вагоне? Знаешь, что Ленин получает деньги от немцев?»

«Ну, этого я не знаю, – упрямо отвечал солдат. – Но мне кажется, Ленин говорит то самое, что мне хотелось бы слышать. И весь простой народ говорит так. Ведь есть два класса: буржуазия и пролетариат…»

«Дурак! Я, брат, два года высидел в Шлиссельбурге за революцию, когда ты еще стрелял в революционеров да распевал «Боже, царя храни»! Меня зовут Василий Георгиевич Панин. Ты обо мне никогда не слыхал?»

«Не слыхал, извиняюсь… – смиренно отвечал солдат. – Я ведь человек неученый. Вы, должно быть, большой герой…»

«Вот именно, – уверенно заявил студент. – И я борюсь с большевиками потому, что они губят Россию и нашу свободную революцию. Что ты теперь скажешь?»

Солдат почесал затылок. «Ничего я не могу сказать! – его лицо было искажено умственным напряжением. – По-моему, дело ясное, только вот неученый я человек!.. Выходит словно бы так: есть два класса – пролетариат и буржуазия…»

«Опять ты с этой глупой формулой!» – закричал студент.

«…Только два класса, – упрямо продолжал солдат. – И кто не за один класс, тот, значит, за другой…»

* * *

Мы пошли по улицам. Редкие фонари давали мало света, прохожих почти не встречалось. Над городом нависло угрожающее молчание, нечто вроде чистилища между раем и адом, политически ничейная земля. Только парикмахерские были ярко освещены и набиты посетителями, да у бани стояла очередь: дело было в субботу вечером, когда вся Россия моется и чистится. Я нисколько не сомневаюсь, что в тот вечер и тут и там мирно встречались советские бойцы и казаки.

Чем ближе мы подходили к дворцовому парку, тем пустыннее становились улицы. Перепуганный священник показал нам, где помещается Совет, и торопливо скрылся. Совет находился во флигеле одного из великокняжеских дворцов, напротив парка. Двери были заперты, в окнах темно. Солдат, бродивший поблизости, с мрачной подозрительностью оглядел нас и, не вынимая рук из карманов брюк, заявил: «Совет уехал уже два дня

назад». – «Куда?» Он пожал плечами: «Не знаю…».

Пройдя немного дальше, мы наткнулись на большое и ярко освещенное здание. Изнутри доносился стук молотка. Мы стояли в нерешительности, но в это время к нам подошли, держась под руки, солдат и матрос. Я показал им свой мандат из Смольного. «Вы за Советы?» – спросил я их. Они испуганно переглянулись и ничего не ответили. «Что это там делается?» – спросил матрос, показывая на здание. «Не знаю…»

Солдат боязливо протянул руку и приоткрыл дверь. За дверью оказался огромный зал, увешанный кумачом и еловыми ветками. Там стояли ряды стульев, а перед ними возводились подмостки.

К нам вышла дородная женщина с молотком в руках. Рот ее был полон гвоздей. «Вам чего?» – спросила она.

«Будет вечером представление?» – нервно спросил матрос. «В воскресенье вечером любители будут играть, – сурово ответила она. – Проваливайте!»

Мы пытались втянуть солдата и матроса в разговор, но они казались запуганными и расстроенными. Скоро они исчезли в темноте.

Мы направились к императорскому дворцу, вдоль огромных и темных садов. Фантастические павильоны и орнаментальные мосты смутно маячили сквозь ночной мрак; слышно было мягкое журчание фонтана. Вдруг, разглядывая смешного металлического лебедя, выплывавшего из искусственного грота, мы неожиданно заметили, что за нами следят. Человек шесть дюжих вооруженных солдат подозрительно и пристально приглядывались к нам с соседнего газона. Я двинулся к ним и спросил: «Кто вы такие?».

«Здешняя стража», – ответил один из солдат. Все они казались очень утомленными, да, конечно, так оно и было: долгие недели непрерывного митингования даром не проходят. «Вы за Керенского или за Советы?»

Воцарилось короткое молчание. Солдаты неуверенно переглядывались. «Мы нейтральные», – ответили они, наконец.

Мы прошли под аркой огромного Екатерининского дворца, вошли за ограду и спросили, где здесь штаб. Часовой, стоявший у дверей изогнутого белого крыла здания, сказал нам, что комендант находится где-то внутри.

В изящном белом зале, разделенном на неравные части двусторонним камином, беспокойно переговаривалась группа офицеров. Все они были бледны, рассеянны и явно не спали ночь. Мы подошли к одному из них – седобородому старику в увешанном орденами мундире; нам сказали, что это сам полковник. Я показал ему наши большевистские удостоверения.

Он казался изумленным. «Как же вы добрались сюда живыми? – вежливо спросил он. – Сейчас на улицах очень опасно. В Царском Селе кипят политические страсти. Сегодня утром был бой, а завтра утром опять будут драться. Керенский войдет в город к 8 часам».

«А где же казаки?»

«Так в миле отсюда, вон в том направлении», – он взмахнул рукой.

«И вы будете защищать от них город?»

«О, нет, дорогой мой! – он усмехнулся. – Мы держим город для Керенского». У нас упали сердца, потому что в наших мандатах удостоверялась наша глубокая революционность. Полковник откашлялся. «Кстати, о ваших пропусках, – продолжал он. – Если вас поймают, то вы окажетесь в большой опасности. Поэтому если вы хотите видеть бой, то я прикажу отвести вам комнату в офицерской гостинице. Приходите ко мне завтра в 7 часов утра, я дам вам новые пропуска».

«Значит, вы за Керенского?» – спросили мы.

«Ну, не совсем за Керенского. (Полковник, видимо, колебался.) Видите ли, большинство солдат нашего гарнизона – большевики. Сегодня после боя они ушли в Петроград и увели артиллерию. Можно сказать, что ни один солдат за Керенского не встанет. Но многие из них вовсе не хотят драться. Что до офицеров, то почти все они уже перешли к Керенскому или просто ушли. А мы… гм… мы, как видите, находимся в самом затруднительном положении…»

Мы не поверили, что здесь будет какой-либо бой… Полковник любезно послал своего ординарца проводить нас на станцию. Ординарец был южанин. Он родился в Бессарабии в семье французских эмигрантов.

«Ах, – повторял он, – я не думаю ни об опасности, ни о лишениях. Но я так долго не видал моей бедной матери… Целых три года…»

* * *

Мчась в Петроград сквозь холод и мрак, я видел через окно вагона кучки солдат, жестикулирующих вокруг костров. На перекрестках стояли группы броневиков. Их водители перекрикивались между собой, высовывая головы из башенок.

Всю эту тревожную ночь по холодным равнинам блуждали без предводителей команды солдат и красногвардейцев. Они сталкивались и смешивались между собой, а комиссары Военно-

революционного комитета торопились от одной группы к другой, пытаясь организовать оборону…

Вверх и вниз по Невскому, точно волны, двигались возбужденные толпы. Что-то нависло в воздухе. С Варшавского вокзала можно было слышать отдаленную канонаду. В юнкерских училищах царило лихорадочное оживление…

Солдат, сопровождаемый мальчиком с ведерком клейстера, расклеивал огромные ослепительно белые объявления:

«Настоящим гор. Петроград и его окрестности объявляются на осадном положении. Всякие собрания и митинги на улицах и вообще под открытым небом запрещаются впредь до особого распоряжения…

Председатель Военно-революционного комитета

Н. Подвойский».

Мы шли домой. Воздух был полон смутных звуков. Автомобильные рожки, чьи-то вскрики, отдаленная пальба… Город сердито и беспокойно шевелился…

Рано утром перед самой сменой караула на телефонную станцию явилась рота юнкеров, переодетых в форму Семеновского полка. Они знали большевистский пароль и совершенно беспрепятственно сменили караулы. Спустя несколько минут явился Антонов, производивший инспекцию. Юнкера схватили его и заперли в маленькую комнату. Когда пришла подмога, она была встречена грохотом ружейного огня. Несколько человек было убито.

Контрреволюция началась…

Контрреволюция

На следующее утро, в воскресенье 11 ноября (29 октября), казаки под колокольный звон всех церквей вступили в Царское Село, причем сам Керенский ехал на белом коне. С вершины невысокого холма они могли видеть золотые шпили и разноцветные купола, огромную серую массу столицы, расстилавшуюся по тоскливой равнине, а за ней – стальные воды Финского залива.

Боя не было. Но Керенский допустил роковую ошибку. В 7 часов утра он послал 2-му Царскосельскому стрелковому полку приказ сложить оружие. Солдаты ответили, что они соблюдают нейтралитет, но разоружаться не желают. Керенский дал им десять минут на размышление. Это озлобило солдат; вот уже восемь месяцев, как они сами управляли собой через свои полковые комитеты, а теперь запахло старым режимом… Через несколько минут казачья артиллерия открыла по казармам огонь и убила восемь человек. С этого момента в Царском не осталось ни одного «нейтрального» солдата…

Петроград был разбужен треском ружейной перестрелки и громким топотом марширующих людей. Под серым небом дул холодный ветер, предвещая снег. На рассвете сильные отряды юнкеров заняли военную гостиницу и телеграф, но после кровопролитного боя были выбиты. Телефонная станция была осаждена матросами, которые залегли за баррикадами, построенными из бочек, ящиков и листов жести посреди Морской, или укрылись па углу Гороховой и Исаакиевской площади, обстреливая всех проходящих и проезжающих. Время от времени мимо проезжал автомобиль под флагом Красного Креста. Матросы не трогали его…

Мой друг Альберт Рис Вильямс был на телефонной станции. Он уехал оттуда в автомобиле Красного Креста, якобы наполненном ранеными. Покружив по городу, автомобиль боковыми улочками добрался до штаб-квартиры контрреволюции – Михайловского юнкерского училища. Во дворе училища находился французский офицер, который, по-видимому, распоряжался всем происходившим… Таким путем на телефонную станцию доставлялись боеприпасы и продовольствие. Целые десятки таких автомобилей якобы Красного Креста служили юнкерам для связи и снабжения…

В их руках было пять-шесть броневиков из расформированного английского броневого дивизиона. Когда Луиза Брайант, моя жена, шла вдоль Исаакиевской площади, ей

встретился один из них, направлявшийся от Адмиралтейства к телефонной станции. На углу улицы Гоголя машина остановилась, как раз напротив Луизы Брайант. Несколько матросов, скрывавшихся за штабелями дров, открыли стрельбу. Пулемет в башенке броневика завертелся во все стороны, осыпая градом пуль штабели дров и толпу. Под аркой, где стояла мисс Брайант, было убито семь человек, в том числе два маленьких мальчика. Вдруг матросы с криком выскочили из своего прикрытия и кинулись вперед. Окружив огромную машину, они принялись тыкать штыками во все ее щели, не обращая внимания на стрельбу… Шофер броневика притворился раненым, и матросы оставили его в покое, а он помчался в Думу дополнять сказки о большевистских зверствах… В числе убитых был один английский офицер…

Позднее газеты сообщили, что на юнкерском броневике был пойман один французский офицер, которого отправили в Петропавловскую крепость. Французское посольство немедленно опровергло это сообщение, но один из членов думы говорил мне, что он сам добился освобождения этого офицера… Каково бы ни было официальное поведение союзных посольств, отдельные английские и французские офицеры вели себя в эти дни весьма активно, вплоть до участия в качестве экспертов на заседаниях Комитета спасения…

* * *

Целый день во всех частях города шли стычки между юнкерами и красногвардейцами, битвы между броневиками… Залпы, отдельные выстрелы, резкий треск пулеметов слышались издалека и вблизи. Железные ставни магазинов были опущены, но торговые дела шли своим чередом. Даже кинематографы с потушенными наружными огнями работали и были набиты зрителями. Трамваи ходили, как всегда. Телефон действовал. Вызвав станцию, можно было ясно слышать перестрелку. Все аппараты Смольного были выключены, но дума и Комитет спасения находились в постоянной телефонной связи со всеми юнкерскими училищами, а также с Керенским в Царском Селе.

В 7 часов утра во Владимирское юнкерское училище явился отряд, солдат, матросов и красногвардейцев. Он потребовал от юнкеров сдачи оружия в двадцать минут. Юнкера ответили отказом. Через час, подготовившись, они попытались выступить, но были отбиты сильным огнем с угла Гребецкой и Большого проспекта. Советские войска окружили училище и начали

обстрел, вдоль здания взад и вперед двигались два бронированных автомобиля, ведя огонь из пулеметов. Юнкера по телефону просили помощи. Казаки ответили, что не решаются выступить, так как перед их казармой расположился сильный матросский отряд с двумя орудиями. Павловское училище было окружено. Большинство юнкеров-михайловцев сражалось на улицах…

В половине двенадцатого прибыли три полевых орудия. Юнкерам снова предложили сдаться, но вместо ответа они открыли стрельбу и убили двух советских делегатов, шедших под белым флагом. Тогда началась настоящая бомбардировка. В стелах училища были пробиты огромные бреши. Юнкера отчаянно защищались; шумные волны красногвардейцев, шедших в атаку, разбивались ожесточенным огнем… Керенский по телефону отдал из Царского приказ – не вступать ни в какие переговоры с Военно-революционным комитетом.

Советские силы, доведенные до бешенства неудачами и потерями, заливали разбитое здание морем стали и огня. Сами их предводители не могли остановить ужасной бомбардировки. Комиссар Смольного, по фамилии Кириллов, попытался сделать это, но ему пригрозили самосудом. Красногвардейцев ничто не могло остановить.

В половине третьего юнкера подняли белый флаг: они готовы сдаться, если им гарантируют безопасность. Обещание было дано. Тысячи солдат и красногвардейцев с криком и шумом ворвались во все окна, двери и бреши в стенах. Прежде чем удалось остановить их, пять юнкеров были заколоты насмерть. Остальных, около двухсот, под конвоем отправили в Петропавловскую крепость группами по нескольку человек, чтобы не привлекать внимания толпы. Однако по дороге толпа набросилась на одну из таких групп и растерзала еще восемь юнкеров… В бою пало свыше ста солдат и красногвардейцев… Через два часа в Думу было сообщено по телефону, что победители двинулись к Инженерному замку. Дума немедленно послала двенадцать своих членов для распространения среди них последнего воззвания Комитета спасения. Некоторые из посланных не вернулись назад… Все другие училища сдались без сопротивления, и юнкера без всяких осложнений были в полной безопасности доставлены в Петропавловскую крепость и в Кронштадт…

Телефонная станция держалась до самого вечера, когда появился большевистский броневик, и матросы пошли на приступ. Перепуганные телефонистки с криком бегали по зданию. Юнкера срывали с себя все знаки различия, а один из них, решивший скрыться, предлагал Вильямсу за его пальто все, что

он захочет… «Они нас перебьют! Они нас перебьют!» – кричали юнкера, ибо многие из них еще в Зимнем дворце обещали не подымать оружия против народа. Вильямс предложил им свое посредничество, если они выпустят Антонова. Это было немедленно исполнено. Антонов и Вильямс обратились с речью к победителям-морякам, озлобленным большими потерями, и юнкера снова были отпущены на свободу… Но некоторые из них, перепугавшись, пытались бежать по крыше или спрятаться на чердаке. Их переловили и выбросили на улицу.

Измученные, покрытые кровью, торжествующие матросы и рабочие ворвались в аппаратный зал и, увидев сразу столько хорошеньких девушек, смутились и нерешительно затоптались на месте. Ни одна девушка не пострадала, ни одна не подверглась оскорблению. Перепуганные, они забились в угол и затем, почувствовав себя в безопасности, дали волю своей злости, «У, грязные мужики, невежды! Дураки!..» Матросы и красногвардейцы совсем растерялись. «Звери! Свиньи!» – визжали девушки, с негодованием надевая пальто и шляпы. Как романтичны были их переживания, когда они передавали патроны и делали перевязки своим смелым молодым защитникам, юнкерам, из которых многие были из лучших русских семей и сражались за возвращение обожаемого царя! А тут все были рабочие да крестьяне – «темный народ»…

Комиссар Военно-революционного комитета, маленький Вишняк, пытался убедить девушек остаться. Он был необычайно вежлив. «С вами очень плохо обращались, – говорил он. – Телефонная сеть находилась в руках городской Думы. Вам платили по 60 рублей в месяц, заставляли работать по десять часов в сутки и больше… Отныне все будет по-другому. Правительство передаст сеть министерству почт и телеграфов. Вам немедленно подымут жалование до 150 рублей и уменьшат рабочий день. В качестве членов рабочего класса вы должны быть счастливы…»

«Члены рабочего класса! Уж не думает ли он, что между этими… этими животными и нами есть что-нибудь общее? Оставаться? Да хоть бы вы нам дали по тысяче рублей!..» И девушки с величайшим презрением покинули здание.

Остались только служащие, монтеры и рабочие. Но коммутаторы должны работать: телефон был жизненно необходим… Имелось же всего полдюжины опытных телефонисток. Вызвали добровольцев. На призыв ответило до сотни матросов, солдат и рабочих. Шестеро девушек носились кругом, инструктируя, помогая, бранясь… Дело пошло кое-как, но все-таки пошло, и провода снова загудели. Прежде всего

установили связь между Смольным, казармами и фабриками, затем отрезали сообщение с думой и юнкерскими училищами… Поздно вечером слух об этом распространился по всему городу, и сотни представителей буржуазии орали в телефонные трубки: «Дураки! Черти! Вы думаете, это надолго? Погодите, вот придут казаки!».

* * *

Наступала ночь. На Невском, по которому завывал жестокий ветер, не было почти ни души, только против Казанского собора собралась толпа и продолжала бесконечный спор; несколько рабочих, несколько солдат, а все остальные торговцы, чиновники и им подобные.

«Ленин не заставит немцев заключить мир!» – кричал кто-то.

Молодой солдат с жаром возражал: «А кто виноват? Все Керенский ваш, проклятый буржуй! К черту Керенского! Не хотим его! Хотим Ленина!..».

Издали доносились случайные выстрелы, по город был холоден и спокоен, словно обессилев от судорог, сотрясавших его.

В Николаевском зале подходило к концу заседание Думы. Казалось, даже яростная Дума несколько притихла. Комиссары один за другим сообщали: захвачена телефонная станция, на улицах идет бой, взято Владимирское училище… «Дума, – говорил Труни, – на стороне демократии в ее борьбе против насилия и произвола; но во всяком случае, какая бы сторона ни взяла верх, Дума всегда будет против самосудов и пыток…»

Кадет Коновский, высокий старик с жестким лицом, заявил: «Когда войска законного правительства войдут в Петроград, они расстреляют бунтовщиков, и это не будет самосудом». Протестующие крики со всех концов зала, не исключая и кадетов.

Здесь царило явное сомнение и упадок сил. Контрреволюция шла на убыль. Центральный комитет партии социалистов-революционеров выразил недоверие своим вождям – собственным представителям. Левое крыло распоряжалось положением. Авксентьев подал в отставку. Курьер принес известие, что комиссия, посланная на вокзал с приветствием навстречу Керенскому, арестована. На улицах был слышен глухой гул отдаленной канонады, доносившийся с юга и юго-востока. Керенского все еще не было…

В этот день вышло всего три газеты: «Правда», «Дело Народа» и «Новая Жизнь». Все они уделяли очень много места вопросу о новом, «коалиционном» правительстве. Эсеровская газета

требовала создания кабинета, в котором не было бы ни кадетов, ни большевиков. Горький был исполнен надежд; Смольный шел на уступки. Оформлялось чисто социалистическое правительство, представляющее все элементы, кроме буржуазии. Но «Правда» только издевалась:

«…Это не коалиция с «партиями», из которых значительная часть маленькие кучки журналистов, за которыми нет ничего, кроме буржуазного сочувствия и полусгнившей репутации, за которыми не идут больше ни рабочие, ни крестьяне. Наша коалиция та, которую заключили мы, это коалиция революционной партии пролетариата с революционной армией и крестьянской беднотой…».

По стенам были расклеены самонадеянные объявления Викжеля, грозившего, что если стороны не придут к соглашению, то он объявит забастовку:

«Из всех этих мятежей и смут, терзающих родину, победителями выйдут не большевики, не Комитет спасения и не войска Керенского, – победителями выйдем мы, союз железнодорожников.

Красногвардейцы не смогут управиться с таким сложным делом, как железные дороги; что до Временного правительства, то оно уже показало себя совершенно неспособным удержать власть…

Мы отказываемся работать с какой бы то ни было партией, не уполномоченной… правительством, опирающимся на доверие всей демократии…»

В главном штабе профессиональных союзов Лозовский познакомил меня с делегатом рабочих Николаевской железной дороги, рассказавшим, что у них состоялись массовые митинги, на которых вынесено порицание их вождям.

«Вся власть Советам! – кричал он, стуча кулаком по столу. – Оборонцы в Центральном Комитете играют на руку Корнилову. Они пробовали послать делегацию в ставку, но мы арестовали ее в Минске… Наше отделение потребовало Всероссийского съезда, а они отказываются созвать его…»

И здесь то же самое, что и в Советах и армейских комитетах. Одна за другой различные демократические организации по всей России переживали глубокую и резкую ломку. Кооперативы были охвачены внутренней борьбой; собрания исполнительного комитета крестьянских депутатов проходили в отчаянных спорах; даже среди казаков начались волнения…

* * *

А в верхнем этаже Смольного полным ходом, не слабея, действовал, нанося удары, Военно-революционный комитет. Люди входили туда свежими и полными сил, дни и ночи крутились они в этой ужасной машине и выходили оттуда бледными, измученными, охрипшими и грязными, чтобы тут же свалиться на пол и заснуть… Комитет спасения был объявлен вне закона. Пачки и связки новых прокламаций загромоздили весь пол:

«…Заговорщики, не имея никакой опоры ни в гарнизоне, ни в рабочем населении, надеялись исключительно на внезапность удара. Но план их оказался своевременно раскрыт комиссаром Петропавловской крепости прапорщиком Благонравовым благодаря революционной бдительности красногвардейца, имя которого будет установлено. В центре заговора стоял так называемый «Комитет спасения». Командование войсками было возложено на полковника Полковникова.

Извещая об этом население Петрограда, Военно-революционный комитет постановляет:

Арестовать замешанных в заговоре лиц и предать их военно-революционному суду».

Из Москвы пришло известие, что юнкера и казаки окружили Кремль и потребовали от советских войск сдачи оружия. Советские войска исполнили требование, но, когда они выходили из Кремля, враги набросились на них и расстреляли. Слабые большевистские отряды выбиты с телефонной станции и телеграфа. Центр города находится в руках юнкеров… Но вокруг них уже собираются новые советские силы. Уличные бои постепенно разгораются. Все попытки соглашения провалились… На стороне Советов десятитысячный солдатский гарнизон и красногвардейцы. На стороне правительства шесть тысяч юнкеров, двадцать пять сотен казаков и две тысячи белогвардейцев.

Шло заседание Петроградского Совета, а по соседству работал новый ЦИК, рассматривал декреты и постановления, непрерывно поступавшие к нему из Совета Народных Комиссаров, заседавшего этажом выше. Здесь были рассмотрены: порядок утверждения и опубликования законов, закон о восьмичасовом рабочем дне и «Основы системы народного просвещения», предложенные Луначарским. На обоих заседаниях присутствовало всего несколько сот человек, в большинстве вооруженных. В Смольном почти пусто. Только охрана работала у окон, устанавливая пулеметы, чтобы можно было держать под огнем боковые флигели.

В ЦИК выступал делегат Викжеля:

«Мы отказываемся перевозить войска как той, так и другой стороны. Мы послали к Керенскому делегацию с заявлением, что, если он продолжит свое движение на Петроград, мы прервем все его коммуникационные линии…».

Затем он по обыкновению предложил созвать конференцию всех социалистических партий для сформирования нового правительства…

Каменев отвечал очень осторожно. Большевики были бы рады присутствовать на такой конференции. Однако центр тяжести вопроса лежит не в составлении правительства, а в том, примет ли оно программу съезда Советов… ЦИК обсудил декларацию левых эсеров и социал-демократов интернационалистов и принял предложение о пропорциональном представительстве на конференции, включая даже делегатов от армейских комитетов и крестьянских Советов…

В Большом зале Троцкий давал отчет о событиях дня.

«Мы предложили юнкерам-владимирцам сдаться, – говорил он. – Мы хотели избежать кровопролития. Но теперь, когда кровь уже пролита, есть только один путь – беспощадная борьба. Думать, что мы можем победить какими-либо другими средствами, – ребячество… Наступил решительный момент. Все должны помогать Военно-революционному комитету, сообщать ему обо всех запасах колючей проволоки, бензина и оружия… Мы завоевали власть, теперь надо удержать ее».

Меньшевик Иоффе хотел прочесть декларацию от имени своей партии, но Троцкий отказался допустить «спор о принципах».

«Наши споры теперь разрешаются на улицах, – воскликнул он. – Решительный шаг сделан. Мы все и, в частности, я лично, берем на себя ответственность за все происходящее…»

Выступали солдаты, прибывшие с фронта, из Гатчины. Один из них – от ударников 481-й артиллерийской бригады: «Когда об этом узнают в окопах, там скажут: вот ото – наше правительство». Юнкер Петергофской школы прапорщиков рассказал, как он и двое других отказались идти против Советов и как товарищи, вернувшись после боя из Зимнего дворца, выбрали его своим комиссаром и послали в Смольный предложить услуги настоящей революции.

И снова на трибуне Троцкий, легко загорающийся, отдающий приказы, отвечающий на вопросы.

«Чтобы разбить рабочих, солдат и крестьян, мелкая буржуазия готова пойти на соглашение хотя бы с самим дьяволом», – сказал он. За последние два дня наблюдалось много случаев пьянства. «Не пить, товарищи! После 8 часов вечера

никому не выходить на улицу, кроме тех, кто в карауле по нарядам. Необходимо обыскать все помещения, в которых могут оказаться запасы крепких напитков, и уничтожить все спиртное. Никакой пощады тем, кто продает вино…»

Военно-революционный комитет послал за делегатами Выборгского района, затем за делегатами Путиловского завода. Они спешно собрались.

«За каждого убитого революционера, – заявил Троцкий, – мы убьем пять контрреволюционеров».

* * *

Мы снова пошли в город, Дума сверкала огнями, и целые толпы вливались туда. В нижнем этаже слышались рыдания и горестные крики; толпа сгрудилась вокруг бюллетеней со списком юнкеров, убитых в бою, или, вернее, предполагавшихся убитыми в бою, потому что очень скоро многие из этих мертвецов оказались живы и здоровы… Наверху, в Александровском зале, заседал Комитет спасения. Здесь были видны золотые с красным офицерские погоны, знакомые лица интеллигентов из меньшевиков и эсеров, жесткие глаза и безвкусно шикарные костюмы банкиров и дипломатов; попадались старорежимные чиновники и изящно одетые женщины…

Давали показания телефонистки. Одна за другой появлялись на трибуне крикливо одетые девушки, подражавшие светским манерам, но с истощенными лицами и в стоптанных ботинках… Они краснели от удовольствия при звуках аплодисментов «изящной» петроградской публики – офицеров, богачей, известных политических деятелей; одна за другой рассказывали они о своих страданиях в руках пролетариата и клялись в своей верности всему старому, твердо установленному и могущественному…

В Николаевском зале снова заседала Дума. Городской голова в обнадеживающем тоне рассказывал, что петроградские полки начинают стыдиться своих действий; пропаганда делает свое дело… Вбегали и выбегали эмиссары. Они приносили новости о большевистских зверствах и убийствах, пытались спасать юнкеров, предпринимали расследования… «Большевики, – говорил Трупп, – будут побеждены нравственной силой, не штыками…»

Между тем на революционном фронте не все было благополучно. Неприятель подтянул бронированные поезда, вооруженные пушками. Советские отряды, состоявшие главным

образом из необученных красногвардейцев, не имели ни офицеров, ни определенного плана действий. К ним присоединилось всего пять тысяч регулярных солдат. Остальные части гарнизона либо разделывались с мятежом юнкеров, либо охраняли порядок в столице, либо все еще не могли решить, на чью сторону стать. В десять часов вечера Ленин выступил с речью перед собранием делегатов гарнизонных полков, и они подавляющим большинством голосов постановили вступить в борьбу. Был создан комитет из пяти солдат нечто вроде генерального штаба, и рано утром полки в полном боевом порядке вышли из казарм… Я встретил их, когда шел домой. Мерным и твердым шагом боевых ветеранов шли они штык к штыку в отличном равнении по пустынным улицам завоеванного города…

А в то же время на Садовой в помещении Викжеля происходила конференция всех социалистических партий, собравшаяся для формирования нового правительства. Абрамович от имени меньшевиков центра заявил, что не должно быть ни побежденных, ни победителей, что о старом вспоминать нечего… Все левые группы и партии согласились с ним. Дан от имени правых меньшевиков предложил большевикам следующие условия перемирия: Красная Гвардия должна сложить оружие, а петроградский гарнизон – подчиниться городской думе; войска Керенского не сделают ни одного выстрела и не арестуют ни одного человека; будет составлено министерство из представителей всех социалистических партий, кроме большевиков. Рязанов и Каменев заявили от имени Смольного, что коалиционное правительство всех социалистических партий приемлемо, но протестовали против предложения Дана. Эсеры раскололись. Но исполнительный комитет крестьянских депутатов и народные социалисты наотрез отказались работать с большевиками… После резких споров была избрана комиссия для выработки приемлемого плана…

В комиссии борьба шла всю ночь, весь следующий день и следующую ночь. Подобная попытка соглашения была уже сделана однажды, 9 ноября (27 октября), по инициативе Мартова и Горького. Однако тогда эта попытка провалилась: Керенский приближался, Комитет спасения проявлял огромную активность, и правые меньшевики, а также эсеры и народные социалисты неожиданно отказались от переговоров. Теперь они были устрашены подавлением юнкерского мятежа…

* * *

Понедельник 12 ноября (30 октября) прошел в неизвестности. Взоры всей России были устремлены к серой равнине у предместья Петрограда, где все силы старого порядка, какие только можно было собрать, стояли лицом к лицу с не организовавшейся еще властью нового, неизведанного. В Москве было объявлено перемирие; стороны вели переговоры и выжидали, чем кончится дело в столице. А между тем делегаты съезда Советов, поспешно разъехавшиеся по всем направлениям, вплоть до отдаленнейших пределов Азии, возвращались к своим домам и везли с собой пылающие факелы революции. Вести и чудесных событиях расходились по всей стране, как волны расходятся по водной глади, и все города и дальние деревни шевелились и подымались. Советы и военно-революционные комитеты против дум, земств и правительственных комиссаров… Красногвардейцы против белогвардейцев… Уличные бои и страстные речи… Исход зависел от того, что скажет Петроград…

Смольный был почти пуст, но Дума кишела народом. Престарелый городской голова с присущим ему достоинством протестовал против воззвания гласных большевиков.

«Дума вовсе не является центром контрреволюции, – горячо говорил он. – Дума не принимает никакого участия в происходящей борьбе партий. Но в тот момент, когда в стране нет никакой законной власти, единственным центром порядка является городское самоуправление. Этот факт признается мирным населением; иностранные посольства считаются только с теми официальными документами, которые подписаны городским головой. Европеец по самому своему складу не может допустить иного положения, чем то, при котором городское самоуправление является единственным органом, способным охранять интересы граждан. Город обязан оказать гостеприимство всем организациям, желающим воспользоваться этим гостеприимством, а потому дума не может препятствовать распространению в своем здании каких бы то ни было газет. Сфера нашей деятельности расширяется, мы должны получить полную свободу действий, наши права должны признаваться обеими сторонами…

Мы совершенно нейтральны. Когда телефонная станция была занята юнкерами, Полковников приказал выключить все телефоны Смольного, но я заявил протест, и эти телефоны продолжали работать…»

Иронический смех на большевистских скамьях и негодующие выкрики справа.

«И все же, – продолжал Шрейдер, – большевики считают нас контрреволюционерами и соответственно аттестуют нас

населению. Они лишают нас наших транспортных средств, отнимая у нас последние автомобили. Не наша будет вина, если в результате в городе начнется голод. Никакие протесты не помогают…»

Большевик член городской управы Кобозев заявил, что он сомневается, чтобы Военно-революционный комитет реквизировал городские автомобили. Если даже допустить, что подобные случаи имели место, то это, вероятно, сделали неполномочные лица под влиянием крайней необходимости.

«Городской голова, – продолжал он, – говорит, что мы не имеем права превращать Думу в политическое собрание. Но все, что говорят здесь любой меньшевик и эсер, есть не что иное, как партийная пропаганда, а у дверей они распространяют свои нелегальные газеты – «Искру», «Солдатский Голос» и «Рабочую Газету», подстрекающие к восстанию. Что если бы мы, большевики, тоже начали распространять здесь свои газеты? Но мы этого не сделаем, потому что уважаем думу. Мы не нападаем и не собираемся нападать на городское самоуправление. Но, раз вы обратились к населению с призывом, мы имели право сделать то же самое…»

После этого выступил кадет Шингарев. Он заявил, что с людьми, которых надо просто отправить к прокурору и предать суду по обвинению в государственной измене, не может быть общего языка… Он снова предложил исключить из думы всех большевиков. Но это предложение было отвергнуто, потому что против гласных большевиков нельзя было выдвинуть никаких персональных обвинений, а между тем все они активно работали в городских учреждениях.

Выйдя из зала, я встретил городского инженера меньшевика Гомберга и трех-четырех репортеров. Все они были в очень радужном настроении.

«Ну, что! – говорили они. – Эти трусы боятся нас. Они не посмеют арестовать Думу! Их Военно-революционный комитет не смеет послать сюда комиссара. Да что там! Сегодня я видел на углу Садовой, как красногвардеец пытался задержать мальчишку, продававшего «Солдатский Голос»… Мальчишка только смеялся ему в лицо, а толпа чуть не расправилась с разбойником самосудом. Теперь все решится в течение нескольких часов. Пусть Керенский даже и не придет, все равно у них людей, которые могли бы руководить правительством, нет. Абсурд!.. Я слышал, что они там дерутся между собой в Смольном!»

* * *

…Выйдя на Невский, мы вскочили на подножку переполненного трамвая, площадка которого осела под тяжестью людей и тащилась по земле. Трамвай медленно полз к Смольному.

По коридору шел маленький, хрупкий и изящный Мешковский. У него был очень озабоченный вид. Забастовка всех министерств, сообщил он нам, производит свое действие. Так, например, Совет Народных Комиссаров обещал опубликовать секретные договоры, но Нератов, который ведает делами, исчез и унес их с собой. Есть предположение, что они спрятаны в английском посольстве…

Но хуже всего то, что бастуют банки. «Без денег, – сказал Менжинский, – мы совершенно беспомощны. Необходимо платить жалованье железнодорожникам, почтовым и телеграфным служащим… Банки закрыты; главный ключ положения Государственный банк тоже не работает. Банковские служащие по всей России подкуплены и прекратили работу…

Но Ленин распорядился взорвать подвалы Государственного банка динамитом, а что до частных банков, то только что издан декрет, приказывающий им открыться завтра же, или мы откроем их сами!»

Петроградский Совет работал полным ходом, зал был переполнен вооруженными людьми. Троцкий докладывал:

«Казаки отступают от Красного Села (громкие восторженные аплодисменты). Но сражение только еще начинается. В Пулкове идут ожесточенные бои. Туда нужно спешно бросить все имеющиеся силы…

Сведения из Москвы неутешительны. Кремль в руках юнкеров, а у рабочих очень мало оружия. Исход зависит от Петрограда.

На фронте декреты о мире и о земле вызвали огромный энтузиазм. Керенский засыпает окопы сказками о том, что Петроград в огне и крови, об избиении большевиками женщин и детей. Но ему никто не верит…

Крейсера «Олег», «Аврора» и «Республика» стали на якорь на Неве и направили орудия на подступы к городу…»

«Почему вы не там, где дерутся красногвардейцы?» – крикнул чей-то резкий голос.

«Я отправляюсь сейчас же!» – ответил Троцкий, сходя с трибуны. Лицо его было несколько бледнее, чем обычно. Окруженный преданными друзьями, он вышел из комнаты по боковому проходу и поспешил к автомобилю.

Теперь говорил Каменев. Он изложил ход примирительной конференции. Условия перемирия, предложенные меньшевиками,

сказал он, отвергнуты с презрением. Даже некоторые отделы союза железнодорожников голосовали против подобных предложений…

«Теперь, когда мы завоевали власть и подняли всю Россию, – продолжал Каменев, – они всего-навсего требуют от нас следующие пустяки: во-первых, отдать власть, во-вторых, заставить солдат продолжать войну и, в-третьих, заставить крестьян позабыть о земле…»

На минуту появился Ленин. Он дал ответ на обвинения со стороны эсеров:

«Они обвиняют нас в том, что мы украли у них аграрную программу… Ну что ж, если это так, то мы можем их поблагодарить. С нас и этого довольно…»

Так шло это собрание. Вожди по очереди всходили на трибуну, разъясняя, увещевая и доказывая. Солдат за солдатом, рабочий за рабочим вставали и высказывали все, что было у них на уме и на сердце… Аудитория была текучая: она все время менялась и обновлялась. Время от времени появлялись в зале люди, вызывая членов того или иного отряда для отправки на фронт. Приходили другие, окончившие смену, раненые или за оружием и снаряжением…

Почти в 3 часа ночи, когда мы уже уходили, в вестибюль Смольного сбежал по лестнице Гольцман из Военно-революционного комитета. Лицо его сияло.

«Все прекрасно! – закричал он, сжимая мне руку. – Телеграмма с фронта! Керенский разбит! Вот взгляните…»

И он протянул мне клочок бумаги, торопливо исписанный карандашом. Видя, что мы ничего не можем разобрать, он прочел вслух:

«Село Пулково. Штаб. 2 часа 10 минут ночи.

Ночь с 30 на 31 октября войдет в историю. Попытка Керенского двинуть контрреволюционные войска па столицу революции получила решающий отпор. Керенский отступает, мы наступаем. Солдаты, матросы и рабочие Петрограда показали, что умеют и хотят с оружием в руках утвердить волю и власть демократии. Буржуазия стремилась изолировать армию революции, Керенский пытался сломить ее силой казачества. И то и другое потерпело жалкое крушение.

Великая идея господства рабочей и крестьянской демократии сплотила ряды армии и закалила ее волю. Вся страна отныне убедится, что Советская власть не преходящее явление, а несокрушимый факт господства рабочих, солдат и крестьян. Отпор Керенскому есть отпор помещикам, буржуазии, корниловцам. Отпор Керенскому есть утверждение права народа

на мирную, свободную жизнь, землю, хлеб и власть. Пулковский отряд своим доблестным ударом закрепляет дело рабочей и крестьянской революции. Возврата к прошлому нет. Впереди еще борьба, препятствия и жертвы! Но путь открыт и победа обеспечена.

Революционная Россия и Советская власть вправе гордиться своим пулковским отрядом, действующим под командой полковника Вальдена. Вечная память павшим! Слава борцам революции, солдатам и верным народу офицерам!

Да здравствует революционная, народная, социалистическая Россия!

Именем Совета народный комиссар *Л. Троцкий».*

Возвращаясь домой по Знаменской площади, мы заметили необычную толпу, напиравшую на Николаевский вокзал. Здесь было несколько тысяч матросов, над которыми вздымалась щетина ружейных штыков.

Член Викжеля, стоя на ступеньке, молил:

«Товарищи, мы не можем везти вас в Москву. Мы нейтральны. Мы не перевозим никаких войск. Не можем мы везти вас в Москву, где идет ужасная гражданская война…».

Площадь кипела и гремела негодованием. Матросы начинали подвигаться вперед. Вдруг в здании вокзала широко открылась другая дверь. В ней стояло двое или трое кондукторов, кочегар или кто-то еще.

«Сюда, сюда, товарищи! – кричали они. – Мы повезем вас в Москву, во Владивосток или куда хотите! Да здравствует революция!»

Победа

«ПРИКАЗ № 1 частям пулковского отряда. 31 октября 1917 г., 9 ч. 38 м. пополуночи.

После ожесточенного боя части пулковского отряда одержали полную победу над силами контрреволюции, которые в беспорядке покинули свои позиции и под прикрытием Царского Села отступают к Павловскому 2-му и Гатчине.

Наши наступающие части заняли северо-восточную оконечность Царского Села и станцию Александровскую. На правом фланге у нас был колпинский отряд, на левом – красносельский.

Приказываю пулковскому отряду занять Царское Село и укрепить подступы к нему, особенно со стороны Гатчины.

Затем продвинуться дальше, занять Павловское, укрепить его с южной стороны и захватить линию железной дороги до станции Дно.

Отряд должен принимать все меры к укреплению занятых им позиций, возводя окопы и другие оборонительные сооружения.

Он обязан войти в тесную связь с колпинским и красносельским отрядами, а также со штабом начальника обороны г. Петрограда.

Главнокомандующий войсками, действующими против контрреволюционных отрядов Керенского, подполковник Муравьев».

Вторник, утро. Что случилось? Всего два дня назад по окрестностям Петрограда бесцельно бродили беспорядочные, лишенные руководителей команды. У них не было ни продовольствия, ни артиллерии, ни какого бы то ни было плана действий. Что сплотило эти массы красногвардейцев и солдат, у которых не было ни организации, ни навыков воинской дисциплины, ни офицеров, в армию, подчиняющуюся своему выборному командованию, способную выдержать и отразить удар артиллерии и казачьей конницы?

Восставший народ по-своему отбрасывает прочь военные шаблоны. Никогда не будут забыты одетые в лохмотья армии французской революции, победители при Вальми и Вейсембурге. Против Советов соединились юнкера, казаки, дворяне, помещики, черносотенцы, а за ними уже снова маячили царь, охранка, сибирские рудники и, наконец, безграничная и страшная угроза со стороны немцев… Победа, выражаясь словами Карлейля, означала «Торжество и золотой век без конца».

В воскресенье вечером комиссары Военно-революционного

комитета вернулись с фронта в полном отчаянье, и петроградский гарнизон выбрал свой Комитет пяти, свой боевой штаб, в составе трех солдат и двух офицеров, несомненно свободных от контрреволюционной заразы. Общее командование было возложено на экс-патриота полковника Муравьева – дельного человека, за которым, однако, было необходимо зорко следить. В Колпине, Обухове, Пулкове, в Красном Селе были сформированы временные отряды, постепенно увеличивавшиеся, по мере того как к ним присоединялись бродившие по окружающей местности группы, в которых были перемешаны солдаты, матросы, красногвардейцы, отдельные части разных полков, пехота, кавалерия, артиллерия и несколько броневиков.

На рассвете показались казачьи разъезды Керенского. Началась беспорядочная ружейная перестрелка, сопровождаемая требованиями сдаться. Над холодной равниной ясный морозный воздух наполнился звуками боя. Их услышали блуждавшие команды, собравшиеся в ожидании у костров… Итак, началось! Они кинулись туда, где шел бой. Отряды рабочих, шедшие по главным дорогам, ускорили шаг… Ко всем атакованным пунктам сами собой стекались огромные массы охваченных гневом людей. Их встречали комиссары, указывавшие, какую позицию занять, что делать. Это была их битва за их собственный мир; командиры были избраны ими самими. В тот момент все многообразные и разнородные проявления воли многих слились в одну волю…

Участники этих боев рассказывали мне, как сражались матросы: расстреляв все патроны, они бросились в штыки; как необученные рабочие ринулись на казачью лаву и вышибли казаков из седел; как в темноте какие-то неизвестно откуда взявшиеся толпы народа внезапно, как волны, обрушились на врага… В понедельник еще до полуночи казаки дрогнули и побежали, бросая артиллерию. Пролетарская армия двинулась вперед длинным, изломанным фронтом и ворвалась в Царское, не дав врагу времени разрушить правительственную радиостанцию. Теперь эта станция метала в мир торжествующие гимны победы…

«Всем Советам рабочих и солдатских депутатов.

30 октября, в ожесточенном бою под Царским Селом, революционная армия наголову разбила контрреволюционные войска Керенского и Корнилова.

Именем революционного правительства призываю все вверенные полки дать отпор врагам революционной демократии и принять все меры к захвату Керенского, а также к недопущению подобных авантюр, грозящих завоеваниям революции и торжеству пролетариата.

Да здравствует революционная армия!

Муравьев».

* * *

Новости из провинции… В Севастополе власть захвачена местным Советом. Грандиозный митинг матросов боевых кораблей, стоящих на севастопольском рейде, заставил офицеров торжественно присягнуть новому правительству. Нижний Новгород управляется Советом. Из Казани сообщают об уличных боях, юнкера и артиллерийская бригада бьются с большевистским гарнизоном…

В Москве снова вспыхнули отчаянные бои. Юнкера и белогвардейцы удерживают Кремль и центр города, но их со всех сторон атакуют войска Военно-революционного комитета. Советская артиллерия бомбардирует со Скобелевской площади городскую Думу, комендатуру и гостиницу «Метрополь». На улицах Тверской и Никитской разворочена вся мостовая; булыжник использован при постройке окопов и баррикад. Кварталы, в которых помещаются крупные банки и торговые дома, усиленно обстреливаются из пулеметов. Электрического освещения нет, телефон не работает; буржуазное население попряталось в подвалах… В последнем бюллетене сообщалось, что Военно-революционный комитет ультимативно потребовал от Комитета общественной безопасности немедленной сдачи Кремля, угрожая в противном случае бомбардировкой.

«Бомбардировать Кремль! – кричали обыватели. – Не посмеют!»

Гражданская война пылала от Вологды до Читы в далекой Сибири, от Пскова до Севастополя на Черном море, в огромных городах и в маленьких деревушках. От тысяч фабрик и заводов, крестьянских обществ, полков и армий, кораблей в открытом море текли приветствия в Петроград – приветствия правительству народа.

Казачье правительство в Новочеркасске телеграфировало Керенскому: «Войсковое правительство Донского войска приглашает Временное правительство и членов Совета Российской республики, если возможно, прибыть в Новочеркасск, где возможна организация борьбы с большевиками…».

В Финляндии тоже неспокойно. Гельсингфорсский совет и Центробалт (Центральный комитет Балтийского флота) сообща ввели осадное положение и объявили, что все попытки помешать деятельности большевистских отрядов и оказывать вооруженное сопротивление советским постановлениям будут сурово

подавлены. Одновременно союз финских железнодорожников объявил по всей Финляндии всеобщую забастовку, чтобы добиться проведения в жизнь законов, установленных в июне 1917 г. социалистическим сеймом, который был разогнан Керенским.

Рано утром я пошел в Смольный. Идя от внешних ворот по длинным деревянным мосткам, я заметил, что в сером безветренном воздухе порхают первые снежинки. «Снег! – весело улыбаясь, закричал часовой, стоявший у двери. – Здорово!» Внутри длинные мрачные коридоры и холодные залы казались пустынными. Громадное здание точно вымерло. Но тут до меня донеслись какие-то странные, глухие звуки. Я оглянулся. Вдоль стен на полу спали люди. Взлохмаченные, немытые люди – рабочие и солдаты, перепачканные и забрызганные грязью, лежали в одиночку и группами, погруженные в тяжелый сон и безразличные ко всему. На многих были разорванные и окровавленные повязки. Тут же рядом валялись винтовки и патронные ленты… То была победоносная армия пролетариата.

Наверху, в буфете, спало столько народу, что с трудом можно было пройти. Воздух был невероятно спертый. Сквозь запотевшие окна еле проникал бледный свет. На прилавке стоял холодный помятый самовар, а вокруг него – масса немытых стаканов. Тут же лежал экземпляр последнего бюллетеня Военно-революционного комитета лицевой стороной вниз, исписанный малограмотным почерком. Какой-то солдат писал эти слова в память о его товарищах, погибших в бою против Керенского, – писал, пока не свалился тут же па пол. Лист был закапан чем-то похожим на слезы…

…

Алексей Виноградов
Д. Москвин
С. Столбиков
А. Воскресенский Д. Леонский
Д. Преображенский
В. Лайданский
М. Берчиков

Все эти люди поступили в армию 15 ноября 1916 г. Из них остались в живых трое:

…

Михаил Берчиков
Алексей Воскресенский
Дмитрий Леонский

Спите, орлы боевые,
Спите со спокойной душой!
Вы заслужили, родные,
Славу и вечный покой…

* * *

Только Военно-революционный комитет все еще бодрствовал и работал. Из дальней комнаты вышел Скрыпник. Он рассказал мне, что Гоц арестован, но категорически заявляет, что не подписывал прокламации Комитета спасения, как это сделал Авксентьев. Сам Комитет спасения отказался от своего призыва к гарнизону. В полках, расположенных в городе, сообщил Скрыпник, наблюдается недовольство; Волынский полк отказался драться против Керенского.

В Гатчине было несколько «нейтральных» отрядов с Черновым во главе; он пытался убедить Керенского прекратить наступление на Петроград.

Скрыпник рассмеялся. «Теперь не может быть никаких «нейтральных», – сказал он. – Мы победили!» Его резкое бородатое лицо пылало почти религиозным воодушевлением. «С фронта прибыло больше шестидесяти делегатов, привезших решения о поддержке от всех армий, за исключением частей Румынского фронта, от которых еще нет известий. Армейские комитеты не пропускают петроградских газет, но мы уже наладили регулярную связь через курьеров…»

В вестибюле появился Каменев, совершенно измученный конференцией по созданию нового правительства, затянувшимся на всю ночь, но все-таки довольный. «Эсеры уже склонны допустить нас в новое правительство, – сказал он мне. – Правые группы запуганы революционными трибуналами. Они в какой-то панике и требуют, чтобы мы прежде всего распустили трибуналы… Мы согласились на предложение Викжеля сформировать однородное социалистическое министерство, и теперь там вырабатывают проект… А знаете, ведь все это только потому, что мы одержали победу. Когда наши дела были плохи, они пи за что не хотели пускать нас в правительство, а теперь все стараются так или иначе столковаться с Советами… Нам нужна действительно окончательная победа. Керенский хочет

перемирия, но мы заставим его сдаться…»

Таково было настроение большевистских вождей. Один иностранный корреспондент спросил Троцкого, какое сообщение он хотел бы сделать миру. Троцкий ответил: «В настоящий момент возможно только то сообщение, которое мы уже делаем жерлами пушек».

Но сквозь все это победное воодушевление прорывалось явное беспокойство. Финансовый вопрос. Вместо того чтобы открыть банки, как приказал Военно-революционный комитет, Союз банковских служащих созвал собрание своих членов и формально объявил забастовку. Смольный затребовал от Государственного банка около тридцати пяти миллионов рублей, но кассир запер подвалы и выдавал деньги только представителям Временного правительства. Контрреволюционеры пользовались Государственным банком, как политическим орудием. Так, например, когда Викжель требовал денег на жалованье рабочим и служащим государственных железных дорог, ему отвечали: «Обратитесь в Смольный…».

Я отправился в Государственный банк, чтобы повидать нового комиссара, рыжеволосого украинского большевика, по имени Петрович. Он пытался навести хоть какой-нибудь порядок в делах банка, оставленных в хаотическом состоянии забастовавшими служащими. Во всех отделах огромного учреждения работали добровольцы: рабочие, солдаты, матросы. Высунув языки от напряжения, они тщетно старались разобраться в огромных бухгалтерских книгах…

Здание Думы было переполнено людьми. Все еще наблюдались случаи вызывающего поведения по отношению к новому правительству, но они становились все реже. Центральный земельный комитет обратился к крестьянам с призывом не признавать декрета о земле, изданного съездом Советов, потому что этот декрет ведет к смуте и гражданской войне. Городской голова Шрейдер заявлял, что в результате большевистского восстания выборы в Учредительное собрание придется отложить на неопределенный срок.

В сознании большинства людей, потрясенном жестокостью гражданской войны, на первый план выдвигались два вопроса: во первых, прекращение кровопролития и, во-вторых, создание нового правительства. Никто уже не говорил об «уничтожении большевиков», и мало кто говорил даже об их исключении из правительства. Разве только народные социалисты и Совет крестьянских депутатов еще носились с такой мыслью. Даже Центральный армейский комитет, работавший в ставке и всегда выступавший как заклятый враг Смольного, телефонировал из

Могилева: «Если для создания нового министерства необходимо соглашение с большевиками, то мы согласны на предоставление им меньшинства в кабинете».

«Правда», иронически отзываясь о призывах Керенского к «гуманитарным чувствам», перепечатала его обращение к Комитету спасения:

«Согласно предложению Комитета спасения и всех демократических организаций, объединившихся вокруг него, мною приостановлены действия против повстанческих войск и послан представитель-комиссар при Верховном главнокомандующем Станкевич для вступления в переговоры. Примите меры к прекращению возможности напрасного кровопролития…».

Викжель разослал по всей России телеграмму:

«Совещание всероссийского жел. – дор. союза с представителями враждующих сторон и организаций, стоящих на почве соглашения, категорически отвергая применение политического террора в гражданской войне, особенно между отдельными частями революционной демократии, заявляет, что применение такого террора в какой-либо форме одной из сторон противоречит самой сущности и цели переговоров…».

Конференция по примирению посылала делегации на фронт, в Гатчину. На самой конференции дело, как казалось, шло к окончательному разрешению вопроса. Было даже решено избрать временный народный совет, в который должно было войти около четырехсот членов: семьдесят пять от Смольного, столько же – от старого ЦИК, а остальные – от городских самоуправлений, профессиональных союзов, земельных комитетов и политических партий. В министры-председатели выдвигали Чернова. Ходили слухи, что Ленина и Троцкого исключат…

* * *

Что до Керенского, то я привожу здесь выписку из показаний генерала Краснова от 14 ноября (1 ноября):

«1 ноября 1917 г. из г. Гатчины.

Около 15 час. сегодня меня к себе потребовал верховный главнокомандующий. Он был очень взволнован и нервен.

«Генерал, – сказал он, – вы меня предали. Тут ваши казаки определенно говорят, что они меня арестуют и выдадут матросам».

«Да, – отвечал я, – разговоры об этом идут, и я знаю, что сочувствия к вам нигде нет».

«Но и офицеры говорят то же».

«Да, офицеры особенно недовольны вами».

«Что же мне делать? Приходится покончить с собой!»

«Если вы честный человек, вы поедете сейчас в Петроград с белым флагом и явитесь в революционный комитет, где переговорите как глава правительства».

«Да, я это сделаю, генерал».

«Я вам даю охрану и попрошу, чтобы с вами поехал матрос».

«Нет, только не матрос. Вы знаете, что здесь Дыбенко?»

«Я не знаю, кто такой Дыбенко».

«Это мой враг».

«Ну что же делать? Раз ведете большую игру, то надо уметь и ответ дать».

«Да, только я уеду ночью».

«Зачем? Это будет бегство. Поезжайте спокойно и открыто, чтобы все видели, что вы не бежите».

«Да, хорошо. Только дайте мне конвой надежный».

«Хорошо».

Я пошел, вызвал казака 10-го Донского казачьего полка Русакова и приказал назначить восемь казаков для окарауливания верховного главнокомандующего. Через полчаса пришли казаки и сказали, что Керенского нет, что он бежал. Я поднял тревогу и приказал его отыскать, полагая, что он не мог убежать из Гатчины и скрывается где-либо здесь же».

Так бежал Керенский, один, переодетый матросом. Бежал и тем самым потерял последние остатки той популярности, которой когда-то пользовался у русских масс.

Москва

Военно-революционный комитет с неослабевающим напряжением развивал свои победы.

«Ноября 14-го (1-го):

Всем армейским, корпусным, дивизионным, полковым комитетам, всем Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Всем. Всем. Всем.

На основании соглашения казаков, юнкеров, солдат, матросов и рабочих решено было Александра Федоровича Керенского предать гласному народному суду. Просим задержать Керенского, предать гласному народному суду. Просим задержать Керенского и требовать от него от имени вышепоименованных организаций немедленно явиться в Петроград для передачи себя суду.

Подписи: казаки 1-й Донской казачьей Уссурийской конной дивизии, комитет юнкеров партизанского отряда Петроградского округа, представитель V армии.

Народный комиссар *Дыбенко»* .

Комитет спасения, Дума, Центральный комитет партии социалистов-революционеров, с гордостью числившей Керенского своим членом, все горячо возражали, утверждая, что Керенский несет ответственность только перед Учредительным собранием.

Вечером 16 (3) ноября я наблюдал, как по Загородному проспекту двигались две тысячи красногвардейцев с военным оркестром, игравшим «Марсельезу» (как верно попадала она в тон этому войску!), и кроваво-красными флагами, реявшими над густыми рядами рабочих, шедших приветствовать своих братьев, вернувшихся домой с фронта защиты красного Петрограда. В холодных сумерках шагали они, мужчины и женщины, и длинные штыки их винтовок качались над ними; они шли по еле освещенным и скользким от грязи улицам, сопровождаемые взглядами буржуазной толпы, молчаливой, презрительной и напуганной.

Все были против них: дельцы, спекулянты, рантье, помещики, армейские офицеры, политические деятели, учителя, студенты, люди свободных профессий, лавочники, чиновники, служащие. Все другие социалистические партии ненавидели большевиков самой черной ненавистью. На стороне Советов были массы рядовых рабочих, матросы, все недеморализованные солдаты, безземельные крестьяне да горсточка, крохотная горсточка, интеллигенции.

Из отдаленнейших уголков необъятной России, по которой

прокатилась волна отчаянных уличных боев, весть о разгроме Керенского отозвалась громовым эхом пролетарской победы; Казань, Саратов, Новгород, Винница, где улицы залиты кровью, Москва, где большевики направили артиллерию на последнюю цитадель буржуазии – на Кремль.

* * *

«Они бомбардируют Кремль!» Эта новость почти с ужасом передавалась на петроградских улицах из уст в уста. Приезжие из «матушки Москвы белокаменной» рассказывали страшные вещи. Тысячи людей убиты. Тверская и Кузнецкий в пламени, храм Василия Блаженного превращен в дымящиеся развалины, Успенский собор рассыпается в прах, Спасские ворота Кремля вот-вот обрушатся, Дума сожжена дотла.

Ничто из того, что было совершено большевиками, не могло сравниться с этим ужасным святотатством в самом сердце святой Руси. Набожным людям слышался гром пушек, палящих прямо в лицо святой православной церкви и разбивающих вдребезги святая святых русской нации.

15 (2) ноября комиссар народного просвещения Луначарский разрыдался на заседании Совета Народных Комиссаров и выбежал из комнаты с криком:

«Не могу я выдержать этого! Не могу я вынести этого разрушения всей красоты и традиции…»

Вечером в газетах появилось его заявление об отставке:

«Я только что услышал от очевидцев то, что произошло в Москве.

Собор Василия Блаженного, Успенский собор разрушаются. Кремль, где собраны сейчас все важнейшие художественные сокровища Петрограда и Москвы, бомбардируется.

Жертв тысячи.

Борьба ожесточается до звериной злобы.

Что еще будет? Куда идти дальше?

Вынести этого я не могу. Моя мера переполнена. Остановить этот ужас я бессилен.

Работать под гнетом этих мыслей, сводящих с ума, нельзя.

Вот почему я выхожу в отставку из Совета Народных Комиссаров.

Я сознаю всю тяжесть этого решения, но я не могу больше…»

В тот же день белогвардейцы и юнкера сдали Кремль. Их беспрепятственно отпустили на свободу. В мирном договоре значилось:

«1. Комитет общественной безопасности прекращает свое существование.

2. Белая гвардия возвращает оружие и расформировывается. Офицеры остаются при присвоенном их званию оружии. В юнкерских училищах сохраняется лишь то оружие, которое необходимо для обучения. Все остальное оружие юнкерами возвращается. Военно-революционный комитет гарантирует всем свободу и неприкосновенность личности.

3. Для разрешения вопроса о способах осуществления разоружения, о коем говорится в п. 2, организуется комиссия из представителей Военно-революционного комитета, представителей командного состава и представителей организаций, принимавших участие в посредничестве.

4. С момента подписания мирного договора обе стороны немедленно отдают приказ о прекращении всякой стрельбы и всяких военных действий с принятием решительных мер к неуклонному исполнению этого приказа на местах.

5. По подписании соглашения все пленные обеих сторон немедленно освобождаются…».

Большевики держали город в своих руках уже в течение двух дней. Перепуганные обитатели вылезли из подвалов и отправились на розыски своих покойников. С улиц убрали баррикады. Однако россказни о разрушении Москвы не только не стихали, но разрастались… Именно эти-то ужасные слухи и побудили нас отправиться в Москву.

В сущности Петроград, хотя он вот уже двести лет является резиденцией русского правительства, все же так и остался искусственным городом. Москва – настоящая Россия, Россия, какой она была в прошлом и станет в будущем; в Москве мы сможем почувствовать истинное отношении русского народа к революции. Там жизнь была более напряженной.

* * *

В течение минувшей недели Петроградский военно-революционный комитет при поддержке рядовых железнодорожных рабочих овладел Николаевским вокзалом и гнал один за другим эшелоны матросов и красногвардейцев на юго-восток. В Смольном нам выдали пропуска, без которых никто не мог уехать из столицы… Как только подали состав, толпа оборванных солдат, нагруженных огромными мешками с продуктами, кинулась в вагоны, вышибая двери и ломая оконные стекла, забила все купе и проходы, многие влезли даже на крыши

вагонов. Кое-как трое из нас пробились в свое купе, но к нам сейчас же втиснулось около двадцати солдат… Мест было всего для четверых; мы спорили и требовали, кондуктор поддерживал нас, но солдаты только смеялись. С какой стати им заботиться об удобствах кучки буржуев! Мы показали мандаты из Смольного. Солдаты немедленно переменили отношение.

«Идем отсюда, товарищи! – закричал один из них. – Это американские товарищи! Они приехали посмотреть нашу революцию за тридцать тысяч верст… Здорово, небось, устали!..»

Вежливо и дружелюбно извинившись, солдаты очистили наше купе. Скоро мы услышали, как они выламывали дверь в соседнем купе, где заперлось двое толстых и хорошо одетых русских, давших взятку кондуктору.

Около семи часов вечера мы двинулись. Маленький и слабый паровоз, топившийся дровами, еле-еле тянул за собой наш огромный, перегруженный поезд и часто останавливался. Солдаты, ехавшие на крыше, стучали каблуками и пели заунывные крестьянские песни. В коридоре, забитом так, что пройти было совершенно невозможно, всю ночь шли ожесточенные политические споры. Время от времени появлялся кондуктор и по привычке спрашивал билеты. Но, кроме нас, билетов почти ни у кого не было, и, поругавшись с полчаса, кондуктор в отчаянии воздевал руки к потолку и уходил. Воздух был спертый, прокуренный и зловонный. Если бы не разбитые окна, мы, наверное, задохнулись бы в ту ночь.

Утром, опоздав на много часов, мы увидели кругом заснеженный мир. Стоял жестокий холод. Около 12 часов дня появилась какая-то крестьянка с корзинкой, полной ломтями хлеба, и большим чайником тепловатого суррогата кофе. С тех пор и до самой ночи мы уже ничего не видели, кроме нашего тряского, переполненного народом и поминутно останавливающегося поезда да редких станций, на которых прожорливая толпа моментально заполняла буфеты и опустошала их скудные запасы. На одной из таких станций я увидел Ногина и Рыкова, отколовшихся комиссаров, которые возвращались в Москву для того, чтобы изложить свои жалобы перед собственным Советом. Тут же был и Бухарин, невысокий рыжебородый человек с глазами фанатика, о котором говорили, что он «более левый, чем Ленин».

Третий звонок, и мы кидаемся к поезду, пробивая себе путь сквозь проход, забитый шумливой толпой. То была необычайно добродушная толпа, переносившая все лишения с каким-то юмористическим спокойствием, без конца споривша обо всем на свете, от положения в Петрограде до организации английских

тред-юнионов, и вступавшая в громкие пререкания с немногими «буржуями», какие были в поезде. Пока мы доехали до Москвы, почти в каждом вагоне организовался комитет по добыванию и распределению продовольствия, и эти комитеты также распались на политические фракции, не замедлившие вступить в споры об основных принципах.

* * *

В Москве вокзал был совершенно пуст. Мы зашли в помещение комиссара, чтобы сговориться об обратных билетах. Комиссар оказался мрачным и очень юным поручиком. Когда мы показали ему свои мандаты из Смольного, он вышел из себя и заявил, что он не большевик, а представитель Комитета общественной безопасности. Характерная черточка: в общей сумятице, поднявшейся при завоевании города, победители позабыли о главном вокзале…

Кругом ни одного извозчика. Впрочем, пройдя несколько кварталов, мы нашли, кого искали. До смешного закутанный извозчик дремал на козлах своих узеньких санок. «Сколько до центра города?»

Извозчик почесал в затылке.

«Вряд ли, барин, вы найдете комнату в гостинице, – сказал он. – Но за сотню, так и быть, свезу…» До революции это стоило всего два рубля! Мы стали торговаться, но он только пожимал плечами. «В такое время не всякий и поедет-то, – говорил он. – Тоже храбрость нужна». Больше пятидесяти рублей нам выторговать не удалось. Пока ехали по молчаливым и снежным, еле освещенным улицам, извозчик рассказывал нам о своих приключениях за время шестидневных боев. «Едешь себе или стоишь у угла, – говорил он, – и вдруг – бац! – ядро. Бац! – другое. Та-та-та!.. – пулемет… Я скорей в сторону, нахлестываю, а кругом эти черти орут. Только найдешь спокойную улочку, станешь на месте да задремлешь бац! – опять ядро. Та-та-та… Вот черти, право, черти!..»

В центре города занесенные снегом улицы затихли в безмолвии, точно отдыхая после болезни. Редкие фонари, редкие торопливые пешеходы. Ледяной ветер пробирал до костей. Мы бросились в первую попавшуюся гостиницу, где горели две свечи.

«Да, конечно, у нас имеются очень удобные комнаты, но только все стекла выбиты. Если господа не возражают против свежего воздуха…»

На Тверской окна магазинов были разбиты, булыжная

мостовая была разворочена, часто попадались воронки от снарядов. Мы переходили из гостиницы в гостиницу, но одни были переполнены, а в других перепуганные хозяева упорно твердили одно и то же. «Комнат нет! Нет комнат…». На главных улицах, где сосредоточены банки и крупные торговые дома, были видны зияющие следы работы большевистской артиллерии. Как говорил мне один из советских работников, «когда нам не удавалось в точности установить, где юнкера и белогвардейцы, мы прямо палили по их чековым книжкам».

Наконец, нас приютили в огромном отеле «Националь» (как-никак мы были иностранцами, а Военно-революционный комитет обещал охранять местожительство иностранных подданных). Хозяин гостиницы показал нам в верхнем этаже окна, выбитые шрапнелью. «Скоты! – кричал он, потрясая кулаками по адресу воображаемых большевиков. – Ну, погодите! Придет день расплаты! Через несколько дней ваше смехотворное правительство пойдет к черту! Вот когда мы вам покажем!..»

Мы пообедали в вегетарианской столовой с соблазнительным названием: «Я никого не ем». На стенах были развешаны портреты Толстого. После обеда мы вышли пройтись по улицам.

Московский Совет помещался в импозантном белом здании на Скобелевской площади – в бывшем дворце генерал-губернатора. Вход охранялся красногвардейцами. Поднявшись по широкой парадной лестнице, стены которой были заклеены объявлениями о комитетских собраниях и воззваниями политических партий, мы прошли через ряд величественных приемных залов, увешанных картинами в золотых рамах, затянутых красным, и вошли в роскошный парадный зал с великолепными хрустальными люстрами и позолоченными карнизами. Тихий говор многих голосов и стрекот нескольких швейных машин заполняли помещение. На полу и на столах были разостланы длинные полосы красной и черной материи, и около полсотни женщин кроили и сшивали ленты и знамена для похорон жертв революции. Лица этих женщин сморщились и огрубели в тяжелой борьбе за существование. Они работали, печальные и суровые, у многих были слезы на глазах… Потери Красной Армии были тяжелы…

В углу за письменным столом сидел Рогов, с умным лицом, в очках и черной рабочей блузе. Он пригласил нас принять участие вместе с членами исполнительного комитета в похоронной процессии, назначенной на следующее утро.

«Меньшевиков и эсеров ничему не выучишь! – воскликнул Рогов. – Они соглашательствуют просто по привычке… Представьте себе, они предложили нам организовать похороны

совместно с юнкерами!..»

Через зал шел человек в потрепанной солдатской шинели и в шапке. Лицо его показалось мне знакомым: я узнал Мельничанского, с которым мне приходилось встречаться в Байоне (штат Нью-Джерси) во время знаменитой забастовки на предприятиях компании «Стандарт ойл». В те времена он был часовщиком и звался Джорджем Мельчером. Теперь из его слов я узнал, что он является секретарем Московского профессионального союза металлистов, а во время уличных боев был комиссаром Военно-революционного комитета.

«Вот полюбуйтесь! – кричал он, показывая на свои жалкие лохмотья. – Когда юнкера в первый раз явились в Кремль, я как раз был там с нашими хлопцами. Меня бросили в подвал, отняли у меня пальто, деньги; часы, даже кольцо с пальца сняли. Вот в чем теперь приходится ходить!..»

Он рассказал мне много подробностей о кровавом шестидневном сражении, которое разделило Москву на две части. Московская Дума не в пример Петроградской непосредственно руководила юнкерами и белогвардейцами. Городской голова Руднев и председатель Думы Минор направляли действия Комитета общественной безопасности и войск. Комендант города Рябцев был настроен демократически и сомневался, следует ли ему вступать в борьбу с Военно-революционным комитетом. Вступить в эту борьбу заставила его именно Дума. Захват Кремля был произведен по настоянию городского головы. «Если вы будете в Кремле, большевики не посмеют обстрелять вас», – говорил он.

Обе борющиеся стороны старались привлечь к себе совершенно деморализованный долгим бездействием один из полков гарнизона. Этот полк устроил собрание и на нем обсудил положение. В конце концов солдаты решили оставаться нейтральными и продолжать свою прежнюю деятельность, т. е. торговать камушками для зажигалок и подсолнухами.

«Но хуже всего, – рассказывал Мельничанский, – было то, что нам приходилось организовывать свои силы уже во время боя. Враги прекрасно знали, чего хотели, а на нашей стороне у солдат был свой Совет, а у рабочих свой… Страшные пререкания начались из-за того, кому быть командующим. Некоторые полки, прежде чем решиться, что им делать, митинговали по нескольку дней. А когда офицеры вдруг ушли от нас, мы оказались без военного штаба…»

Он набросал предо мной много живых картинок. Однажды в серый холодный день он стоял на углу Никитской, который обстреливался пулеметным огнем. Тут же скопилась кучка уличных сорванцов, обычно торговавших газетами. Они

придумали себе новую игру: дождавшись момента, когда обстрел несколько стихал, они принимались бегать взад и вперед через улицу. Вся компания была очень возбуждена и увлечена игрой. Многие были убиты, но остальные продолжали перебегать с тротуара на тротуар, подбивая друг друга.

* * *

Поздно вечером я отправился в Дворянское собрание, где московские большевики собрались для обсуждения доклада Ногина, Рыкова и других, вышедших из состава Совета Народных Комиссаров.

Собрание происходило в театральном зале, где при старом режиме любители разыгрывали перед публикой, состоявшей из офицеров и блестящих дам, французские комедии.

Сначала зал был наполнен одними интеллигентами: они жили ближе к центру города. Выступал Ногин, и большинство аудитории было вполне на его стороне. Рабочие стали появляться гораздо позже: они жили на окраинах, а трамваи в те дни не ходили. Но около полуночи они уже начали подниматься по лестницам группами по десяти-двенадцати человек. То были крупные, крепкие люди в грубой одежде, только что покинувшие места боев. Целую неделю сражались они, как черти, видя кругом себя смерть своих товарищей.

Как только собрание было формально открыто, Ногина осыпали градом насмешек и злобных выкриков. Напрасно пытался он объясняться и оправдываться, его не хотели слушать. Он оставил Совет Народных Комиссаров, он дезертировал со своего поста в самом разгаре боя!.. Что до буржуазной печати, то здесь, в Москве, ее уже не было. Даже городская Дума была распущена. На трибуну поднялся взбешенный, ядовитый Бухарин, чей голос извергал удар за ударом. Собравшиеся слушали его с горящими глазами. Резолюция о поддержке действий Совета Народных Комиссаров собрала подавляющее большинство голосов. Так сказала свое слово Москва…

Поздней ночью мы прошли по опустевшим улицам и через Иверские ворота вышли на огромную Красную площадь, к Кремлю. В темноте были смутно видны фантастические очертания ярко расписанных, витых и резных куполов Василия Блаженного, не было заметно никаких признаков каких-либо повреждений. На одной стороне площади вздымались ввысь башни и стены Кремля. На высокой стене вспыхивали красные отблески невидимых огней. Через всю огромную площадь до нас

долетали голоса и стук ломов и лопат. Мы перешли площадь.

У подножия стены были навалены горы земли и булыжника. Взобравшись повыше, мы заглянули вниз и увидели две огромные ямы в десять-пятнадцать футов глубины и пятьдесят ярдов ширины, где при свете больших костров работали лопатами сотни рабочих и солдат.

Молодой студент заговорил с нами по-немецки. «Это братская могила, – сказал он, – завтра мы похороним здесь пятьсот пролетариев, павших за революцию».

Он свел нас в яму. Кирки и лопаты работали с лихорадочной быстротой, и гора земли все росла и росла. Все молчали. Над головой небо было густо усеяно звездами, да древняя стена царского Кремля уходила куда-то ввысь.

«Здесь, в этом священном месте, – сказал студент, – самом священном во всей России, похороним мы наших святых. Здесь, где находятся могилы царей, будет покоиться наш царь – народ…» Рука у него была на перевязи, ее пробила пуля во время уличных боев. Студент глядел на нее. «Вы, иностранцы, – продолжал он, – смотрите на нас, русских, сверху вниз, потому что мы так долго терпели средневековую монархию. Но царь был не единственным тираном в мире; капитализм еще хуже, а ведь он повелевает всем миром, как настоящий император… Нет революционной тактики лучше русской…»

Когда мы уходили, рабочие, уже сильно уставшие и мокрые от пота, несмотря на мороз, стали медленно выбираться из ям. Через Красную площадь уже торопилась на смену масса людей. Они соскочили в ямы, схватились за лопаты и, не говоря ни слова, принялись копать, копать, копать…

Так всю эту долгую ночь добровольцы от народа сменяли друг друга, ни на минуту не останавливая своей спешной работы, и холодный утренний свет уже озарил на огромной белоснежной площади две зияющие коричневые ямы совершенно готовой братской могилы.

* * *

Мы поднялись еще до восхода солнца и поспешили по темным улицам к Скобелевской площади. Во всем огромном городе не было видно ни души. Но со всех сторон издалека и вблизи был слышен тихий и глухой шум движения, словно начинался вихрь. В бледном полусвете раннего утра перед зданием Совета собралась небольшая группа мужчин и женщин с целым снопом красных знамен с золотыми надписями – знамен

исполнительного комитета Московского Совета. Светало… Доносившийся издали приглушенный движущийся шум крепчал, становился все громче, переходя в рокот. Город поднимался на ноги. Мы двинулись вниз по Тверской, неся над собой реющие знамена. Часовенки, мимо которых нам пришлось идти, были заперты. В них было темно. Заперта была и часовня Иверской божьей матери, которую некогда посещал перед коронованием в Кремле каждый новый царь и которая обычно была открыта и наполнена толпой круглые сутки, сияя огнями, отражавшими на золоте, серебре и драгоценных камнях ее икон отблески свечей, зажженных набожной рукой. А теперь, как уверяли, впервые со времени наполеоновского нашествия свечи погасли.

Святая православная церковь лишила своего благословения Москву – это гнездо ядовитых ехидн, осмеливавшихся бомбардировать Кремль. Церкви были погружены в мрак, безмолвие и холод, священники исчезли. Для красных похорон нет попов, не будет панихид по усопшим, над могилой святотатцев не вознесется никаких молитв. А вскоре московский митрополит Тихон наложит на Советы отлучение.

Магазины были тоже закрыты, и представители имущих классов сидели дома по другим причинам. Этот день был днем народа, и молва о его пришествии гремела, как морской прибой.

Через Иверские ворота уже потекла людская река, и народ тысячами запрудил обширную Красную площадь. Я заметил, что, проходя мимо Иверской, никто не крестился, как это делалось раньше…

Мы протолкались сквозь густую толпу, сгрудившуюся у Кремлевской стелы, и остановились на вершине одной из земляных гор. Здесь уже было несколько человек, в том числе солдат Муралов, избранный на пост московского коменданта, высокий, бородатый человек с добродушным взглядом и простым лицом.

Со всех улиц на Красную площадь стекались огромные толпы народа. Здесь были тысячи и тысячи людей, истощенных трудом и бедностью. Пришел военный оркестр, игравший «Интернационал», и вся толпа стихийно подхватила гимн, медленно и торжественно разлившийся по площади, как морская волна. С зубцов Кремлевской стены свисали до самой земли огромные красные знамена с белыми и золотыми надписями: «Мученикам авангарда мировой социалистической революции» и «Да здравствует братство рабочих всего мира!».

Резкий ветер пролетал по площади, развевая знамена. Теперь начали прибывать рабочие фабрик и заводов отдаленнейших районов города; они несли сюда своих мертвецов. Можно было

видеть, как они идут через ворота под трепещущими знаменами, неся красные, как кровь, гробы. То были грубые ящики из нетесаных досок, покрытые красной краской, и их высоко держали на плечах простые люди с лицами, залитыми слезами. За гробами шли женщины, громко рыдая или молча, окаменевшие, мертвенно-бледные; некоторые гробы были открыты, и за ними отдельно несли крышки; иные были покрыты золотой или серебряной парчой, или к крышке была прикреплена фуражка солдата. Было много венков из неживых искусственных цветов…

Процессия медленно подвигалась к нам по открывавшемуся перед нею и снова сдвигавшемуся неровному проходу. Теперь через ворота лился бесконечный поток знамен всех оттенков красного цвета с золотыми и серебряными надписями, с черным крепом на верхушках древков. Было и несколько анархистских знамен, черных с белыми надписями. Оркестр играл революционный похоронный марш, и вся огромная толпа, стоявшая с непокрытыми головами, вторила ему. Печальное пение часто прерывалось рыданиями…

Между рабочими шли отряды солдат также с гробами, сопровождаемыми воинским эскортом – кавалерийскими эскадронами и артиллерийскими батареями, пушки которых увиты красной и черной материей, увиты, казалось, навсегда. На знаменах воинских частей надписи: «Да здравствует III Интернационал!» или «Требуем всеобщего справедливого демократического мира!». Похоронная процессия медленно подошла к могилам, и те, кто нес гробы, спустили их в ямы. Многие из них были женщины – крепкие, коренастые пролетарки. А за гробами шли другие женщины – молодые, убитые горем или морщинистые старухи, кричавшие нечеловеческим криком. Многие из них бросались в могилу вслед за своими сыновьями и мужьями и страшно вскрикивали, когда жалостливые руки удерживали их. Так любят друг друга бедняки…

* * *

Весь долгий день до самого вечера шла эта траурная процессия. Она входила на площадь через Иверские ворота и уходила с нее по Никольской улице, поток красных знамен, на которых были написаны слова надежды и братства, ошеломляющие пророчества. И эти знамена развевались па фоне пятидесятитысячной толпы, а смотрели на них все трудящиеся мира и их потомки отныне и навеки…

Один за другим уложены в могилу пятьсот гробов. Уже

спускались сумерки, а знамена все еще развевались и шелестели в воздухе, оркестр играл похоронный марш, и огромная толпа вторила ему пением. Над могилой на обнаженных ветвях деревьев, словно странные многокрасочные цветы, повисли венки. Двести человек взялись за лопаты и стали засыпать могилу. Земля гулко стучала по гробам, и этот резкий звук был ясно слышен, несмотря на пение.

Зажглись фонари. Пронесли последнее знамя, прошла, с ужасной напряженностью оглядываясь назад, последняя плачущая женщина. Пролетарская волна медленно схлынула с Красной площади…

И вдруг я понял, что набожному русскому пароду уже не нужны больше священники, которые помогали бы ему вымаливать царство небесное. Этот народ строил на земле такое светлое царство, какого не найдешь ни на каком небе, такое царство, за которое умереть – счастье…

Завоевание власти

«Декларация прав народов России

…Съезд Советов в июне этого года провозгласил право народов России на свободное самоопределение.

Второй Съезд Советов в октябре этого года подтвердил это неотъемлемое право пародов России более решительно и определенно.

Исполняя волю этих съездов, Совет Народных Комиссаров решил положить в основу своей деятельности по вопросу о национальностях России следующие начала:

1) Равенство и суверенность народов России.

2) Право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства.

3) Отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений.

4) Свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России.

Вытекающие отсюда конкретные декреты будут выработаны немедленно после конструирования комиссии по долам национальностей.

Именем Республики Российской Председатель Совета Народных Комиссаров

В. Ульянов (Ленин)

Народный Комиссар по делам национальностей

Иосиф Джугашвили-Сталин».

Центральная рада в Киеве немедленно объявила Украину самостоятельной республикой. То же самое сделало и финское правительство в лице Гельсингфорсского сената. В Сибири и на Кавказе тоже появились независимые «правительства». Польский главный военный комитет немедленно выделил из русской армии все польские отряды, собрав их в одно целое, упразднил их комитеты и ввел в них железную дисциплину…

Все эти «правительства» и «движения» отличались двумя общими характерными чертами: ими заправляли имущие классы, и они боялись и ненавидели большевиков.

Среди всего этого хаоса, ошеломляющих перемен Совет Народных Комиссаров неустанно продолжал строить социалистический порядок. Декрет за декретом: о социальном обеспечении, о рабочем контроле, правила для волостных земельных комитетов, отмена чинов и сословий, уничтожение старой судебной системы, создание народных трибуналов…

Армия за армией, флот за флотом слали в Петроград депутации, «радостно приветствуя новое народное правительство».

Однажды я увидел против Смольного обтрепанный полк, только что вернувшийся из окопов. Солдаты выстроились перед большими воротами, исхудалые, с землистыми лицами, и смотрели на Смольный так, как будто бы ожидали увидеть в нем самого господа бога. Некоторые со смехом поглядывали на все еще красовавшихся над входом императорских орлов. В это время к Смольному подошел отряд красногвардейцев сменять караул. Все солдаты с большим любопытством повернулись поглядеть на них, потому что они много слышали о красногвардейцах, но никогда их не видали. Они добродушно посмеивались, выходили из рядов и хлопали красногвардейцев по плечу с полунасмешливыми, полувосторженными замечаниями…

* * *

Временного правительства уже не было. 15 (2) ноября священники всех петроградских церквей перестали поминать его на ектеньях. Но, как сказал во ВЦИК сам Ленин, «завоевание власти только еще начиналось». Лишенные оружия, оппозиционные силы, все еще державшие в своих руках экономическую жизнь страны, принялись за организацию хозяйственного разгрома и со всей способностью к совместным действиям, свойственной русскому народу, старались мешать Советам в их работе, разваливать и дискредитировать их.

Забастовка государственных служащих была хорошо организована и финансировалась банками и коммерческими предприятиями. Всякая попытка большевиков взять в свои руки правительственный аппарат встречала сопротивление.

Троцкий явился в министерство иностранных дел. Чиновники отказались признавать его и заперлись в своих помещениях, а когда двери были взломаны, они все подали в отставку. Он потребовал ключи от архивов, ключи были выданы ему только после того, как вызванные им рабочие явились взламывать замки. Тогда оказалось, что бывший товарищ министра иностранных дел Нератов скрылся и унес с собой тайные договоры…

Шляпников пытался овладеть министерством труда. Стояла жестокая стужа, а в министерстве некому было затопить печи. Служащих было несколько сот, но ни один из них не захотел показать Шляпникову, где находится кабинет министра…

Александра Коллонтай, назначенная 13 ноября (31 октября)

комиссаром социального обеспечения, была в министерстве встречена забастовкой; на работу вышло всего сорок служащих. Это сейчас же крайне тяжело отразилось на всей бедноте крупных городских центров и на лицах, содержавшихся в приютах и благотворительных учреждениях, – все они попали в безвыходное положение. Здание министерства осаждалось делегациями голодающих калек и сирот с бледными, истощенными лицами. Расстроенная до слез Коллонтай велела арестовать забастовщиков и не выпустила их, пока они не отдали ключей от учреждения и сейфа. Но когда она получила эти ключи, то выяснилось, что ее предшественница, графиня Панина, скрылась со всеми фондами. Графиня отказалась сдавать их кому бы то ни было, кроме Учредительного собрания.

То же самое творилось в министерстве земледелия, в министерстве продовольствия, в министерстве финансов. Чиновники, которым было приказано выйти на работу под страхом лишения места и права на пенсию, либо продолжали бастовать, либо возобновляли работу только для того, чтобы саботировать. Так как почти вся интеллигенция была против большевиков, то набирать новые штаты Советскому правительству было не из кого.

Частные банки упрямо не желали открываться, но спекулянты отлично обделывали в них свои дела с заднего крыльца. Когда появлялись большевистские комиссары, служащие уходили, причем прятали книги и уносили с собой фонды. Бастовали и все чиновники Государственного банка, кроме служащих в подвалах и в экспедиции заготовления государственных бумаг, которые отвечали отказами на все требования Смольного и при этом частным образом выдавали большие суммы Комитету спасения и городской Думе.

В банк два раза являлся комиссар с ротой красногвардейцев и официально требовал выдачи крупных сумм на нужды правительства. В первый раз его встретили члены Думы, а также меньшевистские и эсеровские вожди. Их было так много и они так серьезно говорили о возможных последствиях насильственных действий, что комиссар оказался устрашенным. Во второй раз он явился с официальным мандатом и прочитал его вслух. Но тут кто-то заметил ему, что на мандате не было ни даты, ни печати. И традиционное для России почтение к «бумаге» заставило комиссара снова удалиться ни с чем.

Чиновники кредитной канцелярии уничтожили свои книги, так что установить картину финансовых отношений России с другими государствами оказалось совершенно невозможным. Продовольственные комитеты и администрация муниципальных

предприятий общественного пользования либо не работали вовсе, либо саботировали. А когда большевики, видя ужасную нужду городского населения, пытались помочь делу или взять его в свои руки, служащие немедленно бросали работу, а Дума наводняла всю Россию телеграммами о том, что большевики «нарушают автономию городского самоуправления». В военных штабах, в учреждениях военного и морского министерств, служащие которых согласились продолжать работать, ожесточенное сопротивление Советам оказывали армейские комитеты и высшее командование. Они саботировали, как только могли, даже если это отражалось на положении фронта. Викжель был настроен враждебно и отказывался перевозить советские войска. Каждый эшелон, отправляемый из Петрограда, буквально пробивал себе дорогу силой, приходилось постоянно арестовывать железнодорожных служащих. Тут на сцену выступал Викжель и требовал освобождения арестованных, угрожая немедленно объявить всеобщую забастовку.

* * *

Смольный был явно бессилен. Газеты твердили, что через три недели все петроградские фабрики и заводы остановятся из-за отсутствия топлива. Викжель объявлял, что к первому декабря прекратится железнодорожное движение. В Петрограде оставалось хлеба всего на три дня, а новых запасов не подвозилось. Армия на фронте голодала… Комитет спасения и всевозможные центральные комитеты рассылали по всей стране призывы к населению не обращать никакого внимания на декреты правительства. Союзные посольства выказывали либо холодное безразличие, либо открытую враждебность.

Оппозиционные газеты, ежедневно закрываемые и на следующее же утро выходящие под новыми названиями, осыпали новый режим ядовитыми насмешками. Даже «Новая Жизнь» характеризовала его как «комбинацию из демагогии и бессилия». «С каждым днем, – писала она, – правительство Народных Комиссаров запутывается все более и более в проклятой прозе обыденщины. Так легко захватив власть, большевики никак не могут вступить фактически во владение ею.

Бессильные овладеть существующим механизмом государства, они не могут в то же время создать новый, который легко и свободно работал бы по указке социалистов-экспериментаторов.

Ведь если еще так недавно большевикам не хватало людей

для очередной работы в растущей партии, – работы прежде всего языком и пером, то откуда же могли бы появиться у них люди для выполнения многообразных и сложнейших специальных задач государственной жизни?

Новая власть рвет и мечет, засыпает страну декретами, один другого «радикальнее и социалистичнее». Но в этом бумажном социализме, предназначенном более на предмет ошеломления наших потомков, нет ни желания, ни умения разрешить очередные вопросы дня…»

А между тем созванная Викжелем конференция по сформированию нового правительства продолжала работать дни и ночи напролет. В принципе стороны уже приняли общие основы создания правительства, обсуждался состав Народного Совета. Был предположительно намечен кабинет министров с Черновым во главе, большевики получили в нем значительное меньшинство, а Ленин и Троцкий были отведены. Центральные комитеты меньшевистской и эсеровской партий, а также исполнительный комитет Советов крестьянских депутатов решили непоколебимо продолжать свою оппозицию «преступной политике» большевиков, но «во избежание дальнейшего братоубийства» не сопротивляться их вхождению в Народный Совет.

Однако бегство Керенского и повсеместный поразительный успех Советов изменили положение. 16 (3) числа левые эсеры требовали на заседании ЦИК, чтобы большевики сформировали коалиционное правительство с участием других социалистических партий; в противном случае они грозили уйти из Военно-революционного комитета и ЦИК. Малкин заявил: «Последние сведения из Москвы, где по обе стороны баррикад умирают наши товарищи, заставляют нас еще раз поставить вопрос об организации власти, и постановка этого вопроса является не только нашим нравом, но и долгом… Мы завоевали право сидеть вместе с большевиками в стенах Смольного института и говорить с этой трибуны. Если вы откажетесь идти на соглашение, то после ожесточенной борьбы внутри партии мы будем вынуждены перейти к открытому бою вовне… Мы обязаны предложить демократии условия приемлемого соглашения…»

После перерыва, объявленного, чтобы дать возможность обсудить ультиматум на фракциях, большевики вернулись в зал и Каменев огласил следующий проект резолюции:

«Центральный Исполнительный Комитет считает желательным, чтобы в правительство вошли представители тех социалистических партий из Советов Раб., Солдат, и Крест. Депутатов, которые признают завоевания революции 24—25 октября, т. е. власть Советов, декреты о земле и о мире, рабочем

контроле и вооружении рабочих. Центральный Исполнительный Комитет постановляет поэтому продолжать переговоры о власти со всеми советскими партиями и настаивает на следующих условиях соглашения:

Правительство ответственно перед Центральным Исполнительным Комитетом. Центральный Исполнительный Комитет расширяется до 150 чел. К этим 150 делегатам Сов. Раб. и Солд. Депутатов добавляется 75 делегатов от губернских крестьянских Советов, 80 – от войсковых частей и флота, 40 – от профессиональных союзов (25 – от всероссийских профессиональных объединений пропорционально количеству организаций, 10 – от Викжеля и 5 – от почтово-телеграфных служащих) и 50 делегатов – от социалистической Петроградской городской Думы. В правительстве не менее половины мест должно быть предоставлено большевикам. Министерства труда, внутренних дел и иностранных дел должны быть представлены большевистской партией во всяком случае. Распоряжение войсками Московского и Петроградского округов принадлежит уполномоченным Московского и Петроградского Советов Р. и С. Д. Правительство ставит своей задачей систематическое вооружение рабочих по всей России. Постанавливается настаивать на кандидатурах тт. Ленина и Троцкого».

Карелин заявил от имени левых эсеров, что они будут голосовать за большевистскую резолюцию, но оставляют за собой право видоизменить некоторые детали, так, например, порядок представительства от крестьян, и требуют сохранения за собой портфеля министерства земледелия. Эти требования были приняты…

* * *

В самом Смольном в рядах большевистской партии нарастала сильная оппозиция политике Ленина. В ночь на 17 (4) ноября огромный зал ЦИК был набит битком. Атмосфера была зловещая.

Большевик Ларин заявил, что уже приближается срок выборов в Учредительное собрание и что пора покончить с «политическим террором».

«Необходимо смягчить мероприятия, принятые против свободы печати. Они были необходимы во время борьбы, но теперь не имеют никакого оправдания. Печать должна быть свободна, поскольку она не призывает к погромам и мятежам».

Под крик и свист своих же партийных товарищей Ларин предложил следующую резолюцию:

«Декрет Совета Народных Комиссаров о печати отменяется… Политические репрессии подчиняются предварительному разрешению трибунала, избираемого ЦИК (на основе пропорционального представительства) и имеющего право пересмотреть также все уже произведенные аресты, закрытие газет и т. д.»

Эта резолюция была встречена громом аплодисментов не только с левоэсеровских, но и с части большевистских скамей.

Аванесов поспешно предложил от имени сторонников Ленина отложить вопрос о печати до тех пор, пока не будет достигнуто соглашение между политическими партиями. Это предложение было отвергнуто огромным большинством голосов.

«Революция, завершающаяся в настоящий момент, – говорил Аванесов, – не побоялась поднять руку на частную собственность, а вопрос о печати должен рассматриваться нами именно как вопрос о частной собственности…»

Затем он прочел следующую резолюцию, официально предлагаемую большевиками:

«1. Закрытие буржуазных газет вызывалось не только чисто боевыми потребностями в период восстания и подавления контрреволюционных попыток, но и являлось необходимой переходной мерой для установления нового режима в области печати, такого режима, при котором капиталисты – собственники типографий и бумаги – не могли бы становиться самодержавными фабрикантами общественного мнения.

Дальнейшей мерой должна быть конфискация частных типографий и запасов бумаги, передача их в собственность Советской власти в центре и на местах с тем, чтобы партии и группы могли пользоваться техническими средствами печатания сообразно своей действительной идейной силе, т. е. пропорционально числу своих сторонников.

Восстановление так называемой «свободы печати», т. е. простое возвращение типографий и бумаги капиталистам – отравителям народного сознания, явилось бы недопустимой капитуляцией перед волей капитала, сдачей одной из важнейших позиций рабочей и крестьянской революции…

ЦК предлагает поэтому большевистской фракции ЦИК категорически отвергнуть всякие предложения, клонящиеся к восстановлению старого режима в деле печати, и безоговорочно поддержать в этом вопросе Совет Народных Комиссаров против претензий и домогательств, продиктованных мелкобуржуазными предрассудками или прямым прислужничеством интересам контрреволюционной буржуазии».

Чтение этой резолюции прерывалось ироническими

замечаниями левых эсеров и негодующими криками оппозиционных большевиков. Карелин вскочил со своего места и запротестовал: «Три недели назад большевики были самыми яростными защитниками свободы печати… Аргументы, приводимые в этой резолюции, странным образом напоминают точку зрения старых черносотенцев и царских цензоров: они ведь тоже говорили об «отравителях народного сознания»».

Троцкий произнес большую речь в защиту резолюции. Он проводил различие между положением печати во время гражданской войны и ее положением после победы: «Во время гражданской войны право на насилие принадлежит только угнетенным…». (Крики: «Кто же теперь угнетенный? Каннибал!»)

«Наша победа над врагами еще не завершена, – продолжал Троцкий, – а газеты являются оружием в их руках. При таких условиях закрытие газет есть вполне законная мера самозащиты…» Затем Троцкий перешел к вопросу о положений печати после победы.

«Позиция социалистов в вопросе о свободе печати должна быть точным отражением соответствующей их позиции в вопросе о свободе торговли… Власть демократии, организуемая ныне в России, требует полного уничтожения господства частной собственности над печатью, точно так же как и над промышленностью… Советская власть должна конфисковать все типографии. (Крики: «Конфискуйте типографию «Правды»!») Буржуазная монополия печати должна быть разрушена. Иначе нам не стоило бы брать власть! Каждая группа граждан должна иметь доступ к бумаге и типографскому станку… Право собственности на типографии и бумагу принадлежит прежде всего рабочим и крестьянам и только после них буржуазным партиям, составляющим меньшинство… Переход власти в руки Советов влечет за собой коренное изменение всех основных условий существования, и это изменение не может не коснуться печати… Если мы не остановились перед национализацией банков, то с какой стати нам терпеть газеты финансистов? Старый строй должен умереть, и это должно быть понято раз навсегда…» Аплодисменты и злобные крики.

Карелин заявил, что ЦИК не может решить этот важный вопрос. Надо передать его в особую комиссию. Затем он произнес страстную речь в защиту свободы печати.

Затем выступил Ленин, спокойно, бесстрастно. Он морщил лоб, говорил, медленно подбирая слова; каждая его фраза падала, как молот.

«Гражданская война еще не закончена, перед нами все еще стоят враги, следовательно, отменить репрессивные меры по

отношению к печати невозможно.

Мы, большевики, всегда говорили, что, добившись власти, мы закроем буржуазную печать. Терпеть буржуазные газеты – значит перестать быть социалистом. Когда делаешь революцию, стоять на месте нельзя: приходится идти либо вперед, либо назад. Тот, кто говорит теперь о «свободе печати», пятится назад и задерживает наше стремительное продвижение к социализму.

Мы сбросили иго капитализма, как первая революция сбросила иго царского самодержавия. Если первая революция имела право воспретить монархические газеты, то и мы имеем право закрывать буржуазные газеты. Нельзя отделять вопрос о свободе печати от других вопросов классовой борьбы. Мы обещали закрыть эти газеты и должны закрыть их. Огромное большинство народа идет за нами!

Теперь, когда восстание уже позади, мы не имеем ни малейшего намерения запрещать газеты других социалистических партий, поскольку они не призывают к вооруженному восстанию или к неповиновению Советскому правительству. Однако мы не позволим им под предлогом свободы социалистической печати захватить бумажную и типографскую монополию, пользуясь тайной поддержкой буржуазии… Технические средства печати должны стать собственностью Советского правительства и распределяться в первую голову между социалистическими партиями в строгом соответствии с относительной численностью их последователей…»

Перешли к голосованию. Резолюция Ларина и левых эсеров была отвергнута тридцатью одним голосом против двадцати двух. Точка зрения Ленина собрала тридцать четыре голоса против двадцати четырех. Большевики Рязанов и Лозовский голосовали с меньшинством; они заявили, что не могут подавать голос за какое бы то ни было ограничение свободы печати.

После этого левые эсеры заявили, что больше не могут принимать на себя ответственность за происходящее, и ушли из Военно-революционного комитета, а также со всех прочих ответственных постов.

* * *

…Большевики обратились к задачам практического управления. Прежде всего надо было накормить город, страну и армию. Отряды матросов и красногвардейцев обыскивали торговые склады, железнодорожные вокзалы и даже баржи, стоявшие в каналах, открывая и отбирая тысячи пудов

продовольствия, припрятанного частными спекулянтами. В провинции были посланы эмиссары, которые с помощью земельных комитетов реквизировали склады крупных хлеботорговцев. На юг и в Сибирь отправлялись хорошо вооруженные пятитысячные матросские отряды с поручением захватывать города, все еще находящиеся в руках белогвардейцев, устанавливать порядок и, главное, добывать продовольствие. На великой сибирской магистрали пассажирское сообщение было прервано на целые две недели. В это время из Петрограда двинулось на восток тринадцать поездов, груженных железом и мануфактурой, для товарообмена с сибирскими крестьянами. Эти товары были собраны фабрично-заводскими комитетами. С каждым поездом ехал особый комиссар, прилагавший все усилия, чтобы выменять у сибирских крестьян как можно больше хлеба и картофеля…

Донецкий каменноугольный бассейн находился в руках Каледина, так что вопрос о топливе тоже становился все острее. Смольный прекратил подачу электрической энергии в театры, магазины и рестораны, сократил число трамваев и конфисковал у частных торговцев все запасы дров… А когда петроградские заводы оказались перед непосредственной угрозой остановки работы из-за отсутствия топлива, матросы Балтийского флота передали рабочим двести тысяч пудов каменного угля из запасов боевых кораблей…

В конце ноября разразились «винные погромы» (разграбление винных подвалов), начавшиеся с разгрома погребов Зимнего дворца. Улицы наполнялись пьяными солдатами… Во всем этом была видна рука контрреволюционеров, распространявших по всем полкам планы города, на которых были отмечены винные склады. Комиссары Смольного выбивались из сил, уговаривая и убеждая, но таким путем не удалось прекратить беспорядки, за которыми последовали ожесточенные схватки между солдатами и красногвардейцами… Наконец, Военно-революционный комитет разослал несколько рот матросов с пулеметами. Матросы открыли безжалостную стрельбу по погромщикам и многих убили. После этого особые комиссии согласно приказу отправились по всем винным погребам, разбивая бутылки топорами или взрывая эти погреба динамитом…

В помещениях районных Советов днем и ночью дежурили роты дисциплинированных и хорошо оплачиваемых красногвардейцев, заменивших собой старую милицию. Для борьбы с мелкими преступлениями по всем кварталам города были созданы небольшие выборные революционные трибуналы…

Крупные гостиницы, в которых спекулянты все еще выгодно

обделывали свои дела, были окружены красногвардейцами. Спекулянты попали в тюрьму…

Бдительный и осторожный петроградский пролетариат создал обширную систему разведки, выслеживая через прислугу все, что творилось в буржуазных квартирах. Все добытые этим способом сведения сообщались Военно-революционному комитету, неутомимо наносившему удары железной рукой. Так был открыт монархический заговор, руководимый бывшим членом Думы Пуришкевичем и группой дворян и офицеров, которые проектировали офицерское восстание и написали Каледину письмо с приглашением в Петроград. Точно так же была раскрыта и подпольная деятельность петроградских кадетов, поддерживавших Каледина деньгами и людьми…

Нератов, испуганный взрывом негодования, которым народ ответил на его бегство, вернулся и передал Троцкому тайные договоры. Троцкий немедленно же начал публиковать их в «Правде», чем вызвал потрясение во всем мире…

Ограничения свободы печати были усилены декретом, отдавшим монополию на объявления официальным правительственным газетам. Все прочие газеты в знак протеста перестали выходить или не подчинились декрету и были закрыты… Только через три недели они, наконец, сдались.

Министерства все еще бастовали, старые чиновники все еще саботировали и не давали возможности наладить экономическую жизнь. За Смольным стояла только воля широких неорганизованных масс, и Совет Народных Комиссаров опирался на нее, направляя революционные массовые действия против своих врагов. В ярко и просто написанных и распространенных по всей России обращениях Ленин разъяснял цели революции и призывал народ взять власть в свои руки, силой сломить сопротивление имущих классов, силой овладеть государственными учреждениями. Революционный порядок! Революционная дисциплина! Строгая отчетность и контроль! Никаких стачек! Никакого разгильдяйства!

* * *

20 (7) ноября Военно-революционный комитет опубликовал следующее предостережение:

«Богатые классы оказывают сопротивление новому, Советскому правительству, правительству рабочих, солдат и крестьян. Их сторонники останавливают работу государственных и городских служащих, призывают прекращать службу в банках,

пытаются прервать железнодорожные и почтово-телеграфные сообщения и т. п.

Мы предостерегаем их – они играют с огнем. Стране и армии грозит голод. Для борьбы с голодом самое тщательное исполнение всех работ в продовольственных учреждениях, на железных дорогах, на почте, в банках, безусловно необходимо. Рабочее и крестьянское правительство принимает все обходимые меры для обеспечения страны всем необходимым.

Сопротивление этим мерам – преступление против народа. Мы предупреждаем богатые классы и их сторонников: если они не прекратят свой саботаж и доведут до приостановки подвоз продовольствия, первыми тяготу созданного ими положения почувствуют они сами. Богатые классы и их прислужники будут лишены права получать продукты. Все запасы, имеющиеся у них, будут реквизированы, имущество главных виновников будет конфисковано.

Мы выполнили свой долг – мы предостерегли играющих с огнем.

Мы уверены, что в этих решительных мерах, если они окажутся необходимыми, мы встретим полную поддержку всех рабочих, солдат и крестьян».

22 (9) ноября по всем стенам города было расклеено «Экстренное извещение»:

«Советом Народных Комиссаров получена срочная военная телеграмма вне очереди от штаба Северного фронта, в которой сообщается следующее: «Медлить больше нельзя, не дайте умереть с голоду. Армия Северного фронта уже несколько дней не имеет ни крошки хлеба, а через два-три дня не будет иметь и сухарей, которые выдаются из неприкосновенных доселе запасов. Эти запасы подходят к концу. Уже делегаты, приезжающие из армии, говорят о необходимости планомерного отвода частей армии в тыл, предвидя, что на днях начнется повальное бегство умирающих с голода, истерзанных трехлетней борьбой в окопах, больных, раздетых, разутых, обезумевших от нечеловеческих лишений людей…».

Военно-революционный комитет доводит о сем до сведения петроградского гарнизона и петроградских рабочих. Положение на фронте требует самых неотложных и решительных мер… Между тем верхи чиновничества правительственных учреждений, банков, казначейств, дорог, почт и телеграфов саботируют и подрывают работу правительства, направленную на обеспечение фронта продовольствием… Каждый час промедления может стоить жизни тысячам солдат.

Контрреволюционные чиновники являются самыми

бесчестными преступниками по отношению к голодающим и умирающим братьям на фронте.

Военно-революционный комитет делает этим преступникам последнее предостережение. В случае малейшего сопротивления или противодействия с их стороны по отношению к ним будут приняты меры, суровость которых будет отвечать размерам совершенного ими преступления».

Рабочие и солдатские массы ответили на это бешеным взрывом негодования, прокатившимся по всей России. В столице государственные и банковские служащие выпускали сотни прокламаций и воззваний, они протестовали и оправдывались. Вот одна из таких прокламаций:

«Вниманию всех граждан.

Государственный банк закрыт.

Почему?

Потому что насилия, чинимые большевиками над Государственным банком, не дали возможности дальше работать. Первые шаги народных комиссаров выразились в требовании 10 миллионов рублей, а 14 ноября они потребовали уже 25 миллионов без указания, на что пойдут эти деньги…

Мы, чиновники Государственного банка, не можем принять участия в разграблении народного достояния. Мы прекратили работу.

Граждане, деньги Государственного банка – это ваши народные деньги, добытые вашим трудом, потом и кровью.

Граждане, оградите народное достояние от разграбления, а нас – от насилия, и мы сейчас же встанем на работу.

Служащие государственного банка».

Министерство продовольствия, министерство финансов, особый комитет по снабжению – все заявляли, что Военно-революционный комитет не дает служащим возможности работать, и умоляли население о поддержке против Смольного… Но рядовой рабочий и солдат не верили им; народное сознание было твердо уверено в том, что чиновники саботируют, морят голодом армию и народ… В длинных хлебных очередях, по-прежнему стоявших на холодных улицах, бранили не правительство, как это было при Керенском, а саботажников-чиновников. Ибо все эти люди знали, что правительство – это их правительство, правительство их Советов, и что служащие министерств – против него…

* * *

В центре всей этой оппозиции стояла Дума и ее боевой орган – Комитет спасения, протестовавший против каждого декрета Совета Народных Комиссаров, вновь и вновь выносивший резолюции о непризнании Советского правительства, открыто сотрудничавший с новыми контрреволюционными «правительствами», создававшимися в Могилеве… Так, например, 17 (4) ноября Комитет спасения обратился «ко всем городским самоуправлениям и земствам, ко всем демократическим и революционным организациям крестьян, рабочих, солдат и прочих граждан» со следующими словами:

«1). Не признавать большевистского правительства и бороться с ним; 2) образовать местные комитеты спасения родины и революции, которые должны объединить все демократические силы для содействия Всероссийскому комитету спасения в его задачах…».

А между тем выборы в Учредительное собрание дали в Петрограде огромное преобладание большевикам. После этого даже меньшевики-интернационалисты заявили, что Дума должна быть переизбрана, так как она уже не отражает политического настроения населения Петрограда… В то же время Думу затоплял поток резолюций рабочих организаций, воинских частей и даже окрестных крестьян, и все они называли Думу «контрреволюционной и корниловской» и требовали, чтобы она сложила с себя полномочия. Последние дни Думы были особенно бурны, потому что рабочие городских учреждений требовали введения хотя бы сносных ставок и грозили забастовкой…

23 (10) ноября Военно-революционный комитет официальным приказом объявил Комитет спасения распущенным. 29 (16) числа Совет Народных Комиссаров постановил распустить и переизбрать петроградскую городскую Думу:

«Ввиду того, что избранная 20 августа… Центральная городская Дума явно и окончательно утратила право на представительство петроградского населения, придя в полное противоречие с его настроениями и желаниями… ввиду того, что наличный состав думского большинства, утратившего всякое политическое доверие, продолжает пользоваться своими формальными правами для контрреволюционного противодействия воле рабочих, солдат и крестьян, для саботажа и срыва планомерной общественной работы, Совет Народных Комиссаров считает необходимым призвать население столицы вынести свое решение по поводу политики городского самоуправления.

С этой целью Совет Народных Комиссаров постановляет:

1. Петроградскую городскую Думу распустить; днем роспуска

считать 17 ноября 1917 года.

2. Всем должностным лицам, избранным Думой настоящего состава, оставаться на своих местах и исполнять все лежащие на них обязанности, впредь до вступления в отправление этих обязанностей должностных лиц, избранных Думой нового состава.

3. Всем служащим петроградского городского самоуправления оставаться при исполнении своих прямых обязанностей, самовольно оставивших службу считать немедленно уволенными.

4. Новые выборы в Петроградскую Думу произвести 26 ноября 1917 года, на основании одновременно с этим издаваемого «Положения о выборах гласных Петроградской городской Думы «от 17 ноября 1917 года».

5. Петроградской городской Думе нового состава собраться 30 ноября 1917 года в 2 часа вечера.

6. Виновные в неподчинении настоящему декрету, а также в умышленной порче или уничтожении городского имущества подвергаются немедленному аресту, для предания их Военно-Революционному Суду…».

Несмотря на этот декрет, Дума продолжала собираться, выносить резолюции о «защите своих позиций до последней капли крови» и отчаянно взывать к населению, чтобы оно спасло «свое выборное городское самоуправление». Но население оставалось безразличным или враждебным. 30 (17) ноября городской голова Шрейдер и еще несколько членов Думы были арестованы, допрошены и выпущены. В этот и в следующий день Дума все еще собиралась, причем ее заседания часто прерывались красногвардейцами и матросами; они вежливо приглашали собрание разойтись. 2 декабря (20 ноября) во время речи одного из членов Думы в Николаевский зал вошел офицер с несколькими матросами и приказал собранию разойтись, угрожая в противном случае применить силу. Дума вынесла последнюю резолюцию протеста, но в конце концов «уступила насилию».

Новая Дума, избранная через 10 дней, оказалась почти поголовно большевистской. «Умеренные» социалисты отказались принять участие в выборах.

* * *

Но еще оставалось несколько центров опасной оппозиции. Таковы были Украинская и Финляндская «республики», совершенно не скрывавшие своих антисоветских тенденций.

Гельсингфорсское и Киевское правительства собирали вокруг себя надежные воинские части и принимались за искоренение большевизма, за разоружение и высылку русских войск. Украинская рада захватила власть над всей южной Россией и поддерживала Каледина людьми и снаряжением. Финляндия и Украина вступили в тайные переговоры с немцами и, кроме того, были немедленно признаны правительствами союзников, которые предоставили им крупные займы, поддерживая их имущие классы в создании контрреволюционных центров для нападения на Советскую Россию. В конце концов, когда большевизм победил в обеих этих странах, разбитая буржуазия призвала немцев, которые и восстановили ее власть…

Но наиболее страшная опасность грозила Советскому правительству со стороны внутреннего врага о двух головах – калединское движение и ставка в Могилеве, где командование было в руках генерала Духонина.

Вездесущий Муравьев был назначен командующим войсками, сражавшимися против казаков. Среди рабочих фабрик и заводов производился набор в Красную Армию. На Дон отправились сотни пропагандистов. Совет Народных Комиссаров выпустил воззвание к казакам, в котором разъяснялось, что такое Советское правительство, и рассказывалось, как имущие классы – чиновники, помещики, банкиры и их союзники, казачья знать и генералы – пытались задушить революцию, чтобы тем самым не допустить перехода своих богатств в народные руки.

27 (14) ноября в Смольный, к Ленину и Троцкому, явилась казачья делегация. Делегаты спросили, правда ли, что Советское правительство собирается разделить казачьи земли между крестьянами Великороссии? «Нет», – отвечал Троцкий. Казаки пошептались между собой. «А не собирается ли Советское правительство, – спросили они, – отобрать имения у наших помещиков и разделить их между трудящимися казаками?» Им ответил Ленин. «Это, – сказал он, – уже ваше дело. Мы поддержим трудовых казаков во всех их действиях… Начинать лучше всего с создания казачьих Советов. Тогда вы получите представительство в ЦИК, и тогда он станет и вашим правительством».

Казаки ушли в глубоком раздумье. Через две недели к генералу Каледину явилась делегация от его войск. «Обещаете ли вы, – спросили делегаты, – разделить помещичьи имения между трудовыми казаками?» «Только перешагнув через мой труп», – ответил Каледин.

Через месяц, видя, что его армия тает на глазах, он застрелился. Казачье движение прекратилось…

В это же время в Могилеве собрался старый ЦИК – «умеренно-

социалистические вожди от Авксентьева до Чернова, активные руководители старых армейских комитетов, реакционное офицерство. Штаб упорно отказывался признать Совет Народных Комиссаров. Он стянул вокруг себя батальоны смерти, георгиевских кавалеров и фронтовых казаков и тайно завязал тесные связи с союзными военными атташе, с калединским движением и с Украинской радой…

Союзные правительства не дали никакого ответа на декрет о мире от 8 ноября (26 октября), в котором съезд Советов предлагал всеобщее перемирие.

20 (7) ноября Троцкий обратился к союзным послам со следующей нотой:

«Сим честь имею известить вас, господин посол, что Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов организовал 26 октября новое правительство Российской республики в виде Совета Народных Комиссаров! Председателем этого правительства является Владимир Ильич Ленин, руководство внешней политикой поручено мне в качестве народного комиссара но иностранным делам.

Обращая ваше внимание на одобренный Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов текст предложения перемирия и демократического мира без аннексий и контрибуций, на основе самоопределения народов, честь имею просить вас смотреть на указанный документ, как па формальное предложение немедленного перемирия на всех фронтах и немедленного открытия мирных переговоров, предложение, с которым полномочное правительство Российской республики обращается одновременно ко всем воюющим народам и к их правительствам.

Примите уверение, господин посол, в глубоком уважении Советского Правительства к Народу Франции, который не может не стремиться к миру, как и все остальные народы, истощенные и обескровленные этой беспримерной бойней…».

В ту же ночь Совет Народных Комиссаров телеграфировал генералу Духонину:

«Совет Народных Комиссаров считает необходимым безотлагательно сделать формальное предложение перемирия всем воюющим странам, как союзным, так и находящимся с нами во враждебных действиях. Соответственное извещение послано народным комиссаром по иностранным делам всем полномочным представителям союзных стран в Петрограде. Вам, гражданин верховный главнокомандующий, Совет Народных Комиссаров поручает… обратиться к военным властям неприятельских армий с предложением немедленного приостановления военных

действий в целях открытия мирных переговоров.

Возлагая на вас ведение этих предварительных переговоров, Совет Народных Комиссаров приказывает вам: 1) непрерывно докладывать Совету по прямому проводу о ходе ваших переговоров с представителями неприятельских армий; 2) подписать акт перемирия только с предварительного согласия Совета Народных Комиссаров…».

* * *

Союзные послы встретили ноту Троцкого презрительным молчанием и дали в газеты анонимные интервью, полные пренебрежительных насмешек. Приказ, отправленный Духонину, открыто характеризовался как акт измены…

Что до Духонина, то он не подавал никаких признаков жизни. В ночь на 22 (9) ноября его вызвали по прямому проводу и спросили, намерен ли он подчиниться приказу. Духонин ответил, что он может подчиниться только приказам, исходящим от «правительства, поддерживаемого армией и страной».

Немедленно, по телеграфу, он был смещен с поста верховного главнокомандующего, и на его место назначили Крыленко. Следуя своей тактике обращения к массам, Ленин разослал радиограмму по всем полковым, дивизионным и корпусным комитетам, ко всем солдатам и матросам армии и флота, сообщая об отказе Духонина и приказывая: «пусть полки, стоящие на позициях, выбирают тотчас уполномоченных для формального вступления в переговоры о перемирии с неприятелем…». 23 (10) ноября военные атташе союзных держав, действуя на основании инструкции своих правительств, адресовали Духонину ноту, в которой официально предупреждали его, чтобы он «не нарушал договоров, заключенных между державами Антанты». Дальше в ноте говорилось, что заключение сепаратного перемирия с Германией «повлечет за собою самые серьезные последствия» для России. Духонин немедленно разослал эту ноту по всем солдатским комитетам…

На следующее утро Троцкий обратился к войскам с новым призывом, в котором охарактеризовал ноту союзных представителей как явное вмешательство во внутренние дела России и как дерзкую попытку «путем угроз заставить русскую армию и русский народ продолжать дальше войну во исполнение договоров, заключенных царем…».

Из Смольного непрерывным потоком неслись прокламации за прокламациями, разоблачая Духонина и сгруппировавшееся

вокруг него контрреволюционное офицерство, разоблачая реакционных политиканов, собравшихся в Могилеве, подымая по всему тысячеверстному фронту миллионы гневных и подозрительных солдат. И в то же время Крыленко в сопровождении трех отрядов беззаветно преданных матросов отправился в ставку, грозя беспощадным возмездием. Солдаты повсюду принимали его восторженными овациями – сплошной триумф. Центральный армейский комитет выпустил декларацию, в которой заступался за Духонина, и тотчас же на Могилев двинулось десять тысяч войска…

2 декабря (19 ноября) могилевский гарнизон восстал, захватил город, арестовал Духонина и армейский комитет и с победными красными знаменами вышел навстречу новому верховному главнокомандующему. На следующее утро Крыленко прибыл в Могилев и застал ревущую, беснующуюся толпу у вагона, в котором содержался арестованный Духонин. Крыленко произнес речь, в которой умолял солдат не трогать Духонина, поскольку его следовало увезти в Петроград, где он должен был предстать перед судом революционного трибунала. Когда он кончил, Духонин неожиданно появился у окна вагона, как бы собираясь тоже обратиться к толпе. Народ с диким воплем кинулся к вагону, вытащил старого генерала и тут же, на платформе, растерзал его. Так кончился мятеж ставки…

* * *

Советское правительство, колоссально усилившееся в результате падения последней цитадели враждебных ему военных сил, уверенно принялось за организацию нового государства. Многие старые чиновники стали под его знамена, многие члены других партий поступили на советскую службу. Впрочем, те из них, которые рассчитывали на большое жалованье, были разочарованы декретом о ставках советских служащих, который установил оклад народного комиссара, т. е. самый высший оклад, – в 500 рублей (около 50 долларов) в месяц… Забастовка государственных служащих, руководимая Союзом союзов, провалилась, финансовые и коммерческие группы, стоявшие за ней, перестали поддерживать ее. Банковские служащие тоже вернулись на работу…

Декрет о национализации банков, создание Высшего совета народного хозяйства, проведение в жизнь декрета о земле, демократическая реорганизация армии, стремительные изменения во всех отраслях государственного управления и

жизни – все это, осуществляясь волей рабочих, солдатских и крестьянских масс, начинало постепенно, со многими ошибками и задержками выковывать пролетарскую Россию.

Не компромиссами с господствующими классами или с другими политическими лидерами, не примирением со старым правительственным аппаратом завоевали большевики власть. Но они сделали это и не путем организованного насилия маленькой клики. Если бы широкие массы российского населения не были готовы к восстанию, оно потерпело бы неудачу. Единственная причина огромного успеха большевиков кроется в том, что они осуществили глубокие и простые стремления широчайших слоев населения, призвав их к работе по разрушению и искоренению старого, чтобы потом вместе с ними возвести в пыли падающих развалин остов нового мира…

Крестьянский съезд

18 (5) ноября выпал снег. Проснувшись утром, мы увидели, что карнизы окон совсем побелели. Снег был такой густой, что в десяти шагах ничего не было видно. Грязь исчезла. Хмурый город вдруг стал ослепительно белым. Дрожки сменились санками, с головокружительной быстротой несущимися по неровным улицам. Бороды до смешного закутанных извозчиков замерзли и превратились в ледяные сосульки… Несмотря на революцию, с ошеломляющей быстротой увлекавшей Россию в неизвестное и грозное будущее, город встретил первый снег общей радостью. На всех устах была улыбка, люди выбегали на улицу и со смехом ловили мягкие, кружащиеся в воздухе снежинки. Все серые тона пропали, только золотые и разноцветные шпили и купола просвечивали из-под белоснежного покрова. Снег только усилил их своеобразную первобытную красоту.

В полдень даже взошло солнце, бледное и немощное, но все-таки солнце. Исчезли насморки и ревматизмы, одолевавшие город в дождливые месяцы. Жизнь пошла веселей, и даже революция стала развертываться ускоренным ходом…

Однажды вечером я сидел в трактире напротив ворот Смольного. Трактир назывался «Хижина Дяди Тома», и красногвардейцы часто посещали его шумное и низкое помещение. Теперь они тоже толпились здесь вокруг покрытых грязными скатертями столиков с огромными фарфоровыми чайниками, наполняя комнаты густым табачным дымом. Половые летали во все стороны, выкрикивая: «Сейчас! Сейчас!».

В одном углу сидел человек в форме капитана и пытался произнести речь, но присутствующие прерывали его через каждые несколько слов.

«Вы не лучше убийц! – шумел он. – Расстреливаете на улицах своих же русских братьев!»

«Когда мы это делали?» – спросил рабочий.

«В прошлое воскресенье, когда юнкера…» «А они разве не стреляли в нас? (Один из присутствующих приподнял руку, висевшую на перевязи.) Они мне оставили памятку, дьяволы!»

Капитан напрягал голос изо всех сил. «Вам надо было держать нейтралитет! – кричал он. – Вам надо было держать нейтралитет! Кто вы такие, что смеете низвергать законное правительство? Кто такой ваш Ленин? Германский…»

«А ты кто такой?! Контрреволюционер! Провокатор!» – кричали ему со всех сторон.

Когда шум несколько стих, капитан встал.

«Ладно, – сказал он, – вы называете себя русским народом, но русский народ это не вы! Русский народ – это крестьяне! Вот погодите, крестьяне…»

«И погодим, – кричали ему спорщики, – и посмотрим, что скажут крестьяне! Мы-то знаем, что они скажут!.. Разве они не такие же трудящиеся, как и мы?..»

* * *

В конечном счете все зависело именно от крестьян. Хотя крестьяне были политически плохо развиты, но все-таки они имели свои собственные взгляды, а кроме того, составляли больше 80% населения России. Среди крестьянства у большевиков было сравнительно мало последователей, а прочная диктатура одних промышленных рабочих в России была невозможна… Традиционным представителем крестьянства была партия эсеров. Поэтому руководство им, естественно, отходило к левым эсерам, а не к какой-либо другой из партий, поддерживавших Советское правительство. И левые эсеры, зависевшие от милости организованного городского пролетариата, бесконечно нуждались в крестьянской поддержке…

Но Смольный вовсе не забывал о крестьянах. Издав декрет о земле, новый ЦИК первым делом созвал Всероссийский крестьянский съезд, действуя через голову исполнительного комитета крестьянских Советов. Спустя несколько дней были опубликованы подробно разработанные правила для волостных земельных комитетов, а за ними последовали ленинские письма к крестьянам, просто и понятно рассказывавшие о большевистской революции и о новом правительстве. Наконец, 16 (3) ноября Ленин и Милютин опубликовали «Инструкцию эмиссарам, посылаемым в провинцию». Тысячи таких эмиссаров Советское правительство разослало по деревням.

«1. Эмиссар по прибытии в указанную губернию созывает совещание Исполнительного Комитета Советов Р., С. и Кр. Депутатов, где докладывает о земельном законе, ставит вопрос о созыве совещания уездных и губернских Советов Р., С. и Кр. Д.

2. Выясняет положение земельного вопроса в губернии: а) были или нет взяты помещичьи земли на учет и где и в каких уездах;

б) кто распоряжается помещичьими землями: земельные комитеты или по-прежнему помещики;

в) как поступали с инвентарем.

3. Увеличивался ли посев у крестьян.

4. Сколько грузится из того наряда, который назначен на губернию.

5. Указывать, что раз крестьяне получили землю, то необходимо как можно больше усилить погрузку и ускорить доставку хлеба по городам, и только таким увеличением доставки хлеба можно устранить угрозу голода.

6. Какие меры намечаются и принимались для перехода помещичьей земли в руки волостных и земельных комитетов и Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

7. Имения хорошо устроенные и оборудованные желательно передать в распоряжение Советов батрацких депутатов под соответствующим руководством агрономов…».

В деревне началось брожение, чреватое переменами, и причиной его было не только мощное действие декрета о земле, но и тысячи революционно настроенных солдат-крестьян, возвращавшихся с фронта… Именно эти люди с особенной радостью приветствовали созыв Крестьянского съезда.

Как старый ЦИК пытался не допустить II съезда рабочих и солдатских депутатов, так и исполнительный комитет крестьянских Советов пытался предотвратить Крестьянский съезд, созванный Смольным. А увидя, что сорвать этот съезд не удается, исполнительный комитет тоже подобно старому ЦИК принялся с лихорадочной поспешностью рассылать телеграммы, предписывая избирать консервативных делегатов. Среди крестьян даже распространили слух, будто съезд соберется в Могилеве, и некоторые из делегатов действительно туда и направились. Но к 23 (10) ноября в Петрограде собралось около четырехсот делегатов, и начались фракционные совещания…

Первое заседание съезда состоялось в Александровском зале городской думы, и первое же голосование показало, что больше половины делегатов съезда были левыми эсерами, тогда как большевиков оказалось около одной пятой, правых эсеров – четверть, а остальные делегаты объединялись только оппозицией к старому исполнительному комитету, возглавляемому Авксентьевым, Чайковским и Пешехоновым…

Огромный зал был набит шумной толпой. Глубокая, упорная вражда разделила делегатов на непримиримые группы. На правой стороне сверкали офицерские погоны, были видны патриархальные бородатые лица пожилых, более зажиточных крестьян, в центре было немного крестьян, унтер-офицеров и несколько солдат, слева же сидели почти исключительно рядовые солдаты. То было молодое поколение, служившее в армии… Галереи были переполнены рабочими, которые в России еще помнят о своем крестьянском происхождении… Открывая

заседание, исполнительный комитет не в пример старому ЦИК отказал съезду в официальном признании: официальный съезд был назначен на 13 декабря (30 ноября). Под гром аплодисментов и яростных криков представитель исполнительного комитета заявил, что настоящее собрание является не более как «Чрезвычайной конференцией»… Но «Чрезвычайная конференция» очень скоро показала свое отношение к исполнительному комитету, избрав в председатели вождя левых эсеров Марию Спиридонову.

Почти весь первый день ушел на ожесточенные споры о том, допускать ли к участию в съезде представителей волостных Советов или только делегатов от губернских организаций. Но в конце концов, как было и на съезде рабочих и солдат, подавляющее большинство высказалось за самое широкое представительство. После этого старый исполнительный комитет покинул зал заседания…

Почти непосредственно после этого стало очевидным, что большинство делегатов настроено враждебно к правительству народных комиссаров. Зиновьев пытался говорить от имени большевиков, но его освистали и ошикали, и, когда он среди смеха уходил с трибуны, раздались выкрики: «Сел в лужу народный комиссар!».

«Мы, левые социалисты-революционеры, – кричал провинциальный делегат Назарьев, – отказываемся признать это так называемое рабоче-крестьянское правительство, пока в нем не будут представлены крестьяне. В настоящее время это есть не что иное, как диктатура рабочих… Мы настаиваем на создании нового правительства, которое представляло бы всю демократию!»

Реакционные делегаты изо всех сил поддерживали такое настроение и, несмотря на громкие протесты с большевистских скамей, утверждали, что Совет Народных Комиссаров намерен либо подчинить себе съезд, либо распустить его вооруженной силой. Крестьяне встретили это заявление бурей негодования…

* * *

На третий день на трибуне неожиданно появился Ленин. Зал бесновался не меньше десяти минут. «Долой его! – ревел зал. – Не хотим слушать ваших народных комиссаров! Не признаем вашего правительства!»

Ленин стоял совершенно спокойно, охватив пюпитр обеими руками и вдумчиво оглядывал беснующуюся толпу своими

прищуренными глазами. Наконец, шум в зале как бы иссяк, за исключением правых скамей, где все еще продолжали кричать и свистеть.

«Я пришел сюда не как член Совета Народных Комиссаров, – сказал Ленин и снова подождал, пока спадет шум, – а как член большевистской фракции, надлежащим образом избранный на настоящий Съезд». И он высоко поднял над головой мандат, так, чтобы все могли его видеть.

«Впрочем, – продолжал он совершенно спокойным голосом – никто не станет отрицать, что теперешнее русское правительство сформировано большевистской партией… – он подождал еще секунду… – так что, в сущности, это одно и то же…» Тут правые скамьи разразились оглушительным криком, но центр и левая заинтересовались и добились тишины.

Аргументация Ленина была проста. «Скажите откровенно, вы, крестьяне, которым мы отдали помещичьи земли: неужели вы теперь хотите помешать рабочим захватить контроль над производством? Ведь это классовая борьба. Помещики, разумеется, борются с крестьянами, а фабриканты борются с рабочими. Неужели вы хотите довести до раскола в рядах пролетариата? На какой стороне вы хотите быть?

Мы, большевики, являемся партией пролетариата, – точно так же крестьянского пролетариата, как и пролетариата промышленного. Мы, большевики, стоим за Советы, – точно так же за крестьянские Советы, как и за Советы рабочих и солдат. Современное правительство есть правительство советское, – и мы не только предложили крестьянским Советам принять участие в этом правительстве, но и пригласили представителей левых эсеров войти в Совет Народных Комиссаров…

Советы являются наиболее совершенным представительством народа, – как того, который работает на заводах и в рудниках, так и того, который работает на полях. Всякий, кто пытается подорвать Советы, повинен в антидемократических контрреволюционных действиях. И я позволю себе заметить вам, товарищи правые эсеры, и вам, господа кадеты, что если Учредительное Собрание попытается разрушить Советы, то мы этого Учредительному Собранию не позволим!»

К вечеру 25 (12) ноября спешно прибыл из Могилева Чернов, вызванный исполнительным комитетом. Всего два месяца назад он считался крайним революционером и пользовался очень большой популярностью среди крестьянства, а теперь его вызывали, чтобы он удержал опасный уклон съезда влево. По прибытии в Петроград Чернов был арестован и доставлен в Смольный, где его быстро допросили и выпустили.

Первым его делом было жестоко разнести исполнительный комитет за уход со съезда. Исполнительный комитет согласился вернуться. При входе в зал Чернов был встречен сильными аплодисментами большинства, свистками и насмешками большевиков.

«Товарищи, я был в отсутствии. Я принимал участие в конференции XII армии по вопросу о созыве съезда всех крестьянских делегатов армий Западного фронта и очень мало знаю о происшедшем здесь восстании…»

Зиновьев вскочил с места и закричал: «Да, вас не было – несколько минут!». Страшный шум, крики: «Долой большевиков!».

Чернов продолжал: «Выдвигаемое против меня обвинение в том, что я будто помогал вести целую армию на Петроград, лишено всякого основания и является сплошной ложью. Откуда исходит подобное обвинение? Укажите мне источники!».

Зиновьев: «Оно исходит из ваших собственных газет, из «Известий» и «Дела Народа»!»

Широкое лицо Чернова, окаймленное седеющей бородой и вьющимися волосами, побагровело от гнева. Его маленькие глазки сверкали. Но он сдержался и продолжал: «Повторяю, я фактически ничего не знаю о том, что здесь произошло. Я не вел никакой армии, кроме вот этой. (Он жестом указал на крестьянских депутатов.) И я полностью беру на себя ответственность в том, что довел ее до этого зала!» Смех, крики «браво!».

«Вернувшись в Петроград, я посетил Смольный. Там мне таких обвинений не предъявляли… После очень короткого разговора меня отпустили – вот и все! Пусть кто-нибудь из присутствующих повторит это обвинение!»

Поднялся страшный шум. Большевики и некоторые из левых эсеров вскочили с мест и принялись кричать, потрясая кулаками, а остальные делегаты пытались перекричать их.

«Это не заседание, а сплошное безобразие!» – воскликнул Чернов. С этими словами он ушел из зала. Из-за шума и беспорядка пришлось прервать заседание…

* * *

Между тем всех очень волновал вопрос о положении исполнительного комитета. Объявляя собрание «Чрезвычайной конференцией», он имел в виду не допустить переизбрания исполнительного комитета, но это оказалось палкой о двух концах: левые эсеры решили, что если съезд не имеет власти над

исполнительным комитетом, то и исполнительный комитет не имеет власти над съездом. 25 (12) ноября собрание постановило, что полномочия исполнительного комитета переходят к Чрезвычайной конференции и что право голоса имеют только те члены исполкома, которые избраны в качестве делегатов…

На следующий день, несмотря на отчаянное противодействие большевиков, была принята поправка к этой резолюции, давшая право совещательного и решающего голоса всем членам исполнительного комитета, независимо от того, были ли они избраны делегатами, или нет.

27 (14) состоялись прения по земельному вопросу, вскрывшие различие аграрных программ большевиков и левых эсеров.

Качинский, выступавший от имени левых эсеров, сделал краткий обзор истории земельного вопроса за время революции. Первый съезд крестьянских Советов, сказал он, совершенно точно и формально высказался за немедленную передачу помещичьих имений земельным комитетам. Но руководители революции и представители буржуазии во Временном правительстве настояли на том, что вопрос не может быть решен до открытия Учредительного собрания… Второй период революции, период «соглашательский», отмечен вхождением Чернова в министерство. Крестьяне были уверены, что теперь немедленно начнется практическое разрешение земельного вопроса. Но, несмотря на недвусмысленно выраженную волю Первого крестьянского съезда, реакционеры и соглашатели из исполнительного комитета не допускали никаких действий. Такого рода политика повела к целому ряду аграрных волнений, явившихся вполне естественным выражением нетерпения и подавленной энергии крестьянства. Крестьяне поняли истинную сущность революции и пытались перейти от слов к делу…

«Последние события, – продолжал оратор, – это не простой мятеж и не «большевистская авантюра», а, наоборот, настоящее народное восстание, сочувственно встреченное всей страной…

В общем, большевики заняли в земельном вопросе правильную позицию; но, советуя крестьянам захватывать землю силой, они совершили очень серьезную ошибку… Большевики с первых же дней заявили, что крестьяне должны захватить землю «путем массового революционного действия». Это не что иное, как анархия. Земля может быть взята организованно… Для большевиков было важно как можно скорее разрешить все проблемы революции, но тем, как будут разрешены эти проблемы, большевики не интересовались…

Декрет о земле, изданный съездом Советов, в основном вполне соответствует решениям Первого крестьянского съезда.

Почему же новое правительство не хочет следовать и тактике, намеченной этим съездом? Потому что Совет Народных Комиссаров хотел ускорить разрешение вопроса о земле так, чтобы Учредительному собранию нечего было делать…

Но правительство видело, что необходимы и практические меры. Поэтому оно без дальнейших размышлений утвердило «Правила для земельных комитетов» и тем самым создало очень странное положение: ведь Совет Народных Комиссаров отменил частную собственность на землю, а правила, созданные земельными комитетами, основаны на принципе частной собственности… Однако это не беда, потому что земельные комитеты не обращают на советские декреты никакого внимания и проводят в жизнь свои собственные практические решения – решения, опирающиеся на волю огромного большинства крестьян…

Земельные комитеты не пытаются разрешать земельный вопрос законодательным путем, что является прерогативой одного лишь Учредительного собрания… Но захочет ли Учредительное на местах собрание исполнить волю русского крестьянства? В этом мы не можем быть уверены… Мы можем быть уверены только в том, что революционная решимость крестьянства сильно возросла и что Учредительное собрание будет вынуждено разрешить вопрос о земле так, как того хотят крестьяне… Учредительное собрание не осмелится пойти на разрыв с ясно выраженной волей народа…»

* * *

После Качинского выступил Ленин, которого на этот раз слушали с огромным вниманием.

«В настоящий момент мы пытаемся разрешить не только вопрос о земле, но и вопрос о социальной революции, – и притом не только здесь, в России, но и во всем мире. Вопрос о земле не может быть разрешен вне зависимости от прочих вопросов социальной революции… Так, например, конфискация крупных имений вызовет сопротивление не только со стороны русских помещиков, но и со стороны иностранного капитала, с которым крупная земельная собственность связана через посредство банков…

В России частная собственность на землю представляет собой основу громадного гнета, и конфискация земли крестьянами есть один из важнейших шагов нашей революции. Но он не может быть отделен от других шагов, что совершенно ясно видно во всех

стадиях, через которые прошла наша революция… Ошибка левых эсеров состояла в том, что в то время они не боролись с соглашательской политикой, ибо они придерживались теории, что сознание масс еще недостаточно развито…

Если социализм может быть осуществлен только тогда, когда это позволит умственное развитие народных масс, тогда мы не увидим социализма даже и через пятьсот лет… Социалистическая политическая партия – авангард рабочего класса; она не должна позволить, чтобы ее останавливал низкий уровень развития масс, а должна вести массы за собой, пользуясь Советами, как органами революционной инициативы… Но для того, чтобы вести за собой колеблющихся, товарищи левые эсеры должны сами перестать колебаться…

Народные массы начали отходить от соглашателей еще в июле, – а теперь, в ноябре, левые эсеры все еще протягивают руку Авксентьеву, цепляющемуся за жалкие остатки своей популярности… Если будет продолжаться соглашательство, то революция погибнет. Не может быть никакого соглашения с буржуазией; ее власть должна быть окончательно свергнута.

Мы, большевики, не меняли своей земельной программы, мы не отказывались и не собираемся отказываться от уничтожения частной собственности на землю. Мы приняли «Правила для земельных комитетов», – которые вовсе не основаны на принципе частной собственности, – потому что хотели исполнить волю народа тем самым путем, который избрал для этого сам народ, и, таким образом, еще теснее сплотить союз всех элементов, борющихся за социалистическую революцию.

Мы приглашаем левых эсеров войти в этот союз, но при этом настаиваем, чтобы они перестали оглядываться назад и порвали с соглашательским крылом своей партии…

Что же касается Учредительного Собрания, то совершенно верно, что, как сказал предыдущий оратор, работа Учредительного Собрания будет определяться революционной решимостью масс. На революционную решимость надейся, – говорю я, а винтовку из рук не выпускай!»

После этого Ленин огласил резолюцию большевиков:

«Крестьянский съезд всецело и всемерно поддерживает закон (декрет) о земле от 26 октября 1917 г., утвержденный Вторым Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов и изданный Советом Народных Комиссаров, как временным рабочим и крестьянским правительством Российской республики. Крестьянский съезд выражает свою твердую и непреклонную решимость отстоять грудью осуществление этого закона, призывает всех крестьян к единодушной поддержке его и к

немедленному проведению в жизнь на местах самими крестьянами, а равно призывает крестьян выбирать на все и всякие ответственные посты и должности исключительно таких людей, которые не словами, а делами доказали свою полнейшую преданность интересам трудящихся и эксплуатируемых крестьян, свою готовность и способность отстаивать эти интересы вопреки какому бы то ни было сопротивлению помещиков, капиталистов и их сторонников или пособников.

Крестьянский съезд заявляет вместе с тем свое убеждение в том, что осуществление полностью всех мероприятий, составляющих закон о земле, возможно только при успехе начавшейся 25 октября рабочей социалистической революции, ибо только социалистическая революция в состоянии обеспечить и безвозмездный переход земли к трудящемуся крестьянству, и конфискацию помещичьего инвентаря, и полную охрану интересов наемных рабочих в земледелии, наряду с немедленными началами безусловного уничтожения всей системы наемного капиталистического рабства, и правильное и планомерное распределение между областями и жителями государства продуктов земледелия и продуктов промышленности, и господство над банками (без какового господства невозможно господство народа над землей при отмене и частной собственности на землю), и всестороннюю помощь именно трудящимся и эксплуатируемым со стороны государства и т. д.

Поэтому крестьянский съезд, всецело поддерживая революцию 25 октября, и поддерживая ее именно как революцию социалистическую, выражает свою непреклонную решимость в должной постепенности, но без всяких колебаний, проводить и жизнь меры социалистического преобразования Российской республики.

Необходимым условием победы социалистической революции, которая одна лишь обеспечивает прочный успех и полное осуществление закона о земле, является полный союз трудового, эксплуатируемого и трудящегося крестьянства с рабочим классом – пролетариатом – во всех передовых странах. В Российской республике отныне все устройство и управление государством сверху донизу должно быть построено на таком союзе. Такой союз, отметая все и всяческие, прямые и косвенные, открытые и прикрытые попытки вернуться к осужденному жизнью соглашательству с буржуазией и с проводниками буржуазной политики, один лишь обеспечит победу социализма во всем мире».

* * *

Реакционеры из исполнительного комитета уже не решались на открытые выступления. Однако Чернов несколько раз выходил на трибуну и говорил со скромной и подкупающей беспристрастностью. Ему предложили место в президиуме… На вторую ночь съезда председателю была подана анонимная записка с предложением избрать Чернова почетным председателем. Устинов огласил эту записку, но тут Зиновьев вскочил с места и закричал, что это уловка старого исполнительного комитета, желающего овладеть собранием. Зал заседания немедленно превратился в ревущую массу яростных лиц и размахивающих кулаков, обе стороны буквально выходили из себя… Однако Чернов все еще сохранял большую популярность.

Во время бурных споров о земельном вопросе и о ленинской резолюции большевики дважды собирались уходить со съезда, но вожди все-таки удержали их… Мне казалось, что съезд безнадежно раскололся.

Но никто не знал, что в Смольном уже ведутся секретные переговоры между левыми эсерами и большевиками. Сначала левые эсеры требовали, чтобы было создано правительство из представителей всех социалистических партий, как входящих, так и не входящих в Советы. Они требовали, чтобы это правительство было ответственно перед Народным Советом, состоящим из равного числа делегатов от рабочих и солдатских организаций и организаций крестьян, пополненным представителями городских дум и земств. Они требовали исключения Ленина и Троцкого из правительства, а также роспуска Военно-революционного комитета и других репрессивных органов.

Соглашение было достигнуто утром в среду, 28 (15) ноября, после ожесточенной борьбы, тянувшейся всю ночь. В ЦИК, состоявший из 108 членов, было решено ввести еще 108 членов, избранных пропорционально от Крестьянского съезда, 100 делегатов, избираемых непосредственно армией и флотом, и 50 представителей от профессиональных союзов (35 от всероссийских союзов, 10 от железнодорожников и 5 от почтово-телеграфных служащих). Думы и земства были отведены, Ленин и Троцкий остались в правительстве, и Военно-революционный комитет продолжал свою работу.

Заседания съезда были перенесены в императорское училище правоведения, на Фонтанку, 6, где помещался исполком крестьянских Советов. Здесь, в огромном зале заседаний, собрались делегаты в среду вечером. Старый исполнительный комитет ушел и открыл свое особое заседание в другой комнате того же дома, при участии отколовшихся делегатов и

представителей армейских комитетов.

Чернов переходил из собрания в собрание, зорко следя за всем происходящим. Он знал, что соглашение с большевиками уже обсуждалось, но не знал, что оно уже достигнуто.

«Теперь, когда все стоят за создание общесоциалистического правительства, – говорил он на собрании отколовшихся, – многие забывают о первом министерстве, которое не было коалиционным и в котором был только один социалист – именно Керенский. В свое время это правительство было ведь очень популярно. Теперь все обвиняют Керенского, все забывают, что он был поставлен у власти не только Советами, но и народными массами…

Почему же общественное мнение повернулось против Керенского? Дикари делают себе богов и молятся им, но если боги не исполняют их молитв, то дикари их наказывают. То же самое происходит и сейчас… Вчера Керенский, сегодня Ленин и Троцкий, а завтра еще кто-нибудь…

Мы предложили уйти от власти и Керенскому, и большевикам. Керенский согласился, – сегодня он заявил из своего убежища, что отказывается от поста министра-председателя. Большевики же хотят удержать власть, но не знают, что с ней делать…

Удержатся ли большевики или нет, судьбы России от этого не изменятся. Русская деревня великолепно знает, чего она хочет, и принимает свои собственные меры. И в конце концов спасет нас та же деревня…»

* * *

Между тем в большом зале Устинов сообщил о соглашении между Крестьянским съездом и Смольным. Делегаты приняли это сообщение с бурной и необузданной радостью. Вдруг в зале появился Чернов и потребовал слова.

«Я вижу, – начал он, – что между Крестьянским съездом и Смольным заключается соглашение. Такого рода соглашение будет незаконно, потому что настоящий съезд крестьянских Советов соберется только на той неделе…

Кроме того, я должен предупредить вас, что большевики никогда не исполнят ваших требований…».

Его речь была прервана взрывом хохота. Он быстро учел положение, сошел с трибуны, вышел из зала заседания – и унес с собой всю свою популярность…

Поздно вечером в четверг 29 (16) ноября было открыто чрезвычайное заседание съезда. В воздухе чувствовался праздник,

на всех устах была улыбка. Последние деловые вопросы, еще остававшиеся нерешенными съездом, были быстро покончены, и тогда выступил седобородый старейшина левых эсеров, старик Натансон. Дрожащим голосом, со слезами на глазах, огласил он отчет о «брачном союзе» крестьянских и рабоче-солдатских Советов. Каждый раз, как ему приходилось произносить слово «союз», зал разражался громовыми аплодисментами… Когда Натансон кончил, Устинов возвестил о прибытии делегации Смольного в сопровождении представителей Красной Гвардии. Их встретили грандиозной овацией. Рабочий, солдат и матрос по очереди всходили на трибуну, приветствуя съезд.

Затем выступил представитель Американской социалистической рабочей партии Борис Рейнштейн. «День заключения союза между Крестьянским съездом и Советами рабочих и солдатских депутатов есть один из величайших дней революции. Весть о нем громким эхом облетит весь мир, она раздастся и в Париже, и в Лондоне, и за океаном – в далеком Нью-Йорке. Этот союз наполнит радостью сердца всех трудящихся!

Великая идея восторжествовала. Запад и Америка давно ожидали от России, от русского пролетариата, чего-то необычайного и потрясающего… Мировой пролетариат давно ждал русской революции, давно ждал великих дел, ныне осуществляемых ею…»

После приветствия председателя ЦИК Свердлова огромная крестьянская толпа устремилась на улицу с криками: «Конец гражданской войне! Да здравствует объединенная демократия!».

Ночь уже наступила, и на обледенелом снегу отражались бледные блики луны и звезд. На набережной выстроился в полном походном порядке Павловский полк. Его оркестр играл «Марсельезу». Под громкие приветственные крики солдат крестьяне выстроились в колонну и развернули огромное красное знамя Исполнительного комитета всероссийских Советов крестьянских депутатов, на котором было заново вышито золотом: «Да здравствует союз революционных трудящихся масс!». Затем следовали другие знамена, знамена районных Советов. На знамени Путиловского завода было написано: «Мы преклоняемся перед этим знаменем, чтобы создать братство всех народов!».

Откуда-то появились факелы, осветившие ночь темно-багровым светом. Тысячекратно отражаясь на гранях льда, дымились они над толпой, с пением двигавшейся по набережной Фонтанки под взглядами многочисленных и молчаливых изумленных зрителей.

«Да здравствует революционная армия! Да здравствует Красная Гвардия! Да здравствует крестьянство!»

Так шла через весь город эта огромная процессия. К ней беспрестанно примыкали, над ней развертывались все новые красные знамена, шитые золотом. Двое согбенных трудом старых крестьян шли рука об руку, и на их лицах сияла детская радость.

«Ну, – сказал один из них, – теперь посмотрим, как у нас отымут землю!..»

Около Смольного по обеим сторонам улицы выстроились восторженные красногвардейцы.

«Я совсем не устал, – сказал своему спутнику второй старик-крестьянин. – Я всю дорогу летел, как на крыльях…».

* * *

На ступенях Смольного столпилось около ста рабочих и крестьянских депутатов со знаменами, черневшими на фоне яркого света, бившего из дома. Как волна в бурю, бросились они вниз по лестнице, обнимая крестьян и целуя их. И вся процессия хлынула в двери и с громким шумом стала подыматься по лестнице…

В огромном белом зале заседаний ее ждал весь ЦИК, весь Петроградский Совет и тысячи зрителей. Обстановка была торжественная: все сознавали величие переживаемого исторического момента.

Зиновьев огласил соглашение с Крестьянским съездом. Его сообщение было встречено громом восторга, который превратился в настоящую бурю, когда в коридоре зазвучала музыка и в зал вошли передние ряды шествия. Президиум встал, дал место крестьянскому президиуму и встретил его объятиями. За возвышением, на белой стене, над пустой рамой, из которой был вырезан царский портрет, красовалось два знамени…

И вот открылось торжественное заседание. После нескольких приветственных слов, произнесенных Свердловым, на трибуну взошла худая, бледная женщина в очках, с гладко причесанными волосами, похожая на учительницу из Новой Англии, – самая популярная и влиятельная женщина в России, Мария Спиридонова.

«…Перед русскими рабочими открываются еще невиданные в истории горизонты… До сих пор все рабочие движения неизменно кончались разгромом. Но теперешнее движение интернационально и потому непобедимо! Нет в мире той силы, которая могла бы погасить огонь революции! Старый мир гибнет.

Нарождается новый мир…»

Потом выступил полный огня Троцкий: «Добро пожаловать, товарищи крестьяне! Вы приходите сюда не как гости, а как хозяева этого дома, в котором бьется сердце русской революции! В этом зале ныне сконцентрирована воля миллионов рабочих… Отныне русская земля знает только одного хозяина – союз рабочих, солдат и крестьян…»

Он с едким сарказмом заговорил о дипломатах союзных стран (Антанты), все еще пренебрегавших русским предложением перемирия, уже принятым центральными державами.

В этой войне родится новое человечество… «Здесь, в этом зале, мы клянемся перед трудящимися всех стран оставаться на своем революционном посту. Если мы будем разбиты, то мы умрем, защищая свое знамя…»

Дыбенко приветствовал собрание от имени флота, а член Викжеля Крушинский сказал:

«С этого момента, с момента, когда осуществился союз всех истинных социалистов, – вся армия железнодорожников всецело отдается в распоряжение революционной демократии!».

Потом выступали еле удерживавший слезы Луначарский и Прошьян от левых эсеров и, наконец, Сахарашвили, который заявил от объединенных социал-демократов интернационалистов, состоящих из групп Мартова и Горького:

«Мы ушли из ЦИКа в виде протеста против непримиримой политики большевиков и с целью заставить их сделать уступки для осуществления союза всей революционной демократии. Теперь, когда этот союз осуществлен, мы считаем своим священным долгом снова занять места в ЦИКе… Мы заявляем, что все ушедшие из ЦИКа теперь должны вернуться!..»

Сташков, почтенный старик-крестьянин из президиума Крестьянского съезда, взошел на трибуну и поклонился собранию на все четыре стороны. «Поздравляю вас, товарищи, с крещением новой русской жизни и свободы!»

Потом выступали Вронский – от имени польской социал-демократии, Скрыпник от фабрично-заводских комитетов, Трифонов – от русских солдат, сражавшихся в Салониках, и другие ораторы, изливавшие сердца с радостным красноречием людей, видящих исполнение самых заветных своих надежд.

Стояла поздняя ночь, когда была предложена и единогласно принята следующая резолюция:

«Всероссийский ЦИК Советов Кр. Раб. и Сол. Депутатов совместно с чрезвычайным Всероссийским крестьянским съездом и исп. Советов подтверждает законы о мире и земле, принятые II Всероссийским Съездом Советов Рабочих и Солдатских

Депутатов, а равно закон о рабочем контроле, принятый Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом Советов.

Соединенное заседание ЦИК и Всероссийского крестьянского Съезда, выражая твердую уверенность, что союз рабочих, солдат и крестьян – этот братский союз всех трудящихся и эксплуатируемых, укрепив завоеванную ими государственную власть, примет со своей стороны все революционные меры к ускорению перехода власти в руки трудящихся масс других более передовых стран и обеспечит, таким образом, прочную победу делу справедливого мира и делу социализма…»

Приложение А. Вильямс . Встречи с Лениным (из книги «Путешествие в революцию»)

Октябрьская революция

В среду вечером 25 октября/7 ноября Джон Рид, Луиза Брайант и я наспех пообедали в гостинице «Франс» и вернулись, чтобы следить за событиями в Зимнем дворце, где мы почти весь день слонялись, как туристы. Едва ли это был тур с экскурсоводом, однако из-за нас никто не стал утруждать себя. Когда часовой нерешительно покачал головой, глядя на наши пропуска, выданные Военно-революционным комитетом, мы просто пошли к другому входу и показали наши американские паспорта; от американских корреспондентов можно было ждать всего, что угодно.

Очевидно, мы были единственными, кому довелось оказаться в Зимнем дворце в тот день. Красная гвардия и матросы наводняли дворец начиная с 10 утра, ожидалось, что с минуты на минуту начнется стрельба.

Мы сразу заметили по возвращении, стоя под Красной аркой, что не происходит ничего сенсационного. В нескольких окнах громадного дворца горел свет. Его фасад, выкрашенный в нежно-зеленый цвет, слегка светился в сгущающихся сумерках. Поздней осенью в Петрограде ночь спускается быстро, вероятно, было чуть больше пяти вечера. Еще несколько красногвардейцев и солдат стояли в круговом кордоне, однако все были спокойны, но напряжены.

Очевидно, Зимний дворец все еще был в руках теневого правительства, а министры сбились в кучку где-то внутри. Американским пронырам, стремившимся проникнуть туда, где они не имели права находиться, было отказано лишь в одном: их не пустили в святилище.

И теперь под аркой между собой спорили группа красногвардейцев и солдат. Солдаты были сбиты с толку, они сердито ворчали из-за задержки. Для чего еще ждать? Почему не пойти и не арестовать Керенского и его сборище? Очевидно, они не знали, что Керенский рано утром сбежал в собственной машине, сопровождаемый туристским автомобилем из американского посольства, на котором был прикреплен маленький американский флаг. Бородатый красногвардеец ответил на ворчание:

– Нет, юнкера спрячутся за бабьими юбками. Женский батальон еще там. А потом журналисты скажут, что мы стреляли по женщинам. И кроме того, товарищ, мы подчиняемся дисциплине: никто не должен ничего делать без приказа Комитета.

Солдат не удовлетворил этот ответ. Мы оставили их, пока они еще продолжали препираться, и, перешагивая через лужи, вышли на Невский проспект, а оттуда направились в Смольный, на открытие Второго Всероссийского съезда Советов. У нас были билеты в Мариинский театр на балет, на новый балет, в котором должна была танцевать Карсавина. Но кто бы захотел смотреть балет или даже слушать, как в тот вечер поет великий Шаляпин, или смотреть поставленную Мейерхольдом драму Алексея Толстого «Смерть Иоанна Грозного»?

На широком Невском проспекте всем казалось так, будто те, что были одеты для похода в театр, скорее всего, думали так же, как мы. Видя, как толпы людей неторопливо шествуют по проспекту, мы невольно замедлили шаг. Проспект был заполнен людьми. Я чувствовал, как мне становится все радостнее и веселее, и с удивлением почувствовал комок в горле. Я огляделся по сторонам.

На каждом перекрестке беспечно стояли по нескольку солдат и красногвардейцев, держа наготове штыки. Казалось, что многие из гулявших людей принадлежали к исчезающему сословию. Пожилая женщина, укрытая от холодного ветра короткой собольей накидкой с капюшоном, погрозила пальцем молодому гвардейцу. Вроде бы она ругала его. Я перехватил слова: «день позора». Он усмехнулся ей в ответ, на лице у него было смешанное выражение наглости и терпимости. Пусть буржуи что-то там бормочут, протестуют: сегодня его ночь, его звезда вознеслась.

– Сегодня весь город высыпал на улицы, все, кроме проституток, – заметил Рид.

Да, их нигде не было видно, хотя было поздно; как мухи, предчувствующие надвигающуюся грозу, они скрылись, хотя обычно занимались своим ремеслом на Невском.

* * *

К полудню Николаевский и Балтийский железнодорожные вокзалы, Государственный банк, телеграфное агентство были в руках повстанцев. Красная гвардия и солдаты пробивались к телефонной станции, чтобы перерезать провода в Зимнем дворце,

тем более что все главные государственные здания были захвачены и оставался лишь Зимний дворец. Все это было совершено без кровопролития. Сопротивление было слабым.

И теперь какие признаки насилия мы видели, прогуливаясь по Невскому? Я вспомнил, как какой-то солдат сорвал погоны с плеча офицера в форме, однако самого офицера отпустил. Еще другое «насилие», свидетелем которого я стал, – было совершено молодой девицей в бесформенном жакете. Впереди нас, семеня на высоких каблуках, шла почтенная дама средних лет в меховой шубе, которую она небрежно придерживала, застенчиво глядя на своего спутника. Вдруг молодая ведьма стрелой бросилась к ней.

– Ты, кажется, слишком долго носила это! А теперь возьму я, – проговорила она и, стянув с женщины мех, скрылась в толпе.

По мере того как мы шли дальше, толпа редела. Экипаж нанять было негде, кроме одного, которым правил съежившийся маленький мужичок, который отказался везти нас в Смольный. Странная, непринужденная тишина, почти безмятежность, казалось, опустилась на серый город вместе с туманом.

Звяканье лошадиных подков по деревянной мостовой можно было слышать все громче по мере того, как мы приближались к Садовой. Мы продолжали идти дальше, в основном молча. Даже у Джона не было настроения разговаривать. Звон колокольчика случайной машины слабо раздавался в тишине. Когда мы оставили далеко за собой гуляющих, наши шаги зазвучали в безмолвии улиц.

В то время как по Невскому гуляли толпы дружелюбно настроенных людей, через несколько кварталов в ночи сновали вооруженные машины с автоматами наготове. Внешне революция казалась чем-то законным и даже мягким и обыденным делом, и, вероятно, она не была бы таковой, если бы не громадная организационная работа и не тщательное планирование, с которым она готовилась. Повсюду, как и в Москве, мятеж должен был быть яростным и встретил бы настоящее сопротивление. Пролилось бы немало крови.

И в центре всего этого стоял Ленин, и не в одном лице: символически, как самый сознательный из сознательных сил, которые должны были идти вместе со стихийным ураганом народного движения и дать ему направление. В самом настоящем смысле также Ленин стоял в центре событий: «рабочий К.П. Иванов», который скрылся из Смольного предыдущей ночью, собирал все нити процесса восстания в своих руках.

Некоторые западные историки описывают Ленина как человека, который почти не имел никакого отношения к событиям восстания. Это, конечно, случай намеренной слепоты,

вроде самозащиты, каковой всегда является переписывание истории потому что оказалось невозможным умалить значение Ленина.

Насколько я сейчас могу об этом судить, генеральный курс, которому следовал Военно-революционный комитет, подготовивший почву для событий 24—25 октября/6 – 7 ноября, Ленин обрисовал в своем письме от 8 октября (письмо «Наблюдателя»). Это был план «окружить и отрезать Петроград», «захватить его объединенной атакой флота, рабочих и войск», испытание, которое «потребует искусства и тройной смелости».

– Наши три главные силы – флот, рабочие и армейские соединения – должны действовать настолько сообща, что они должны оккупировать и удерживать любой ценой: а) телефонную станцию; б) телеграф; в) железнодорожные вокзалы; г) и прежде всего, мосты.

Ленин был не единственным, кто считал, что «мосты нужно удерживать прежде всего». У Керенского была та же мысль. И, покидая Смольный, мы слышали стрельбу. Это продолжалось целый день. Молодые офицеры, юнкера, которые обучались в разных военных школах, должны были закрыть мосты и отрезать подступы к рабочим районам Выборга. А матросам нужно было вновь открыть мосты…

* * *

Мы вернулись в Смольный темной ночью. На уличной площади напротив института стояли вооруженные машины, двигатели их работали, а красногвардейцы или матросы стояли у колес. Пушка с трехдюймовым жерлом стояла на площади возле штабелей дров, которые можно было использовать для возводимых наспех баррикад. Они были привезены сюда прошлой ночью, однако тогда не понадобились. Керенский приказал атаковать Смольный днем ранее, 24 октября/6 ноября; однако несколько сотен людей, которые могли бы выполнить этот приказ, не явились.

Около входа с его широкими ступенями стояла пушка и пулеметы, а возле дверей – вооруженные часовые.

Внутри все коридоры бурлили, и, спускаясь по лестнице в гуще других делегатов, многие из которых были рабочими в меховых шапках с перевешенными через плечо ружьями, мы исподтишка следили за Зиновьевым и Луначарским. Петроградский Совет вот-вот должен был открыть заседание. Теперь он непрерывно работал вот уже несколько дней. Казалось,

что весь Петроград собирался здесь после воскресенья 22 октября/4 ноября, каждый день проводилось по шестьдесят митингов. Я даже забежал, чтобы выступить на одном из них; Троцкий, прочитав ответ Центробалта на мои приветствия, в тот день заставил меня произнести речь в Народном доме.

Сильное возбуждение царило на Втором съезде Советов, который должен был собраться в Смольном через несколько часов. Однако Джон привязался к Каменеву и заставил его рассказать, что мы пропустили. Каменев, со своими мутными глазами, прошелестел листками резолюции, говоря с нами по-французски, и ушел прочь.

Я перебросился несколькими словами с Луначарским. Его тонкое лицо было изможденным, воротничок рубашки грязным, обычно тщательно ухоженные усы и козлиная бородка неряшливо растрепались; очевидно, он не спал несколько ночей.

Поняв, что он едва держится на ногах, я не стал давить на него и только упомянул, что мы пришли из Зимнего дворца, и спросил, как там дела. Скоро ли возьмут его?

– Бог знает, – вздохнул он. – Еще столько предстоит сделать.

Ни до Джона, ни до меня не дошло спросить, был ли там Ленин, а когда мы вскоре узнали, что он неожиданно появился в Петроградском Совете, впервые почти за четыре месяца показавшись на публике, Рид рассвирепел. Почему Каменев даже не упомянул об этом? Только подумать о том, что мы пропустили его! Помню, как поразился Рид моему заявлению, когда я сказал:

– Очень трудно увидеться с этим парнем – он то в изгнании, то в ссылке.

Скоро мы натолкнулись на Алекса Гумберга и на Бесси Битти. Алекс, друг Троцкого по Нью-Йорку, где он работал в еженедельнике «Новый мир», уже знал о том, что творилось в Смольном. Однако Риду не хотелось расспрашивать его о чем-либо и выслушивать какие-нибудь его язвительные замечания. Я же пренебрег этим и спросил Гумберга, что произошло во время нашего отсутствия.

А случилось то, что Троцкий открыл собрание в качестве председателя и представил только что завоеванную революционную власть от имени Военно-революционного комитета, в котором он также состоял, Петроградскому Совету.

– Или почти только что завоеванную, – усмехнулся Алекс. – Даже когда он объявил, что «Временное правительство перестало существовать», Троцкий признал, что новой власти не хватает одной маленькой вещи – Зимнего дворца. Однако он пообещал, что «его судьба будет решена через несколько следующих минут». Что ж, минуты прошли, довольно много минут, а он все еще не

взят.

– Однако Троцкий – великий шоумен, – продолжал Гумберг.

Он и сам был шоуменом, и, получая удовольствие оттого, что даже Рид внимательно слушал его, он неторопливо подобрался к той части рассказа, которую все мы жаждали услышать. – Все для него могло обернуться конфузом. В конце концов, он был одной из ключевых фигур, все они в Военно-революционном совете были крайние левые, эсеры и большевики. Люди из Выборга казались немного нетерпеливыми. Здесь он предлагал Советам ключи от города, а старики, за исключением их лидера, Керенского, сидели в неком великолепном одиночестве в Зимнем дворце, защищаемом Женским батальоном и сотней перепуганных юнкеров, но все равно, они были там. Почему с министрами обошлись так церемонно? Но до того, как посыпались вопросы, Троцкий спас ситуацию, представив Ленина. Весь зал словно обезумел. Длительные овации и так далее. А в волнении оттого, что они видят и слышат Ленина, люди из Выборга забыли о таком маленьком дельце, как Зимний дворец.

* * *

– Ну, насколько же важно, в конце концов, чтобы Зимний дворец был взят? – поинтересовалась Луиза Брайант. – Все знают, что теперь город в руках большевиков.

– Да, – осклабился Гумберг, – а Бесси полагает, что революция не была совершена вовремя. Она должна была обедать с премьером в час дня сегодня. Старина Фрэнсис также расстроен, что Керенский уехал, – но счастлив, что сумел немного помочь ему, облегчив его отъезд. Так я слышал.

Рид больше не мог сдерживать свое нетерпение:

– Я хочу знать, что сказал Ленин. И что он думает о том, что не удается взять Зимний дворец? Он об этом упоминал?

– Не знаю, почему это так, – шелковистым, елейным голосом произнес Алекс, – но всякий раз, когда я вижу американских репортеров, они всегда хотят знать, что происходило в тех местах, где их не было. Но везде, где подается хорошая еда и напитки, их можно встретить. Наверное, вы наслаждались неторопливым роскошным завтраком где-нибудь, пока выступал Ленин. В любом случае мой ответ таков: я не делал заметок и никаких подробных записей о собрании. Вам придется самим покопаться, чтобы что-нибудь выяснить.

На самом деле мы ничего не выяснили. У Джона Рида в его книге «Десять дней, которые потрясли мир» упоминается о

«мощной овации», с которой был встречен Ленин, он цитирует Троцкого и Зиновьева, однако он не цитирует Ленина. Суханов находился там и в своих мемуарах приводит слова Ленина: «Сейчас начинается новая эра в истории России, и эта третья русская революция должна окончательно привести к победе социализма».

Чтобы покончить с войной, необходимо преодолеть сам капитализм. В этом нам поможет рабочий класс Италии, Германии и Англии. «В России огромная масса крестьян сказала: «Хватит заигрывать с капиталистами; мы пойдем за рабочими». И он завершил:

«В России мы должны сразу же приняться за работу по строительству пролетарского социалистического государства. Да здравствует мировая социалистическая революция!»

Пытаясь отвлечь собеседников, чтобы предвосхитить пылкий ответ Алекса Риду и не допустить более серьезной вспышки и без того тлеющей войны между ними, я принял точку зрения Луизы Брайант и добавил несколько противоречивых фраз, которые, как я был уверен, привлекут внимание Рида.

– А это правда, что Ленину нелегко было убедить Троцкого в необходимости упреждающего удара и что войска Керенского могли взять собравшихся под стражу, прежде чем откроется съезд? – спросил я Алекса.

– Наверняка вы знаете о Центральном комитете больше, чем я – я не член его, – начал он. Однако ядовитый ответ Гумберга растворился в словах Джона.

– Если вы полагаете, что взятие Зимнего дворца затягивается не преднамеренно… – взорвался он.

– Я не полагаю ничего подобного, – сказал я. – Я думаю, что это – не более того, что мы слышали от гвардейцев, разговаривающих на Дворцовой площади, – если они атакуют, их обвинят в том, что они расстреливают женский батальон. Хотя я не выхватываю слухи, Петерс сказал мне в прошлое воскресенье, что на одном из митингов Центрального комитета даже те, кто выступал за восстание, не могли согласиться насчет даты, поэтому Ленин на самом деле был одинок. Я не говорю о Каменеве, Зиновьеве, Рязанове и так далее. Он сказал, что Троцкий был настолько уверен, что съезд подаст сигнал к революции, что он решил, что лучше будет подождать – и тогда нельзя будет сказать, что это – большевистский переворот. Однако Ленин показал им, насколько опасным все это может оказаться. Это будет играть на руку лишь Керенскому и даст ему шанс собрать всех офицеров вроде Корнилова и двинуть их рать на столицу. Они даже могут оставить незащищенным фронт ради

этого, за что их поблагодарят союзники, до тех пор, пока они будут мешать большевикам захватить власть.

Я видел, даже по бесстрастному лицу Гумберга, что это недалеко от истины.

– Все, что я знаю, – это что Военно-революционный комитет, включая Троцкого, работал день и ночь, чтобы все организовать к сегодняшнему дню, – упрямо заявил Джон.

– Если хотите знать – дворец должен быть захвачен сегодня, если наши друзья-матросы прибудут сюда вовремя, – теперь уже спокойно произнес Гумберг.

* * *

Конечно, Гумберг оказался прав. Пять кораблей задерживались. Н. Подвойский, который вместе с Владимиром Александровичем Антоновым-Овсеенко и Чудновским был ответственным за операцию, пообещал, что Зимний дворец падет к полудню. Однако в полдень кронштадтцы еще не прибыли. И даже когда стало известно, что Керенский около 7 утра покинул дворец и казаки, присланные с фронта, могут прибыть сюда, планы остались неизменными. По плану дворец должен быть окружен гигантским овалом из солдат, красногвардейцев и матросов. «Аврора» и Петропавловская крепость, готовая выстрелить из своих пушек, если приказ о сдаче не последует, а также другие корабли, вызванные из Кронштадта, займут позиции со стороны реки. Революционные подразделения полков и красногвардейцы – по обоим флангам обороны в оставшейся части овала, чтобы не допустить удара с тыла юнкерами и казаками, которых пообещал Керенскому Духонин.

Некоторое время большевикам было неизвестно, что Зимний дворец все еще в контакте со Ставкой в Могилеве и со штабом Северного фронта во Пскове, поскольку эти телефонные линии не проходили через основной телефонный узел. В то время, когда Троцкий говорил Петроградскому Совету, что падение дворца будет делом нескольких минут, он опирался в своих оценках на тот факт, что под давлением со стороны Военно-революционного комитета (в частности, Ленина) захват дворца назначен на три часа утра, и неудачи не должно было быть. Когда наступило 4 утра, захвата все еще не было, но вместо этого стали приходить вести о том, что войска вокруг дворца усилились и ожидаются новые поступления, Подвойский, стиснув зубы, сказал, что «любой ценой» дворец будет взят к шести утра. Но обо всем этом мы узнали позже.

Матросы появились не раньше семи утра; так нам и сказал Гумберг. И все же открытие съезда было отложено, потому что Ленин планировал к моменту открытия взять весь город в руки Военно-революционного комитета.

Рид все еще кипятился.

– Мы говорили о том, что это за задержка, – сказал он. Его глаза, часто вспыхивавшие воинственными огоньками в присутствии Гумберга, теперь мрачно светились. – Но если Ленин и вправду завоевал комитет, то для чего сейчас все это затевать?

– Как же мы все нервничаем в ожидании открытия съезда, – непринужденно заметила Бесси, а затем продолжила рассказывать о каких-то новостях, прекращая тем самым перепалку. Она только что встретила Троцкого этажом выше; Алекс представил ее ему, сказала она. – Дело осложняет то, что прямо с фронта сейчас к Петрограду двигаются войска. – А затем, показывая, что наш маленький дипломат среди журналистов не поддался нашему настроению, она сказала, обращаясь ко мне и Джону: – Мне кажется, то же самое вы могли бы выяснить у Каменева и Луначарского. Об этом сегодня было объявлено на собрании Петроградского Совета.

Пока она суетилась и действовала всем на нервы, мы с каждой минутой чувствовали все большую тревогу по поводу того, что съезд никак не начинался. Гумберг ушел со словами, что позже увидится с нами в большом зале. Я заметил, что он зашагал в сторону конторы Военно-революционного комитета в Смольном. Джон, беспокойный, как мартовский кот, решил заглянуть в огромную аудиторию и посмотреть, не удастся ли ему почерпнуть какую-нибудь информацию от Рэнсома или Прайса. Ленин один раз уже проскочил мимо нас; Рид хотел узнать, где он находится сейчас и что делает. Мы с Брайант и Битти остались в одном из невероятно длинных коридоров Смольного, надеясь увидеть кого-нибудь из наших русско-американских друзей.

Битти вслух высказывала свои страхи насчет того, что могут прибыть войска с фронта, штурмом взять Смольный и арестовать делегатов в то время, как солдаты и матросы все собрались вокруг Зимнего дворца.

– Тогда все закончится ужасной кровавой баней и никому не поздоровится.

Брайант все время вспоминала молодых юнкеров, которых мы видели, кое-кто из них днем отдыхал на грязных матрасах в Зимнем дворце, и все они пытались перещеголять друг друга французскими фразами, на которых изъяснялись. А когда один из офицеров спросил ее, сможет ли он вступить в американскую армию, когда та прибудет сюда, рассказывала Брайант, раздался

выстрел, затем последовало дикое смятение, юнкера разбежались врассыпную; казалось, ими никто не командовал.

Потом Битти рассказала нам, что, пока мы были во дворце, ее затащили в какой-то подъезд на Морской улице, в то время как вооруженная машина и приближающаяся группа военных кадетов вступили в перестрелку.

– Мы смотрели в окно перед дворцом, – сказала Брайант, обращаясь к Битти, – и видели, как бегут какие-то люди и падают на землю лицом вниз. Потом этот невысокий человек вышел из дворца, прошел через площадь и водрузил свои треножник, а потом начал снимать солдат-женщин, возводивших баррикады. Все это имело деловой и в то же время комический вид. Эти бедные, несчастные кадеты!

Лучше бы ты подумала о счастливых матросах и красногвардейцах и солдатах петроградского гарнизона, раздраженно сказал я. Что же до волнений Битти о том, что Смольный может быть окружен, то мне казалось, что это не заслуживает внимания.

– Предположим, это случится, интересно, вернется ли Керенский во главе победителей?..

* * *

Я решил пойти и поискать Гумберга и направился в комнату, где заседал Военно-революционный комитет. Но внутрь я не зашел. Действующий председатель Лазимир, левый эсер, старый большевик Лашевич и другие члены партии проводили длинное заседание начиная с понедельника, насколько мне было известно. И так же заседали фабричные комитеты внизу, раздавая приказы насчет правительственного арсенала и выделяя по 150 ружей на фабрику. Мрачная старинная Петропавловская крепость перешла к большевикам в понедельник, равно как и арсенал, и там распределяли оружие. Я видел фабричных делегатов, дисциплинированно стоявших в длинных рядах в понедельник в Смольном, в ожидании кусочка бумаги, согласно которому они могли получить оружие в крепости для своих товарищей по работе.

Мне не удалось найти Гумберга, но недалеко от комнаты Военно-революционного комитета я встретился с бледным, заросшим трехдневной щетиной Восковым, чему был несказанно рад. Он несся по коридору, но остановился, хлопнул меня по спине и произнес счастливым хриплым голосом:

– Начинается! Матросы прибыли в полном составе. Теперь не

будет никаких проколов! Владимир Ильич настаивает: больше никаких промедлений.

Он хотел было умчаться прочь, но я схватил его за руку. Однако он продолжал идти, и я пошел за ним, забрасывая его вопросами. Он сам видел Ленина? Нет, до Ленина добраться невозможно.

– Если хотите знать, вы, наверное, прошли бы мимо него, когда он был в белом зале, если бы вы оказались там немного раньше. По крайней мере, он там был, в парике и в кепке и в больших очках, сидел там с несколькими большевиками, пока там совещались разные партии и фракции. Я слышал, что Дан узнал его, смутился и прошел дальше. Теперь, я думаю, он ушел в приемную. Туда заходят курьеры, а кое-кто выходит с записками, поэтому, я полагаю, он сейчас разбирается с вопросами. Прошлой ночью и сегодня он расспрашивал нескольких наших людей. Он хотел знать все в подробностях. Теперь он волнуется лишь об одном – о Зимнем дворце. Но мне пора идти.

Он побежал вниз по лестнице, я – за ним.

– Еще одно, Восков. Он не собирается появиться сегодня? Он не выйдет на сцену?

– Откуда я знаю? Все, что я знаю, – это то, что он сейчас здесь, и никаких уступок не будет, и с кровопролитием или нет, но Зимний будет взят. А до этого он не собирается костьми ложиться ради этого съезда (не собирается умереть до съезда). Сегодня днем все было по-другому. В Петроградском Совете в основном наши люди, он управляется рабочими с Выборга. После того как дворец будет наш, а министры арестованы, пускай воют меньшевики и эсеры – это не пойдет им на пользу.

Я проводил его взглядом, хотя у меня в мозгу вертелась еще дюжина вопросов. Почему Ленин сохранял инкогнито до такой поздней даты? Существовала ли для него в реальности какая-нибудь опасность даже сейчас? Было почти десять утра, и делегаты заполонили все коридоры, расселись по всем подоконникам, едва ли не свешивались с громадных канделябров в огромной комнате, – так мне показалось, когда я вошел. Я почувствовал, что что-то будет. Был ли это на самом деле шанс, что съезд проголосует против восстания, хотя войска, о которых шла речь, могли окружить нас и захватить Ленина? Я выследил Рида: он сидел далеко в зале. Я начал локтями проталкиваться к нему и с облегчением увидел, что он положил свое свернутое пальто рядом с собой, чтобы сберечь для меня место. Направляясь к нему, я увидел Петерса – делегата, несколько я помню, от латышей. Он сидел рядом со Стучкой, их главным оратором. Я двинулся было к нему, знаками давая понять, что хотел бы

увидеться с ним, и он направился к проходу, всем видом показывая, что не слишком рад этому. Но мне было все равно. Я почувствовал, что просто не усижу на месте, пока не получу ответа. Позже он сказал мне, как смешно я выглядел – бледный и растрепанный. Вокруг нас стоял такой гвалт, что вряд ли меня мог бы кто-нибудь подслушать, но я, тем не менее, напряженно зашептал. Однако он не расслышал меня. И тогда я выпалил:

– Почему Ленин все еще маскируется? Ему что, грозит опасность? Казаки в городе?

Он терпеливо ответил, удивленно глядя на меня своими добрыми голубыми глазами:

– Нет, нет – все в порядке. Товарищ Ильич просто хочет выждать, немного оглядеться, все взвесить. Поэтому его никто не видел со вчерашнего дня. Он знакомится с картой, берет контроль в свои руки, но при этом остается за сценой. А для чего ему торопиться и показываться на людях? Дело не в том, что он всех дурачит: все понимают, что он управляет спектаклем. А теперь вы позволите мне уйти и занять свое место, Альберт Давидович?..

* * *

Мы с Ридом решили пойти к Зимнему дворцу и посмотреть, что там происходит. Нам пришлось немного подождать, чтобы вся наша группа собралась. Наконец Брайант, Битти, Рид и я, дрожа, стояли на ступеньках Смольного. К нам еще должен был присоединиться Гумберг, он с кем-то договаривался, чтобы нас туда отвезли, если не до самого Зимнего дворца, который был в двух милях от Смольного, то хотя бы поближе к нему, чтобы можно было быстро дойти пешком.

Все мы, пятеро американцев, и Гумберг написали о том, как мы ехали в огромном грузовике. Мы сбились в кучу в дальнем углу кузова, где стояли несколько матросов и казак из Дикой дивизии (как я истово надеялся, дезертир).

Матросы в своих бескозырках, с развевавшимися сзади ленточками, и казак в высокой косматой шапке из черного меха отодвинулись и дали нам место среди высоких кип листовок, ружей и амуниции. В добродушной манере, типичной для матросов, с которыми я разговаривал на Балтийском флоте (что отчасти выражает их уверенность в себе), нам было сказано:

– Нас здесь наверняка могут подстрелить, сами понимаете, но все равно поехали: мы вас прокатим с ветерком.

Один из них заставил Луизу Брайант снять со шляпки желтую

ленточку. Красногвардеец вручную завел мотор и сел за руль. Мы поехали – чтобы распространять по городу листовки – с грохотом и тряской по булыжной мостовой. Улицы казались темными и пустынными. Однако как только мы в очередной раз рассыпали дождь из листовок, мужчины и женщины появлялись в дверных проемах и во дворах и с жадностью хватали их. Гумберг держал одну листовку в руках и при полутемном свете уличных фонарей зачитывал вслух:

«К гражданам России.

Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, Военно-революционного комитета, который стоит во главе Петроградского пролетариата и гарнизона.

Цели, ради которых сражались люди, – немедленное предложение демократического мира, отмена прав помещиков на землю, трудовой контроль над всей продукцией, создание Советского правительства – эти цели достигнуты.

Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!

Военно-революционный комитет Петроградского Совета рабочих и крестьянских депутатов».

– Листовки были отпечатаны и готовы сегодня еще в десять утра, – сухо сказал Гумберг.

Очень оптимистично. Однако и в два часа дня операция еще не была завершена. Поэтому они ждали, чтобы прибыл морской флот, и непрерывно посылали ультиматумы в Зимний дворец, устанавливая новые конечные сроки, после которых они собирались стрелять, если министры не сдадутся. А потом они собирались предоставить им другой шанс.

На стыке Екатерининского канала и Невского проспекта были возведены баррикады, и мы повернули назад. Это были самопровозглашенные мученики, которые прибыли несколькими часами раньше. (Съезд открылся в десять сорок утра, а сейчас было около двух часов дня.) Вместе с ними находились их жены и друзья, а также мэр Петрограда и крайне правые члены городской думы.

– Пропустите нас! Дайте нам пожертвовать собой! – умоляли они.

Матрос ответил:

– Идите домой и примите яд. Однако не рассчитывайте погибнуть здесь. У нас приказ Военно-революционного комитета не допускать этого, и мы вас не пропустим.

Они сбились в кучку, и другой оратор принялся уговаривать матросов, уже не в таких героических выражениях. Какую тактику

применят по отношению к ним, если они «неожиданно бросятся вперед»?

– Что ж, – ответил матрос, – мы можем прихлопнуть вас, но мы не убьем вас, ни одного.

При этих словах к группе обратился один из ее членов, министр продовольствия Прокопович, который должен был быть со своими товарищами в Зимнем дворце, но оказался одним из двух арестованных, когда ехал к Керенскому, в ответ на его призыв, прозвучавший примерно в шесть утра, и позже отпущенный.

– Товарищи, давайте вернемся, – дрожащим голосом взывал он. – Не позволим, чтобы нас убили стрелочники!

Они неохотно начали двигаться в сторону Таврического дворца, где заседала Дума.

* * *

Когда нас пропустил кордон матросов благодаря пропускам, выданным Военно-революционным комитетом, мы проехали немного вперед и тут же были остановлены красногвардейцами. Для них мы выглядели слишком буржуазными. Вернувшись к собору, мы встретили сочувствующих красногвардейцев, кого-то вроде комиссара (теперь это слово используется чаще), которые были в каждом армейском подразделении. Изучив наши пропуска, он отправил к нам одного солдата, чтобы тот помог перебраться нам за линии.

Когда мы добрались до Красной арки, прозвучали три выстрела. Ответного залпа не последовало, и по обеим сторонам от нас красногвардейцы, солдаты и матросы бежали к дворцу. Мы осторожно пробирались по булыжной мостовой, которая теперь была как ковром завалена осколками стекла. Один матрос закричал:

– Все кончено! Они сдались!

У одной небольшой открытой двери образовалась толкучка. Мы вскарабкались на баррикады и перелезли через них вслед за гвардейцами и матросами и вбежали в огромный дворец, теперь залитый светом. Наши пропуска с голубыми печатями обеспечили нам вход; красногвардеец, стоявший в дверях, махнул нам рукой, пропуская. Внутри находились разоруженные и освобожденные юнкера. Отряд матросов взбирался по лестницам, чтобы арестовать министров Временного правительства. Нас оттеснили к длинной скамье, стоявшей вдоль стены, и оттуда мы наблюдали за процессией из бывших членов кабинета, спускавшихся вниз по

широкой лестнице в сопровождении эскорта матросов.

Все министры, сходившие вниз по лестнице, перед нашими глазами, находились в Зимнем дворце не благодаря выборам. Как объяснил Милюков отчасти полной энтузиазма и отчасти насмешливой аудитории после Февральской революции (тогда они с готовностью приняли Керенского в качестве министра юстиции), времени для выборов не было. Тогда не было никакой силы, и даже большевики, которые, как я решил, до возвращения Ленина были довольны собой, серьезно протестовали против этой процедуры (выборов). Поэтому люди, которые совершили Февральскую революцию, не ввели их в правительство. Они назначили себя, и даже такие, как Терещенко, который мог поддерживать возвращение династии Романовых, но при этом не был так явственно отмечен приверженностью к старому режиму, как Милюков и Гучков, мрачно примкнули к их позиции. Очень точно правительство было названо временным. Оно могло править при условии, что его будут поддерживать массы. Однако народ никогда не испытывал энтузиазма по отношению к нему. Это было правительство согласия, однако это было неохотное согласие, в лучшем случае, а теперь и это «согласие» сошло на нет.

– Зря они отпустили юнкеров, – пожаловался Гумберг. – Почему они должны быть такими сердобольными? Неужели они думают, что союзники собираются благословить их только потому, что они избежали кровопролития? Ведь это их революция.

– Сначала вы назвали их недостойными доверия, теперь чересчур сердобольными, – заметил Рид.

– Но ведь так оно и есть! – сверкнул глазами Алекс.

Прежде чем мы втянулись в очередную стычку, я оборвал разговор, даже не подумав, что через несколько дней я всем сердцем соглашусь с Гумбергом насчет юнкеров. Я предложил нам подняться наверх, поскольку они, кажется, шли нам навстречу. Министров должны были отвести в Петропавловскую крепость, где были устроены дополнительные штабы Военно-революционного комитета.

Кто-то, Антонов или Чудновский, насколько я помню, дал нам разрешение войти в Малахитовый зал, сразу, как там была выставлена охрана, а все внутренние помещения были обысканы на предмет обнаружения спрятавшихся кадетов или каких-нибудь проникших раньше во дворец моряков, для того чтобы разоружить их и взять под стражу. Именно здесь, в громадном зале с огромными окнами, обращенными к Неве, Временное правительство проводило свои совещания, и там же находились

министры в ожидании казаков, которые так и не пришли. Однако ближе к вечеру они покинули Малахитовый зал, окна которого теперь были закрыты перед орудиями на башнях «Авроры» за Николаевским мостом и перед пушками Петропавловской крепости.

Яркое описание чувств, которые испытывали министры, прежде чем они перешли во внутренние комнаты, где уселись за большим круглым столом в полутьме, так как они загородили от окон газетой единственную лампу (хотя кабинет выходил на внутренний двор), приведено у П. Малянтовича, министра юстиции Временного правительства:

«В холодном свете серого сумрачного дня… в хрустящем воздухе отчетливо была видна панорама города. Из углового окна мы видели бурные потоки могучей реки. Безразличные, холодные воды… Скрытая тревога, казалось, висела в воздухе.

Угрюмые люди, одинокие, всеми покинутые, бродили вокруг по огромной мышеловке, случайно собираясь вместе или маленькими группками на короткий разговор…

Вокруг нас и внутри нас была пустота, и мы вдруг почувствовали растущую темную волну всеобщего безразличия…»

* * *

Из Малахитового зала мы сумели пробраться во внутренний кабинет – как говорили, это был кабинет Николая II, где министры сидели вокруг большого стола и по которому ходили взад-вперед, пытались заснуть на диване или на составленных стульях в те последние семь часов, что прошли до их ареста. Кабинет должны были обыскать и опечатать, поэтому у нас было всего несколько минут, которые мы провели там под неустанным надзором часовых. Мы исписали несколько листков бумаги, внеся туда случайно фразы о том последнем приказе, который они обсуждали. Обычно их слова заканчивались праздными шутками и прибаутками.

Покидая дворец, мы увидели молодого большевика-лейтенанта, стоявшего у открытого выхода. Недалеко находился стол. Два солдата обыскивали всех, кто покидал дворец, чтобы убедиться, что никто не уносит с собой что-нибудь ценное. Лейтенант все время повторял:

– Товарищи, это народный дворец. Это наш дворец. Не воруйте у своего народа. Не позорьте народ.

Сконфуженные, несколько высоких бородатых солдат вытащили свои трофеи – одеяло, изношенную диванную кожаную

подушку, восковую свечу, вешалку для пальто, сломанную рукоятку китайского меча.

– Странно, не так ли, – сказал Рид, – что задолго до конца после отступления казаков (около двух сотен) и женского ударного батальона единственными заметными защитниками была толпа перепуганных подростков – сотни юнкеров, ведь они – просто мальчишки. Никто из защитников не был ранен.

– Все раненые были с нашей стороны, – сказал стоявший у входа лейтенант, и это подтверждено. Пять матросов и один солдат были убиты и многие ранены.

Мы пребывали в мрачном настроении, возвращаясь назад, в Смольный, – страшились того, что могли там обнаружить. И боялись, что новые меньшевистские партии могли бы дальше нести несчастье, эксплуатируя взятие Зимнего дворца. К этому времени мы уже понимали, что зловещий залп «Авроры», который драматизировал Мартов, был сделан холостым зарядом.

Однако перестрелка из винтовок и пулеметов последовала за залпом. И что могли из этого раздуть партии?

По мере того как Рид анализировал ситуацию, задержка сыграла на руку умеренным, а пушечный залп, вероятно, подействовал на Мартова, который и так был человеком эмоциональным. И поэтому он взбудоражил свою группу.

– В любом случае, – подытоживая, сказал Гумберг, – штурм Зимнего дворца войдет в историю как великий спад революции, в других отношениях он был драматичным, потому что оказался таким непритязательным.

Нужно было знать Гумберга, чтобы понимать, что в целом это сказано не сардонически и что, сказав «непритязательным», он просто иными словами сказал «единодушным». Но я спорил с ним только по принципиальным вопросам, по возможности до того, как в спор с ним вступил Джон.

– О, не знаю, как насчет спада, – сказал я. – Они недурно поживились, по сравнению с парижанами. Когда пала Бастилия, они освободили ровно семь заключенных, большинство, как мне кажется, были мелкими воришками. В Зимнем же они захватили четырнадцать человек, и, по крайней мере, они не были мелкими ворами.

* * *

Было уже поздно, когда мы вновь вошли в Смольный. Мы узнали, что был объявлен перерыв на совещание. Троцкий выдвинул жесткую резолюцию против покидающих партию

членов и заклеймил их «преступную попытку сорвать Всероссийский съезд». Тем временем Суханов настаивал на срочном созыве конференции фракции Мартова, чтобы решить вопрос с Мартовым. Как он позднее писал, «не оставалось места ни для нейтралитета, ни для пассивности. Это было пугающим и далеко не естественным для нас». Мартов, «жертва нерешительности меньшевиков», завоевал четырнадцать голосов против двенадцати, очевидно при нескольких воздержавшихся. «Я чувствую, что переживал самое больше разочарование, чем когда-либо в этой революции. Я вернулся в громадный зал совершенно оцепенелый».

Мы вовремя прибыли и услышали аплодисменты после того, как Каменев объявил о том, что Зимний дворец пал, а министры взяты под стражу. И затем он зачитал имена. Фамилия Терещенко вызвала наибольший смех и аплодисменты, а при упоминании Пальчинского раздались злобные улюлюканья и свист. После ухода группы Мартова только левые эсеры и небольшая фракция Горького остались с большевиками. Однако аудиторию это, казалось, не беспокоило. После того как умолкли оглушительные аплодисменты, левый эсер заговорил о несправедливом аресте министров. Троцкий ответил, перемежая речь острыми эпитетами, на которые слушатели с готовностью отвечали. Казалось, все это не имеет никакого отношения к рабочим и крестьянам, которые никак не могли поставить главный вопрос: если эти министры будут отпущены на свободу (как добродушные матросы, которые были прикреплены к Предпарламенту, отпустили на свободу Милюкова и нескольких других чиновников из партии кадетов), они моментально станут ядром контрреволюции. И в самом деле, они и стали таким центром, когда через несколько дней были отпущены на свободу.

Затем Луначарский начал читать хриплым от переполнявших его эмоций голосом, так мне показалось, гораздо более хриплым, чем когда он читал стихи на каком-то рабочем собрании. В частности, он говорил:

– Опираясь на волю громадного большинства рабочих, солдат и крестьян, опираясь на достижение в Петрограде победного восстания рабочих и гарнизона, съезд берет власть в свои руки. Временное правительство свергнуто. Съезд постановляет, что вся власть по всей стране переходит к местным Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые должны сохранять настоящий революционный порядок.

Резолюция прошла с двумя голосами против при двенадцати воздержавшихся.

Было уже далеко за пять утра, и после принятия резолюции,

призывавшей солдат и железнодорожных рабочих остановить все военные эшелоны, которые были отправлены Керенским, Калединым и другими против Петрограда, Крыленко, с воспаленными от бессонницы глазами, стал с возвышения размахивать телеграммой.

– Товарищи! С Северного фронта! Двенадцатая армия направляет приветствие съезду и объявляет о формировании Военно-революционного комитета, который принял на себя командование Северным фронтом. Генерал Черемисов признал комитет, а комиссар Временного правительства Войтинский подал в отставку!

Солдаты бросились обнимать друг друга; многие плакали. Зал гремел от вырвавшихся на свободу эмоций. Петроград благополучно перешел в их руки. Рабочие счастливо переминались с ноги на ногу, держа в руках оружие, пьяные от усталости, они весело толкали друг друга, выходя на улицу.

Было уже шесть утра, когда мы вышли на ступеньки Смольного, потягиваясь всеми оцепенелыми мышцами, и вглядывались в небо, тщетно пытаясь разглядеть встающее солнце. В холодном свинцово-сером рассвете солдаты и красногвардейцы стояли к нам спиной и грели руки у небольшого костра на площади. Они казались единственной стойкой, надежной человеческой силой в мире, который в остальном был громадным вопросительным знаком.

Первые декреты Ленина

– Товарищи, а теперь мы приступим к образованию социалистического государства…

Я механически повторил эти слова за Лениным на английском и отметил, что Джон Рид, сидевший рядом со мной, записал это предложение.

Вы не найдете это предложение ни в одной газетной заметке второго заседания Второго же Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов в ночь на 26 октября/ 7 ноября. Подробности съезда не сохранились, если их вообще кто-либо записал. Парламентские стенографы покинули Смольный, когда меньшевики, правые социалисты-революционеры и бундовцы предыдущей ночью покинули здание под благовидным предлогом.

Джон Рид записал это в своей бесподобной книге «Десять дней, которые потрясли мир», и в том же 1919 году я написал об этом в своей книге «Ленин: человек и его работа». И только сейчас, сравнивая то, что мы оба написали, я обнаружил, что наши версии слегка расходятся. Рид говорит: «Теперь Ленин стоял, ухватившись за край кафедры и обводя своими

маленькими, часто мигающими глазками толпу, в ожидании, пока она угомонится, очевидно, равнодушный к продолжительным овациям, которые длились несколько минут. Когда овации прекратились, он просто сказал: «А теперь перейдем к строительству социалистического порядка!» И вновь раздался оглушительный рев человеческих голосов».

Признавая, что Рид очень точен как репортер, я все же придерживаюсь своей версии. В любом случае, это великая фраза. И хотя она до сих пор не включена в официальные труды Ленина, она все же пробила путь к историкам…

Не только мы с Ридом, но и сотни собравшихся в Большом колонном зале Смольного в ту ночь видели Ленина впервые. С того момента, когда председательствовавший Каменев сказал: «Товарищ Ленин сейчас обратится к съезду», мои глаза устремились к невысокой плотной фигуре в потертом костюме. Держа в одной руке пачку бумаги, он быстро прошел на сцену и обвел огромный зал своими довольно маленькими, пронзительными, но веселыми глазами.

В моей небольшой книге про Ленина я что-то писал о нашей реакции на то, что мы увидели в ночь на 26 октября/ 8 ноября. Я описывал, как это делали многие другие, манеру Ленина перекатываться с пяток на носки, закладывать большие пальцы рук за жилетку под мышками; его голос, в котором мы слышали «скорее жесткие, сухие нотки, чем красноречие».

В предполагаемой прокламации о мире, которая была обращена к «народам и правительствам всех воюющих наций», я слышал лишь отдельные фразы, – вопрос о мире был болезненным, но ясным, поэтому все документы, которые ему нужно было прочитать, не нуждались во вступительных замечаниях. Об этом он сказал спокойно и мимоходом. И вообще он говорил в такой манере, словно лишь вчера общался с этой же аудиторией или, по крайней мере, говорил с ней раз в неделю.

Выступая, он призывал к «справедливому и демократическому миру», что означало «немедленный мир без аннексий… без репараций». Несмотря на то что «никаких репараций, никаких аннексий» сделалось лозунгом умеренных социалистов, Керенский, Либер, Дан и другие умеренные лидеры повторяли эти слова, ничего не делая, чтобы реализовать их. Ленин вдохнул в эти слова жизнь, не через риторику, но направлением, которое приняла партия. Это была аннексия, если какая-нибудь нация «насильно удерживалась в границах данного государства». Это был «захват и насилие», если какая-нибудь нация не давала другой «права решать, какую форму государственности и государственного существования ей избрать

свободным голосованием, проведенным после полной эвакуации войск».

«Правительство считает величайшим преступлением против человечества продолжать эту войну по вопросу о том, как разделить между сильными и богатыми нациями слабые народы, которые они завоевали…»

* * *

Я не сводил глаз с оратора, пытаясь вообразить себе, как он должен чувствовать себя сейчас, когда революция и его партия объединились, и всем этим управлял один человек – Ленин.

Это последнее Ленин, кажется, полностью забывал до такой степени, что я из-за этого приходил в раздражение и испытывал смутное неудовлетворение. Получалось, будто он недостаточно высоко оценивал свою роль.

В чем был секрет этого коренастого лысеющего человека, которого так любили и ненавидели? Ленин в самом деле представлял некоторую загадку для наших американских глаз, привыкших к политическим фигурам, отдалившимся от толпы, окруженным пресмыкающимися меньшими чинами, за которыми следят агенты спецслужб. Даже само их, этих политиков, появление тщательно планируется людьми, создающими им рекламу, спичрайтерами и управляющими кампанией, причем все это сопровождается церемонией, облечено ею.

До чего же озадачило нас предложенное Лениным сочетание: человек совершенно непринужденный, при этом без так называемого начальственного вида, такой заурядный – на первый взгляд – в своих манерах и поведении. Нам пришлось приспособиться к этой странной смеси – к ленинской беспристрастности, независимости, словно он был учеником, подменявшим великого актера, который через вечер или два вернется к своей роли, и в то же время к его совершенной простоте и полному отсутствию самоуверенности. Разумеется, это были противоположные стороны одной и той же медали, его глубоко въевшаяся вера в революционную инициативу людей. Это придавало ему ощущение замечательной свободы и, как я неоднократно отмечал, радость и энтузиазм. Всю зиму, пока я не уехал из Москвы во Владивосток весной 1918 года, я поражался этой свободе, общаясь с Лениным.

Однако это не заслоняло от него повседневных проблем, какими бы, казалось, незначительными они ни были. Вместе с тем его чувство юмора и радость искрились и вырывались наружу при

первой же возможности, выражаясь тысячами способов, даже в походке, его манере пожирать газеты глазами или в ненасытности и в точности, с какими он приступал к каждой новой задаче.

Рэнсом, вернувшись в Петроград в 1919 году, писал после интервью с Лениным: «Возвращаясь домой из Кремля, я пытался подумать о каком-либо ином человеке его калибра, у которого был бы тот же неукротимый, жизнерадостный темперамент. И не мог вспомнить ни одного». Для Рэнсома это было потому, что «он был первым великим вождем, который полностью не принимает в расчет ценность своей личности».

Когда Ленин в первый раз взошел на возвышение на сцене в ту ночь, с не большим апломбом, чем у приглашаемого на сезон профессора, который из месяца в месяц ежедневно появляется перед своими учениками, сидевший рядом за столом для прессы репортер прошептал, что, если бы Ленина «немного принарядить, он стал бы похож на буржуазного мэра или банкира небольшого французского городка». Это прозвучало, как легкомысленная шутка, однако она была позаимствована у многих из нас и повторялась еще многими, которые писали после нас; несмешная, эта ремарка истаскалась до дыр.

Сама сцена подпитывала ее: напряженные слушатели по всему залу, в то время как он читал прокламацию о мире, неподвижность слушателей – их массивные плечи в шинелях просто покачивались, а крестьяне, некоторые из них были настоящим крестьянским пролетариатом, – сидели настороженно, напряженно. И потом он закончил, и большая волна покатилась вперед, волна за волной аплодисментов, которые разорвали тишину и разлетелись по всему залу.

Голос в конце зала гулко прокричал: «Да здравствует Ленин!», и эхом из каждого уголка громадного зала разнеслось: «Ленин! Ленин!»

* * *

Возле меня стоял дородный солдат, в глазах у него сверкали слезы. Он обнял рабочего, который также встал и принялся яростно аплодировать. Небольшой жилистый матрос Балтийского флота, судя по ленточкам на его бескозырке, один из тех, кого мы с Битти навещали несколько недель назад, – закинул свою шапку вверх.

Из дальнего угла зала кто-то затянул «Интернационал», и сразу все подхватили песню. Никогда позднее я не слышал куплеты этой самой известной всем рабочим песни, в исполнении

трепещущей, торжественной и восторженной толпы мужчин и женщин, которые сгрудились вокруг Ленина, а он, вождь большевиков, стоял с ними и тоже пел.

Затем мы запели медленный, торжественный похоронный марш «Вы жертвою пали в борьбе роковой», в память об убитых во время Февральской революции и погребенных в братской могиле на Марсовом поле. Эти мужчины и женщины в зале – не сторонние наблюдатели, потому что и так весь день, весь вечер и ночь они провели здесь, – начали хлопать в ладоши, топать ногами, поворачиваясь к соседям сияющими лицами.

И тогда Ленин снова поднялся на сцену. Бурливший зал угомонился, делегаты из провинций наклонились вперед; лица их были суровы. Он начал говорить о следующем вопросе – о земле. Вначале Ленин говорил, не глядя в бумаги, немного наклонив вперед свою огромную лысую голову; его подвижные губы и мощный подбородок выделялись более резко, чем потом, в будущем, когда их скроет привычная бородка. Это второе, вооруженное восстание, отчетливо показывает, что земля должна быть передана крестьянам. Временное правительство только что свергнуто, а скомпрометировавшие себя эсеры и меньшевики «совершили преступление, затягивая с решением вопроса о земле… И таким образом они привели страну к экономической разрухе и крестьянскому бунту». Их разговор о мятежах и анархии был уловкой. «Где и когда мятежи и анархия были спровоцированы мудрыми мерами?»

«Первый долг правительства рабочих и крестьянской революции, который должен быть решен, – это вопрос о земле, который может утихомирить и удовлетворить огромные массы беднейшего крестьянства».

Он собирался прочитать пункты декрета, «который издаст ваше молодое Советское правительство». И затем будничным голосом он сказал, что один из пунктов выдает мандат земельному комитету, составленному из 242 мандатов местных Советов крестьянских депутатов. Этот крестьянский мандат был скомпилирован газетой «Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов» (ежедневная газета, выражающая линию правых эсеров так же неуклонно, как «Уолл-стрит джорнэл» говорит о финансовом капитале в Соединенных Штатах). И, сказал Ленин, он (декрет) будет «повсюду руководством по выполнению великой земельной реформы до окончательного решения последнего, которое будет принято на Учредительном собрании».

Кроме этого, остальные пункты ничем не примечательны. Помимо мандата их всего было пять. «Помещичье владение

землей отменяется безо всякой компенсации». Все имения, включая владения церкви и короны, со всей живностью и строениями переходят в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов, этот вопрос будет рассмотрен Учредительным собранием. Земли у простых крестьян и казаков конфискованы не будут. Поскольку собственность будет принадлежать всему народу, любой вред, нанесенный конфискованной собственности, отныне будет считаться «тяжким преступлением», которое будет караться революционными судами. Местные комитеты должны предпринять все необходимые шаги, чтобы обеспечить строжайшую дисциплину и порядок во время конфискации, чтобы молено было составить опись имущества и определить, какие поместья должны быть конфискованы, а также их размеры.

Затем он начал зачитывать мандат, который был отпечатан в Петрограде, 19 августа, а также, вполне вероятно, был написан теоретиком народничества Ткачевым в XIX веке. Я был заворожен строками, вроде этой: «Все маленькие ручьи, озера леса и так далее должны перейти в руки коммун, ими должны управлять органы местного самоуправления», а также тем отрывком, где говорилось, как земля «будет подвергаться периодическому перераспределению».

Я подумал, что это превосходило желания крестьян, во всяком случае, то, как они себе это представляли, и было больше того, что большевики исторически хотели для них сделать.

«Раздел земли будет производиться на равной основе, то есть земля будет распределена среди тружеников в согласии с трудовыми стандартами или стандартами потребления, в зависимости от местных условий».

* * *

Как я и ожидал, были сформулированы возражения. Мы видели, как люди качают головой, жестикулируют в группе левых эсеров и меньшевиков-интернационалистов. Однако Ленин отвлек, перехитрил их. Перехватив инициативу у оппонентов, он сказал с обезоруживающей искренностью:

– Здесь начинают раздаваться голоса о том, что сам декрет и мандат выдвинуты социалистами-революционерами. Ну и что с того? Разве имеет значение, кто их выдвинул? Как демократическое государство, – холодно и даже резко продолжил он, – мы не можем игнорировать решение народных масс, даже если мы не согласны с ним. Приобретя опыт борьбы… крестьяне

сами решат, где правда.

– Отлично! – заметил Рид, подтолкнув меня.

– Жизнь – лучший учитель, – в частности, сказал Ленин, – и она покажет, кто прав. Мы должны подчиняться опыту; мы должны дать полную свободу творчеству народных масс. Старое правительство, которое было свергнуто вооруженным восстанием, хотело решить земельный вопрос с помощью старой, неизменной царской бюрократии. Крестьяне кое-чему научились за восемь месяцев нашей революции; они хотят решить все вопросы с землей сами. Поэтому мы возражаем против всяческих поправок. Мы пишем декрет, а не программу действий. Россия огромна, и местные условия различны. Мы верим, что сами крестьяне будут способны решить свои проблемы, и сделают это лучше, чем мы. Они сами устроят свою жизнь.

Левые эсеры и меньшевики-интернационалисты потребовали время на совещание. Мы с Ридом во время совещания вышли из зала.

Бесси Битти и Луиза Брайант нагнали нас, и мы стали ходить взад-вперед и вокруг площади перед Смольным. Был еще октябрь, однако мы ежились от холода после жаркого зала. К этому времени день уже вытеснял ночь, но в любом случае ночи у нас были длинные, до отказа заполненные событиями. Если бы мы спали всю ночь, то проспали бы, наверное, все восемнадцать часов. Но как бы то ни было, мы вообще почти не спали, наспех что-то ели и потеряли счет дням и часам. Неужели всего лишь двадцать четыре часа назад мы возвращались в Смольный из Зимнего дворца, после того как наблюдали, как оттуда выводят министров и отправляют в Петропавловскую крепость? И теперь, как только мы покинули зал, Троцкий объявил, что министры будут освобождены. Это было в ответ на яростные протесты против их заключения. Было решено, что их будут содержать лишь под домашним арестом; об этом, сказал он устало, надо будет позаботиться на следующий день. Времени не было. Он мог бы выступить с более резкой критикой, подумал я, но сегодня казалось, что мягкость – в распорядке дня.

Мы устали. Остановились, чтобы согреть руки перед костром у внешних ворот, где солдат в высокой каракулевой шапке, надвинутой на одно ухо, стоял, повернувшись спиной к костру – одному из нескольких костров, яркими точками сверкавших в темноте ночи. За большинством из них присматривали один или два солдата и красногвардеец. Они обогревались поленьями, поскольку баррикады уже были не нужны. Наш человек выглядел одиноким. Я спросил себя, что он чувствует, наблюдая за сотней делегатов, прошедших перед его глазами в ту ночь. Мне было

интересно, не хочет ли он войти внутрь.

– Что делается? – спросил я его.

Он что-то пробормотал в ответ, но я уловил лишь слова «проклятая война» и «голод». Брайант попыталась заставить Рида спросить у него еще что-нибудь, но Рид не обратил на нее внимания. Он предложил солдату сигарету, а затем попросил его прикурить. Взяв щепку от пестревшего полена, солдат зажег свою сигарету. А потом дал прикурить Риду. Вдруг он выпрямился, его бородатое лицо оживилось, глаза яростно засверкали в свете костра, он поднял левую руку, сжатую в кулак (в правой он держал штык), и громко сказал:

– Миру нужен хлеб! Миру нужно счастье!

Мы отошли прочь, а он посмотрел нам вслед мрачным, словно обвиняющим взглядом…

Брестский мир

Становилось холодно. С берез, дубов, кленов слетели последние листья. Лед обрамлял лужи во дворах и по обочинам дорог. Лихорадочное возбуждение масс, достигшее высшей точки перед распространением опасности для всех, постепенно улеглось. Бои в Москве, в Петрограде и в их окрестностях закончились. Советы одержали верх. Однако впереди ожидали тяжелые времена.

Прошло всего шесть месяцев с тех пор, как в ответ на фаталистическое заявление Церетели о том, что нет ни одной партии, которая могла бы одна захватить власть, в ответ раздалось: «Есть». И теперь партия Ленина была во власти, а в руках Ленина оказалась взбаламученная страна: холод и голод, рушащийся старый порядок и, по словам Ленина, «новый порядок… рождается в неописуемых муках».

Целых шесть месяцев Ленин и его партия указывали на слабость коалиционного правительства. Временному правительству не удалось остановить спекулянтов и не допустить развала железных дорог, при нем возник в городах голод. Были нарушены обещания дать землю крестьянам, замедлился рост производства, а затем и вовсе прекратился, и самое преступное – это то, что не были удовлетворены нужды обескровленной армии и небыли выполнены обязательства царя перед союзниками. А теперь, имея в руках власть, большевики должны, не дрогнув, приспособиться к жизнеспособной экономике, без капиталистов и помещиков. Но для этого никакой программы не было.

«Маркс дал рабочему классу цель, – писал В.С. Уайт в своей книге о Ленине. – Ленин дал ему партию, дорожную карту (маршрут) и инструменты для путешествия». Однако у Ленина не было готового маршрута, он и не делал вида, что маршрут у него

есть. В большевистских учебниках ничего не было написано об этом. И даже в меньшевистских книгах ничего не было.

А инструменты? У него лишь была уверенность, что рабочие сами достанут их. В своих речах повсюду, выступая на заводах и перед крестьянами, он призывал к инициативе снизу.

Враги большевиков сдали назад и стали самонадеянно ждать, когда они падут. Милюков, наиболее сознательный лидер буржуазии, вспоминает это: «Победа большевиков была полной и окончательной». Когда перед ними пала Москва, это означало, что падет провинция и вся Россия. «В тот миг все еще верили, что победа будет кратковременной и что большевики не удержат узурпированной власти». В других партиях предсказывали, что большевики «не смогут дать обманутому им народу ни мира, ни земли, ни хлеба, ни «социализации» промышленности…»

Ленин никогда не был обманщиком, не является он им и сейчас. По каждому вопросу он давал людям понять, с чем им придется столкнуться. В январе он говорил: «Вы не можете ждать… что вам преподнесут социализм на серебряной тарелочке».

Он даже не обещал, что их эксперимент продлится долго. 11 января ему пришлось заявить: «Два месяца и пятнадцать дней – это лишь на пять дней больше, чем продлилась предыдущая власть рабочих… власть парижских рабочих во время Парижской коммуны 1871 года».

* * *

7 января Троцкий возвратился из Брест-Литовска и доложил о том, как там идут дела. Через два дня генерал Гоффман положил на стол карту и, прочертив линию, напомнил русской делегации о том, что «победная германская армия [находится] на русской земле». Более того, немцы не отойдут от этой линии (которая отмечала почти всю Литву, Белоруссию с немецкой стороны, а также половину Латвии и острова Моонзунд), пока русская демобилизация не будет завершена. Что же до Украины, он был осторожен. Это должна решать Украинская (антибольшевистская) рада.

8 тот же день, когда вернулся Троцкий, Ленин начал писать «Тезисы по вопросу о немедленном заключении сепаратного и аннексионистского мира». Но в то время как эти тезисы были зачитаны на следующий день на собрании примерно шестидесяти ведущих партийных функционеров, ни один из них не появился в печати раньше 24 февраля. (1 февраля по старому стилю стало 14

февраля по новому, как только был введен в действие григорианский календарь.) И только 23 февраля Ленин окончательно завоевал чистое большинство в Центральном комитете. Между тем все это время имело место то, что он позднее назвал «заговором молчания» в отношении его аргументов и тезисов.

В тот день, когда я встретился с Лениным в первый раз, у меня было лишь смутное представление о том, какая внутрипартийная борьба развернулась вокруг Бреста. Это было 1 января. Я знал, что, когда 9 декабря развернулись официальные переговоры о мире, вслед за перемирием с центральными силами, начались какие-то уклонения от вопроса по самоопределению. Центральные силы показали свое «я», заявив о том, что Литва, Курляндия, Ливония и Польша должны быть освобождены от России. По предложению большевиков встреча опять была отложена на десять дней, в то же время силы союзников были официально приглашены на переговоры. Однако, когда переговоры возобновились, в тот самый день, когда речь Вильсона прозвучала во всех столицах мира, Британия, Франция и Соединенные Штаты опять же не присутствовали на них. Троцкий возглавлял советскую делегацию в первый раз. Радек также присутствовал, но не как делегат, а как координатор петроградской прессы.

Это была роль, специально созданная для Троцкого. Ему нравился этот форум, потому что он мог сразиться с фон Кюльманом и с графом Черниным, австрийским министром иностранных дел, по вопросу национального освобождения. Его речи, казалось, были нацелены только на то, чтобы усилить эффект документов, написанных Троцким, и которые были адресованы «трудящимся Европы, угнетенным и обескровленным». Эти документы не имели никакого отношения к мирному договору.

Именно в такой атмосфере, когда массы петроградцев подвергались пропаганде на родине, а германские солдаты и рабочие, равно как и рабочие Бельгии, Франции, Австро-Венгрии и Болгарии за рубежом, я отправился 1 января в Михайловский манеж. Меня пригласили выступить на первом собрании социалистической армии.

Батальон бронемашин направлялся на юг, и это было началом организованной революционной армии. Новобранцы, большинство из которых – красногвардейцы, другими словами, молодые заводские рабочие, чуть ли не мальчишки, начали прибывать в два тридцать. Среди них было несколько опытных солдат, несомненно, выбранных благодаря их высокому

революционному сознанию. Фабричные пареньки стояли, переминаясь с ноги на ногу и дрожа от холода. Единственный источник тепла – костер, горевший в единственном камине в дальнем углу вестибюля. Люди ждали Ленина. За исключением нескольких солдат, на всех мужчинах было нечто вроде шинели. А снаряжение их составляли ружья, оловянные судки и скатки, какие носят крестьяне.

Красные знамена были развешаны по стенам, однако во всем мрачном помещении царил страшный холод. Две бронемашины с красными флажками и украшенные к тому же свежими вечнозелеными деревьями стояли у выхода из здания; внутри еще одна украшенная машина служила платформой. По обеим сторонам громадного длинного строения стояли ряды устрашающих серо-коричневых машин.

В ожидании Ленина некоторые задавали вопросы. Какой-то большой начальник отвечал на них, говоря, что они собираются бороться с контрреволюционерами или империалистами. К четырем часам здание погрузилось в кромешную тьму. Революционные песни прекратились; какой-то мужчина с балалайкой влез на украшенную машину, вслед за ним – другой с бубном в руках и третий с аккордеоном. Чтобы провести время и согреться, мужчины выстроились в хоровод, зажгли свечи и пустились плясать, исполняя любимые танцы, популярные в деревнях, откуда они были родом, не снимая при этом со спины ружей и мешков. Ленин все еще не приехал. Три раза их пение нарушали машинные рожки, они ждали, но всякий раз это оказывалась ложная тревога.

Было уже почти семь, когда, наконец, прибыл Ленин. Его приветствовали радостными криками, но не так, как обычно. Он вроде не был разочарован, но быстро забрался на украшенную машину и сказал, что все идет хорошо, очень хорошо, по крайней мере, до сегодняшнего дня, но что они должны быть готовы переносить неудачи, и сейчас и позже. Это была беспристрастная оценка ситуации, какой он ее видел.

В первый – и в последний – из бесчисленного количества раз, когда я слышал Ленина, мне показалось, что он дал осечку. Я не понимал, почему так произошло в тот раз. Глядя назад, на весь этот сияющий период времени, я понял, что пытался найти такую же речь, к которой привыкли мои новые армейские еще неоперившиеся товарищи (я ссылаюсь на тот первый раз, когда я встречался с социалистической армией, а не с Красной гвардией). Я ожидал заверений о том, что международный пролетариат на марше, хвастовства, что мы покажем этим генералам и государственным деятелям в Брест-Литовске где раки зимуют и

они будут вынуждены дать право на самоопределение оккупированным странам; и что они, новый армейский контингент (еще не названный Красной армией), были готовы направиться на фронт, но теперь фронт вынужден бездействовать из-за перемирия, и мы ждем. Что солдаты вернутся, чтобы наслаждаться славными завоеваниями Октября.

Что бы ни говорил Ленин, все звучало по-другому. Мои записки, сделанные позже, были довольно скудные, и я не нашел ни одной официальной версии этой речи, если таковая вообще была.

Мирский говорит о Ленине, что, «какую бы на первый взгляд непопулярную политику он ни принял, это не влияло на его популярность, потому что его политика всегда была в согласии, созвучна настоящей, хотя и не выраженной вслух, воле народа…». Я думаю, что в целом это было правдой, однако было время, когда его политику не понимали, и я как раз попал в такой момент, даже не подозревая об этом. Я только видел, что речь его не вызывает у народа отклика и что он даже не пытался сделать ее популярной.

* * *

Я почувствовал, что от меня требуется нечто особое. Когда Ленин сошел с платформы и Подвойский сказал мне в той же сухой манере, которая была характерна для Ленина: «Американский товарищ сейчас обратится к вам», и я уже карабкался на большую бронемашину, я пытался собраться с мыслями. Должен ли я, осмелюсь ли я говорить по-русски? К этому времени я уже семь месяцев провел в России. Моя природная страсть к словам, типичная для валлийца, помогла мне выучить язык, но все равно меня тревожил страх. Между тем я должен признаться, что четыре года, что я изучал греческий, шесть лет – латынь и один год иврит, не слишком-то помогли мне.

Заметив, что я стою на машине в нерешительности и вообще выглядел мрачным из-за всего этого, словно это был вопрос жизни и смерти, – Ленин по-доброму обратился ко мне: «Ну хорошо. Говорите по-английски. Позвольте мне быть вашим переводчиком».

И я тут же принял решение.

– Нет, – жестко и, думаю, даже несколько напыщенно ответил я. – Я буду говорить по-русски.

Ленин пришел в восторг. Глаза его засверкали, и все лицо

озарилось смехом, мимические морщины собрались, он стал похож на гнома, а не на эльфа, из-за высокого лба и лысеющей головы. Он явно стремился узнать, какую речь позволит мне произнести мой запас русских слов.

Я начал с нескольких расхожих фраз, которые я уже знал наизусть. «Да здравствует победоносная, непобедимая русская армия! Да здравствует объединенная могучая Россия!» А затем, вспомнив до сих пор звеневшие у меня в ушах слова из «Четырнадцати пунктов» президента Вильсона, добавил: «Да здравствует долговечный союз между Россией и Америкой!»

Разумеется, эти фразы были встречены продолжительными аплодисментами, но я чувствовал, что они – поверхностны. Я подыскивал слова, чтобы сказать что-нибудь серьезное, но в то же время сделать свое выступление более легким. И тогда, немного с запинками, но все же довольно прилично я сказал, верно, что я говорю по-русски плохо, но это только по одной причине. «Русский язык – очень сложный. Когда я пытался говорить по-русски с извозчиком [водителем дрожек], он подумал, что я говорю по-китайски. Даже лошадь немного испугалась». Это вызвало раскатистый хохот у слушателей, и Ленин тоже громко рассмеялся, лишь Подвойский остался стоять с таким же торжественно-невозмутимым лицом.

Но тут началась моя борьба. Я пытался сказать им, как тронул меня их вид, зеленых новобранцев в новенькой форме, свежих, освободившихся от фабричных скамеек. Понимая, что в партии есть разногласия, и в народе тоже, насчет всего вопроса о сепаратном мире с Германией, я хотел, чтобы они узнали, что я в курсе, что революции грозит опасность и что опасность может грозить самому Петрограду. До сих пор аудитория была вежливой, не важно, как бы ни коверкал иностранец их слова, русские были милосердны. Поэтому в каждую паузу, когда я подыскивал слова, они мне аплодировали, и это давало мне время перевести дух. Но теперь я достиг высшей точки. Если дело дошло до откровенного признания, если подступил великий кризис, я хочу, чтобы они знали, что я…

Теперь они прислушивались к моим словам. Никто не аплодировал. Я чувствовал, что у меня выступил пот. А потом ощутил, как глаза Ленина сверлят меня, и обернулся к нему.

– Какое слово вам нужно? – спросил он по-английски.

Он больше не смеялся. Глаза его, правда, все еще весело смотрели на меня, подбадривая меня продолжать.

– Enlist, – ответил я.

– Вступить, – подсказал он.

И я продолжил. Я сказал, что готов вступить в

социалистическую армию. Всякий раз, когда мне нужно было подобрать слово, я оборачивался к Ленину, и он подсказывал мне, и я продолжал далее, без неловких пауз.

Я более или менее случайно ухватился за волшебный шанс угадать, что в этот момент нужно было массам. Само мое присутствие было очевидным доказательством нынешнего интернационализма, и таким образом их революционный пыл возрос, а аплодисменты нарастали и смешивались с дружеским, одобрительным смехом, вызванным моим английским произношением слов, которые мне подсказывал Ленин.

Социалистический товарищ, такой безошибочно американский, который собирается вступить, если в этом будет необходимость, в ряды социалистической армии, дал новый поворот к интернационализму, который был на устах многих ораторов, выступавших в те дни. Потому что здесь говорил некто, считавший, что революция не защищена от германского нападения, но что если на нее нападут, то он, этот человек, присоединится к ним.

В конце на своем ужасающем русском языке я заверил их, что в Америке будет революция, но не сказал когда.

– Мне очень жаль, американский рабочий класс весьма консервативен. – И тут я встрепенулся. – Да здравствует революция! Да здравствуют социалистические войска! Да здравствует Интернационал! (Я воспроизвел эти слова так, как записал их ночью, и это иллюстрирует, почему у Ленина возникли педагогические поползновения; с этого времени я стал его учеником, и вполне трудным, так как ему пришлось призвать на помощь все свое мастерство учителя.)

Когда я спускался с машины, Ленин тепло обратился ко мне.

– Что ж, это неплохое начало освоения русского языка, – добродушно произнес он. А затем добавил с подчеркнутой серьезностью: – Но вам надо еще постараться. – Обернувшись к Бесси Битти, которая пришла со мной, он сказал, не подтрунивая и не пытаясь быть галантным, но вполне серьезно: – А вы тоже должны выучить русский язык. Поместите в газету объявление и скажите, что хотите давать уроки по обмену – вам русский, а вы – английский. А потом просто читайте, пишите и говорите только на русском языке. – И обратился к нам обоим: – Не разговаривайте с американцами. В любом случае, это не пойдет вам на пользу, – шутливо добавил он. И еще сказал мне: – В следующий раз, когда я увижу вас, я устрою вам экзамен.

Ленин уехал, машина, в которой он сидел, укатила, а мы медленно пошли пешком с Манежа в окружении толпы, после того как прозвучали три выстрела. В него выпустили три пули,

пробившие машину. Фриц Платтен, швейцарский левый социалист, сидевший рядом с Лениным на заднем сиденье, был ранен в руку. Это была первое покушение на жизнь Ленина, сделанное будущим убийцей, спрятавшимся на боковой улице. Преступнику удалось скрыться.

Потрясенные, мы с Бесси Битти поспешили к месту происшествия, пробиваясь сквозь толпу. Нам нужно было выяснить наверняка, не ранен ли Ленин.

– Подумать только, он только что стоял, разговаривал с нами! – в слезах воскликнула Бесси. – Может, ничего этого не произошло бы, может, убийца не пришел, если бы он уехал вовремя.

В ту ночь мы были очень напряжены, даже после того, как узнали, что Ленин не пострадал.

За несколько недель до этого покушения на Ленина мы с Ридом сообщили нашим друзьям-большевикам, как один богатый спекулянт сказал нам, под строгим секретом, что у него есть миллион рублей для человека, который убьет Ленина, и что он знает еще девятнадцать людей, готовых отдать такую же сумму или даже еще больше. Он был одним из bon vivants, недавно разбогатевших на военных сделках, который подпольно поставлял товар в Германию и любил развлекать журналистов. Гумберг представил нас ему, и мы поехали к нему домой, надеясь на щедрое угощенье; и мы не были разочарованы.

* * *

…Троцкий уехал в Брест-Литовск из Петрограда 28 января, однако прежде он прочел доклад на съезде, на сессии, которая включала также членов крестьянского собрания. В частности, он сказал: «Буржуазные правительства могут подписать любой мир. Правительство Советов не может. Либо мы будем уничтожены, либо будут уничтожены буржуазные власти по всей Европе. Мы вышли из империалистической войны и никогда к ней не вернемся. Я не могу сказать, что русская революция гарантирует победу над германским империализмом. Более того, я заявляю, что любой, кто говорит, что русская революция ни при каких условиях не обязана принимать неудачный, но не позорный мир, – это демагогия и шарлатанство. Мы не можем дать вам гарантий, что мы не заключим сепаратный мир. Если бы у нас были такие гарантии, то мы поставили бы русскую армию в зависимость от французского и американского золота. Мы сильны потому, что мы будим сознание людей, взывая их к протесту, во

всех странах. Разговор между русской революцией и германским империализмом еще не закончен. Мы еще скажем свое слово там, и мы не свернем наши знамена». И он попросил, чтобы ему дали свободу действий, пообещав, что он не подпишет антидемократический мир. Ему развязали руки.

За неделю, что прошла до окончания съезда, пришли вести о забастовке в Германии, и сообщения были получены о победах Советов на Украине и на Дону, которые изрядно, хотя и на время, ослабили группировки Рады. Перед тем как поехать 15 января в Брест-Литовск, Троцкий назвал эти забастовки «первым признанием наших методов проведения мирных переговоров, которые мы получили от пролетариата центральных империй», и заявил, что дорога, которую делегаты прокладывают в Бресте, была единственной, по которой революция могла бы обеспечить свое развитие. Даже британская лейбористская партия возродилась к жизни и издала постановление.

Ленин отражал растущую надежду в своей речи, произнесенной в последний день работы III Съезда Советов. Его первая речь, на второй день съезда, была задумчивой. Маркс и Энгельс сказали: «Французы начнут это, германцы закончат». Но сегодня, сказал он, мы можем видеть, что легче начать революцию в странах, которые не так богаты и кто не может подкупить высшие слои рабочего класса. Псевдосоциалистические партии Западной Европы ничего не сделали. «Все повернулось по-другому, не так, как ожидали Маркс и Энгельс… Русские начали это, германцы, французы, англичане завершат, и социализм победит». Однако Ленин предусмотрительно не сказал, когда он победит в России.

Теперь, в последний день, он сослался на сообщения о победах Советов над Радой на юге и о забастовках в Германии в последние несколько дней и сказал:

– Мы не одиноки. Вы читали новости о революции в Германии. Пламя революции приближается все ближе и ближе к старому порядку. И мы, кто образовал Советы, вдохновили другие страны сделать такие же попытки. У трудящихся нет иного способа покончить с бойней.

– Мы закрываем этот исторический съезд Советов, когда все, похоже, указывает на то, что мировая революция нарастает и что недалеко то время, когда рабочие всех стран объединятся в одно государство и вместе построят новую социалистическую систему.

Это был конец речи, и все стали расходиться по домам. Мы никогда не слышали, чтобы Ленин выступал так, как он это сделал на закрытии Третьего съезда.

– Наверное, мне бы Владимир Ильич нравился больше, если

бы он был желчным человеком, по крайней мере, более приземленным, каким он был вчера. Он лучше, когда не слишком увлекается надеждами, – тихо произнес Рид. Это прозвучало почти как вопрос.

– Я знаю, – ответил я. – Вы боитесь, когда видите всех вокруг такими эмоциональными, вы боитесь заразиться их лихорадкой, и что же тогда произойдет?

Мы спрашивали себя, почему наша первая реакция на эту его энергичную последнюю речь ощущалась так, словно его речь отвечала на вопросы, хотя о них вообще ничего не было сказано. Мы пришли к выводу, что неосознанно мы попали под магию догматиков. Сюда относились Бухарин, Радек, Дзержинский и Иоффе, а также некоторые наши друзья из левых эсеров, которые публично еще не возражали против сепаратного мира, а также большинство знакомых нам анархистов. Не совсем признавая его, мы чувствовали, что сепаратный мир будет предательством интернационального социализма и что Советы должны придерживаться жесткого и в равной степени враждебного подхода к империализму, не важно, к Антанте или центральным властям. Послушав Ленина, мы обрадовались, преждевременно. Предчувствие беды, которое витало над съездом в предыдущую ночь, улетучилось, и мы, как два пожилых государственных мужа, охранявшие революцию, пребывали в надежде на то, что Ленин не становится легковерным.

Теперь мы во всем разобрались. Ленин, который всегда чувствовал обстановку и держал ухо востро, не желал слишком далеко отрываться от народа («как хороший организатор союзов», – заметил Рид), просто он отдал дань признания на последнем дне съезда воле международной солидарности, которая в то время так сильно овладела психологией русского народа.

* * *

10 февраля, как раз за день до того, как Рид уехал из России, Троцкий привез делегацию из Брест-Литовска. Троцкий после яростной атаки на интриги германцев сделал, наконец, вывод в своей декларации, что «Россия отказывается подписать аннексионный мир и со своей стороны объявляет состояние войны с Германией, Австро-Венгрией, Турцией и в последнюю очередь с Болгарией».

Троцкий и делегаты вернулись в Петроград, очевидно чувствуя не только свою правоту, но удовлетворение оттого, что

они сбили с толку своих противников, однако через семь дней русские были уведомлены, что военные операции возобновятся на следующий день. Троцкий подумал, что это – блеф. На самом деле приказ выступать был отдан немцами, когда Троцкий возвращался в Петроград.

На следующей неделе Центральный комитет собрался на почти круглосуточном совещании. В то время, пока немцы приближались, комитет все еще был расколот. Борьба Ленина, тянувшаяся уже несколько недель, обрела новую остроту. По получении послания Гоффмана Ленин предпринял действия, чтобы предложить Германии возобновить мирные переговоры. За это проголосовали, кроме Ленина, Сталин, Свердлов, Сокольников и Смилга. Однако явное большинство – Троцкий, Бухарин, Ломов, Иоффе, Урицкий и Крестинский – проголосовало против, по крайней мере, до тех пор, «пока наступление немцев не будет достаточно очевидным, и до тех пор, пока не обнаружится его влияние на рабочее движение».

Ленин настаивал. Если начнется германское наступление, а в Германии и в Австрии никакой революции не будет, то стоит ли тогда стремиться к миру? В ответ на это Троцкий поменял позицию и поддержал Ленина, и таким образом создалось большинство из шести голосов против одного Иоффе, руководителя переговоров в Бресте до Троцкого, четыре человека воздержались.

Дзержинский голосовал вместе с оппозицией Ленину, а Зиновьев проголосовал вместе с Лениным. Утром Троцкий, повторив, что они должны увидеть, какое воздействие окажет новая ситуация на немецкий народ, вновь проголосовал против немедленного предложения продолжать переговоры, и предложение не удалось снять семью голосами против шести.

Затем поступили новости о настоящем продвижении вперед. Это было вечером 18 февраля. Немцы не только выступили, но, как пришлось написать Ленину двадцать третьего, старая русская армия «вообще отказывалась воевать». У Двинска, который был взят немцами в первый день наступления, русские офицеры «уже собирались снимать погоны». Позже в тот же вечер, восемнадцатого, появились слухи, будто немцы двигаются на Украину и Троцкий опять переметнулся в лагерь Ленина, хотя и неохотно, с тем чтобы выйти на германцев с предложением подписать мир на изначально предложенных Германией условиях и при этом попросить их о дальнейших переговорах; за это предложение проголосовали семеро против пяти.

В ту же ночь Центральный исполнительный комитет Советов проголосовал за предложение. Большевики, связанные решением

Центрального комитета партии, все без исключения поддержали его. Из семи присутствовавших левых эсеров четверо проголосовали за него, хотя их партия позднее объявила голосование недействительным.

Немцам немедленно была послана телеграмма. Однако генерал Гоффман, поддержанный Людендорфом, Гинденбургом и кайзером, заставил русских ждать ответа, а немцы тем временем продолжали свой марш.

Те четыре дня, которые прошли в ожидании, мы все пережили в каком-то напряжении лунатиков. Дикие слухи каждый день наполняли Петроград. После падения Двинска предложение Троцкого о том, чтобы центральные власти были допрошены об их требованиях, без упоминания мира, вызвало ответ Ленина, что надо прекратить эти «шутки с войной» и что «мы пишем бумаги, а они [германцы] тем временем захватывают подвижные составы… История скажет, что вы доставили революцию [врагам]. Мы могли бы подписать мир, который не был бы опасен для революции». Именно тогда Троцкий, вместо того чтобы голосовать за собственную резолюцию, проголосовал за резолюцию Ленина. Но теперь немцы и в самом деле находили такого рода войну шуткой, как позже писал Гоффман. Та малая часть русской армии, которая еще не была демобилизована, поспешно делала это, отступая и растворяясь перед незначительными силами немцев.

Интересно, что в такой ситуации были люди, которые больше склонялись в сторону военно-революционной группировки, чем когда-либо, говоря, что немцы могут атаковать в любом случае.

Лично для меня все эти дебаты теперь казались почти академическими, поскольку я их не слышал; но, когда слышал, они были иными, потому что, хотя им и недоставало динамического руководства левой группировки, в которую входила мой добрый друг Коллонтай, там было много мощных ораторов. Между тем я видел немцев в действии в первые дни войны и теперь довольно реалистично представлял, как они гуськом маршируют по Невскому проспекту.

* * *

Спустя несколько недель, пытаясь воздействовать силой разума и убеждений на большевиков и левых эсеров, с которыми большевики вместе возглавляли правительство, Ленин еще раз попробовал действовать без них, обратившись к народу. Под псевдонимом Карпов он напал на них. И когда после двух статей

в последующие дни Ленин обнаружил, что Центральный комитет разделился почти поровну, и против него по решающим голосам, он написал третью статью, за подписью Ленин, и разоблачил себя, как автор двух первых.

21 февраля я с жадностью проглотил первую из этих статей Ленина, напечатанную в газете «Правда» под названием «Революционная фраза». Я хотел бы, чтобы Рид был здесь, чтобы посмаковать язык этой статьи.

«Если желание революционной войны со стороны, скажем, Петроградской и Московской партийных организаций не были бы простой фразой, то мы стали бы свидетелями между октябрем и январем другого [ряда] фактов: мы видели бы, как демобилизации твердо противостоят… десятки тысяч агитаторов и добровольцев, отправленных на фронт… полки, сформированные и соединившиеся с Красной Армией и прибегающие к средствам террора, чтобы остановить демобилизацию».

Ленин говорил, что его оппоненты возражают «против того, что этот неприличный мир – это позор, это предательство Латвии, Польши, Курляндии и Литвы». Взирая на это с теоретической точки зрения, Ленин спрашивает: «Что нужно ставить в первую очередь – право наций на самоопределение или социализм?» – и отвечает: «Социализм». И продолжает:

«Разве позволительно, из-за нарушения права наций на самоопределение, разрешать, чтобы Советская социалистическая республика была сожрана, подставлять ее под удар империализма в то время, когда империализм явно сильнее, а Советская республика явно слабее?

Нет, это не позволительно – это буржуазная, а не социалистическая политика…

Англо-французская буржуазия расставляет для нас капкан, пожалуйста, будьте столь любезны, идите и сражайтесь сейчас, наш выигрыш будет великолепен. Германцы ограбят вас, «наведут порядок» на Востоке, согласятся на более дешевые условия на Западе, и более того, Советская власть будет сметена прочь… Пожалуйста, воюйте, большевистские «союзники», а мы поможем вам!

И «левые» большевики заходят в капкан, произнося все свои революционные фразы…

Мы должны сражаться против революционной фразы… чтобы когда-нибудь в будущем люди не сказали бы о нас горькую правду, что «революционная фраза о революционной войне погубила революцию».

Далее следовал ряд пунктов, решение по которым было

принято Советом народных комиссаров. Вся власть и ресурсы страны должны быть переданы в распоряжение революционной обороны. Все советские и революционные организации должны отвечать за защиту каждого поста «до последней капли крови». Железнодорожные организации и кооперативные советы должны делать все усилия, чтобы предотвратить использование железнодорожной системы врагом; в случае отступления пути должны быть разрушены, железнодорожные здания взорваны и сожжены, и весь подвижной состав переправлен в тыл.

Все продуктовые припасы, которым угрожает опасность попасть в руки врага, должны быть «безусловно» уничтожены. В таких случаях местные советы должны взять на себя функции надзора, а их председатели нести персональную ответственность.

Рабочие и крестьяне Петрограда, Киева и всех городов, деревень и сел вдоль линии нового фронта «должны мобилизовать батальоны для рытья траншей» под приглядом Красной гвардии.

* * *

Все сомнения относительно того, что мне делать, улетучились. Слишком поздно было возвращаться в Америку. Я бросился в Смольный, с газетой под мышкой. И начал бродить по коридорам.

Где можно записаться в Красную армию? Ибо я собирался выполнить свое обещание и сделаться новобранцем, войти в первый контингент Красной армии. Ленин как-то подсказал мне русское слово «вступить». Я обещал сделать это в случае опасности. Теперь, чуть больше месяца спустя, сомнении не было, что настоятельная необходимость наступила. Я должен вступить.

Я набрался мужества и подошел к моряку, растолковав ему свои слова так, чтобы он меня понял. Он спокойно кивнул, словно это была самая обычная просьба в мире, и сказал, что отведет меня в нужное место. И мы пошли.

Таким образом я попал в руки Бухарина. Разумеется, я знал Бухарина, он был одним из русских американцев (по крайней мере, он недолго пробыл в Нью-Йорке), которых я знал меньше всех, и мне ни за что не пришло бы в голову обратиться к нему с такой просьбой.

Однако было уже слишком поздно. Моряк буднично сказал, что вот товарищ, который хочет вступить в армию, чтобы защищать революцию, и оставил меня с Бухариным наедине, и Бухарин повел меня, оживленно тараторя.

Вначале я не обращал на него внимания, занятый обдумыванием шага, который собирался совершить. Затем взял на заметку все, что он говорил. Он все говорил о революционной инициативе масс и как Маркс тоже предупреждал о Французской революции, но потом его захватила и воодушевила революционная инициатива санкюлотов.

Я напомнил ему, что славная Французская революция превратилась в бонапартизм.

– Точно, – сказал он, открыл дверь и, взяв меня за руку, ввел в кабинет. Меня смутило это его «Точно». Может, он просто неправильно меня понял или просто не обратил внимания?

– Послушайте, Бухарин. – Я говорил быстро. Я чувствовал какую-то интригу, в которой меня могли использовать, как пешку. – Давайте я объяснюсь. Хочу, чтобы вы совершенно меня поняли. Я не теоретик, а вы – да. Однако легко делать то, что вы делаете, – разжигать революционный пыл в рабочих, – это легко, когда в желудке пусто, а надежды слабые.

Я не замечал, где мы находимся, но теперь, увидев вкрадчивую улыбку на лице Бухарина, я понял, что на самом деле мы находимся в приемной Ленина. Я выразил протест, заявив, что просто пришел в Смольный, чтобы записаться в ряды Красной армии, а не увидеть Ленина. Я не желал служить Ленину в качестве представителя железного батальона рабочих в странах, бросившихся защищать Советы, если только они откажутся подписать мир. Но в то время, пока я спорил с ним, Бухарин ждал, пока откроется внутренняя дверь.

Я мог бы оттолкнуть его и сбежать. Однако не сделал этого. Вместо этого вместе с Бухариным я завороженно наблюдал, как щелкнула круглая ручка двери и чья-то рука внутри, может, рука Ленина, поворачивала ее туда-сюда, очевидно, пока произносились слова прощания. Бухарин подошел поближе к двери и, когда посетитель вышел, он схватил дверь, пока она была еще открыта, и буквально силой втолкнул меня внутрь.

Меня катапультировало прямо к Ленину. Он шел к своему столу, спиной к нам. Обернувшись, по понятным причинам удивился, что ему таким образом пришлось встретиться с необъявленным посетителем.

Я был очень смущен, и, пробормотав какие-то слова насчет того, что хочу вступить в Красную армию, я почувствовал себя еще более сконфуженным. Что будет, если каждый рекрут будет приходить к Ленину и сообщать ему об этом, прежде чем записаться в армию?

Я пытался объяснить насчет Бухарина. Однако по блеску в глазах Ленина, когда я упомянул имя Бухарина, у меня

промелькнула мысль, что он заметил рядом Бухарина или, по крайней мере, подозревал, что он имеет какое-то отношение к этому моему внезапному вторжению в его кабинет.

Для Ленина позиция Бухарина насчет того, что германские рабочие должны восстать и спасти советское рабоче-крестьянское правительство, была отравленной революционной фразой. Сам Ленин рассчитывал на международную поддержку рабочих, однако она не была неизбежной, немедленной – при том что германские войска наступают.

Некоторое время он развивал эту свою мысль, вероятно, для того, чтобы узнать, что я думаю по этому поводу. Мне сказали, что он всегда делает нечто подобное, кто бы ни был его посетителем и какая бы тема ни обсуждалась.

* * *

Затем он сказал, что глупо умереть за революцию, поскольку это конец сам по себе. Лучше жить для нее. Оставаться живым. Вот настоящая задача. Если бы все революционеры умирали за революцию, революция погибла бы вместе с ними.

– Конечно, – сказал он, – вы, журналисты, доброжелатели, и поэтому вы больше рассматриваете моральный, а не военный фактор. Но я рад, очень рад, что вы приняли такое решение.

Он прямо и серьезно посмотрел на мня. Я с облегчением заметил, что в голосе или в поведении его не было ни намека на сарказм или изумление.

Я начал объяснять о своем обещании на платформе бронемашины и с удовольствием увидел, что он прекрасно все помнит. Впрочем, мы оба говорили по-английски; у нас было слишком мало времени, и я был слишком напряжен, чтобы пытаться изъясняться по-русски.

– Сейчас все для нас выглядит очень плохо, – сказал Ленин. – Старая армия сражаться не будет. Новая армия в основном лишь на бумаге. Псков только что сдался без сопротивления. Это преступление. Председателя того Совета нужно расстрелять!

Он немного помолчал, а затем продолжил:

– Наши рабочие способны к великому самопожертвованию и героизму, но у них нет военной подготовки или военной дисциплины. Солдаты старой армии устали, они измучены войной, но, если дать им немного отдохнуть, они будут очень хорошо воевать.

Этими короткими фразами он подытожил ситуацию. И потом добавил:

– Все, что я вижу, – это мир. И все же Советы могут быть за войну. В любом случае я поздравляю вас с вступлением в революционную армию. После того как сражались с русским языком, вы сможете научиться хорошо воевать с немцами.

Он глядел на меня испытующим, проницательным взглядом, его глаза сузились в улыбке. И он экспромтом сказал:

– Один иностранец не сможет много сражаться. Может, вы найдете других?

Так появился на свет наш Иностранный легион. Я сказал, что постараюсь изо всех сил собрать полк. И Ленин тут же перешел к действию.

Он поднял трубку телефона и попытался связаться с Крыленко, советским главнокомандующим. Ему не удалось, и тогда он взял ручку и написал ему записку. Как мне потом довелось узнать, на этом действия Ленина не закончились, равно как и присущее ему внимание к деталям все время, пока шло формирование легиона.

Я было поднялся, но Ленин сказал:

– Минуточку. Послушайте. Мы не можем сражаться голыми руками; но, может, нам придется. Они могут не принять перемирие. Но мы сделаем все возможное, чтобы избежать сражения сейчас. Крестьяне изнемогли от войны.

Ленин быстро взглянул на меня; в его глазах мелькнул тот самый огонек доброты, что составляла подлинную сущность Ленина. Потом он отвел взгляд и обронил несколько обычных реплик о бессмысленности войны:

– Какая трагедия! Какой парадокс! Безжалостный враг взрывает мосты и дома, и, отступая, мы должны делать то же самое. Несчастная Россия!

Я снова сделал движение, чтобы уйти, и, вставая, глупо уронил шляпу на пол. Быстро нагнувшись, Ленин поднял ее и с отсутствующим видом машинально вручил мне. Я уверен, что в тот миг до нас не дошло, что было нечто необычное в том, что премьер поднял с пола шляпу корреспондента.

Было уже темно, когда я покинул Смольный. Я слышал, как вопит сирена, предупреждая о приближении германских войск, угрожавших жизни красного Питера, любимого города рабочих.

Мне было холодно, я проголодался, но теперь, когда решение было принято и уже были предприняты кое-какие действия по нему, меня охватило странное ощущение подъема. Теперь я стал неотъемлемой частью революции, защитником столицы от наступающих немцев.

На следующий день, 23 февраля, генерал Гоффман, наконец, ответил новыми и гораздо более жесткими условиями на

предложение русских принять старые условия. И все же при том, что новые сражения в Центральном комитете и в исполнительном совете, которые занимали Ленина, наверняка были более суровыми, он все же нашел время, чтобы сделать два телефонных звонка в контору «Правды»: 1) чтобы убедиться, чтобы был напечатан призыв вступать в легион; 2) и чтобы этот призыв был напечатан на английском, а также на русском языке. Призыв появился в «Правде» 23 февраля. И по приказу Ленина более краткий, энергичный призыв примкнуть к легиону позднее был разослан по телеграфу по всей России и переведен на пять языков.

Точно так же, как мои воспоминания об Иностранном (интернациональном) легионе представляют собой смесь возвышенного и нелепого, «Призыв» также носил на себе оттенки этого, когда появился в «Правде», пересыпанный пропусками, потому что в типографии обнаружилась отчаянная нехватка английского шрифта.

«Призыв» после обычных напыщенных фраз о рабочем классе и империалистах, в частности, продолжал:

«Советская власть сделала героическое усилие покончить с войной… Она обращает призыв к рабочим всего мира; до сих пор рабочие классы в иностранных государствах не пришли на помощь русской революции, и теперь страшная угроза нацелена на сердце Советской власти, так как армия германских империалистов наступает.

Глаза всех революционеров иностранных государств обращены на этот революционный центр мира, в надежде, что он защищен. Но мы, кто находимся здесь, можем непосредственно помочь обеспечить эту защиту. Наш долг – сражаться, ради сохранения Петрограда».

Обращение, позднее разосланное из Москвы на пяти языках, было более деловитым, чем «Призыв»:

«У России есть внутренние и внешние враги, сильные и хитрые. И Россия нуждается не в ваших словах или благочестивых пожеланиях. Ей нужна работа, дисциплина, организация и оружие в руках бесстрашных бойцов.

Вы верите в революцию, в Интернационал и в Советскую власть? Тогда вступайте в Интернациональный легион Красной армии. Он сформирован для тех, кто говорит на иностранных языках, и в него войдут воюющие революционеры, революционеры-борцы со всего мира.

Вы свободный человек? Тогда немедленно вступайте.

Вы работаете на заводе или в конторе? Тогда отдайте свободное время муштровке, научитесь стрелять из ружья и

пройдите курс военного дела.

Штаб-квартира: Нижний Лесной переулок, 2 – возле Храма Спасителя».

* * *

Я говорил, что немцы не остановятся. Они не остановились после того, как получили послание о том, что русские примут старые условия мирного договора, они не остановились и после того, как русские окончательно, перед крайним сроком дали им ответ на новые условия и согласились их принять. Они не остановились, пока германские войска не дошли до озера Нарва на линии Пейпус – Могилев Северного фронта.

Новые условия, разумеется, были гораздо хуже старых. Именно это предвидел Ленин в своих тезисах: до тех пор, пока жесткие условия мира, выдвинутые в январе, не будут подписаны, «великие поражения вынудят Россию заключить еще более невыгодный сепаратный мир». Утром 23 февраля новые германские условия, наконец, были переданы советскому правительству. Россия должна отозвать свои права на всю Ригу и ее окрестности, всю Курляндию и Литву и вывести свои войска с Украины. Требовалось признание германской оккупации Ливонии и Эстонии.

Советы заключили мир и с Украинской Радой. Россию лишали ее польских, балтийских и белорусских провинций. Платежи Германии были сокращены по нескольким пунктам по сравнению с условиями договора, предложенными ранее, но это было компенсацией при условии, что каждая сторона заплатит за содержание своих граждан-военнопленных, что означало огромный счет, который должен был быть предъявлен Советам. Вероятно, самый тяжелый удар для России – потеря пшеницы и зерна, леса и скота, которые немцы могли разворовывать на Украине, с плодородных земель, теперь полностью перешедших к кайзеру.

В Центральном комитете борьба разразилась с новой силой. На ответ на германский ультиматум давалось всего сорок восемь часов. Ленин предстал перед самым тяжелым испытанием в своей жизни. Троцкий, позиция которого все время отличалась от позиции группы Бухарина, который не желал ни идти на компромисс, ни иметь дело с империалистами любой формы или фасона, теперь «склонился к партии войны», выражаясь словами его биографа. Он не согласился с Лениным в том, что в данный момент они бессильны и могли сдать Петроград и Москву.

Троцкий же не мог оставить роль, в которую он так погрузился в Бресте, – во всяком случае, не так быстро. Говоря об обороне, которую они могли бы организовать, если бы были едины, он сказал:

– Мы весь мир держали бы в напряжении. И если мы сегодня подпишем этот германский ультиматум, мы… возможно, выиграем мир, но потеряем поддержку прогрессивных элементов пролетариата.

– Это абсурд для членов нашего Центрального комитета говорить о международной гражданской войне. Война сейчас идет в России, а не в Германии, – заявил Ленин.

Когда Сталин предложил не подписывать условия мирного договора, что нужно начать переговоры без этого, Ленин сказал:

– Сталин ошибается, когда говорит, что мы можем себе позволить не подписать. Эти условия следует принять. Прежде чем вы обнаружите, что подписываете смертный приговор советской власти уже через три недели.

Троцкий сказал, что он не хочет стоять на пути единства партии, но не может продолжать деятельность в качестве комиссара иностранных дел. На последнем голосовании Троцкий и три лидера военной фракции воздержались, а четверо (Бухарин, Ломов, Бубнов и Урицкий) проголосовали против Ленина. Ленин выиграл семью голосами (Ленин, Зиновьев, Свердлов, Сталин, Сокольников, Смилга, Стасова). Кроме Троцкого воздержались Иоффе, Дзержинский и Крестинский. Трое последних составили заявление, в котором говорилось, что они не могут видеть, как ведется война против германского империализма, русской буржуазии и «секции пролетариата, возглавляемой Лениным». Бухарин, Урицкий, Ломов, Бубнов, Смирнов и Пятаков отменили решение, как мнение меньшинства, и покинули все посты в партии и в правительстве.

Ленин попытался отговорить их от этого шага, не допустить этого, а Центральный комитет настаивал на том, чтобы Троцкий остался на своем посту. Он согласился не выносить свою отставку на суд общественности, не объявлять публично о своей отставке, пока не будет проголосовано за ее ратификацию.

* * *

Такова была ситуация только среди партийных вождей ленинской партии, но еще более решающее испытание их способностей к руководству ожидало их в ту ночь.

Теперь, к 23 февраля, я стоял на ушах, пытаясь организовать

Интернациональный легион. Тем не менее я вместе с профессором Чарли Кунцем прокрался в ту ночь в Таврический дворец. Если я не смог остаться на все собрание (решающее голосование было проведено в четыре тридцать следующего утра), то я, по крайней мере, мог ощутить его вкус.

Просторные вестибюли были заполнены людьми, лампы сверкали. Маленькие группки людей стояли повсюду, некоторые спокойные и словно оглушенные, другие кипели от ярости и тревоги. Очевидно, никто не подозревал, что немцы будут выдвигать такие условия, как эти.

К тому моменту, когда статьи Ленина были опубликованы, поддержка его точки зрения росла. Его тезисы, которые должны были появиться в напечатанном виде на следующее утро, ходили по кругу и страстно обсуждались. Никогда, прежде или после, я не видел людей в таком напряжении. И мы все разделяли это волнение. Депутаты свободно говорили, если вообще выступали. У некоторых был ошеломленный вид, и не многие смотрели на меня невидящим оком. Госпожа Коллонтай, обычно приветливая и разговорчивая, прошла мимо меня словно в трансе.

Прайс описывает впечатление, произведенное на делегатов докладом Крыленко об отступлении остатков старой армии и докладом комиссара флота, зачитанным матросом Балтийского флота, который показывал, что оборона Финского залива невозможна в свете отсутствия морских подразделений Красной гвардии, которые были отправлены, чтобы сражаться с Калединым на юге.

«Борьба явно безнадежна. Однако это, кажется, лишь поднимает героический дух в груди некоторых большевиков и левых эсеров. Госпожа Коллонтай, комиссар государственного призрения, в этот момент была занята жестоким осуждением Ленина, которого она задержала для утомительных излияний за трибуной, обвиняя его в том, что, опубликовав свой тезис, он изменил революции.

– Довольно этого оппортунизма! – кричала она. – Вы советуете нам делать то же самое, за что вы все лето осуждали меньшевиков, – за то, что они идут на компромисс с империализмом.

Ленин, спокойный и сдержанный, поглаживал свой подбородок и смотрел в пол. Тем временем порывистый буревестник, Радек, нервно ходил туда-сюда за трибуной; лицо его было бледно, глаза налиты кровью… Он попросил слова и в резких словах объяснил с трибуны, что подписание такого мира будет означать моральное банкротство русской революции и передачу Восточной Европы прусской реакции… После Радека

настала очередь лидера профсоюзов Рязанова, который страстно отклонил идею подписать мирный договор и сказал, что для революции будет лучше сойти на нет с честью, чем закончиться позором. Казалось, никто не был готов говорить в пользу подписания, и выглядело так, словно идеалисты могли победить.

И тогда встал Ленин, спокойный и холодный, как всегда. Никогда еще подобная ответственность не падала на плечи какого-нибудь человека. И все же будет ошибкой предполагать, что его личность была самым важным фактором в этом кризисе. Сила Ленина в это время и во все последующее время лежала на его способности понимать психологию, сознательную и бессознательную, российских рабочих и крестьянской массы…»

Речь Ленина возымела действие. «Никто не нашел в себе мужества ответить, потому что все, казалось, чувствовали в сердце, что Ленин прав». Однако когда к заседанию в два часа утра присоединился в полном составе Центральный исполнительный комитет Советов и еще добавились фракции меньшевиков и правых эсеров, левые эсеры, от имени которых выступал Камков, собрание признало правильность изложенных в тезисе Ленина фактов. При этом отказалось согласиться с подписанием мира, предпочитая углубиться в тыл и проигнорировать наступление германцев. Если бы окончательное решение было иным, левые эсеры не стали бы сопротивляться ему, но сбросили бы правительство.

Прайс пишет, что было пять утра, а не четыре тридцать, как указывают некоторые историки, когда было решено провести свободное голосование, на которое не оказывала бы влияния партийная дисциплина. Подсчитали число рук: 116 за подписание мира, 84 против, 24 воздержались, если следовать за Карром. Подсчеты Прайса таковы: 112 за, 84 против, 24 воздержались. Немцам тут же была направлена телеграмма.

* * *

Даже после того, как Чичерин и Сокольников, в качестве членов новой делегации по проведению переговоров о мире, подписали 3 марта мирный договор, который должен был быть ратифицирован Всероссийским съездом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, – немцы продолжали наступать. Мы жили в ежечасном ожидании катастрофы. Ленин круглосуточно посылал беспроводные телеграммы в провинциальные Советы, находившиеся на каждой территории, в которых объяснял, что в то время, как Центральный исполнительный комитет принял

тяжелый ультиматум немцев, чтобы остановить их наступление, они должны голосовать за этот договор на чрезвычайном съезде, который будет созван так скоро, как это возможно. К этому к времени мы уже знали, что думали рабочие на огромных заводах. Большевики, находившиеся в оппозиции к Ленину, направились в Выборг, чтобы собрать голоса через день после того, как Центральный исполнительный комитет принял решение. Они вернулись, признав, что рабочие считали, что сопротивление невозможно; почему они должны одни пытаться, если крестьяне не с ними? Но по мере того, как наступление немцев продолжалось, рабочие начали мобилизоваться в Красную гвардию, и опять их можно было увидеть с ружьями, перекинутыми через плечо, с лопатами, кирками, ножами и прочими удобными подручными инструментами; они маршировали к Балтийскому вокзалу и готовились рыть траншеи вокруг Петрограда.

Через неделю из провинции потоками стали поступать ответы на телеграммы Ленина, и, как было напечатано в «Известиях», в них подтверждалось почти безошибочное знание Лениным психологии и образа мышления большинства крестьян. И опять же одинокий голос, раздававшийся против голосов почти всех членов правящих группировок, не говоря уже о правых меньшевиках и правых эсерах, которые, казалось, страстно желали сражаться против немцев или получить на это приказ, был поддержан 85 процентами населения России.

По мере того как немцы продолжали наступать, очевидно намереваясь захватить как можно больше земли, прежде чем дипломаты подпишут договор на усеянной дотами линии, из Петрограда начиналась спешная эвакуация. Когда германская армия, наконец, остановилась, все вздохнули с облегчением. По крайней мере, рабочие красного Питера были спасены – хотя бы на время; а продвижение пошло более медленным шагом…

Голосование за ратификацию договора состоялось на IV Съезде Советов поздно ночью 16 марта. За «грабительский мир», как его часто описывал Ленин, было 782; против – 261, воздержались 115. В числе воздержавшихся были Бухарин и его последователи, выступавшие за революционную войну.

«Необходимая передышка», долгая или короткая, была именно тем, что так было нужно людям. И опять же подтвердился гений Ленина, умевший читать их чаяния.

* * *

…В конце марта или в начале апреля, поработав над своими записками примерно до полуночи в отеле «Националь», я вышел, чтобы немного прогуляться и глотнуть свежего воздуха. Ночь была теплая, по сезону, но небо затянуто облаками. В нескольких сотнях ярдов от отеля, на тускло освещенной Моховой, я услышал шаги, и вскоре вырисовались фигуры Ленина и Крупской, которые гуляли, взявшись за руки.

Ленин сразу же узнал меня, и на мой обычный вопрос «Как дела, товарищ Ленин?» – ответил:

– Немного устал сегодня, должен признаться. Слишком длинное совещание! Слишком много выступающих!

– И, – добавила Крупская, – слишком много разговоров после собрания и пожимания рук с товарищами.

Тем не менее он был в своем привычном настроении. Я прошел с ними до отеля, а Ленин тем временем спрашивал меня о здоровье и самочувствии. Несмотря на то что я немного нервничал, пока мы не дошли до освещенных окон гостиницы, я все же сумел рассказать какой-то смешной эпизод, и Ильич затрясся от смеха. Он спросил меня, хочу ли я войти, однако я оставил их у дверей и пошел по коридору к своей комнате.

На несколько минут я ощутил, что должны были бы испытывать телохранители Ленина, тем более что большевики постоянно убеждали его, что ему необходимо иметь охранника. Какая бы страшная ответственность пала на этого человека!

Ленин всегда вел опасную жизнь. Когда в апреле 1917 года он вернулся в Россию, он не ожидал увидеть там полную энтузиазма толпу, встречавшую его; он думал, что по прибытии его могут посадить в тюрьму. В этом он совершенно отличался от большинства революционеров, возвращавшихся из изгнания и считавших, что наступил конец их бедам. Они достаточно хлебнули тягот, неприятностей в жизни, и их нельзя винить за то, что они хотели немного передохнуть, обналичить свое революционное прошлое. Поэтому они спускали паруса и могли довольствоваться Февральской революцией, которую сделал народ без их участия.

У Ленина все было наоборот. Он понимал, что его программа во многом неприемлема для общества в апреле, или для других партий, или даже для его собственной, и он прекрасно понимал, какая опасность этой программе угрожает. Он придерживался ее, хотя и не был слишком твердолобым; в Ленине не было бравады. Когда в июле ему грозила опасность, он отправился в укрытие, хотя и с неохотой (он прятался в подполье и в 1905 году). Ленин и в опасности мог быть спокойным – тогда он написал «Государство и революция», пока не почувствовал, что пришло

время действовать.

Но теперь им предстояло сделать очень многое, и это давило на него больше, чем мысли о собственной безопасности, а большевики не приняли мер – это был трагический недогляд. Что же касается Ленина, изоляция от людей могла быть для него болезненной. Он желал знать, что хотят люди, услышать их жалобы, получить их петиции.

Он не смог отказаться и поехал к рабочим, которые хотели послушать его 30 августа, хотя его сестра Мария и Бухарин умоляли его не идти туда. Они только что узнали, что в тот день был убит М. Урицкий, глава Петроградской ЧК; а Володарский был убит на улице Петрограда 21 июня.

В тот день у Ленина было запланировано два выступления. Первое прошло без происшествий. Затем он выступал перед рабочими на заводе Михельсона. После своей речи он задержался, чтобы ответить на вопросы рабочих, которые вышли вместе с ним. Когда он повернулся, чтобы сесть в машину, выбежала девушка, державшая в руках лист бумаги, якобы собираясь подать прощение. Ленин протянул руку, чтобы взять его, и в этот момент другая девушка, Фанни Каплан, выпустила в него три пули. В Ленина попали две. Он так и не поправился после раны в шее, куда попала одна из пуль.

Я прощаюсь с Лениным

Стоял конец апреля, началась оттепель, и в воздухе запахло весной. Я мечтал снова поехать в деревню, однако был словно булавкой приколот к столу, занятый работой в Интернациональном легионе в Москве. Германские армии оккупировали Украину, белые армии перегруппировывались на Кавказе, соблазняемые золотом союзников и обещаниями вступить в войну. Города голодали; ситуация в деревнях была еще более напряженной и острой. Проверенных большевиков, которые могли бы поехать туда, не хватало. На севере английские и французские силы находились в Мурманске и в Архангельске, настаивая на том, что они – единственные, кто охраняет припасы союзников, выступающих против немцев. Между тем центр опасности лежал далеко на востоке. Именно туда и направились мы с Кунцем, по дороге во Владивосток и потом домой.

Необходимость что-то делать на родине, предупредить об опасности интервенции, возобладала над всем прочим. Итак, я отказался от ежемесячно выплачиваемой мне суммы, эквивалентной пятидесяти рублям, месячного жалованья солдата Красной армии. Интернациональному легиону придется воевать дальше без меня и Кунца. Тем временем я пытался узнать, что думают другие по поводу того, куда подует ветер на этой земле.

Москва бурлила. Поезда шли, битком забитые беженцами, которые словно река втекали в город, из районов, занятых немцами. Другие выгружали бедных крестьян и красногвардейцев, которые объединенными силами забирались далеко на восток в поисках земли. Все поезда из Петрограда перевозили рабочих, уволившихся с заводов, работа на которых срывалась из-за саботажа управляющих или с фабрик, где рабочий контроль не мог решить проблемы с распределением или нехваткой материалов или где продукция выпускалась со скрипом, а потом и просто останавливался ее выпуск. Другие рабочие бросали заводы, чтобы вернуться в деревни, откуда они были родом, где они, по крайней мере, могли быть сыты, как они считали. Железные дороги раскалывались по швам, из-за всей этой массы народа, которая пришла в движение.

Россия продолжала истекать кровью, умирать и убивать. Бухарин, Радек и так называемые левые утратили желание вести священную войну против всех империалистов. Немцы отрезали громадный ломоть от развалившегося гиганта. В настоящее время Московия сократилась еще больше, по сравнению с той площадью, что у нее была 300 лет назад, поскольку Дальний Восток оказался под властью контрреволюции, а адмирал Колчак быстро присвоил титул Верховного правителя России.

* * *

Чарли Кунц и я выехали из Москвы примерно 24 апреля 1918 года. Мы с Кунцем сначала собирались ехать в Петроград, провести там один день и на следующий вечер, в восемь часов сесть на транссибирский экспресс, который отходил еженедельно с Николаевского вокзала.

Утром, в день нашего отъезда мы встретились с Лениным. Нам пришлось ждать, его секретарь сказала, что он очень занят. По мере того как шло время, нас все больше разбирало любопытство насчет того, кто мог так долго беседовать с премьером. Два посетителя, которые вышли из кабинета, оказались крестьянами, такими, как миллионы других, которых можно было встретить по всей России. Они были одеты в косматые овчинные тулупы; на одном были башмаки, сделанные из полосок коры (лапти), а на другом – высокие фетровые сапоги (валенки).

Ленин все еще улыбался, принимая нас. Очевидно, крестьяне привели его в такое добродушное настроение. Он попросил у нас прощения за то, что заставил ждать.

– У нас тут состоялся оживленный разговор по некоторым важным вопросам.

Он расхаживал по комнате, заложив руки за спину, невысокая крепкая фигура с сияющей лысой головой, которую Горький образно описал как череп Сократа. Он излучал благодушие. Крестьяне приехали из Тамбова; один был чрезвычайно проницательный старик, сказал Ленин, и другого тоже стоило выслушать. Вполне очевидно, что в то время ему нужно было обсудить множество вопросов с крестьянами.

В разговоре с нами Ленин переключался с английского на русский, а иногда на немецкий, откровенно рассказывая о серьезных проблемах с голодом и безработицей в городах. Голод всегда знала бедная Россия, но то, что сейчас происходило, когда в закромах богатых крестьян было много зерна, было невыносимо. Воспользовавшись своей излюбленной фразой, Ленин сказал, что «сама жизнь» заставит большевиков сейчас сделать то, что они должны были сделать раньше, во время революции, – организовать комитеты беднейших крестьян (комбеды). Начало было положено в январе, однако работе помешали критические события вокруг Брест-Литовска.

Теперь же, хладнокровно сказал он, инициатива пролетариата вынуждена проявиться сама собой. В результате появится больше «железных подразделений» рабочих, которые пойдут в деревни. Такие подразделения сражаются и побеждают добровольческие армии офицеров, старой царской армии; гораздо большее количество рабочего класса понадобится, чтобы подавить кулаков, и в процессе этого установления самодисциплины преодолеть собственные пороки.

Каковы были эти пороки? Рабочие не расстались с мелкобуржуазными настроениями, в результате чего они пытались захватить зерно или хлеб только для себя, но не для своих друзей. Революция не могла за одну ночь воспитать чистые души, жадностью отличалась не только буржуазия, скупердяи, припрятывавшие зерно, или мешочники. Для того чтобы ввести великий социалистический принцип: «Кто не работает, тот не ест», те, кто вводил его силой, – сам народ – должны проникнуться идеей о том, что надо работать на общество.

Потом Ленин одобрительно поглядел на нас и спросил, знаем ли мы что-нибудь о Сибири и готовы ли мы к нашему «долгому и тяжелому путешествию». На самом деле, он, казалось, очень заботился о нашей поездке, был взволнован почти так, как если бы сам отправлялся в Америку – и, несомненно, он с удовольствием поехал бы, если бы не был занят другими делами. Он повернулся к карте Сибири, чтобы показать нам, куда именно

нам предстояло поехать, сказал, что завидует нам. Разумеется, мы были готовы к любым непредвиденным обстоятельствам, однако он предупреждал нас с беспристрастностью человека, который предлагает альтернативные пути для друга, отправляющегося на долгие каникулы; а в своем энтузиазме по поводу Сибири он больше напоминал агента бюро путешествий, предлагающего билет в самую дальнюю точку.

Он подошел к окну, выглянул, обернулся и воскликнул:

– Это прекрасная страна, вы знаете, а люди… ну вы увидите товарищей в Совете во Владивостоке. – Потом, глядя прямо на меня, он произнес: – Но вы направляетесь в первую точку проникновения союзников, не забывайте об этом. Японцы и британцы уже готовы вас там встречать. Будет нехорошо, если вы не прибудете туда раньше американских войск. Я советую вам поторопиться.

– Верно, вы шутите, – выпалил я. – Ведь, когда я попрощался с полковником Робинсом, он все еще надеялся, что Соединенные Штаты признают Советы или окажут какую-нибудь поддержку.

– Да, – сказал Ленин, – но Робинс представляет либеральную буржуазию Америки. Либеральная буржуазия не решает политику Америки. Ее решает финансовый капитал. А финансовый капитал хочет контролировать Сибирь…

– Есть ли у вас все необходимое для поездки? – затем спросил он. – Много ли записок увозите вы с собой?

Я сказал ему, что у меня целый сундук дневников, записок, документов, газет, плакатов, копий «Die Fackel»; я надеялся построить свою книгу на этих материалах. И я описал ему фильм, который собирался создать и в котором будет показана творческая сторона революции, которую собрались воплотить артисты Московского художественного театра. Я подробно спрашивал его о том, как мне можно будет показать его по всей стране.

Ленин провел рукой по своей почти лысой голове, поглядел в потолок, а затем сказал:

– Боюсь, что вашим книгам и фильму не дадут попасть в Америку. Они могут быть нежелательны у вас в стране. (Он был совершенно прав насчет того, как приняли мои бумаги в Америке. В конечном итоге сундук; с какими-то частями моего дневника, в котором содержались отрывки и записи о последних двух месяцах, и некоторые наброски моей книги о революции пропали. Но потом все же добрались до меня через морскую разведку и через департамент юстиции. Фильм также пропал. Однако прибыло дополнение, которое отчасти успокоило меня: мое досье, которое кто-то по доброте или по беспечности – я предпочитаю

думать первое – положил поверх всего остального.) Но мы позволим вам безопасно вывезти материалы в той степени, насколько это в наших силах. Будет позор, если с ними что-нибудь случится, – без лишних слов Ленин взял ручку и нацарапал записку, поставив подпись, которая, как оказалось, обладала волшебной силой на всем протяжении нашего путешествия длиною в шесть тысяч миль.

Он адресовал записку железнодорожникам и попросил их, чтобы они проявляли любезность и заботу и проследили бы за тем, чтобы наши сундуки и прочий багаж не трогали.

* * *

Далее Ленин предельно откровенно говорил о том, каким будет социалистическое будущее. Очевидно, забыв, что Россия окружена врагом, города ее голодают, проблемы с продовольствием нигде не решены, Ленин рисовал картины, какой станет Сибирь при социализме. Он говорил о великих богатствах сибирских рудников, в которых было все – от платины до угля, о ее широких просторах, девственных лесах и помимо всего ее длинных могучих реках. Укрощенные, загнанные в плотины, они могли бы вырабатывать электричество; он видел огромные дымящие домны сталелитейных заводов и города, растущие среди диких, неосвоенных земель.

В этих мечтах была электрифицирована не только промышленность Петрограда, но еще непостроенные сибирские города, а рудники Урала развивались наряду с самыми современными железными дорогами.

Он говорил так красочно, что многие годы спустя, когда были построены некоторые каналы, дамбы и гидроэлектростанции, я подумал: как странно! Я мог бы поклясться, что все это было построено много лет назад! И тогда я вспомнил, как Ленин указывал на карту, именно туда, где эти проекты должны были быть реализованы. Он настолько верил в свой народ, что не мог позволить себе считать, будто обещания России безнадежны…

Заботы, стоящие перед ними, были крайне велики. Теперь Ленин уже не улыбался, хотя и не выглядел подавленно. Он повторял в большей или в меньшей степени то, что я слышал, как он говорил раньше, – Советы оказались в ситуации, отличной от той, что предвидел Маркс. Тем не менее интервенции будет оказано сопротивление, и не только самой Социалистической республикой и в ее пределах, но и внутри капиталистических стран – ее трудовым народом, рабочим классом, который зависит

от собственного развития.

Вот почему, сказал я, мы едем домой – чтобы попытаться усилить протест против такой политики, и надеемся, что мы успеем это сделать до того, как она будет принята.

Ленин придвинул свой стул поближе ко мне. Я подумал, что он хочет разобраться со всеми идеями, так, чтобы ни одна из них не пропала здесь, сейчас. Однако он хотел выяснить, какие мысли есть у меня. У него была манера устремлять на собеседника свои вопрошающие, пытливые, почти ироничные и в то же время проницательные, проникающие насквозь татарские глаза, и, задавать вопросы, выкачивая факты у собеседника. Как однажды сказал Боб Майнор, Ленин «заставлял другого человека трепать языком, в то время как сам навострял уши». (В то время анархист Майнор вел себя враждебно и попытался припереть к стенке Ленина в одном из интервью. Однако это оказалось первым поражением Боба, который ему нанес коммунизм, вскоре ему пришлось отложить в сторону кисть и уголь и отдать все свое время изучению политики коммунистической партии. Таким образом страна потеряла одного из своих лучших художников-мультипликаторов.)

Другие корреспонденты, с кем я сравнивал свои записки, имели столь же печальный опыт. Мы могли быть репортерами, но Ленин был главным репортером и всегда одерживал верх.

И таким образом оказалось, что меня расспрашивают об американских инженерах и ученых («Они нужны нам тысячами»). Казалось, я говорил Ленину больше, чем сам знал об инженерах и ученых, – эти факты я собрал и забыл, но теперь он вытянул их у меня из подсознания (тогда это слово еще не было в моде). И потом, не задавая мне больше вопросов, он придвинув стул еще ближе ко мне, отчего мне отчаянно захотелось разделить с ним его энтузиазм.

Если Ленин был ненасытным почемучкой, он также ненасытно мог слушать – до тех пор, пока человек говорил нечто, что стоило его внимания. Когда человек, говоривший с Лениным, выдавал все свои идеи, то начинался другой рассказ. Наступала очередь Ленина. Он был готов обсуждать ситуацию в Америке, развитие социализма и то, какие факторы в американском обществе могли бы повлиять на отношения между классами. Увы, у меня не было никаких блестящих идей по этому поводу. На самом деле с теоретической точки зрения у меня вообще не было никаких идей. И как обычно, когда Ленин понял, что у меня нет ни идей, ни информации, которую стоит выслушать, он взял инициативу на себя.

* * *

По какому-то вопросу Ленин и Кунц рассуждали на беглом русском и немецком языках, и я позволил своему мозгу отдохнуть. Я вспоминал, что говорил мне Робинс. Ленин, говорил он, был особенно привязан к двум идеям – Арктике и электрификации. Когда Робинс насытил Ленина своими байками об опыте золотопромышленника на Клондайке, тогда он почувствовал, что может перейти с особым энтузиазмом к другой теме – например, к религии. Когда ему показалось, что Ленин начал проявлять нетерпение, Робинс подбросил ему один-два факта насчет электрификации и вновь завоевал его интерес. Когда я упомянул об этом Гумбергу, он сказал с заметным ликованием:

– Да, но в последний раз, когда Робинс заговорил о Назареянине и так далее, Ленин обезоружил его тем, что внимательно его выслушал, а потом сказал: «Легко понять, почему такие поверья так привлекательны для угнетенных. Маркс глубоко понимал это, когда писал: «Религия – это вздох угнетенного создания, сердце бессердечного мира и душа бездуховных обстоятельств». Робинс, знав только последнюю строку из этой цитаты: «Это опиум для народа», – был немного разочарован.

Тем не менее я решил сейчас использовать гамбит Робинса и понять, сколько времени я смогу удерживать интерес Ленина. И когда я получил такую возможность, я прервал поток философской беседы, чтобы упомянуть, что я слышал, что он написал книгу, основанную на его изучении статистики правительства США по сельскому хозяйству. Разумеется, сказал я, он знал о наших маргинальных землях, о наших упорных фермерах, а также о наших огромных владениях, фермерских хозяйствах с их большими урожаями. Я подбросил немного дров насчет читателей социалистической периодики в некоторых бедных районах и перешел на мой опыт в русских деревнях и рассказал, как я опростоволосился перед крестьянами, признав, что у меня нет земли. И пока Ленин смеялся, я задал ему еще один вопрос.

Я сказал, что хотел бы вернуться в Россию, как только это будет выполнимо (я не мог предвидеть, что интервенция продлится до 1920 года, а во Владивостоке – намного дольше) и как только я расскажу своим соотечественникам о революции все, что смогу. К тому времени, как я вернусь, спросил я, будет ли середняк, который, по определению Ленина, был человеком, имеющим пару лошадей, но при этом едва сводивший концы с

концами, иметь социалистическое мировоззрение и не станет ли презирать меня за то, что у меня нет «ни одной десятины» земли?

Это открыло широкий простор для ответных вопросов, и, очевидно, Ленин почувствовал, что это именно то, к чему я подбираюсь, что намереваюсь узнать, ибо он с восторгом поглядел на меня, словно говоря: «Значит, вы тоже можете быть проницательным мужиком!» Он сказал, что, в сущности, пока Октябрь не придет на землю (вставший на дыбы красный петух был крестьянской «Февральской революцией»), такое сознание не распространится широко.

Его беседа о наступающей грядущей классовой войне из-за земли, в которой он рассматривал городских рабочих как партнеров беднейшего крестьянства, вполне естественно привела к другой теме. Социализм не мог бы долго выживать в одной стране, если бы не полный триумф Октября, то есть бесклассовое общество, или коммунизм, было еще далеко. Это зависело от революции международного пролетариата, и Ленин отводил на это безграничное количество времени.

Он признал, без всяких колебаний, что, пока существует необходимость в диктатуре пролетариата, она будет такой же, как любая другая диктатура. Он обещал, что непримиримое меньшинство, которое было цепными псами в царское время, будет подавлено так безжалостно, как этого потребует их сопротивление. Неоднократно я слышал, как Ленин подчеркивал, что Парижская коммуна потерпела поражение потому, что сразу же не сокрушила сопротивление буржуазии. И если я не знал этого раньше, то с тех пор я обнаружил его четкую, как эпиграмма, формулировку слов Энгельса: «До тех пор, пока существует государство, нет свободы; когда есть свобода, нет государства».

Когда это бесклассовое общество придет? Это зависит, сказал Ленин, не от одной России. Россия в настоящее время – единственное государство, где введена диктатура пролетариата; и, несмотря на ее слабость и настоящее бессилие, похоже, что все могущественные капиталистические страны содрогаются от этой мысли и решают устранить эту власть.

Иногда он говорил о том, как Октябрьская революция «скоро» восторжествует. В другой момент он указывал, что настанет «период войн и революций», который продлится от пятидесяти до семидесяти пяти лет в разных странах, а потом «скоро» станет просто вопросом окончательного триумфа. Дело в том, когда этот триумф состоится, а не состоится ли вообще.

Между тем стремительно завершался процесс отмены эксплуатации человека человеком и владения частной

собственностью. При нынешних обстоятельствах работа по разрушению старого государственного аппарата шла очень быстро; большинство радикальных коммунистов проявило нетерпение даже по отношению к новому закону о земле, заявляя, что план государственных хозяйств будет означать, что люди будут работать на других, то есть платное рабство возродится. Ленин сухо сказал об этом, так как он подбивал рабочих не брать на себя руководство заводами, до тех пор пока они не научатся управлять ими.

– Мы восторжествуем – если переживем все это; но это означает, что нам придется сделать несколько уступок на некоторый момент, чтобы производительная машина заработала и смогла бы выжить. А если мы восторжествуем или даже если нет, то наш пример вдохновит революцию в отдаленных азиатских, южноамериканских и африканских странах.

Это произойдет вскоре после того, как к русским присоединится европейский пролетариат. Нет, сказал он, когда это произойдет, он не сможет сказать. Другие уже делали подобную ошибку.

– Но вот что я вам скажу. Падение кайзера произойдет в течение года. Это абсолютно точно.

Это было более определенное предсказание, которое когда-либо делал Ленин, и он оказался прав. Через семь месяцев, 10 ноября, кайзер Вильгельм бросил свою армию и сбежал в Голландию, после этого его попросили отказаться от трона, и он сам назначил имперского канцлера, принца Макса Баденского. В Голландии Вильгельму предоставили замок, и в нем он провел оставшиеся годы, вдали от мировых событий.

– В конце концов, – сказал Ленин с той же уверенностью, – страны объединятся в огромную социалистическую федерацию или мировое сообщество – через семьдесят пять – сто лет.

* * *

Тот факт, что Ленин особенно упомянул азиатские и даже африканские народы, ничего не говоря о том, когда произойдет американская революция, интересовал меня в тот момент гораздо меньше, чем то, что он чуть раньше говорил об американской интервенции. Осознав, что мы задержались у Ленина гораздо дольше, чем он намеревался с нами беседовать, я задал ему последний вопрос:

– Но если интервенция – это реальность, тогда что?

– Тогда, – ответил Ленин, – это означает круговую оборону с

нашей стороны. В таком случае, революция может замедлить ход или даже временно измениться по форме; ее цели и намерения останутся прежними, просто достижение их будет немного отложено. При иностранном вторжении наши уставшие от войны люди найдут новые стимулы, чтобы сражаться, а крестьяне будут защищать свою землю. Они узнают, что приход японцев, британцев, французов или американцев будет означать возвращение помещиков. Ибо любой интервент должен иметь опору, а единственная опора, которую он найдет среди народа, – это сословие белых офицеров… Но в конечном итоге мы восторжествуем, – сказал он, – в этом вы можете не сомневаться.

Затем он повернулся ко мне и высказал сожаление, что теряет меня как перспективного члена класса марксистов. Он по-доброму посмотрел на меня и сказал, что я – американец до мозга костей. Но что я научусь; время кризисов особенно подходит для того, чтобы выучить теорию…

Я помню, как мы пошли назад по коридорам Кремля вместе с Кунцем. Ни мне, ни ему нечего было сказать. Нам даже в голову не пришло почувствовать себя польщенными, что председатель Совнаркома проговорил с нами два часа. Я сомневаюсь, чтобы те два тамбовских крестьянина подумали бы о том же. Нас просто переполняло сознание невероятных трудностей, ждавших впереди; он был так прост, а его сила и умение сосредотачиваться были таковы, что его слова буквально жгли слушателей и воспламеняли их, даже если выражение лица у него оставалось обычным.

А фраза Ленина «в конечном итоге мы восторжествуем» стали частью его образа, который задержался в моей памяти.

Россия во мгле Герберт Уэллс

Гибнущий Петроград

В январе 1914 года я провел недели две в Петрограде и Москве; в сентябре 1920 года г. Каменев, член русской торговой делегации в Лондоне, предложил мне снова посетить Россию. Я ухватился за это предложение и в конце сентября отправился туда с моим сыном, немного говорившим по-русски. Мы пробыли в России 15 дней; большую часть из них – в Петрограде, по которому мы бродили совершенно свободно и самостоятельно и где нам показали почти все, что мы хотели посмотреть. Мы побывали в Москве, и у меня была продолжительная беседа с г. Лениным, о которой я расскажу дальше. В Петрограде я жил не в отеле «Интернационал», где обычно останавливаются иностранцы, а у моего старого друга Максима Горького. Нашим гидом и переводчиком оказалась дама, с которой я познакомился в России в 1914 году, племянница бывшего русского посла в Лондоне. Она получила образование в Ньюнхэме, была пять раз арестована при большевиках; выезд из Петрограда был ей запрещен после ее попытки пробраться через границу в Эстонию, к своим детям; поэтому уж она-то не стала бы участвовать в попытке ввести меня в заблуждение. Я говорю об этом потому, что на каждом шагу, и дома и в России, мне твердили, что нам придется столкнуться с самой тщательной маскировкой реальной действительности и что нас все время будут водить в шорах.

На самом же деле подлинное положение в России настолько тяжело и ужасно, что не поддается никакой маскировке. Иногда можно отвлечь внимание каких-нибудь делегаций шумихой приемов, оркестров и речей. Но почти немыслимо приукрасить два больших города ради двух случайных гостей, часто бродивших порознь, внимательно ко всему приглядываясь. Естественно, когда желаешь посмотреть школу или тюрьму, показывают не самое худшее. В любой стране показали бы лучшее, и Советская Россия – не исключение. Это вполне понятно.

Основное наше впечатление от положения в России – это картина колоссального непоправимого краха. Громадная монархия, которую я видел в 1914 году, с ее административной, социальной, финансовой и экономической системами, рухнула и разбилась вдребезги под тяжким бременем шести лет непрерывных войн. История не знала еще такой грандиозной катастрофы. На наш взгляд, этот крах затмевает даже саму Революцию. Насквозь прогнившая Российская империя – часть старого цивилизованного мира, существовавшая до 1914 года, – не вынесла того напряжения, которого требовал ее агрессивный

империализм; она пала, и ее больше нет. Крестьянство, бывшее основанием прежней государственной пирамиды, осталось на своей земле и живет почти так же, как оно жило всегда. Все остальное развалилось или разваливается. Среди этой необъятной разрухи руководство взяло на себя правительство, выдвинутое чрезвычайными обстоятельствами и опирающееся на дисциплинированную партию, насчитывающую примерно 150 000 сторонников, – партию коммунистов. Ценой многочисленных расстрелов оно подавило бандитизм, установило некоторый порядок и безопасность в измученных городах и ввело жесткую систему распределения продуктов.

Я сразу же должен сказать, что это – единственное правительство, возможное в России в настоящее время. Оно воплощает в себе единственную идею, оставшуюся в России, единственное, что ее сплачивает. Но все это имеет для нас второстепенное значение. Для западного читателя самое важное – угрожающее и тревожное – состоит в том, что рухнула социальная и экономическая система, подобная нашей и неразрывно с ней связанная.

* * *

Нигде в России эта катастрофа не видна с такой беспощадной ясностью, как в Петрограде. Петроград был искусственным творением Петра Великого; его бронзовая статуя все еще возвышается в маленьком сквере близ Адмиралтейства, посреди угасающего города. Дворцы Петрограда безмолвны и пусты или же нелепо перегорожены фанерой и заставлены столами и пишущими машинками учреждений нового режима, который отдает все свои силы напряженной борьбе с голодом и интервентами. В Петрограде было много магазинов, в которых шла оживленная торговля. В 1914 году я с удовольствием бродил по его улицам, покупая разные мелочи и наблюдая многолюдную толпу. Все эти магазины закрыты. Во всем Петрограде осталось, пожалуй, всего с полдюжины магазинов. Есть государственный магазин фарфора, где за семьсот или восемьсот рублей я купил как сувенир тарелку, и несколько цветочных магазинов. Поразительно, что цветы до сих пор продаются и покупаются в этом городе, где большинство оставшихся жителей почти умирает с голоду и вряд ли у кого-нибудь найдется второй костюм или смена изношенного и залатанного белья. За пять тысяч рублей – примерно 7 шиллингов по теперешнему курсу – можно купить очень красивый букет больших хризантем.

Я не уверен, что слова «все магазины закрыты» дадут западному читателю какое-либо представление о том, как выглядят улицы в России. Они не похожи на Бонд-стрит или Пикадилли в воскресные дни, когда магазины с аккуратно спущенными шторами чинно спят, готовые снова распахнуть свои двери в понедельник. Магазины в Петрограде имеют самый жалкий и запущенный вид. Краска облупилась, витрины треснули, одни совсем заколочены досками, в других сохранились еще засиженные мухами остатки товара; некоторые заклеены декретами; стекла витрин потускнели, все покрыто двухлетним слоем пыли. Это мертвые магазины. Они никогда не откроются вновь.

Сейчас, когда идет отчаянная борьба за общественный контроль над распределением продуктов и за то, чтобы лишить спекулянтов возможности фантастически взвинчивать цены на остатки продовольствия, все большие рынки Петрограда также закрыты. Прогуливаться по улицам при закрытых магазинах кажется совершенно нелепым занятием. Здесь никто больше не «прогуливается». Для нас современный город, в сущности, – лишь длинные ряды магазинов, ресторанов и тому подобного. Закройте их, и улица потеряет всякий смысл. Люди торопливо пробегают мимо; улицы стали гораздо пустыннее по сравнению с тем, что осталось у меня в памяти с 1914 года. Трамваи все еще ходят до шести часов вечера; они всегда битком набиты. Это единственный вид транспорта для простых людей, оставшихся в городе, унаследованный от капитализма. Во время нашего пребывания в Петрограде был введен бесплатный проезд.

До этого билет стоил два или три рубля – сотая часть стоимости одного яйца. Но отмена платы мало что изменила для тех, кто возвращается с работы в часы вечерней давки. При посадке в трамвай – толкучка; если не удается втиснуться внутрь, висят снаружи. В часы «пик» вагоны обвешаны гроздьями людей, которым, кажется, уже не за что держаться. Многие из них срываются и попадают под вагон. Мы видели толпу, собравшуюся вокруг ребенка, перерезанного трамваем; двое из наших хороших знакомых в Петрограде сломали ноги, упав с трамвая.

Улицы, по которым ходят эти трамваи, находятся в ужасном состоянии. Их не ремонтировали уже три или четыре года; они изрыты ямами, похожими на воронки от снарядов, зачастую в два-три фута глубиной. Кое-где мостовая провалилась; канализация вышла из строя; торцовые мостовые разобраны на дрова. Лишь один раз видели мы попытку ремонтировать улицу в Петрограде. Какая-то таинственная организация доставила в переулок воз торцов и две бочки смолы. Почти все наши длительные поездки

по городу мы совершали в предоставленных нам властями автомобилях, оставшихся от былых времен. Автомобильная езда состоит из чудовищных толчков и резких поворотов. Уцелевшие машины заправляют керосином. Они испускают облака бледно-голубого дыма, и, когда трогаются с места, кажется, что началась пулеметная перестрелка. Прошлой зимой все деревянные дома были разобраны на дрова, и одни лишь их фундаменты торчат в зияющих провалах между каменными зданиями.

Люди обносились; все они, и в Москве и в Петрограде, тащат с собой какие-то узлы. Когда идешь в сумерках по боковой улице и видишь лишь спешащих бедно одетых людей, которые тащат какую-то поклажу, создается впечатление, что все население бежит из города. Такое впечатление не совсем обманчиво. Большевистская статистика, с которой я познакомился, совершенно откровенна и честна в этом вопросе. До 1919 года в Петрограде насчитывалось 1 200 000 жителей, сейчас их немногим больше 700 000, и число их продолжает уменьшаться. Многие вернулись в деревню; многие уехали за границу; огромное количество погибло, не вынеся тяжких лишений. Смертность в Петрограде – свыше 81 человека на тысячу; раньше она составляла 22 человека на тысячу, но и это было выше, чем в любом европейском городе. Рождаемость среди недоедающего и глубоко удрученного населения – 15 человек на тысячу; прежде она была почти вдвое больше.

Узлы, которые все таскают с собой, набиты либо продуктовыми пайками, выдаваемыми в советских организациях, либо предметами, предназначаемыми для продажи или купленными на черном рынке. Русские всегда любили поторговать и поторговаться. Даже в 1914 году в Петрограде всего несколько магазинов торговало по твердым ценам. Цены без запроса были не в чести; беря в Москве извозчика, каждый раз приходилось торговаться с ним из-за 10 копеек.

* * *

Столкнувшись с нехваткой почти всех предметов потребления, вызванной отчасти напряжением военного времени – Россия непрерывно воюет уже шесть лет, – отчасти общим развалом социальной структуры и отчасти блокадой, при полном расстройстве денежного обращения, большевики нашли единственный способ спасти городское население от тисков спекуляции и голодной смерти и, в отчаянной борьбе за остатки продовольствия и предметов первой необходимости, ввели

пайковую систему распределения продуктов и своего рода коллективный контроль.

Советское правительство ввело эту систему, исходя из своих принципов, но любое правительство в России вынуждено было бы сейчас прибегнуть к этому. Если бы война на Западе длилась и поныне, в Лондоне распределялись бы по карточкам и ордерам продукты, одежда и жилье. Но в России это пришлось делать на основе не поддающегося контролю крестьянского хозяйства и с населением недисциплинированным по природе и не привыкшим себя ограничивать. Борьба поэтому неизбежно жестока.

С пойманным спекулянтом, с настоящим спекулянтом, ведущим дело в мало-мальски значительном масштабе, разговор короткий – его расстреливают. Самая обычная торговля сурово наказывается. Всякая торговля сейчас называется «спекуляцией» и считается незаконной. Но на мелкую торговлю из-под полы продуктами и всякой всячиной в Петрограде смотрят сквозь пальцы, а в Москве она ведется совсем открыто, потому что это единственный способ побудить крестьян привозить продукты. Множество подпольных сделок совершается между известными друг другу людьми. Всякий, кто может, пополняет таким путем свой паек. Любая железнодорожная станция превратилась в открытый рынок. На каждой остановке мы видели толпу крестьян, продающих молоко, яйца, яблоки, хлеб и т. д. Пассажиры выбираются из вагона и возвращаются с узелками. Яйцо или яблоко стоит 300 рублей.

У крестьян сытый вид, и я сомневаюсь, чтобы им жилось много хуже, чем в 1914 году. Вероятно, им живется даже лучше. У них больше земли, чем раньше, и они избавились от помещиков. Они не примут участия в какой-либо попытке свергнуть советское правительство, так как уверены, что, пока оно у власти, теперешнее положение вещей сохранится. Это не мешает им всячески сопротивляться попыткам Красной Гвардии отобрать у них продовольствие по твердым ценам. Иной раз они нападают на небольшие отряды красногвардейцев и жестоко расправляются с ними. Лондонская печать раздувает подобные случаи и преподносит их как крестьянские восстания против большевиков. Но это отнюдь не так. Просто-напросто крестьяне стараются повольготнее устроиться при существующем режиме.

Но все остальные слои общества, включая и должностных лиц, испытывают сейчас невероятные лишения. Кредитная система и промышленность, выпускавшая предметы потребления, вышли из строя, и пока что все попытки заменить их каким-либо иным способом производства и распределения оказались несостоятельными. Поэтому нигде не видно новых вещей.

Единственное, что имеется в сравнительно большом количестве, – это чай, папиросы и спички. Спичек здесь больше, чем было в Англии в 1917 году, и надо сказать, что советская спичка – весьма недурного качества. Но такие вещи, как воротнички, галстуки, шнурки для ботинок, простыни и одеяла, ложки и вилки, всяческую галантерею и обыкновенную посуду достать невозможно. Купить стакан или чашку взамен разбитых удается только у спекулянтов, после кропотливых поисков. Мы ехали из Петрограда в Москву в спальном вагоне-люкс, но там не было ни графинов для воды, ни стаканов, ни тому подобных мелочей. Все это исчезло. Бросается в глаза, что большинство мужчин плохо выбрито, и сначала мы склонны были думать, что это одно из проявлений всеобщей апатии, но поняли, в чем дело, когда один из наших друзей в разговоре с моим сыном случайно упомянул, что пользуется одним и тем же лезвием почти целый год.

Так же невозможно достать лекарства и другие аптекарские товары. При простуде и головной боли принять нечего; нельзя и думать о том, чтобы купить обыкновенную грелку. Поэтому небольшие недомогания легко переходят в серьезную болезнь. Почти все, с кем мы встречались, казались удрученными и не вполне здоровыми. В этом неблагоустроенной, полной повседневных трудностей обстановке очень редко попадается жизнерадостный, здоровый человек.

Мрачное будущее ожидает того, кто тяжело заболеет. Мой сын побывал в Обуховской больнице и рассказал мне, что она находится в самом бедственном состоянии: нехватка медикаментов и предметов ухода ужасающая, половина коек пустует оттого, что большее количество больных обслужить невозможно. Не может быть и речи об усиленном, подкрепляющем питании, если только родные каким-то чудом не достанут его и не принесут больному. Д-р Федоров сказал мне, что операции производятся всего раз в неделю, когда удается к ним подготовиться. В остальные дни это немыслимо, и больные вынуждены ждать.

Вряд ли у кого в Петрограде найдется во что переодеться; старые, дырявые, часто не по ноге сапоги – единственный вид обуви в огромном городе, где не осталось никаких других средств транспорта, кроме нескольких битком набитых трамваев. Порой наталкиваешься на самые удивительные сочетания в одежде. Директор школы, которую мы посетили без предупреждения, был одет с необычайным щегольством: на нем был смокинг, из-под которого выглядывала синяя саржевая жилетка. Несколько крупных ученых и писателей, с которыми я встречался, не имели воротничков и обматывали шею шарфами. У Горького – только

один-единственный костюм, который на нем.

Когда я встретился с группой петроградских литераторов, известный писатель г. Амфитеатров обратился ко мне с длинной желчной речью. Он разделял общепринятое заблуждение, что я слеп и туп и что мне втирают очки. Амфитеатров предложил всем присутствующим снять свои благообразные пиджаки, чтобы я воочию увидел под ними жалкие лохмотья. Это была тягостная речь и – что касается меня – совершенно излишняя, и я упоминаю о ней здесь для того, чтобы подчеркнуть, до чего дошла всеобщая нищета.

Плохо одетое население этого пришедшего в невероятный упадок города к тому же неимоверно плохо питается, несмотря на непрекращающуюся подпольную торговлю. Советское правительство при всех своих благих намерениях не в состоянии обеспечить выдачу продовольствия в количестве, достаточном для нормального существования. Мы зашли в районную кухню и наблюдали, как происходит раздача пищи по карточкам. На кухне было довольно чисто, работа была хорошо организована, но это не могло компенсировать недостаток самих продуктов. Обед самой низшей категории состоял из миски жидкой похлебки и такого же количества компота из яблок.

Всем выданы хлебные карточки, и люди выстаивают в очередях за хлебом, но во время нашего пребывания петроградские пекарни не работали три дня из-за отсутствия муки. Качество хлеба совершенно различно: бывает хороший, хрустящий черный хлеб, но попадается и сырой, липкий, почти несъедобный.

* * *

Я не знаю, смогут ли эти разрозненные подробности дать западному читателю представление о повседневной жизни Петрограда в настоящее время. Говорят, что в Москве больше жителей и острее чувствуется недостаток топлива, но внешне она выглядит гораздо менее мрачно, чем Петроград. Мы видели все это в октябре, когда стояли необычно ясные и теплые дни. Мы видели все это в обрамлении багрово-золотой листвы, озаренной солнцем. Но вот однажды повеяло холодом, и желтые листья закружились вместе с хлопьями снега. Это было первое дыхание наступающей зимы. Наши друзья, поеживаясь и поглядывая в окна, в которые были уже вставлены вторые рамы, рассказывали нам о том, что было в прошлом году. Затем снова потеплело.

Мы покидали Россию великолепным солнечным днем. Но у

меня щемит сердце, когда я думаю о приближении зимы. Советское правительство прилагает исключительные усилия, чтоб подготовить Северную коммуну к наступлению холодов. Повсюду, где только можно, вдоль набережных, посреди главных проспектов, во дворах лежат штабеля дров. В прошлом году температура во многих жилых домах была ниже нуля, водопровод замерз, канализация не работала. Читатель может представить себе, к чему это привело. Люди ютились в еле освещенных комнатах и поддерживали себя только чаем и беседой. Со временем какой-нибудь русский писатель расскажет нам, что это значило для русского сердца и ума. Эта зима, возможно, окажется не такой тяжелой. Говорят, что положение с продовольствием также лучше, но я в этом сильно сомневаюсь. Железные дороги находятся в совершенно плачевном состоянии; паровозы, работающие на дровяном топливе, изношены; гайки разболтались, и рельсы шатаются, когда поезда тащатся по ним с предельной скоростью в 25 миль в час. Если бы даже железные дороги работали лучше, это мало что изменило бы, так как южные продовольственные центры захвачены Врангелем. Скоро с серого неба, распростертого над 700.000 душ, все еще остающихся в Петрограде, начнет падать холодный дождь, а за ним снег. Ночи становятся все длиннее, а дни все тусклее.

Вы, конечно, скажете, что это зрелище беспросветной нужды и упадка жизненных сил – результат власти большевиков. Я думаю, что это не так. О самом большевистском правительстве я скажу позднее, когда обрисую всю обстановку в целом. Но я хочу уже здесь сказать, что эта несчастная Россия не есть организм, подвергшийся нападению каких-то пагубных внешних сил и разрушенный ими. Это был больной организм, он сам изжил себя и потому рухнул. Не коммунизм, а капитализм построил эти громадные, немыслимые города. Не коммунизм, а европейский империализм втянул эту огромную, расшатанную, обанкротившуюся империю в шестилетнюю изнурительную войну. И не коммунизм терзал эту страдающую и, быть может, погибающую Россию субсидированными извне непрерывными нападениями, вторжениями, мятежами, душил ее чудовищно жестокой блокадой. Мстительный французский кредитор, тупой английский журналист несут гораздо большую ответственность за эти смертные муки, чем любой коммунист. Но я вернусь к этому после того, как несколько подробнее опишу все, что мы видели в России во время нашей поездки. Только получив какое-то представление о материальных и духовных проявлениях русской катастрофы, можно понять и правильно оценить большевистское правительство.

Потоп и спасательные станции

Многое особенно сильно интересовало меня в России, переживавшей грандиозную социальную катастрофу, в том числе – как живет и работает мой старый друг Максим Горький. То, что рассказывали мне члены рабочей делегации, вернувшейся из России, усилило мое желание самому ознакомиться с тем, что там происходит. Меня взволновало также сообщение г. Бертрана Рассела о болезни Горького, но я с радостью убедился, что в этом отношении все обстоит хорошо. Горький так же здоров и бодр на вид, как в 1906 году, когда мы с ним познакомились. И он неизмеримо вырос, как личность. Г-н Рассел писал, что Горький умирает и что культура в России, по-видимому, также на краю гибели. Я думаю, что художник в г. Расселе не устоял перед искушением закончить свое описание в эффектных, но мрачных тонах. Он застал Горького в постели, во время приступа кашля; все остальное – плод его воображения.

Горький занимает в России совершенно особое, я бы сказал, исключительное положение. Он не в большей мере коммунист, чем я, и я слышал, как у себя дома, в разговоре с такими людьми, как бывший глава петроградской Чрезвычайной Комиссии Бакаев и один из молодых руководителей коммунистической партии – Залуцкий, он совершенно свободно оспаривал их крайние взгляды. Это было вполне убедительное доказательство свободы слова, ибо Горький не столько спорил, сколько обвинял, к тому же в присутствии двух весьма любознательных англичан.

Но он пользуется доверием и уважением большинства коммунистических руководителей и в силу обстоятельств стал при новом режиме своего рода полуофициальным «спасателем». Горький страстно убежден в высокой ценности культуры Запада и в необходимости сохранить связь духовной жизни России с духовной жизнью остального мира в эти страшные годы войны, голода и социальных потрясений. Он пользуется прочной поддержкой Ленина. В его деятельности собраны, как в фокусе, многие значительные явления русской действительности, и это помогает понять, насколько катастрофично положение в России.

В конце 1917 года Россия пережила такой всеобъемлющий крах, какого не знала ни одна социальная система нашего времени. Когда правительство Керенского не заключило мира и британский военно-морской флот не облегчил положения на Балтике, развалившаяся русская армия сорвалась с линии фронта и хлынула обратно в Россию – лавина вооруженных крестьян, возвращающихся домой без надежд, без продовольствия, без

всякой дисциплины. Это было время разгрома, время полнейшего социального разложения. Это был распад общества. Во многих местах вспыхнули крестьянские восстания. Поджоги усадеб часто сопровождались жестокой расправой с помещиками. Это был вызванный отчаянием взрыв самых темных сил человеческой натуры, и в большинстве случаев коммунисты несут не большую ответственность за эти злодеяния, чем, скажем, правительство Австралии. Среди бела дня на улицах Москвы и Петрограда людей грабили и раздевали, и никто не вмешивался. Тела убитых валялись в канавах порой по целым суткам, и пешеходы проходили мимо, не обращая на них внимания. Вооруженные люди, часто выдававшие себя за красногвардейцев, врывались в квартиры, грабили и убивали. В начале 1918 года новому, большевистскому правительству приходилось вести жестокую борьбу не только с контрреволюцией, но и с ворами и бандитами всех мастей. И только к середине 1918 года, после того как были расстреляны тысячи грабителей и мародеров, восстановилось элементарное спокойствие на улицах больших русских городов. Некоторое время Россия была не цивилизованной страной, а бурным водоворотом беззаконий и насилия, где слабое, неопытное правительство вело борьбу не только с неразумной иностранной интервенцией, но и с полнейшим внутренним разложением. И Россия все еще прилагает огромные усилия, чтобы выйти из этого хаоса.

* * *

Искусство, литература, наука, все изящное и утонченное, все, что мы зовем «цивилизацией», было вовлечено в эту стихийную катастрофу. Наиболее устойчивым элементом русской культурной жизни оказался театр. Театры остались в своих помещениях, и никто не грабил и не разрушал их. Артисты привыкли собираться там и работать, и они продолжали это делать; традиции государственных субсидий оставались в силе. Как это ни поразительно, русское драматическое и оперное искусство прошло невредимым сквозь все бури и потрясения и живо и по сей день. Оказалось, что в Петрограде каждый день дается свыше сорока представлений, примерно то же самое мы нашли в Москве. Мы слышали величайшего певца и актера Шаляпина в «Севильском цирюльнике» и «Хованщине»; музыканты великолепного оркестра были одеты весьма пестро, но дирижер по-прежнему появлялся во фраке и белом галстуке. Мы были на «Садко», видели Монахова в «Царевиче Алексее» и в роли

Яго в «Отелло» (жена Горького, г-жа Андреева, играла Дездемону). Пока смотришь на сцену, кажется, что в России ничто не изменилось; но вот занавес падает, оборачиваешься к публике, и революция становится ощутимой. Ни блестящих мундиров, ни вечерних платьев в ложах и партере. Повсюду однообразная людская масса, внимательная, добродушная, вежливая, плохо одетая. Как на спектаклях лондонского театрального общества, места в зрительном зале распределяются по жребию. В большинстве случаев билеты бесплатны. На одно представление их раздают, скажем, профсоюзам, на другое – красноармейцам, на третье – школьникам и т. д. Часть билетов продается, но это скорее исключение.

Я слышал Шаляпина в Лондоне, но не был тогда знаком с ним. На этот раз мы с ним познакомились, обедали у него и видели его прелестную семью. У Шаляпина двое пасынков, почти взрослых, и две маленькие дочки, которые очень мило, правильно, немного книжно говорят по-английски; младшая очаровательно танцует. Шаляпин, несомненно, одно из самых удивительных явлений в России в настоящее время. Это художник, бунтарь; он великолепен. Вне сцены он пленяет такой же живостью и безграничным юмором, как г. Макс Бирбом. Шаляпин наотрез отказывается петь бесплатно и, говорят, берет за выступление 200 тысяч рублей – около 15 фунтов стерлингов; когда бывает особенно трудно с продуктами, он требует гонорар мукой, яйцами и тому подобным. И он получает то, что требует, так как забастовка Шаляпина пробила бы слишком большую брешь в театральной жизни Петрограда. Поэтому его дом, быть может, последний, в котором сохранился сейчас относительный достаток. Революция так мало коснулась г-жи Шаляпиной, что она спрашивала нас, что сейчас носят в Лондоне. Из-за блокады последний дошедший до нее модный журнал был трехлетней давности.

Но театр занимает совершенно особое положение. Для других областей искусства, для литературы в целом, для науки катастрофа 1917—1918 годов оказалась совершенно гибельной. Покупать книги и картины больше некому; ученый получает жалованье в совершенно обесцененных рублях. Новый, незрелый еще общественным строй, ведущий борьбу с грабежами, убийствами, с дикой разрухой, не нуждается в ученых; он забыл о них. Первое время советское правительство так же мало обращало на них внимания, как французская революция, которой «не требовались химики». Поэтому научным работникам, жизненно необходимым каждой цивилизованной стране, приходится терпеть сейчас невероятную нужду и лишения. Именно помощью

им, их спасением занят теперь в первую очередь Горький. Главным образом благодаря ему и наиболее дальновидным деятелям большевистского правительства сейчас создан ряд «спасательных» учреждений; лучше всего поставлено дело в Доме ученых в Петрограде, занимающем старинный дворец великой княгини Марии Павловны. Здесь находится специальный центр распределения продовольствия, снабжающий в меру своих возможностей четыре тысячи научных работников и членов их семей, в общей сложности около десяти тысяч человек. Тут не только выдаются продукты по карточкам, но имеются и парикмахерская, ванные, сапожная и портняжная мастерские и другие виды обслуживания. Есть даже небольшой запас обуви и одежды. Здесь создано нечто вроде медицинского стационара для больных и ослабевших.

* * *

Одним из самых необычных моих впечатлений в России была встреча в Доме ученых с некоторыми крупнейшими представителями русской науки, изнуренными заботой и лишениями. Я видел там востоковеда Ольденбурга, геолога Карпинского, лауреата Нобелевской премии Павлова, Радлова, Белопольского и других всемирно известных ученых. Они задали мне великое множество вопросов о последних достижениях науки за пределами России, и мне стало стыдно за свое ужасающее невежество в этих делах. Если бы я предвидел это, я взял бы с собой материалы по всем этим вопросам. Наша блокада отрезала русских ученых от иностранной научной литературы. У них нет новой аппаратуры, не хватает писчей бумаги, лаборатории не отапливаются. Удивительно, что они вообще что-то делают. И все же они успешно работают; Павлов проводит поразительные по своему размаху и виртуозности исследования высшей нервной деятельности животных; Манухин, говорят, разработал эффективный метод лечения туберкулеза, даже в последней стадии, и т. д. Я привез с собой для опубликования в печати краткое изложение работ Манухина, оно сейчас переводится на английский язык. Дух науки – поистине изумительный дух. Если этой зимой Петроград погибнет от голода, погибнут и члены Дома ученых, если только нам не удастся помочь им какими-нибудь чрезвычайными мерами; однако они почти не заговаривали со мной о возможности посылки им продовольствия. В Доме литературы и искусств мы слышали кое-какие жалобы на нужду и лишения, но ученые молчали об этом.

Все они страстно желают получить научную литературу; знания им дороже хлеба. Надеюсь, что смогу оказаться полезным в этом деле. Я посоветовал им создать комиссию, которая составила бы список необходимых книг и журналов; этот список я вручил секретарю Королевского общества в Лондоне, и он уже предпринял кое-какие шаги. Понадобятся средства, приблизительно три или четыре тысячи фунтов стерлингов (адрес секретаря Королевского общества – Берлингтон Хаус, Вест); согласие большевистского правительства и нашего собственного на это духовное снабжение России уже получено, и я надеюсь, что в ближайшее время первая партия книг будет отправлена этим людям, которые так долго были отрезаны от интеллектуальной жизни мира.

Если б у меня и не было других оснований испытывать удовлетворение от поездки в Россию, я нашел бы его в тех надеждах и утешении, которые одна лишь встреча с нами принесла выдающимся деятелям науки и искусства. Многие из них отчаялись уже получить какие-либо вести из зарубежного мира. В течение трех лет, очень мрачных и долгих, они жили в мире, которым, казалось, неуклонно опускался с одной ступени бедствий на другую, все ниже и ниже, в непроглядную тьму. Не знаю, может быть, им довелось встретиться с той или иной политической делегацией, посетившей Россию, но совершенно очевидно, что они никак не ожидали, что им когда-либо придется снова увидеть свободного и независимого человека, который, казалось, без затруднений, сам по, себе, прибыл из Лондона и который мог не только приехать, но и вернуться снова в потерянный для них мир Запада. Это произвело такое же впечатление, как если б в тюремную камеру вдруг зашел с визитом нежданный посетитель.

Всем английским любителям музыки знакомо творчество Глазунова; он дирижировал оркестрами в Лондоне и получил звание почетного доктора Оксфордского и Кембриджского университетов. Меня глубоко взволновала встреча с ним в Петрограде. Я помню его крупным, цветущим человеком, а сейчас он бледен, сильно похудел, одежда висит на нем, как с чужого плеча. Мы говорили с ним о его друзьях – сэре Хьюберте Перри и сэре Чарльзе Вилльерсе Стэнфорде. Он сказал мне, что все еще пишет, но запас нотной бумаги почти иссяк. «И больше ее не будет». Я ответил, что бумага появится, и даже скоро, но он усомнился в этом. Он вспоминал Лондон и Оксфорд; я видел, что он охвачен нестерпимым желанием снова очутиться в большом, полном жизни городе, с его изобилием, с его оживленной толпой, в городе, где он нашел бы вдохновляющую аудиторию в теплых,

ярко освещенных концертных залах. Мой приезд был для него как бы живым доказательством того, что все это еще существует. Он повернулся спиной к окну, за которым виднелись пустынные в сумерках воды холодной свинцово-серой Невы и неясные очертания Петропавловской крепости. «В Англии не будет революции, нет? У меня было много друзей в Англии, много хороших друзей…» Мне тяжело было покидать его, и ему очень тяжело расставаться со мной…

* * *

Глядя на всех этих выдающихся людей, живущих как беженцы среди жалких обломков рухнувшего империалистического строя, я понял, как безмерно зависят люди большого таланта от прочности цивилизованного общества. Простой человек может перейти от одного занятия к другому; он может быть и матросом, и заводским рабочим, и землекопом, и т. д. Он должен работать вообще, но никакой внутренний демон не заставляет его заниматься только чем-то одним и ничем больше, не заставляет его быть именно таким или погибнуть. Шаляпин должен быть Шаляпиным или ничем, Павлов – Павловым, Глазунов – Глазуновым. И пока они могут продолжать заниматься своим единственным делом, эти люди живут полнокровной жизнью. Шаляпин все еще великолепно поет и играет, не считаясь ни с какими коммунистическими принципами; Павлов все еще продолжает свои замечательные исследования – в старом пальто, в кабинете, заваленном картофелем и морковью, которые он выращивает в свободное время. Глазунов будет писать, пока не иссякнет нотная бумага. Но на многих других все это подействовало гораздо сильнее. Смертность среди русской творческой интеллигенции невероятно высока. В большой степени это, несомненно, вызвано общими условиями жизни, но во многих случаях, мне кажется, решающую роль сыграло трагическое сознание бесполезности большого дарования. Они не смогли жить в России 1919 года, как не смогли бы жить в краале среди кафров.

Наука, искусство, литература – это оранжерейные растения, требующие тепла, внимания, ухода. Как это ни парадоксально, наука, изменяющая весь мир, создается гениальными людьми, которые больше, чем кто бы то ни было другой, нуждаются в защите и помощи. Под развалинами Российской империи погибли и теплицы, где все это могло произрастать. Грубая марксистская философия, делящая все человечество на

буржуазию и пролетариат, представляет себе всю жизнь общества как примитивную «борьбу классов» и не имеет понятия об условиях, необходимых для сохранения интеллектуальной жизни общества. Но надо отдать должное большевистскому правительству: оно осознало угрозу полной гибели русской культуры и, несмотря на блокаду и непрестанную борьбу с субсидируемыми нами и французами мятежами и интервенцией, которыми мы до сих пор терзаем Россию, разрешило эти «спасательные» организации и оказывает им содействие. Наряду с Домом ученых создан Дом литературы и искусств. За исключением некоторых поэтов, никто сейчас в России не пишет книг, никто не создает картин. Но большинство писателей и художников нашли работу по выпуску грандиозной по своему размаху, своеобразной русской энциклопедии всемирной литературы. В этой непостижимой России, воюющей, холодной, голодной, испытывающей бесконечные лишения, осуществляется литературное начинание, немыслимое сейчас в богатой Англии и богатой Америке. В Англии и Америке выпуск серьезной литературы по доступным ценам фактически прекратился сейчас «из-за дороговизны бумаги». Духовная пища английских и американских масс становится все более скудной и низкопробной, и это нисколько не трогает тех, от кого это зависит. Большевистское правительство, во всяком случае, стоит на большей высоте. В умирающей с голоду России сотни людей работают над переводами; книги, переведенные ими, печатаются и смогут дать новой России такое знакомство с мировой литературой, какое недоступно ни одному другому народу. Я наблюдал эту работу и видел некоторые из этих книг. Я пишу «смогут» без твердой уверенности. Потому что, как и все остальное в этой разрушенной стране, эта созидательная работа носит отрывочный, наспех организованный характер. Какими путями всемирная литература дойдет до русского народа, я не представляю. Книжные магазины закрыты, а торговля книгами запрещена, как и всякая торговля вообще. Вероятно, книги будут распределяться по школам и другим учреждениям.

Совершенно очевидно, что большевики еще ясно не представляют себе, как будет распространяться эта литература. Они также не представляют себе многих подобных вещей. Оказывается, что у марксистского коммунизма нет никаких планов и идей относительно интеллектуальной жизни общества. Марксистский коммунизм всегда являлся теорией подготовки революции, теорией, не только лишенной созидательных, творческих идей, но прямо враждебной им. Каждый коммунистический агитатор презирает «утопизм» и относится с

пренебрежением к разумному планированию. Даже английские бизнесмены старого типа не верили так слепо, что все само по себе «образуется», как эти марксисты. Наряду со множеством других созидательных проблем русское коммунистическое правительство вплотную столкнулось сейчас с проблемой сохранения научной жизни, мысли и обмена мнениями, содействия художественному творчеству. Пророк Маркс и его Священное писание не дают никаких наставлений по всем этим вопросам. Поэтому, не имея готовой программы, большевики вынуждены неуклюже импровизировать и ограничиваться пока отчаянными попытками спасти обломки прежней интеллектуальной жизни. Но ее можно уподобить очень больному и несчастному существу, готовому в любую минуту погибнуть у них на руках.

* * *

Максим Горький пытается спасать не только русскую науку и литературу и их деятелей: существует и третья, еще более любопытная спасательная организация, с которой он связан. Это экспертная комиссия, занимающая здание бывшего британского посольства. Когда рушится общественный порядок, основанный на частной собственности, и когда эта собственность упраздняется внезапно и безоговорочно, всем этим не упраздняются и не уничтожаются вещи, которые составляли раньше эту частную собственность. Здания со всем находящимся в них имуществом по-прежнему стоят на своих местах, в них по-прежнему живут люди, их бывшие владельцы, за исключением тех, кто бежал. Когда большевистские власти реквизируют дом или занимают брошенный дворец, они сталкиваются с этой проблемой имущества. Всякий, кто знает человеческую натуру, поймет, что кое-какие привлекательные вещи были неумышленно присвоены некоторыми должностными лицами и, пожалуй, не столь неумышленно – их женами. Но по общему духу своему большевизм, безусловно, честен и решительно выступает против грабежей и всяких подобных проявлений частной предприимчивости. Когда дни катастрофы остались позади, грабежи в Петрограде и Москве стали сравнительно малочисленны. Бандитизм был поставлен к стенке в Москве весной 1918 года. Мы заметили, что в особняках, где останавливаются гости правительства, и тому подобных местах все пронумеровано и внесено в инвентарные списки. Кое-где нам попадались разрозненные вещи – какой-нибудь хрустальный

стакан или фамильное серебро с гербами, неуместно выглядевшие в чужеродной обстановке, но большей частью это были вещи, обмененные их бывшими владельцами на продукты и другие предметы первой необходимости. Матрос, которому поручено было заботиться о наших удобствах во время поездки в Москву и обратно, был снабжен изящным серебряным чайничком, который, очевидно, украшал раньше чью-то прелестную гостиную. Но, по-видимому, этот чайник вступил на путь служения обществу совершенно законным образом.

Все, что признано произведением искусства, экспертная комиссия для большей сохранности отбирает и заносит в каталог. Дворец, в котором помещалось британское посольство, похож сейчас на битком набитую антикварную лавку на Бромптон-роуд. Мы обошли одну за другой все комнаты, загроможденные великолепной рухлядью, оставшейся от старой России. Там есть большие залы, заставленные скульптурой; в жизни я не видел столько беломраморных венер и сильфид в одном месте, даже а музее Неаполя. Картины всех жанров сложены штабелями, коридоры до самого потолка забиты инкрустированными шкафчиками. Одна комната заполнена ящиками со старыми кружевами, в другой – горы роскошной мебели. Вся эта масса вещей пронумерована и внесена в каталог. И на этом дело кончается. Я так и не узнал, имеет ли хоть кто-нибудь ясное представление о том, что делать с этим изящным, восхитительным хламом. Эти вещи никак не подходят новому миру, если только на самом деле русские коммунисты строят новый мир. Они никогда не предполагали, что им придется иметь дело с такими вещами. Точно так же они не задумывались всерьез над тем, что делать с магазинами и рынками, когда они упразднили торговлю. Не задумывались они и над проблемой превращения города дворцов и особняков в коммунистический улей.

Марксистская теория довела их воображение до «диктатуры классово сознательного пролетариата» и затем намекала, весьма туманно, как мы теперь видим, что там их ожидают новые небеса и новая земля. Если б это сбылось, это действительно означало бы переворот в судьбах человечества. Но мы увидели в России все те же небеса и все ту же землю, покрытую развалинами, брошенными реликвиями и обломками развороченной старой государственной машины, с тем же упрямым мужиком, крепко сидящим на своем наделе, и – коммунизм, отважно и честно правящий в городах и все же во многих отношениях похожий на фокусника, который забыл захватить голубя и кролика и не может ничего вытащить из шляпы.

* * *

Крах – это самое главное в сегодняшней России. Революция, власть коммунистов, которым я посвящаю следующую главу, – все это имеет второстепенное значение. Все это свершилось во время краха и вследствие его. Исключительно важно, чтобы это поняли на Западе.

Если бы мировая война продолжалась еще год или больше, Германия, а затем и державы Антанты, вероятно, пережили бы свой национальный вариант русской катастрофы. То, что мы застали в России, – это то, к чему шла Англия в 1918 году, но в обостренном и завершенном виде. Здесь тоже нехватка продуктов, как это было в Англии, но достигшая чудовищных масштабов; здесь тоже карточная система, но она сравнительно слаба и неэффективна; в России спекулянтов не штрафуют, а расстреливают, и вместо английского D.O.R.A. (Закона о защите государства) здесь действует Чрезвычайная Комиссия. То, что являлось неудобством в Англии, возросло до размеров бедствия в России. Вот и вся разница. Насколько я знаю, Западной Европе даже сейчас еще угрожает подобная катастрофа. Я отнюдь не уверен, что кризис уже миновал. Война, расточительство и паразитическая спекуляция, быть может, все еще поглощают больше того, что западный мир производит. В таком случае вопрос о том, когда произойдет катастрофа у нас – расстройство денежного обращения, нехватка всех предметов потребления, социальный и политический развал и все прочее, – лишь вопрос времени. Магазины Риджент-стрит постигнет судьба магазинов Невского проспекта, и господам Голсуорси и Беннету придется спасать сокровища искусства из роскошных особняков Мэйфэра. Утверждать, что ужасающая нищета в России – в какой-либо значительной степени результат деятельности коммунистов, что злые коммунисты довели страну до ее нынешнего бедственного состояния и что свержение коммунистического строя молниеносно осчастливит всю Россию, – это значит извращать положение, сложившееся в мире, и толкать людей на неверные политические действия. Россия попала в теперешнюю беду вследствие мировой войны и моральной и умственной неполноценности своей правящей и имущей верхушки (как может попасть в беду и наше британское государство, а со временем даже и американское государство). Управителей России не хватило ни ума, ни совести прекратить войну, перестать разорять страну и захватывать самые лакомые куски, вызывая у всех остальных опасное недовольство, пока не пробил, их час. Они правили, и расточали, и грызлись между собой, и были так слепы,

что до самой последней минуты не видели надвигающейся катастрофы. И затем, как я расскажу в следующих главах, пришли коммунисты…

Квинтэссенция большевизма

В двух предыдущих главах я старался передать читателю полученные мною в Петрограде и Москве впечатления от жизни в России, показать картину развала, развала политической, социальной и экономической системы, такой же, как наша, но только более слабой и гнилой, рухнувшей под бременем шестилетней войны и безответственного управления. Основная катастрофа произошла в 1917 году, когда чудовищно бездарный царизм стал окончательно невыносим. Он разорил страну, потерял контроль над армией и доверие всего населения. Его полицейский строй выродился в режим насилия и разбоя. Падение царизма было неизбежно.

Но в России не было другого правительства, способного прийти ему на смену. На протяжении многих поколений усилия царизма были направлены главным образом на то, чтобы уничтожить всякую возможность замены его другим правительством. Он держался у власти именно благодаря тому, что, как бы плох он ни был, заменить его было нечем. Первая русская революция превратила Россию в дискуссионный клуб и арену политической драки. Либеральные круги, не привыкшие действовать и брать на себя ответственность, пустились в шумные споры о том, должна ли Россия быть конституционной монархией, либеральной республикой, социалистической республикой и так далее. Среди всей этой неразберихи позерствовал «благородный либерал» Керенский; на поверхность всплывали разные авантюристы, «сильные личности», лжесильные личности, российские монахи и российские бонапарты. Исчезли последние остатки общественного порядка. К концу 1917 года на улицах Москвы и Петрограда убийства и ограбления стали таким же обычным явлением, как автомобильные происшествия на улицах Лондона, с той разницей, что на них обращали еще меньше внимания. На пароходе, шедшем из Ревеля, я встретил американца, бывшего представителя «Американ харвестер компани» в России, который находился в Москве во время этой полнейшей анархии. Он рассказывал об ограблениях среди бела дня, о часами валявшихся в канавах трупах, мимо которых занятые своими делами люди проходили так же, как проходят у нас мимо валяющегося на тротуаре дохлого котенка.

По этой лихорадящей, объятой смятением стране разъезжали представители Англии и Франции, неспособные понять сущность безмерной трагедии, происходившей на их глазах, думавшие только о войне и настойчиво требовавшие от русских, чтобы они

продолжали сражаться и начали новое наступление против Германии. Но, когда немцы стали прорываться к Петрограду – через Прибалтику и морем, – британское адмиралтейство то ли из чистой трусости, то ли из-за интриг монархистов не пришло на помощь России. Это совершенно ясно подтвердил ныне покойный лорд Фишер. И вот эта несчастная страна, смертельно больная, в бреду, приближалась к гибели.

И во всей России и среди русских, разбросанных по всему свету, была лишь одна организация, объединенная общей верой, общей волей, общей программой; это была партия коммунистов. В то время как вся остальная Россия была либо пассивна, как крестьянство, либо занималась бесплодными спорами, либо предавалась насилию или дрожала от страха, коммунисты, воодушевленные своими идеями, были готовы к действию. Число коммунистов было очень мало; они и теперь составляют меньше одного процента населения России. Партия насчитывает не более 600.000 человек; из них, вероятно, не больше 150.000 активных членов. Тем не менее она сумела захватить и удержать власть в развалившейся Империй, потому что в те страшные дни она была единственной организацией, которая давала людям единую установку, единый план действий, чувство взаимного доверия. Это было и есть единственно возможное в России, идейно сплоченное правительство. Сомнительные авантюристы, терзающие Россию при поддержке западных держав, – Деникин, Колчак, Врангель и прочие – не руководствуются никакими принципиальными соображениями и не могут предложить какой-либо прочной, заслуживающей доверия основы для сплочения народа. По существу, это просто бандиты. Коммунисты же, что бы о них ни говорили, – это люди идеи, и можно не сомневаться, что они будут за свои идеи бороться. Сегодня коммунисты морально стоят выше всех своих противников. Они сразу же обеспечили себе пассивную поддержку крестьянских масс, позволив им отобрать землю у помещиков и заключив мир с Германией. Ценой многочисленных расстрелов они восстановили порядок в больших городах. Одно время расстреливали всякого, кто носил оружие, не имея на то разрешения. Это была примитивная, кровавая, но эффективная мера. Для того, чтобы удержать власть, коммунистическое правительство создало Чрезвычайную Комиссию, наделив ее почти неограниченными полномочиями, и красным террором подавило всякое сопротивление. Красный террор повинен во многих ужасных жестокостях; его проводили по большей части ограниченные люди, ослепленные классовой ненавистью и страхом перед контрреволюцией, но эти фанатики по крайней мере были честны. За отдельными исключениями,

расстрелы ЧК вызывались определенными причинами и преследовали определенные цели, и это кровопролитие не имело ничего общего с бессмысленной резней деникинского режима, не признававшего даже, как мне говорили, советского Красного Креста. И, по-моему, сейчас большевистское правительство в Москве не менее устойчиво, чем любое правительство в Европе, и улицы русских городов так же безопасны, как улицы европейских городов.

Советское правительство не только упрочило свое положение и восстановило порядок, но и создало заново русскую армию в качестве боеспособной силы; в этом немалая заслуга бывшего пацифиста Троцкого. Восстановление армии, конечно, замечательное достижение. Я не знакомился вплотную с русской армией, в России меня интересовало другое, но предприимчивым американский финансист г. Вандерлип, который вел в Москве какие-то таинственные переговоры с советским правительством, присутствовал на смотре многотысячных воинских частей и был восхищен их боевым духом и снаряжением. Мы с сыном видели несколько войсковых частей, отправлявшихся на фронт, а также отряды новобранцев, и у нас создалось впечатление, что их боевой дух нисколько не ниже, чем у английских призывников в Лондоне в 1917—1918 годах.

* * *

Кто же все-таки эти большевики, так прочно утвердившиеся в России? По версии наиболее безумной части английской прессы, это участники некоего загадочного расистского заговора, агенты тайного общества, в котором перемешались самым диким образом евреи, иезуиты, франкмасоны и немцы. На самом же деле нет ничего менее загадочного, чем идеи, методы и цели большевиков, и их организация меньше всего походит на тайное общество. Но у нас, в Англии, существует особый образ мышления, настолько невосприимчивый к общим идеям, что даже самые простые человеческие реакции мы обязательно объясняем деятельностью каких-то заговорщиков. Если, например, поденщик в Эссексе возмущается тем, что цены на детскую обувь растут гораздо быстрее, чем его заработок, и заявляет, что его самого и его товарищей надувают и обсчитывают, издатели «Таймса» и «Морнинг пост» усматривают в этом результаты коварной пропаганды некоего тайного общества в Кенигсберге или Пекине; Они не могут себе представить, где еще он мог бы набраться таких идей. Маниакальная боязнь заговоров настолько

распространена, что, пожалуй, мне следует принести извинения, в том, что я не подвержен ей. Мне кажется, что большевики именно те, за кого они себя выдают, и я вынужден был относиться к ним, как к прямым и честным людям. Я не согласен ни с их взглядами, ни с их методами, но это другой вопрос.

Большевики – социалисты-марксисты. Маркс умер в Лондоне около 40 лет назад; пропаганда его учения продолжается уже свыше полувека. Оно распространилось по всему миру, и почти в каждой стране имеет, пусть немногочисленных, но убежденных последователей. Это – естественное следствие мирового экономического положения. Везде и всюду марксизм выражает одни и те же ограниченные идеи в одних и тех же отчетливых формулировках. Он стал культом, символом интернационального братства. Для того, чтобы познакомиться с большевистскими идеями, нет надобности изучать русский язык. Вы найдете их полностью в лондонском «Плебсе» или нью-йоркском «Либерейторе» в тех же самых выражениях, как в русской «Правде». Они ничего не скрывают, они открыто говорят все. И то, о чем они говорят и пишут, марксисты пытаются провести в жизнь.

Я буду говорить о Марксе без лицемерного почтения. Я всегда считал его скучнейшей личностью. Его обширный незаконченный труд «Капитал», это нагромождение утомительных фолиантов, в которых он, трактуя о таких нереальных понятиях, как «буржуазия» и «пролетариат», постоянно уходит от основной темы и пускается в нудные побочные рассуждения, кажется мне апофеозом претенциозного педантизма. Но до моей последней поездки в Россию я не испытывал активной враждебности к Марксу. Я просто избегал читать его труды и, встречая марксистов, быстро отделывался от них, спрашивая: «Из кого же состоит пролетариат?» Никто не мог мне ответить: этого не знает ни один марксист. В гостях у Горького я внимательно прислушивался к тому, как Бакаев обсуждал с Шаляпиным каверзный вопрос – существует ли вообще в России пролетариат, отличный от крестьянства. Бакаев – глава петроградской Чрезвычайной Комиссии диктатуры пролетариата, поэтому я не без интереса следил за некоторыми тонкостями этого спора. «Пролетарий», по марксистской терминологии, – это то же, что «производитель» на языке некоторых специалистов по политической экономии, т. е. нечто совершенно отличное от «потребителя». Таким образом, «пролетарий» – это понятие, прямо противопоставляемое чему-то, именуемому «капитал». На обложке «Плебса» я видел бросающийся в глаза лозунг: «Между рабочим классом и классом работодателей нет ничего общего».

Но возьмите следующий случай. Какой-нибудь заводской мастер садится в поезд, который ведет машинист, и едет посмотреть, как подвигается строительство дома, который возводит для него строительная контора. К какой из этих строго разграниченных категорий принадлежит этот мастер – к нанимателям или нанимаемым? Все это – сплошная чепуха.

* * *

Должен признаться, что в России мое пассивное неприятие Маркса перешло в весьма активную враждебность. Куда бы мы ни приходили, повсюду нам бросались в глаза портреты, бюсты и статуи Маркса. Около двух третей лица Маркса покрывает борода – широкая, торжественная, густая, скучная борода, которая, вероятно, причиняла своему хозяину много неудобств в повседневной жизни. Такая борода не вырастает сама собой; ее холят, лелеют и патриархально возносят над миром. Своим бессмысленным изобилием она чрезвычайно похожа на «Капитал»; и то человеческое, что остается от лица, смотрит поверх нее совиным взглядом, словно желая знать, какое впечатление эта растительность производит на мир. Вездесущее изображение этой бороды раздражало меня все больше и больше. Мне неудержимо захотелось обрить Карла Маркса. Когда-нибудь, в свободное время, я вооружусь против «Капитала» бритвой и ножницами и напишу «Обритие бороды Карла Маркса».

Но Маркс для марксистов – лишь знамя и символ веры, и мы сейчас имеем дело не с Марксом, а с марксистами, Мало кто из них прочитал весь «Капитал». Марксисты – такие же люди, как и все, и должен признаться, что по своей натуре и жизненному опыту я расположен питать к ним самую теплую симпатию. Они считают Маркса своим пророком, потому что знают, что Маркс писал о классовой войне, непримиримой войне эксплуатируемых против эксплуататоров, что он предсказал торжество эксплуатируемых, всемирную диктатуру вождей освобожденных рабочих (диктатуру пролетариата) и венчающий ее коммунистический золотой век. Во всем мире это учение и пророчество с исключительной силой захватывает молодых людей, в особенности энергичных и впечатлительных, которые не смогли получить достаточного образования, не имеют средств и обречены нашей экономической системой на безнадежное наемное рабство. Они испытывают на себе социальную несправедливость, тупое бездушие и безмерную грубость нашего строя, они сознают, что их унижают и приносят в жертву, и

поэтому стремятся разрушить этот строй и освободиться от его тисков. Не нужно никакой подрывной пропаганды, чтобы взбунтовать их; пороки общественного строя, который лишает их образования и превращает в рабов, сами порождают коммунистическое движение всюду, где растут заводы и фабрики. Марксисты появились бы даже, если бы Маркса не было вовсе. В 14 лет, задолго до того как я услыхал о Марксе, я был законченным марксистом. Мне пришлось внезапно бросить учиться и начать жизнь, полную утомительной и нудной работы в ненавистном магазине. За эти долгие часы я так уставал, что не мог и мечтать о самообразовании. Я поджег бы этот магазин, если б не знал, что он хорошо застрахован. Это мрачное время ожило у меня в памяти в разговоре с Зориным, одним из руководителей Северной коммуны. Это очень симпатичный, остроумный молодой человек, вернувшийся из Америки, где он был чернорабочим. Зорин – хороший оратор и пользуется большой популярностью в Петроградском Совете. Мы вспоминали прошлое, и он рассказал мне, что до сих пор не может забыть о грубости и жестокости, с которыми он столкнулся в Америке а большом мануфактурном магазине, куда пришел наниматься упаковщиком. Мы говорили с ним о том, как наш общественный строй изматывает, калечит, ожесточает честных и полных энергии людей. Это общее негодование сблизило нас, как братьев.

* * *

Это негодование молодости, жизненных сил, отвергнутых, не нашедших применения, а не какие-то экономические теории, вдохновляет и объединяет марксистское движение во всем мире. Дело не в том, что Маркс был безгранично мудр, а в том, что наш экономический строй неразумен, эгоистичен, расточителен и анархичен. Коммунисты сформулировали эти бунтарские настроения в нескольких ходких призывах и лозунгах: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и т. д. Они внушили этим людям, что некая таинственная группа злодеев, именуемых капиталистами, вступила в заговор против счастья всего человечества. В нашем скудоумном мире маниакальная боязнь заговоров в одном лагере вызывает такую же боязнь в другом; трудно убедить марксистов в том, что в совокупности своей капиталисты – всего лишь беспорядочная кучка дерущихся из-за жирного куска, недалеких, духовно убогих людей. Коммунистическая пропаганда сплотила всех озлобленных и обездоленных во всемирную организацию бунта и надежды, хотя

при ближайшем рассмотрении эта надежда оказывается весьма расплывчатой. Они избрали Маркса своим пророком и красное знамя – своим символом… И вот, когда произошла катастрофа в России, где не осталось других сил, которые могли бы бескорыстно сплотиться для общего блага, из Америки и Западной Европы вернулось много эмигрантов, энергичных, полных энтузиазма, еще молодых людей, утративших в более предприимчивом западном мире привычную русскую непрактичность и научившихся доводить дело до конца. У них был одинаковый образ мыслей, одни и те же смелые идеи, их вдохновляло видение революции, которая принесет человечеству справедливость и счастье. Эти молодые люди и составляют движущую силу большевизма. Многие из них – евреи; большинство эмигрировавших из России в Америку было еврейского происхождения, но очень мало кто из них настроен националистически. Они борются не за интересы еврейства, а за новый мир. Большевики отнюдь не намерены продолжать традиции иудаизма, они арестовали большую часть сионистских лидеров и запретили преподавание древнееврейского языка, как «реакционного». Некоторые из самых видных большевиков, с которыми я встречался, были вовсе не евреи, а светловолосые северяне. У Ленина, любимого вождя всего живого и сильного в сегодняшней России, татарский тип лица, и он, безусловно, не еврей.

Большевистское правительство – самое смелое и в то же время самое неопытное из всех правительств мира. В некоторых отношениях оно поразительно неумело и во многих вопросах совершенно несведуще. Оно исполнено нелепых подозрений насчет дьявольских хитростей «капитализма» и незримых интриг реакции; временами оно начинает испытывать страх и совершает жестокости. Но по существу своему оно честно. В наше время это самое бесхитростное правительство в мире.

О его простодушии свидетельствует вопрос, который мне постоянно задавали в России: «Когда произойдет социальная революция в Англии?». Меня спрашивали об этом Ленин, руководитель Северной коммуны Зиновьев, Зорин и многие другие.

Дело в том, что, согласно учению Маркса, социальная революция должна была в первую очередь произойти не в России, и это смущает всех большевиков, знакомых с теорией. По Марксу, социальная революция должна была сначала произойти в странах с наиболее старой и развитой промышленностью, где сложился многочисленный, в основном лишенный собственности и работающий по найму рабочий класс (пролетариат). Революция

должна была начаться в Англии, охватить Францию и Германию, затем пришел бы черед Америки и т. д. Вместо этого коммунизм оказался у власти в России, где на фабриках и заводах работают крестьяне, тесно связанные с деревней, и где по существу вообще нет особого рабочего класса – «пролетариата», который мог бы «соединиться с пролетариями всего мира». Я ясно видел, что многие большевики, с которыми я беседовал, начинают с ужасом понимать: то, что в действительности произошло на самом деле, – вовсе не обещанная Марксом социальная революция, и речь идет не столько о том, что они захватили государственную власть, сколько о том, что они оказались на борту брошенного корабля. Я старался способствовать развитию этой новой и тревожной для них мысли. Я также позволил себе прочесть им небольшую лекцию о том, что на Западе нет многочисленного «классово сознательного пролетариата», разъяснив, что в Англии имеется по меньшей мере 200 различных классов и единственные известные мне «классово сознательные пролетарии» – это незначительная группа рабочих, преимущественно шотландцев, которых объединяет под своим энергичным руководством некий джентльмен по имени Мак-Манус. Мои, несомненно, искренние слова подрывали самые дорогие сердцу русских коммунистов убеждения. Они отчаянно цепляются за свою веру в то, что в Англии сотни тысяч убежденных коммунистов, целиком принимающих марксистское евангелие, – сплоченный пролетариат – не сегодня-завтра захватят государственную власть и провозгласят Английскую Советскую Республику. После трех лет ожидания они все еще упрямо верят в это, но эта вера начинает ослабевать. Одно из самых забавных проявлений этого своеобразного образа мыслей – частые нагоняи, которые получает из Москвы по радио рабочее движение Запада за то, что оно ведет себя не так, как предсказал Маркс. Ему следует быть красным, а оно – только желтое.

* * *

Особенно любопытен был разговор с Зиновьевым. Это человек с черными, как смоль, вьющимися волосами, напоминающий своим голосом и общей живостью Хилара Беллока. «В Ирландии идет гражданская война», – сказал он. «По существу, да», – ответил я. «Кого из них вы считаете представителями пролетариата – шинфейнеров или ульстерцев?» – спросил Зиновьев. Он долго бился, пытаясь выразить положение в Ирландии в формулах классовой борьбы. Эта головоломка так и

осталась нерешенной; затем мы перешли к Азии. Досадуя на то, что западный пролетариат все еще не переходит к решительным действиям, Зиновьев в сопровождении Бела Куна, нашего Тома Квелча я ряда других ведущих коммунистов поехал в Баку поднимать пролетариат Азии. Они отправились воодушевлять классово сознательных пролетариев Персии и Туркестана. В юртах прикаспийских степей они искали фабричных рабочих и обитателей городских трущоб. В Баку был созван съезд – ошеломляющий калейдоскоп людей с белой, черной, желтой и коричневой кожей, азиатских одежд и необыкновенного оружия. Это многолюдное сборище поклялось в неугасимой ненависти к капитализму и британскому империализму. Потом состоялось грандиозное шествие по улицам Баку, в котором, как я, к сожалению, должен отметить, фигурировали и британские пушки, неосторожно брошенные поспешно бежавшими «строителями Британской империи». Были вырыты и вновь торжественно похоронены останки 13 человек, расстрелянных без суда этими самыми «строителями Британской империи», и сожжены чучела г. Ллойд Джорджа, г. Мильерана и президента Вильсона. Я не только видел в Петроградском Совете кинофильм в пяти частях об этом замечательном фестивале, но благодаря любезности Зорина даже привез его с собой. Этот фильм следует демонстрировать с осторожностью и только совершеннолетним. Там есть места, от которых г. Гройана из «Морнинг пост» и г. Редьярда Киплинга начнут преследовать кошмары, если только они вообще не лишатся сна, просмотрев его:

Я приложил все усилия, чтобы выяснить у Зиновьева и Зорина, чего, по их мнению, они добивались на бакинском съезде. И, по правде говоря, я не думаю, чтоб это было вполне понятно им самим. Сомневаюсь, чтоб у них была какая-нибудь ясная цель, если не считать смутного желания нанести через Месопотамию и Индию удар английскому правительству в ответ на те удары, которые оно наносило Советской республике при помощи Колчака, Деникина, Врангеля и поляков. Это контрнаступление почти так же неуклюже и глупо, как английское наступление, против которого оно направлено. Трудно себе представить, чтобы большевики могли надеяться, что между ними и разношерстной толпой недовольных, собравшихся на съезде, установится классовая солидарность. Один из самых эффектных номеров этого замечательного бакинского фильма – танец, исполненный джентльменом из окрестностей Баку. В отороченной мехом куртке, папахе и сапогах он стремительно и искусно танцует что-то вроде чечетки. Вынув два кинжала, он берет их в зубы и устанавливает на них два других, лезвия которых оказываются в

опасном соседстве с его носом. Наконец, он кладет себе на лоб пятый кинжал, продолжая с тем же искусством отбивать чечетку в такт типичной восточной мелодии. Подбоченясь, он изгибается и идет вприсядку, как это делают русские казаки, все время описывая медленные круги и не переставая хлопать в ладоши. Сейчас в хранящейся у меня свернутой в рулон копии фильма он ожидает подходящего случая, чтобы снова пуститься в пляс. Я пытался установить, был ли он типичным азиатским пролетарием или символизировал нечто иное, но так и не добился ясности. Однако в фильме ему отведены десятки ярдов пленки. Я с удовольствием воскресил бы Карла Маркса специально для того, чтоб посмотреть, как он будет глубокомысленно разглядывать его поверх своей бороды. Фильм не дает никаких указаний об отношении к этому танцору г. Тома Квелча.

* * *

Надеюсь, что я не обижу товарища Зорина, к которому питаю искреннее чувство дружбы, если признаюсь здесь, что не могу серьезно отнестись к его бакинскому съезду. Это был карнавал, театрализованное зрелище, красочная инсценировка. Было бы абсурдом считать это съездом пролетариата Азии. Но если сам по себе съезд не имеет большого значения, он важен как признак перемены курса. Для меня главный его смысл в том, что он свидетельствует о новой большевистской ориентации, представителем которой является Зиновьев. До тех пор, пока большевики непоколебимо придерживались учения Маркса, они обращали взоры на Запад, немало удивляясь тому, что «социальная революция» произошла не там, где она ожидалась, а значительно дальше на Восток. Теперь, когда они начинают понимать, что их привела к власти не предсказанная Марксом революция, а нечто совсем иное, они, естественно, стремятся установить новые связи. Идеалом русской республики по-прежнему остается исполинский «Рабочий Запада» с огромным серпом и молотом. Но если мы будем продолжать свою жесткую блокаду и тем самым лишим Россию возможности восстановить свою промышленность, этот идеал может уступить место кочевнику из Туркестана, вооруженному полудюжиной кинжалов. Мы загоним то, что останется от большевистской России, в степи и заставим ее взяться за нож. Если мы поможем какому-нибудь новому Врангелю свергнуть не такое уж прочное московское правительство, ошибочно полагая, что этим самым установим «представительный строй» и «ограниченную монархию», мы

можем весьма сильно просчитаться. Всякий, кто уничтожит теперешнюю законность и порядок в России, уничтожит все, что осталось в ней от законности и порядка. Разбойничий монархический режим оставит за собою новые кровавые следы по всей русской земле и покажет, на какие грандиозные погромы, на какой террор способны джентльмены, пришедшие в ярость; после недолгого страшного торжества он распадется и сгинет. И тогда надвинется Азия. Снова, как тысячу лет назад, на огромной равнине, до берегов Днестра и Немана, всадник будет грабить крестьянина и крестьянин подстерегать всадника. Города превратятся в груды развалин среди безлюдной пустыни, железнодорожные пути – в ржавый лом, пароходы исчезнут с затихших рек…

Бакинский съезд произвел на Горького глубоко удручающее впечатление. Ему мерещится кошмарное видение – Россия, уходящая на Восток. Быть может, и я заразился его настроением.

Созидательная работа в России

В первых трех главах я старался изложить свои впечатления от происходящего в России – стране, где цивилизация, не имевшая достаточно глубоких корней, благодаря бездарному царскому правительству, невежественности и, наконец, изнурительной шестилетней войне пришла в окончательный упадок. Я рассказал о безнадежном состоянии науки и искусства, о почти полном исчезновении жизненных благ и удобств. Надо сказать, что в Вене положение не менее серьезно, и там тоже погибают от голода такие выдающиеся ученые, как профессор Маргулис. Если бы Англии пришлось вынести еще четыре года войны, почти то же самое происходило бы и в Лондоне. В наших каминах сейчас не было бы угля, мы ничего не получали бы по своим продуктовым карточкам, и магазины Бонд-стрит были бы так же пусты, как магазины Невского. Большевистское правительство не несет ответственности ни за то, что эти бедствия произошли, ни за то, что они продолжаются.

В своем рассказе я старался также дать беспристрастную оценку деятельности большевистского правительства. Большевики, составлявшие менее пяти процентов населения, сумели захватить и удержать власть в стране только потому, что во время этой грандиозной катастрофы они явились единственной группой людей, связанных общностью убеждений и стремлений. Я не разделяю их убеждений, мне смешон их пророк Маркс, но я понимаю и уважаю их стремления. Несмотря на все свои недостатки – а их отнюдь не мало, – только они могли стать становым хребтом возрождающейся России. И только на основе Советской власти может она вернуться к цивилизации. Огромная масса населения России – крестьяне, неграмотные, жадные и политически пассивные. Они суеверны, постоянно крестятся и прикладываются к иконам – особенно это заметно в Москве, – но они далеки от истинной религии. Политические и социальные вопросы интересуют их только, поскольку дело идет об их собственных нуждах. В основном большевиками они довольны. Православный священник совершенно не похож на католического священника Западной Европы; он сам – типичный мужик, грязный и неграмотный, не имеющий никакого влияния на совесть и волю своей паствы. Ни у крестьян, ни у духовенства нет никакого творческого начала. Что касается остальных русских, как в самой стране, так и за ее пределами, – это пестрая смесь более или менее культурных людей, не связанных ни общими политическими идеями, ни общими стремлениями. Они способны

только на пустые споры и беспочвенные авантюры.

Политический облик русских эмигрантов в Англии вызывает презрение. Они бесконечно твердят о «зверствах большевиков»: крестьяне поджигают усадьбы, разбежавшаяся солдатня грабит и убивает в глухих переулках, и все это – дело рук большевистского правительства. Спросите их, какое же правительство они хотят вместо него, и в ответ они несут избитый вздор, обычно приспосабливаясь к предполагаемым политическим симпатиям своего собеседника. Они надоедают вам до тошноты, восхваляя очередного сверхчеловека, Деникина или Врангеля, который наведет, наконец, полный порядок, хотя одному господу богу известно, как он это сделает. Эти эмигранты не заслуживают ничего лучшего, чем царь, и они не в состоянии даже решить, какого царя они хотят. Лучшая часть русской интеллигенции, еще оставшаяся в России, постепенно начинает – во имя России – пока неохотно, но честно сотрудничать с большевиками.

* * *

Сами большевики – марксисты и коммунисты. Как я уже говорил, они оказались у власти в России в полном противоречии с учением Карла Маркса. Почти все их силы поглощены глубоко патриотической борьбой с нападениями, вторжениями, блокадой и всякого рода другими бедствиями, которые западные державы с жестоким упорством обрушивают на потрясенную трагической катастрофой страну. Остаток сил уходит у них на то, чтобы спасти Россию от голодной смерти и установить какой-то общественный порядок среди всеобщего развала. Я уже говорил, что большевики исключительно неопытны как государственные деятели, – это интеллигенты-эмигранты из Женевы и Хэмпстэда и сравнительно малокультурные рабочие, вернувшиеся из Соединенных Штатов. Со времен ранних мусульман, захвативших власть над Египтом, Сирией и Месопотамией, история не знала еще такого дилетантского правительства.

Я думаю, что многие из большевиков в глубине души порядком обеспокоены гигантским объемом стоящих перед ними задач. Но их, а следовательно, и Россию спасает одно – их коммунистические убеждения. И англичанам пришлось узнать во время подводной войны, что перед лицом голода у городского населения только два выхода: гибель или общественный контроль. У себя в Англии мы вынуждены были ввести контроль над распределением продовольствия, мы вынуждены были подавить спекуляцию суровыми законами. Коммунисты, придя к

власти в России, немедленно провели все это в жизнь, исходя из своих убеждений, сделав, таким образом, самый необходимый шаг для преодоления царящего в стране хаоса. Вопреки всем русским привычкам и традициям они установили самый жесткий контроль и нормирование. Их карточная система, по-видимому, проводится в жизнь, насколько позволяют характер и условия теперешнего производства и потребления в России; на бумаге она совершенно безупречна. Легко подмечать ошибки и недостатки, но гораздо труднее указать, как их избежать, когда имеешь дело с истощенной и дезорганизованной страной. Россия находится сейчас в таком состоянии, что если даже предположить, что большевики будут свергнуты и на смену им придет другое правительство – безразлично какое, – ему пришлось бы сохранить введенную большевиками карточную систему, продолжать сурово наказывать и расстреливать спекулянтов и пресекать сомнительные политические авантюры. В тяжких условиях блокады и голода большевики делают в силу своих убеждений то, что другое правительство вынуждено было бы сделать в силу необходимости.

Перед лицом величайших трудностей они стараются построить на обломках прошлого новую Россию. Можно оспаривать их идеи и методы, называть их планы утопией, можно высмеивать то, что они делают, или бояться этого, но нельзя отрицать того, что в России сейчас идет созидательная работа. Часть большевиков действительно упрямые, несговорчивые доктринеры, фанатики, верящие в то, что одно лишь уничтожение капитализма, отмена торговли и денег и стирание всех классовых различий само по себе обеспечит приход некоего унылого «золотого века». Среди них есть и такие тупицы, которые способны отменить преподавание химии, если только не заверить их, что это «пролетарская» химия, или наложить запрет на любой орнамент, как реакционный, если в нем не фигурирует сочетание букв РСФСР (Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика). Я говорил уже, что изучение древнееврейского языка запрещено, как «реакционное» занятие. Когда я жил у Горького, мне часто приходилось присутствовать при его ожесточенных спорах с некоторыми деятелями нового режима, которые держались крайних взглядов и отрицали всю литературу прошлого, за исключением произведений с революционными тенденциями. Но в новой России есть и люди с широкими взглядами, и, если им дадут возможность, они будут строить и, вероятно, строить хорошо. Среди людей такой творческой силы я могу назвать самого Ленина, который поразительно вырос со времен своей эмиграции и недавно

выступил с резкой критикой экстремистских заскоков в своей собственной партии, Троцкого, который никогда не был экстремистом и обладает большими организаторскими способностями, Луначарского – наркома просвещения, Рыкова – руководителя Совета Народного Хозяйства, Лилину – из петроградского отдела народного образования и Красина – главу торговой делегации в Лондоне. Это имена, которые первыми пришли мне в голову, но ими отнюдь не исчерпывается список подлинных государственных деятелей в большевистском правительстве. Эти люди добились уже известных успехов, несмотря на блокаду, гражданскую войну и интервенцию. Им приходится работать над восстановлением страны, обнищавшей до такой степени, какую английский или американский читатель даже представить себе не может, к тому же еще с исключительно беспомощным аппаратом. Россия сейчас нуждается в административно-технических кадрах даже еще больше, чем в медикаментах и продовольствии. Самое обычное делопроизводство в русских правительственных учреждениях ведется из рук вон плохо, с неописуемой расхлябанностью и небрежностью. Создается впечатление, что служащие тонут в ворохе неразобранных дел и грудах окурков. И этого тоже не смог бы изменить никакой контрреволюционный переворот; это неотъемлемая черта современной русской действительности. Если бы кто-нибудь из военных авантюристов, которым покровительствуют западные державы, по роковой случайности захватил власть в России, это лишь прибавило бы к общему развалу пьяный разгул, казнокрадство и засилье развратных содержанок. Как бы плохо ни отзываться о большевиках, невозможно отрицать, что подавляющее большинство из них ведет не просто трудовую, но прямо аскетическую жизнь.

* * *

Я говорю об этой русской неорганизованности с особенной резкостью, потому что из-за нее я не смог встретиться с Луначарским. Ради того, чтобы побеседовать в течение полутора часов с Лениным и Чичериным, мне пришлось потратить около 80 часов на разъезды, телефонные переговоры и ожидание. При таких темпах для встречи с Луначарским мне понадобилась бы по меньшей мере еще неделя, а я торопился попасть на пароход, совершавший нерегулярные рейсы между Ревелем и Стокгольмом. Все мое пребывание в Москве было исковеркано глубоко раздражающей неразберихой. По столице меня сопровождал

матрос с серебряным чайником, совершенно не знавший города, а договариваться по телефону о моих встречах должен был американец, плохо владевший русским языком. Хотя я сам слышал, как Горький заранее договорился по междугородному телефону о моей встрече с Лениным, в Москве мне заявили, что там ничего не знали о моем приезде. Наконец, когда я возвращался в Петроград, меня посадили в самый медленный поезд, который шел 22 часа вместо 14. Все это может показаться мелочами, не стоящими упоминания, но они приобретают весьма существенное значение, если учесть, что в России предо мной из всех сил старались щегольнуть деловитостью и порядком. Когда, сев в вагон, я узнал, что мы тащимся с черепашьей скоростью, а курьерский поезд ушел три часа назад, в то время как мы томились в вестибюле нашего особняка у своих чемоданов, нетерпеливо ожидая, пока за нами приедут, на меня снизошел дух красноречия и уста мои разверзлись. Я поговорил с нашим гидом как мужчина с мужчиной и высказал ему все, что я думаю о русских порядках. Он почтительно выслушал мою язвительную тираду и, когда я, наконец, остановился, ответил мне извинением, характерным для теперешнего умонастроения русских: «Видите ли, блокада…»

Хотя мне не удалось лично повидаться с Луначарским, я сумел познакомиться со многим, что сделано им в области народного просвещения. Основной материал, с которым приходится иметь дело работнику народного просвещения, – это люди, а в них, во всяком случае, Россия все еще не испытывает недостатка; так что в этом отношении Луначарский находится в лучшем положении, чем большинство его коллег. И должен признаться, что работа большевиков в этой области, к которой я сперва отнесся с большим недоверием и предубеждением, показалась мне поразительно плодотворной, если принять во внимание стоящие перед ними огромные трудности.

Начало было весьма неудачным. Как только я приехал в Петроград, я попросил показать мне школу, и это было сделано на следующий день; я уехал оттуда с самым неблагоприятным впечатлением. Школа была исключительно хорошо оборудована, гораздо лучше, чем рядовые английские начальные школы; дети казались смышлеными и хорошо развитыми. Но мы приехали после занятий и не смогли побывать на уроках; судя по поведению учеников, дисциплина в школе сильно хромала. Я решил, что мне показали специально подготовленную для моего посещения школу и что это все, чем может похвалиться Петроград. Человек, сопровождавший нас во время этого визита, начал спрашивать детей об английской литературе и их любимых

писателях. Одно имя господствовало над всеми остальными. Мое собственное. Такие незначительные персоны, как Мильтон, Диккенс, Шекспир, копошились у ног этого литературного колосса. Опрос продолжался, и дети перечислили названия доброй дюжины моих книг. Тут я заявил, что абсолютно удовлетворен всем, что видел и слышал, и не желаю больше ничего осматривать – ибо, в самом деле, чего еще я мог желать? – и покинул школу с натянутой улыбкой, возмущенный организаторами этого посещения.

Через три дня я внезапно отменил всю свою утреннюю программу и потребовал, чтобы мне немедленно показали другую школу, любую школу поблизости. Я был уверен, что первый раз меня вводили в заблуждение и теперь-то я попаду в поистине скверную школу. На самом деле все, что я увидел, было гораздо лучше – и здание, и оборудование, и дисциплина школьников. Побывав на уроках, я убедился в том, что обучение поставлено превосходно. Большинство учителей – женщины средних лет; они производят впечатление опытных педагогов. Я выбрал урок геометрии, так как он излагается универсальным языком чертежей на доске. Мне показали также массу отличных чертежей и макетов, сделанных учениками. Школа располагает большим количеством наглядных пособий; из них мне особенно понравилась хорошо подобранная серия пейзажей для преподавания географии. Там есть также много химических и физических приборов, и они, несомненно, хорошо используются. Я видел, как готовили обед для детей (в Советской России дети питаются в школе); он был вкусно сварен из продуктов гораздо лучшего качества, чем обед, который мы видели в районной кухне. Все в этой школе производило несравненно лучшее впечатление. Под конец мы решили проверить необычайную популярность Герберта Уэллса среди русских подростков. Никто из этих детей никогда не слыхал о нем. В школьной библиотеке не было ни одной его книги. Это окончательно убедило меня в том, что я нахожусь в совершенно нормальном учебном заведении. Теперь я понял, что в первой школе меня вовсе не хотели ввести в заблуждение относительно состояния обучения в России, как я решил в гневе, а все произошло потому, что мой литературный друг, критик г. Чуковский, горячо желая показать мне, как меня любят в России, подготовил эту невинную инсценировку, слегка позабыв о всей серьезности моей миссии.

* * *

После того как я собрал дополнительный материал и обменялся впечатлениями с теми, кто побывал в России, в частности с д-ром Хэйденом Гэстом, который тоже «застал врасплох» несколько школ в Москве, я пришел к убеждению, что в условиях колоссальных трудностей в Советской России непрерывно идет грандиозная работа по народному просвещению и что, несмотря на всю тяжесть положения в стране, количество школ в городах и качество преподавания неизмеримо выросли со времен царского режима. (Все это, как и в других случаях, почти не касается крестьянства, за исключением некоторых «показательных» районов.) Школы, которые я видел, не отличались от хороших средних школ Англии. Туда принимают всех, и делаются попытки ввести обязательное обучение. Конечно, Россия сталкивается с особыми затруднениями. Во многих школах не хватает учителей; не всегда удается заставить посещать занятия детей, которые предпочитают заниматься уличной торговлей. Большая часть нелегальной торговли в России ведется детьми. Их труднее поймать, чем взрослых; к тому же русские коммунисты – убежденные противники наказания детей. А русские дети развиваются поразительно быстро для северян.

Совместное обучение подростков до 15—16 лет в стране с такими расшатанными устоями, как Россия наших дней, привело к дурным последствиям. Я узнал об этом, когда бывший глава петроградской Чрезвычайной Комиссии Бакаев и его коллега Залуцкий приехали к Горькому посоветоваться по этому вопросу. Они совершенно откровенно обсуждали все это при мне, и их разговор тут же переводился на английский. Мне показали собранные и опубликованные большевиками потрясающие статистические данные о моральном разложении петроградской молодежи. Не знаю, как бы они выглядели по сравнению с английскими статистическими данными, если таковые имеются, о некоторых страшных для молодежи районах Лондона или таких славящихся своими притонами городах, как Ридинг. (Читателю следует ознакомиться с отчетом фабианского общества о состоянии проституции, озаглавленным «Пути падения».) Не знаю, каков был бы результат сопоставления этих данных с тем, что было при царском режиме. Я не могу даже судить о том, в какой степени это ужасное явление в России можно отнести за счет отчаяния, вызванного нуждой и тяжелыми жилищными условиями. Несомненно только, что в городах России наряду с подъемом народного просвещения и интеллектуальным развитием молодежи возросла и ее распущенность, особенно в вопросах пола; и все это происходит в то время, когда старшее

поколение соблюдает беспримерную, пуританскую моральную чистоту. Тяжелая нравственная лихорадка, переживаемая русской молодежью, – единственное темное пятно на фоне успехов народного просвещения в России. Я думаю, что в основном ее нужно рассматривать как одно из проявлений общей социальной разрухи; в любой европейской стране война вызвала заметное ослабление моральных устоев молодежи, но и сама революция, изгнав из школ немало старых, опытных педагогов и поставив под сомнение все моральные нормы, безусловно, способствовала, пока трудно сказать в какой степени, усилению неразберихи в этих вопросах в сегодняшней России.

Когда перед большевиками встали во весь рост проблемы голода, распада семейных очагов, социального хаоса, они начали брать городских детей под опеку государства, организуя для них школы с общежитиями. Подобно детям высших классов Англии, городские дети России учатся в школах-интернатах. Рядом со второй из посещенных мною в Петрограде школ находятся два больших здания – общежитие для мальчиков и общежитие для девочек. В этих учреждениях прививают детям навыки элементарной гигиены и приучают к моральной дисциплине. И этого тоже требуют не только коммунистические принципы, но и жестокая необходимость. Некоторые русские города постепенно превращаются по своим условиям в сплошные трущобы, и большевики вынуждены играть роль некоего гигантского д-ра Барнардо.

Мы познакомились с работой приемника-распределителя, куда приводят своих детей родители, не имеющие возможности в этих ужасных условиях уберечь их от влияния улицы, прокормить и содержать в чистоте. Приемник помещается в здании Европейской гостиницы, куда при старом режиме приезжало поужинать множество веселых компаний. На крыше еще сохранился летний сад, где обычно играл струнный квартет, и, поднимаясь по лестнице, мы прошли мимо матового стекла, на котором золотыми буквами было написано по-французски «Coifeur des Dames».

Изящные золоченые стрелки указывали путь в «Ресторан» – понятие, давно вышедшее из обихода мрачной петербургской действительности. Сюда приводят детей. Сперва их помещают в карантин, где выясняют, не больны ли они заразными болезнями, и проводят санитарный осмотр (у девяти из десяти новичков водятся насекомые), а затем – во второй карантин, где некоторое время проверяют, нет ли у них дурных привычек и каких-либо отклонений от нормы. Некоторых приходится отправлять в специальные школы для дефективных, остальные вливаются в

общую массу детей, взятых под опеку государства, и распределяются по школам-интернатам.

Здесь мы, конечно, имеем дело с процессом «разрушения семьи», который идет полным ходом; опека распространяется на детей самого различного происхождения. Родители могут посещать своих детей в течение дня без особых ограничений. Но они не имеют права вмешиваться в вопросы воспитания, одежды и т. д. Мы провели некоторое время среди детей, всесторонне знакомясь с их жизнью в приемнике, и они показались нам здоровыми, довольными и счастливыми. Дело в том, что они находятся под присмотром очень хорошего персонала. Немало людей, политически неблагонадежных или открыто недовольных новым режимом, но желающих тем не менее служить России, находят в таких детских учреждениях работу, которую они могут выполнять с чистым сердцем и спокойной совестью. Оказалось, что моя переводчица хорошо знает даму, которая показывала нам приемник; они часто обедали и ужинали в Европейской гостинице в дни ее былого великолепия. Теперь эта дама очень скромно одета, у нее стриженые волосы, держится она очень серьезно; ее муж – белогвардеец и служит в польской армии, двое ее детей живут в интернате, и она по-матерински заботится о десятках других малышей. Чувствовалось, что эта женщина гордится работой своего учреждения, и она сама говорила нам, что в этом городе нужды, под угрозой надвигающегося голода, она живет гораздо более интересной и содержательной жизнью, чем в былые дни.

* * *

Объем книги не позволяет мне остановиться на всей той работе в области просвещения и воспитания, с которой мы познакомились в России. Я хочу сказать лишь несколько слов о доме отдыха для рабочих на Каменном острове. Это начинание показалось мне одновременно и превосходным и довольно курьезным. Рабочих посылают сюда на 2—3 недели отдохнуть в культурных условиях. Дом отдыха – прекрасная дача с большим парком, оранжереей и подсобными помещениями. В столовой – белые скатерти, цветы и т. д. И рабочий должен вести себя в соответствии с этой изящной обстановкой; это один из методов его перевоспитания. Мне рассказывали, что, если отдыхающий забудется и, откашлявшись, по доброй старой простонародной привычке сплюнет на пол, служитель обводит это место мелом и предлагает ему вытереть осквернённый паркет. Аллея, ведущая к

дому отдыха, украшена в футуристическом духе; у ворот возвышается огромная фигура рабочего, опирающегося на молот; она сделана из гипса, взятого из запасов хирургических отделений петроградских больниц… Но ведь в конце концов стремление перевоспитать рабочих, поместив их в культурную обстановку, само по себе не может вызывать возражений…

Мне трудно дать окончательную оценку многим из этих усилий большевиков. Можно сказать одно – здесь идет созидательная и просветительная работа, в которой перемешалось и достойное восхищения и нелепое, но, во всяком случае, появились островки созидающего, самоотверженного труда, вселяющего надежду на лучшее будущее в этом море ужасающей нужды и беспредельного упадка. Кто может сказать, окажутся ли они достаточно прочными, чтобы не дать погибнуть этой идущей ко дну стране? Кто может угадать, насколько они вырастут и окрепнут, если Россия получит передышку от гражданской войны и интервенции, от голода и нужды? Об этой-то обновленной России, России будущего, я и хотел больше всего поговорить с Лениным, направляясь в Кремль. Об этой беседе я расскажу в последней главе.

Петроградский совет

В четверг, 7 октября, мы присутствовали на заседании Петроградского Совета. Нам говорили, что этот законодательный орган сильно отличается от английской палаты общин, и это действительно так. Работа этой организации, как и всех других в Советской России, показалась нам исключительно непродуманной и бесплановой. Трудно себе представить менее удачную организацию учреждения, имеющего такие обширные функции и несущего такую ответственность, как Петроградский Совет.

Заседание происходило в Таврическом дворце, когда-то принадлежавшем фавориту Екатерины II Потемкину. При царском режиме здесь заседала Государственная дума; я посетил ее в 1914 году и слышал скучные прения. Г-н Морис Беринг и один из Бенкендорфов провели меня на хоры для гостей, охватывавшие полукругом зал заседаний. В самом зале около тысячи мест, но большинство из них пустовало. Председатель, вооруженный колокольчиком, сидел на возвышении над трибуной; позади него расположились стенографистки. Я забыл, какой вопрос тогда обсуждался; во всяком случае, он не представлял большого интереса. Помню, Беринг обратил мое внимание на то, что среди депутатов III Думы было много священников; их рясы и бороды заметно выделялись среди малочисленной аудитории.

На этот раз мы были уже не посторонними наблюдателями, а активными участниками заседания; нас поместили позади стола президиума, на возвышении, где обычно сидят члены правительства, официальные посетители и т. п. Стол президиума, трибуна и места для стенографисток – все оставалось как раньше, но атмосфера вялого парламентаризма сменилась обстановкой многолюдного, шумного, по-особому волнующего массового митинга. Вокруг нас, на возвышении позади президиума, на идущих полукругом скамьях, с трудом разместилось более двухсот человек – военные моряки, люди, принадлежавшие, судя по одежде, к интеллигенции и рабочему классу, много женщин с хорошими, серьезными лицами, один или два азиата и несколько человек неопределенного вида. Зал был битком набит; две или три тысячи человек, мужчин и женщин, занимали не только кресла, но все проходы, ступени и толпились под хорами, которые также были переполнены. Все они были членами Петроградского Совета, по существу представляющего собой совместную ассамблею всех районных Советов.

За столом президиума, спиной к нам, сидели Зиновьев, его

правая рука Зорин и председатель. Обсуждались условия мира с Польшей. Чувствовалось, что люди остро переживают поражение и настроены против принятия условий поляков. Вскоре после нашего прихода Зиновьев произнес длинную и, насколько я могу судить, убедительную речь, подготовляя участников заседания к мысли о необходимости капитуляции. Польские требования возмутительны, но в данное время России приходится идти на уступки. После него выступил пожилой человек, который с ожесточением упрекал русский народ и правительство в безбожии; Россия, говорил он, несет наказание за свои грехи, и, пока она не раскается и не вернется в лоно религии, ее будет преследовать одно бедствие за другим. Хотя участники заседания не разделяли его взглядов, ему дали высказаться беспрепятственно. Затем открытым голосованием было принято решение заключить мир с Польшей. После этого наступил мой черед. Членам Совета сообщили, что я приехал из Англии, чтобы познакомиться с большевистским режимом; меня осыпали похвалами и затем призвали отнестись к этому режиму со всей справедливостью и не следовать примеру г-жи Сноуден, г. Гэста и г. Бертрана Рассела, которые воспользовались недавно гостеприимством Советской республики, а по возвращении стали неблагожелательно отзываться о ней. Я холодно отнесся к этим призывам; я приехал в Россию, чтобы беспристрастно оценить большевистское правительство, а не восхвалять его. Затем мне надлежало подняться на трибуну и обратиться с речью к переполненному залу. Я знал, что для кое-кого, кто побывал в России до меня, эта трибуна оказалась роковой: им трудно было впоследствии объяснить, откуда взялись те речи, о содержании которых их переводчики с помощью радио оповестили весь мир. К счастью, я представлял себе, что последует, и, чтобы избежать недоразумений, написал короткую речь и приготовил точный перевод ее. Прежде всего я совершенно недвусмысленно заявил, что я не марксист и не коммунист, а коллективист и что русским следует ждать мира и помощи в своих бедствиях не от социальной революции в Европе, а от либерально настроенных умеренных кругов Запада. Я сказал, что народы западных стран решительно стоят за мир с Россией, чтоб она могла идти своим собственным путем, но что их развитие может пойти иным, совершенно отличным от России путем. Закончив выступление, я вручил перевод своей речи Зорину, не только облегчив его задачу как переводчика, но и устранив этим всякую возможность недоразумений. Моя речь была напечатана в «Правде» полностью и без искажений.

Затем началось обсуждение предложения Зорина послать

Зиновьева в Берлин на съезд независимых социалистов. Зорин – остроумный оратор, своим юмором он привел аудиторию в отличное настроение. Его предложение было принято открытым голосованием; затем последовали доклад и прения о выращивании овощей в окрестностях Петрограда. Этот практический вопрос вызвал в зале огромное оживление. Люди вскакивали, произносили короткие речи с места и снова усаживались; они кричали и перебивали друг друга. Все это гораздо больше напоминало многолюдный рабочий митинг в Куин Холле, чем работу законодательного органа в понимании западноевропейца.

Когда было покончено и с этим вопросом, произошло нечто еще более необычное. Все мы, сидевшие за трибуной, перешли в и без того переполненный до отказа зал и кое-как разместились там, а позади стола президиума был спущен экран; на хорах появился духовой оркестр, и началась демонстрация кинофильма в пяти частях об упомянутом мною выше бакинском съезде. Фильм смотрели с интересом, но аплодировали мало. В конце оркестр исполнил «Интернационал», а публика – прошу прощения! – Петроградский Совет начал расходиться под пение этой популярной песни. По существу, это был многолюдный митинг, который мог, самое большее, одобрить или не одобрить предложения правительства, но сам не способен ни на какую настоящую законодательную деятельность. По своей неорганизованности, отсутствию четкости и действенности Петроградский Совет так же отличается от английского парламента, как груда разрозненных часовых колесиков от старомодных, неточных, но все еще показывающих время часов.

Кремлевский мечтатель

Основной целью моей поездки из Петрограда в Москву была встреча с Лениным. Мне было интересно повидаться с ним, и я должен сказать, что был предубежден против него. На самом деле я встретился с личностью, совершенно непохожей на то, что я себе представлял.

Ленин – не человек пера; его опубликованные труды не дают правильного представления о нем. Написанные в резком тоне брошюры и памфлеты, выходящие в Москве за его подписью, полные ложных концепций о психологии рабочих Запада и упорно отстаивающие абсурдное утверждение, что в России произошла именно предсказанная Марксом социальная революция, вряд ли отражают даже частицу подлинного ленинского ума, в котором я убедился во время нашей беседы. В этих работах порой встречаются проблески вдохновенной проницательности, но в целом они лишь повторяют раз навсегда установленные положения и формулировки ортодоксального марксизма. Быть может, это необходимо. Пожалуй, это единственно понятный коммунистам язык; переход к новой фразеологии сбил бы их с толку и вызвал полную растерянность. Левый коммунизм можно назвать позвоночным столбом сегодняшней России; к сожалению, это неподвижный позвоночник, сгибающийся с огромным трудом и только в ответ на почтительную лесть.

* * *

Жизнь в Москве, озаренной ярким октябрьским солнцем и украшенной золотом осенней листвы, показалась нам гораздо более оживленной и легкой, чем в Петрограде. На улицах – большое движение, сравнительно много извозчиков; здесь больше торгуют. Рынки открыты. Дома и мостовые – в лучшем состоянии. Правда, сохранилось немало следов ожесточенных уличных боев начала 1918 года. Один из куполов нелепого собора Василия Блаженного, у самых ворот Кремля, был разбит снарядом и все еще не отремонтирован. Трамваи, которые мы видели, перевозили не пассажиров, а продукты и топливо. Считают, что в этом отношении Петроград лучше подготовлен к зиме, чем Москва.

Десять тысяч крестов московских церквей все еще сверкают на солнце. На кремлевских башнях по-прежнему простирают

крылья императорские орлы. Большевики или слишком заняты другими делами, или просто не обращают на них внимания. Церкви открыты; толпы молящихся усердно прикладываются к иконам, нищим все еще порой удается выпросить милостыню. Особенной популярностью пользуется знаменитая часовня чудотворной Иверской божьей матери возле Спасских ворот; многие крестьянки, не сумевшие пробраться внутрь, целуют ее каменные стены.

Как раз напротив нее на стене дома выведен в рамке знаменитый ныне лозунг: «Религия – опиум для народа». Действенность этой надписи, сделанной в начале революции, значительно снижается тем, что русский народ не умеет читать.

У меня произошел небольшой, но забавный спор насчет этой надписи с г. Вандерлипом, американским финансистом, жившим в том же правительственном особняке, где и мы. Он считал, что она должна быть уничтожена. Я находил, что ее стоит сохранить как историческую реликвию, а также потому, что веротерпимость должна распространяться и на атеистов. Но г. Вандерлип принимал это так близко к сердцу, что не мог понять моей точки зрения.

Особняк для гостей правительства, где мы жили вместе с г. Вандерлипом и предприимчивым английским скульптором, каким-то образом попавшим в Москву, чтобы лепить бюсты Ленина и Троцкого, – большое, хорошо обставленное здание на Софийской набережной (№ 17), расположенное напротив высокой кремлевской стены, за которой виднеются купола и башни этой крепости русских царей. Мы чувствовали себя здесь не так непринужденно, более изолированно, чем в Петрограде. Часовые, стоявшие у ворот, оберегали нас от случайных посетителей, в то время как в Петрограде ко мне мог зайти поговорить, кто хотел. Г. Вандерлип, по-видимому, жил там уже несколько недель и собирался пробыть еще столько же. С ним не было ни слуги, ни секретаря, ни переводчика. Он не обсуждал со мной свои дела и лишь раза два осторожно заметил, что они носят строго финансовый, экономический и отнюдь не политический характер. Мне говорили, что он привез рекомендательное письмо к Ленину от сенатора Хардинга, но я не любопытен по природе и не пытался ни проверить это, ни соваться в дела г. Вандерлипа. Я даже не спрашивал его, как вообще можно в коммунистическом государстве вести коммерческие переговоры и финансовые операции с кем бы то ни было, кроме самого правительства, и как можно иметь дело с правительством, совершенно не касаясь политики. Должен признаться, что все эти таинственные вещи выше моего понимания. Но мы вместе ели, курили, пили кофе и

беседовали, соблюдая полнейшую сдержанность. Благодаря тому, что мы избегали упоминать о «миссии» г. Вандерлипа, она раздулась в нашем сознании до огромных размеров, и мысль о ней стала неотвязной.

* * *

Формальности, связанные с подготовкой моей встречи с Лениным, были утомительно длинны и вызывали раздражение, но вот, наконец, я отправился в Кремль в сопровождении г. Ротштейна, в прошлом видного работника коммунистической партии в Лондоне, и американского «товарища» с большим фотоаппаратом, который, как я понял, тоже был сотрудником Наркоминдела.

Я помню Кремль в 1914 году, когда в него можно было пройти так же беспрепятственно, как в Виндзорский замок; по нему бродили тогда небольшие группы богомольцев и туристов. Но теперь свободный вход в Кремль отменен, и попасть туда очень трудно. Уже в воротах нас ожидала возня с пропусками и разрешениями. Прежде чем мы попали к Ленину, нам пришлось пройти через пять или шесть комнат, где наши документы проверяли часовые и сотрудники Кремля. Возможно, что это и необходимо для личной безопасности Ленина, но это затрудняет живую связь России с ним и – что еще важнее с точки зрения эффективности руководства – затрудняет его живую связь с Россией. Если то, что доходит до него, пропускается через некий фильтр, то так же фильтруется и все, что исходит от него, и во время этого процесса могут произойти весьма значительные искажения.

Наконец, мы попали в кабинет Ленина, светлую комнату с окнами на кремлевскую площадь; Ленин сидел за огромным письменным столом, заваленным книгами и бумагами. Я сел справа от стола, и невысокий человек, сидевший в кресле так, что ноги его едва касались пола, повернулся ко мне, облокотившись на кипу бумаг. Он превосходно говорит по-английски, но г. Ротштейн следил за нашей беседой, вставляя замечания и пояснения, и это показалось мне весьма характерным для теперешнего положения вещей в России. Тем временем американец взялся за свой фотоаппарат и, стараясь не мешать, начал усердно снимать нас. Беседа была настолько интересной, что все это щелканье и хождение не вызывало досады.

Я ожидал встретить марксистского начетчика, с которым мне придется вступить в схватку, но ничего подобного не произошло.

Мне говорили, что Ленин любит поучать людей, но он, безусловно, не занимался этим во время нашей беседы. Когда описывают Ленина, уделяют много внимания его смеху, будто бы приятному вначале, но затем принимающему оттенок цинизма; я не слышал такого смеха. Линии его лба напомнили мне кого-то, я никак не мог вспомнить, кого именно, пока на днях не увидел г. Артура Бальфура, сидевшего возле затененной лампы. У него в точности такой же высокий, покатый, слегка асимметричный лоб.

У Ленина приятное смугловатое лицо с быстро меняющимся выражением, живая улыбка; слушая собеседника, он щурит один глаз (возможно, эта привычка вызвана каким-то дефектом зрения). Он не очень похож на свои фотографии, потому что он один из тех людей, у которых смена выражения гораздо существеннее, чем самые черты лица; во время разговора он слегка жестикулировал, протягивая руки над лежавшими на его столе бумагами; говорил быстро, с увлечением, совершенно откровенно и прямо, без всякой позы, как разговаривают настоящие ученые.

* * *

Через весь наш разговор проходили две – как бы их назвать – основные темы. Одну тему вел я: «Как вы представляете себе будущую Россию? Какое государство вы стремитесь построить?» Вторую тему вел он: «Почему в Англии не начинается социальная революция? Почему вы ничего не делаете, чтоб подготовить ее? Почему вы не уничтожаете капитализм и не создаете коммунистическое государство?» Эти темы переплетались, сталкивались, разъясняли одна другую. Вторая тема возвращала нас к первой: «Что вам дала социальная революция? Успешна ли она?» А это, в свою очередь, приводило ко второй теме: «Чтобы она стала успешной, в нее должен включиться западный мир. Почему это не происходит?»

До 1918 года все марксисты рассматривали социальную революцию как конечную цель. Пролетарии всех стран должны были соединиться, сбросить капитализм и обрести вечное блаженство. Но в 1918 году коммунисты, к своему собственному удивлению, оказались у власти в России, и им надлежало наглядно доказать, что они могут осуществить свой золотой век. Коммунисты справедливо ссылаются на условия военного времени, блокаду и тому подобное, как на причины, задерживающие создание нового и лучшего социального строя, но тем не менее совершенно очевидно, что они начинают понимать,

что марксистский образ мышления не дает никакой подготовки к практической деятельности. Есть множество вещей – я упоминал некоторые из них, – за которые они не знают, как взяться… Но рядовой коммунист начинает негодовать, если вы осмелитесь усомниться в том, что при новом режиме все делается самым лучшим и самым разумным способом. Он ведет себя, как обидчивая хозяйка, которая хочет, чтобы ее похвалили за образцовый порядок в доме, хотя там все перевернуто вверх дном из-за переезда на новую квартиру. Такой коммунист напоминает забытых теперь суфражисток, обещавших рай на земле, как только удастся освободиться от тирании «установленных мужчиною законов». Но Ленин с откровенностью, которая порой ошеломляет его последователей, рассеял недавно последние иллюзии насчет того, что русская революция означает что-либо иное, чем вступление в эпоху непрестанных исканий. Те, кто взял на себя гигантский труд уничтожения капитализма, должны сознавать, что им придется пробовать один метод действия за другим, пока, наконец, они не найдут тот, который наиболее соответствует их целям и задачам, писал он недавно.

Мы начали беседу с обсуждения будущего больших городов при коммунизме. Мне хотелось узнать, как далеко пойдет, по мнению Ленина, процесс отмирания городов в России. Разоренный Петроград навеял мысль, которая раньше не приходила мне в голову, что весь внешний облик и планировка города определяются торговлей и что уничтожение ее, прямо или косвенно, делает бессмысленным и бесполезным существование девяти десятых всех зданий обычного города. «Города станут значительно меньше», – подтвердил Ленин. «И они станут иными, да, совершенно иными». Я сказал, что это означает снос существующих городов и возведение новых и потребует грандиозной работы. Соборы и величественные здания Петрограда превратятся в исторические памятники, как церкви и старинные здания Великого Новгорода и храмы Пестума. Огромная часть современного города исчезнет. Ленин охотно согласился с этим. Я думаю, что ему было приятно беседовать с человеком, понимавшим неизбежные последствия коллективизма, которых не могли полностью осознать даже многие его сторонники. Россию надо коренным образом перестроить, воссоздать заново…

* * *

А как промышленность? Она тоже должна быть

реконструирована коренным образом?

Имею ли я представление о том, что уже делается в России? Об электрификации России?

Дело в том, что Ленин, который, как подлинный марксист, отвергает всех «утопистов», в конце концов сам впал в утопию, утопию электрификации. Он делает все, от него зависящее, чтобы создать в России крупные электростанции, которые будут давать целым губерниям энергию для освещения, транспорта и промышленности. Он сказал, что в порядке опыта уже электрифицированы два района. Можно ли представить себе более дерзновенный проект в этой огромной равнинной, покрытой лесами стране, населенной неграмотными крестьянами, лишенной источников водной энергии, не имеющей технически грамотных людей, в которой почти угасла торговля и промышленность? Такие проекты электрификации осуществляются сейчас в Голландии, они обсуждаются в Англии, и можно легко представить себе, что в этих густонаселенных странах с высокоразвитой промышленностью электрификация окажется успешной, рентабельной и вообще благотворной. Но осуществление таких проектов в России можно представить себе только с помощью сверхфантазии. В какое бы волшебное зеркало я ни глядел, я не могу увидеть эту Россию будущего, но невысокий человек в Кремле обладает таким даром. Он видит, как вместо разрушенных железных дорог появляются новые, электрифицированные, он видит, как новые шоссейные дороги прорезают всю страну, как подымается обновленная и счастливая, индустриализированная коммунистическая держава. И во время разговора со мной ему почти удалось убедить меня в реальности своего предвидения.

– И вы возьметесь за все это с вашими мужиками, крепко сидящими на земле?

Будут перестроены не только города; деревня тоже изменится до неузнаваемости.

– Уже и сейчас, – сказал Ленин, – у нас не всю сельскохозяйственную продукцию дает крестьянин. Кое-где существует крупное сельскохозяйственное производство. Там, где позволяют условия, правительство уже взяло в свои руки крупные поместья, в которых работают не крестьяне, а рабочие. Такая практика может расшириться, внедряясь сначала в одной губернии, потом в другой. Крестьяне других губерний, неграмотные и эгоистичные, не будут знать, что происходит, пока не придет их черед…

Может быть, и трудно перестроить крестьянство в целом, но с отдельными группами крестьян справиться очень легко. Говоря о

крестьянах, Ленин наклонился ко мне и перешел на конфиденциальный тон, как будто крестьяне могли его услышать.

Я спорил с ним, доказывая, что большевикам придется перестроить не только материальную организацию общества, но и образ мышления целого народа. По традициям и привычкам русские – индивидуалисты и любители поторговать; чтобы построить новый мир, нужно сперва изменить всю их психологию. Ленин спросил, что мне удалось повидать из сделанного в области просвещения. Я с похвалой отозвался о некоторых вещах. Он улыбнулся, довольный. Он безгранично верит в свое дело.

– Но все это только наброски, первые шаги, – сказал я.

– Приезжайте снова через десять лет и посмотрите, что сделано в России за это время, – ответил он.

* * *

Разговаривая с Лениным, я понял, что коммунизм, несмотря на Маркса, все-таки может быть огромной творческой силой. После всех тех утомительных фанатиков классовой борьбы, которые попадались мне среди коммунистов, схоластов, бесплодных, как камень, после того, как я насмотрелся на необоснованную самоуверенность многочисленных марксистских начетчиков, встреча с этим изумительным человеком, который откровенно признает колоссальные трудностей сложность построения коммунизма и безраздельно посвящает все свои силы его осуществлению, подействовала на меня живительным образом. Он, во всяком случае, видит мир будущего, преображенный и построенный заново.

Ему хотелось услышать от меня побольше о моих впечатлениях от России. Я сказал, что, по-моему, во многих вопросах коммунисты проводят свою линию слишком быстро и жестко, разрушая раньше, чем они сами готовы строить; особенно это ощущается в Петроградской коммуне. Коммунисты уничтожили торговлю раньше, чем они были готовы ввести нормированную выдачу продуктов; они ликвидировали кооперативную систему вместо того, чтобы использовать ее, и т. д. Эта тема привела нас к нашему основному разногласию – разногласию между эволюционным коллективистом и марксистом, к вопросу о том, нужна ли социальная революция со всеми ее крайностями, нужно ли полностью уничтожать одну экономическую систему до того, как может быть приведена в действие другая. Я верю в то, что в результате большой и упорной воспитательной работы теперешняя капиталистическая система

может стать «цивилизованной» и превратиться во всемирную коллективистскую систему, в то время как мировоззрение Ленина издавна неотделимо связано с положениями марксизма о неизбежности классовой войны, необходимости свержения капиталистического строя в качестве предварительного условия перестройки общества, о диктатуре пролетариата и т. д. Он вынужден был поэтому доказывать, что современный капитализм неисправимо алчен, расточителен и глух к голосу рассудка, и пока его не уничтожат, он будет бессмысленно и бесцельно эксплуатировать все, созданное руками человека, что капитализм всегда будет сопротивляться использованию природных богатств ради общего блага и что он будет неизбежно порождать войны, так как борьба за наживу лежит в самой основе его.

Должен признаться, что в споре мне пришлось очень трудно. Ленин внезапно вынул новую книгу Киоцца Моней «Триумф национализации», с которой он, очевидно, был хорошо знаком.

– Вот видите, как только у вас появляется хорошая, действенная коллективистская организация, имеющая хоть какое-нибудь значение для общества, капиталисты сразу же уничтожают ее. Они уничтожили ваши государственные верфи, они не позволяют вам разумно эксплуатировать угольные шахты.

Он постучал пальцем по книге.

– Здесь обо всем этом сказано.

И в ответ на мои слова, что войны порождаются националистическим империализмом, а не капиталистической формой организации общества, он внезапно спросил:

– А что вы скажете об этом новом республиканском империализме, идущем к нам из Америки?

Здесь в разговор вмешался г. Ротштейн, сказал что-то по-русски, чему Ленин не придал значения.

Невзирая на напоминания г. Ротштейна о необходимости большей дипломатической сдержанности, Ленин стал рассказывать мне о проекте, которым один американец собирался поразить Москву. Проект предусматривал оказание экономической помощи России и признание большевистского правительства, заключение оборонительного союза против японской агрессии в Сибири, создание американской военно-морской базы на Дальнем Востоке и концессию сроком на пятьдесят – шестьдесят лет на разработку естественных богатств Камчатки и, возможно, других обширных районов Азии. Поможет это укрепить мир? А не явится ли это началом новой всемирной драки? Понравится ли такой проект английским империалистам?

Капитализм, утверждал Ленин, – это вечная конкуренция и борьба за наживу. Он прямая противоположность коллективным

действиям. Капитализм не может перерасти в социальное единство или всемирное единство.

– Но какая-нибудь промышленная страна должна прийти на помощь России, – сказал я. – Она не может сейчас начать восстановительную работу без такой помощи…

Во время нашего спора, касавшегося множества вопросов, мы не пришли к единому мнению. Мы тепло распрощались с Лениным; на обратном пути у меня и моего спутника снова неоднократно проверяли пропуска, как и при входе в Кремль.

* * *

– Изумительный человек, – сказал г. Ротштейн. – Но было неосторожно с его стороны…

У меня не было настроения разговаривать; мы шли в наш особняк вдоль старинного кремлевского рва, мимо деревьев, листва которых золотилась по-осеннему; мне хотелось думать о Ленине, пока память моя хранила каждую черточку его облика, и мне не нужны были комментарии моего спутника. Но г. Ротштейн не умолкал.

Он все уговаривал меня не упоминать г. Вандерлипу об этом проекте русско-американского сближения, хотя я с самого начала заверил его, что достаточно уважаю сдержанность г. Вандерлипа, чтобы нарушить ее каким-нибудь неосторожным словом.

И вот – снова дом на Софийской набережной, поздний завтрак с г. Вандерлипом и молодым скульптором из Лондона. Подавая на стол, старик слуга грустно глядел на наше скудное меню, вспоминая о тех великолепных днях, когда в этом доме останавливался Карузо и пел в одной из зал второго этажа перед самым избранным обществом Москвы. Г-н Вандерлип предлагал нам днем познакомиться с московским рынком, а вечером смотреть балет, но мы с сыном решили в тот же вечер уехать обратно в Петроград, а оттуда – в Ревель, чтобы не опоздать на пароход, уходивший на Стокгольм.

Заключение

Предыдущие главы написаны от первого лица и в очерковом стиле, так как я хотел, чтобы читатель ни на минуту не упускал из виду краткость нашего пребывания в России и ограниченность моих возможностей. Сейчас, заканчивая книгу, я хотел бы, если у читателя хватит терпения прочесть еще несколько строк, изложить с меньшей субъективностью и с большей ясностью свои основные соображения о положении в России. Эти соображения вытекают из моих глубоких убеждений и касаются не только России, но и всего будущего нашей цивилизации. Это всего лишь мои личные убеждения, но они глубоко волнуют меня, и потому я излагаю их без каких-либо оговорок.

Начнем с того, что Россия, которая представляла собой цивилизацию западного типа – наименее организованную и наиболее шаткую из великих держав, – сейчас представляет собой современную цивилизацию экстремального типа. Непосредственная причина крушения России – последняя война, которая привела ее к физическому истощению. Только благодаря этому большевики смогли захватить власть. История не знает ничего, подобного крушению, переживаемому Россией. Если этот процесс продлится еще год, крушение станет окончательным. Россия превратится в страну крестьян; города опустеют и обратятся в развалины, железные дороги зарастут травой. С исчезновением железных дорог исчезнут последние остатки центральной власти.

Крестьяне совершенно невежественны и в массе своей тупы, они способны сопротивляться, когда вмешиваются в их дела, но не умеют предвидеть и организовывать. Они превратятся в человеческое болото, политически грязное, раздираемое противоречиями и мелкими гражданскими войнами, поражаемое голодом при каждом неурожае. Оно станет рассадником всяческих эпидемических заболеваний в Европе и все больше и больше будет сливаться с Азией.

Крушение цивилизации в России и замена ее крестьянским варварством на долгие годы отрежет Европу от богатых недр России, от ее сырья, зерна, льна и т. п. Страны Запада вряд ли могут обойтись без этих товаров. Отсутствие их неизбежно поведет к общему обнищанию Западной Европы.

Единственное правительство, которое может сейчас предотвратить такой окончательный крах России, – это теперешнее большевистское правительство, при условии, что Америка и западные державы окажут ему помощь. В настоящее

время никакое другое правительство там немыслимо. У него, конечно, множество противников, – всякие авантюристы и им подобные готовы с помощью европейских государств свергнуть большевистское правительство, но у них нет и намека на какую-нибудь общую цель и моральное единство, которые позволили бы им занять место большевиков. Кроме того, сейчас уже не осталось времени для новой революции в России. Еще один год гражданской войны – и окончательный уход России из семьи цивилизованных народов станет неизбежным. Поэтому мы должны приспособиться к большевистскому правительству, нравится нам это или нет.

Большевистское правительство чрезвычайно неопытно и неумело; временами оно бывает жестоким и совершает насилие, но в целом – это честное правительство. В нем есть несколько человек, обладающих подлинно творческим умом и силой, и они смогут, если дать им возможность и помочь им, совершить великие преобразования. Судя по всему, большевистское правительство старается действовать в соответствии со своими убеждениями, которых большинство его сторонников до сих пор придерживается с чуть ли не религиозным пылом. Если оказать большевикам щедрую помощь, они, возможно, сумеют создать в России новый, цивилизованный общественный строй, с которым остальной мир сможет иметь дело. Вероятно, это будет умеренный коммунизм с централизованным управлением транспортом, промышленностью и, позднее, сельским хозяйством.

* * *

Если народы западных стран хотят по-настоящему помочь русскому народу, они должны научиться понимать и уважать убеждения и принципы большевиков. До сего времени правительства западных стран самым грубым образом игнорировали эти убеждения и принципы. Советское правительство, как оно само о том заявляет, – коммунистическое правительство, и оно полно твердой решимости строить свою деятельность на принципах коммунизма. Оно отменило частную собственность и частную торговлю в России не из конъюнктурных соображений, а потому, что считало это справедливым; и во всей России не осталось сейчас лиц и организаций, занимающихся торговлей, с которыми мы могли бы вести дела на основе обычаев и норм западноевропейской торговой практики. Нам следует понять, что большевистское правительство в силу самой своей

природы испытывает сильнейшее предубеждение против частных предпринимателей и торговцев и всегда будет, с точки зрения последних, обращаться с ними несправедливо и без уважения; оно всегда будет не доверять им и везде, где только возможно, ставить их в самое невыгодное положение. Оно считает их пиратами, а в лучшем случае – каперами. Поэтому частным лицам и фирмам нечего и думать о торговле с Россией. В этой стране есть только одно юридическое лицо, которое может предложить западному миру необходимые гарантии и с которым можно эффективно вести дела, а именно – само большевистское правительство, и для этого существует только один путь – создать какой-нибудь национальный, а еще лучше международный трест. Такой трест, который представлял бы одно или несколько государств и даже был бы номинально связан с Лигой Наций, мог бы иметь дело с большевистским правительством на равных началах. Ему пришлось бы признать это правительство и вместе с ним приняться за разрешение назревшей задачи создания материальной основы для восстановления условий цивилизованной жизни в европейской и азиатской частях России. По своей общей структуре он должен походить на один из тех крупных закупочно-распределительных трестов, которые сыграли такую важную роль в жизни европейских государств во время мировой войны. Этот трест имел бы дело с отдельными промышленниками, а большевистское правительство, со своей стороны, имело бы дело с населением России; за короткое время он мог бы стать совершенно незаменимым для большевистского правительства. Только по такому пути может развиваться торговля капиталистического государства с коммунистическим. Все попытки, которые делались в прошлом году и раньше, найти какой-либо способ вести частную торговлю с Россией без признания большевистского правительства, были с самого начала столь же безнадежны, как поиски северо-западного пути из Англия в Индию. Лед непреодолим.

Любая страна или группа стран, обладающая достаточными промышленными ресурсами, которая пойдет на признание большевистской России и будет оказывать ей помощь, неизбежно станет опорой, правой рукой и советником большевистского правительства. Она будет воздействовать на это правительство и, в свою очередь, подвергаться его воздействию. Страны, входящие в такой трест, станут более склонны к методам коллективизма, а с другой стороны, строгости, налагаемые крайним коммунизмом в России, вероятно, значительно смягчатся под их влиянием.

* * *

Соединенные Штаты Америки – единственная держава, которая может взять на себя роль такого спасителя, являющегося в последнюю минуту. Вот почему дело, которое замыслил предприимчивый и не лишенный воображения г. Вандерлип, представляется мне весьма знаменательным. Я сомневаюсь в положительных результатах его переговоров; возможно, они представляют собой лишь начальную стадию обсуждения русской проблемы на новой основе, которое может привести, наконец, к тому, что эта проблема будет решаться всеобъемлюще, в мировом масштабе. Так как мировые ресурсы истощены, если не считать США, другим державам придется объединить свои усилия, чтобы иметь возможность оказать России эффективное содействие. У коммунистов нет отвращения к ведению дел в большом масштабе; напротив, чем больше масштаб, тем больше и приближение к коллективизму. Это высший путь к коллективизму для немногих, в отличие от низшего пути, которым идут массы.

Я твердо убежден, что без такой помощи извне в большевистской России произойдет окончательное крушение всего, что еще осталось от современной цивилизации на территории бывшей Российской империи. Это крушение вряд ли ограничится ее пределами. Другие государства, к востоку и западу от России, одно за другим будут втянуты в образовавшуюся таким образом пропасть. Возможно, что эта участь постигнет всю современную цивилизацию.

Эти соображения относятся не к какому-то гипотетическому будущему; излагая их, я пытался дать общую картину событий, развивающихся с огромной быстротой в России и во всем мире, и наметить возможные перспективы, – как все это мне представляется. Такова общая характеристика создавшегося положения, и я хотел бы, чтоб читатель руководствовался ею, знакомясь с моими очерками о России. Так я толкую письмена на восточной стене Европы.

Приложение М. Прилежаева . Встреча Уэллса с Лениным

…Уэллс критиковал недостатки капиталистической жизни, увлекался наукой и техникой, и Владимиру Ильичу интересно было с ним познакомиться. Смеющимся взглядом Владимир Ильич поглядывал на довольно крупного и плечистого английского джентльмена с ровным пробором и короткими усиками. На нем был прекрасный костюм. Тугой воротничок ослепительно белой сорочки подпирал круглый бритый подбородок. Видно было, прославленный писатель не знавал, что такое нужда.

А советские люди жили голодно, холодно. Рубашки негде купить. Магазины пустые.

Герберт Уэллс рассказывал Владимиру Ильичу о своих впечатлениях. Он приехал из Англии две недели назад и без устали ходил петроградскими и московскими улицами. Приезжал на заводы. Больше половины заводов стояло. Молчали станки. Уэллс ехал в школы. Школьникам выдавали по ломтику хлеба на завтрак. А учебников не хватало. Учились по одной книжке втроем, вчетвером.

Уэллс наблюдал, расспрашивал, слушал. И был потрясен. Невыносимо тяжко Советской стране! Разруха, голод. Нет топлива. Нет освещения. Россия во мгле.

Так говорил Ленину Герберт Уэллс.

На лице Ленина постепенно угасала улыбка. Нет, он не сердился на знаменитого английского писателя. Ленин любил откровенный разговор. Что думаешь – выкладывай прямо. Уэллс говорил правду: в России разруха. Уэллс справедливо рассуждал: не большевики довели страну до разрухи, а царское правительство, капиталисты, свои и чужие. Это они обрушили на Россию войну. Но Уэллс не верил, что большевики возродят Россию, вытянут из нищеты и войны.

Тут Ленин нагнулся через стол ближе к Уэллсу и с вспыхнувшим в глазах смешком задал вопрос:

– А вы представляете, что делают большевики для возрождения России? Хотите узнать?

Уэллс был фантаст и ученый. Оттого Ленин и решил поделиться с ним планом. План был великий, громадный! Ленин давно его задумал.

С молодых лет был у Владимира Ильича близкий товарищ Глеб Максимилианович Кржижановский, коммунист и

талантливый инженер. Он был и поэт. Еще в царское время перевел на русский язык революционные польские песни. И раньше их пели, а теперь вся страна распевала:

Но мы подымем
Гордо и смело
Знамя борьбы
За рабочее дело…

Много вечеров Ленин обсуждал с инженером Кржижановским свой план. Двести ученых, самых крупных и опытных, позвал Ленин для составления и рассмотрения плана.

И вот теперь делился с Уэллсом. Уэллс по-русски не знал. Но Владимир Ильич как заправский англичанин говорил по-английски. Уэллс восхитился – так свободно, богато лилась его английская речь! А мысли! Мысли были ярки, как молнии. Смелее самой смелой фантазии. Уэллса ошеломил ленинский план. Электрифицировать Россию! Бескрайние равнины, леса. Деревни при свете жалкой лучины. Запущенные города. Заводы умолкли. Торговля заглохла. Железные дороги разбиты…

– И в таких ужасных условиях вы мечтаете по всей вашей огромной стране зажечь электричество?

– Да. Мы построим электростанции. Дадим заводам энергию. Пустим электрические поезда.

«Изумительный человек! – слушая Ленина, думал Уэллс. – Но… кремлевский мечтатель». Писателю-фантасту план Ленина казался несбыточной сказкой.

Через два месяца в Большом театре открылся VIII Всероссийский съезд Советов. Это было в декабре 1920 года.

На бархатных креслах сидели люди в косоворотках и гимнастерках, изношенных пиджаках и валенках, сидели люди с решительными, непреклонными лицами – сидела Советская власть. Они собрались здесь утверждать новые законы и план жизни и хозяйства на будущее.

На сцене установили огромную карту электрификации нашей страны. Владимир Ильич много раз звонил Кржижановскому, торопил художника и монтеров изготовить карту к сроку. Хотелось Владимиру Ильичу, чтобы депутаты Советов наглядно увидели: вот наш план электрификации, вот так мы преобразим Россию. Через десять лет приезжайте, Уэллс, поглядеть…

Невысокий черноглазый инженер Кржижановский стоял на сцене. Энергичный и быстрый, сейчас он был тих. Волновался.

Вчера здесь, на этой сцене, Ленин сказал: «Коммунизм – это есть Советская власть плюс электрификация всей страны». А сегодня инженеру Кржижановскому надо рассказать, как все это

будет. Он волновался. Деревянная указка в его руке чуть подрагивала. Вот он поднял указку, притронулся к карте. Свет в зале погас. А на карте от прикосновения указки зажегся огонек. Один огонек. Второй, третий. Кржижановский говорил, где мы будем строить электростанции, как будем строить, как поднимется наша промышленность, оживут наши поля. И огоньки все зажигались, обозначая места электростанций, и карта расцветала чудесно, волшебно. И окрепшим, сильным голосом говорил Кржижановский.

Владимир Ильич видел вдохновенное лицо друга, глубокое, безграничное внимание зала, огни карты – зарю будущего. И знал: теперь этот план, которому он отдал душу, станет мечтой и делом всех депутатов. Мечтой и делом народа. Он не один. С ним советский народ и товарищи.

Вместо послесловия

Ленин был русский человек, он правильно оценил потенциальную силу России – исключительную талантливость народа, еще слабо выраженную, не возбужденную историей, тяжелой и нудной, но талантливость всюду, на темном фоне фантастической русской жизни блестящую золотыми звездами.

Ненависть мировой буржуазии к нему обнаженно и отвратительно ясна, ее синие, чумные пятна всюду блещут ярко. Отвратительная сама по себе, эта ненависть говорит нам о том, как велик и страшен в глазах мировой буржуазии Владимир Ленин – вдохновитель и вождь пролетариев всех стран. И если б туча ненависти к нему, туча лжи и клеветы вокруг имени его была еще более густа – все равно: нет сил, которые могли бы затемнить факел, поднятый Лениным в душной тьме обезумевшего мира. И не было человека, который так, как этот, действительно заслужил в мире вечную память…

Я знаю, что клевета и ложь – узаконенный метод политики мещан, обычный прием борьбы против врага. Среди великих людей мира сего едва ли найдется хоть один, которого не пытались бы измазать грязью. Это – всем известно.

Кроме этого, у всех людей есть стремление не только принизить выдающегося человека до уровня понимания своего, но и попытаться свалить его под ноги себе, в ту липкую, ядовитую грязь, которую они, сотворив, наименовали «обыденной жизнью»…

Но черная черта смерти только резче подчеркивает в глазах всего мира значение Ленина, – значение вождя всемирного трудового народа. Великий человек, которого карлики именовали «фантазером» и, ненавидя, пошло высмеивали, – этот великий человек становится все величавее. Из всех «великих» всемирной истории Ленин – первый, чье революционное значение непрерывно растет и будет расти.

Ленин был человеком громадного значения. Только история будет иметь возможность его оценить.

Максим Горький